

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(2Камч)
В74

Вопросы истории Камчатки. Выпуск 7. — Петропав-
В74 ловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2013. —
688 с., ил.

Рубрика «Камчатская историческая библиотека» воспроизводит основную часть путевых заметок М. С. Латернера, фрагменты которых опубликованы в третьем выпуске «Вопросов...» Здесь же впервые на русском языке приведены книги исследователей Командорских островов Л. Стейнегера (1882) и Б. Дыбовского (1885). Авторские статьи рубрики «Восполняя белые пятна» рассказывают об особенностях формирования топонимики Командорских островов, о жизни нашего полуострова на рубеже XIX—XX вв., состоянии на нём преступности во второй половине XX в. и мерах, предпринимаемых властями по её ограничению, истории г. Петропавловска-Камчатского, содержат биографические сведения о представителях различных слоёв камчатского населения. Рубрика «От первого лица» включает воспоминания В. В. Брагина, уроженца полуострова, старейшего представителя одного из камчадалских родов.

Издание адресовано всем интересующимся историей Северо-Востока России.

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2013
© С. В. Гаврилов,
составление, 2013
© Авторы, 2013

ISBN 978-5-87750-261-1

СОДЕРЖАНИЕ

Сведения об авторах	4
---------------------------	---

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

<i>М. С. Латернер.</i> Гидрографическая экспедиция на «Шилке»	6
<i>Л. Стейнегер.</i> Под парусом вокруг острова Беринга	145
<i>Б. Дыбовский.</i> Командорские острова	211

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

<i>Н. А. Татаренкова.</i> Топонимы Командорских островов	288
<i>А. В. Гоков.</i> Страна беспредельной скорби (Камчат- ка на рубеже веков)	333
<i>А. Ф. Пасечник.</i> Деятельность органов власти Кам- чатской губернии (округа) по борьбе с преступно- стью во второй половине 1920-х гг.	387
<i>С. В. Гаврилов.</i> Петропавловск. Год 1929-й	419
<i>В. П. Пустовит.</i> Камчатские персоналии (1917— 1991). Общественно-политический справочник	488

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

<i>В. В. Брагин.</i> Боль души — потерянная родина	660
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Брагин Владимир Васильевич — коренной житель полуострова, старейший представитель старинного камчатдальского рода Брагиных. Родился в 1930 г. в селе Ключи. Ныне пребывает на заслуженном отдыхе, живёт в пос. Мирном Елизовского района Камчатского края.

Гаврилов Сергей Витальевич — преподаватель мореходного факультета Камчатского государственного технического университета. Области научного интереса — история развития судовой техники, история морского транспортного и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Автор двенадцати книг, ряда научных, учебно-методических и научно-популярных работ. Член Союза писателей России, Камчатского морского собрания, лауреат премий: историко-краеведческой им. С. П. Крашенинникова, историко-литературной им. Е. В. Гропянова.

Гоков Андрей Владимирович — веб-администратор ОАО «Камчатск-энерго». Окончил исторический факультет Камчатского государственного педагогического института. В 1985—1991 гг. научный сотрудник, главный хранитель Камчатского областного краеведческого музея, работал в музее Войск и Сил на Северо-Востоке России, Камчатском областном художественном музее. Основная научная тема — «Археология русских поселений Камчатки» утверждена в Северо-Восточном комплексном НИИ ДВНЦ АН СССР. Автор ряда научных статей, публиковался в «Краеведческих записках». Очерк «Страна беспредельной скорби» написан в 1997 г.

Пасечник Александр Фёдорович — кандидат исторических наук, преподаватель Петропавловск-Камчатского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, подполковник внутренней службы в отставке. Область научных интересов — история правоохранительных органов Дальнего Востока. Автор ряда научных публикаций.

Пустовит Валентин Петрович — историк, писатель. Области научного интереса — история революции, гражданской войны и политических репрессий на Северо-Востоке России. Автор нескольких книг, многочисленных научных и научно-популярных публикаций. Председатель редколлегии двух изданий Книги Памяти камчатцев (1995 и 2008), погибших во Второй мировой войне. Член Союза писателей России, Камчатского Крашенинниковского краеведческого общества, лауреат Камчатской краевой государственной премии.

Татаренкова Наталья Александровна — главный хранитель Алеутского краеведческого музея. Окончила Воронежский государственный университет. На полуострове с 1994 г. Область научных интересов — этноботаника, гидробиология, взаимодействие человека и природы, традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера, история заселения Командорских островов. Автор книги «Алеутское “шёлковое” плетение», более ста научных и научно-популярных публикаций. Награждена почётными грамотами благотворительного фонда Святителя Николая Чудотворца и правительства Камчатского края. Живёт в с. Никольском Алеутского района Камчатской области.

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В третьем выпуске «Вопросов...» (с. 428—456) были опубликованы фрагменты книги М. С. Латернера «Гидрографическая экспедиция на “Шилке”», рассказывающие о посещении им в 1908 г. Петропавловска. Ёмкие и точные описания позволили специалистам и любителям истории узнать новые, порой неожиданные стороны жизни города и его окрестностей, быта и нравов здешних обитателей. Сегодня мы воспроизводим основной текст книги, хранившейся в собрании писателя Е. В. Гропянова (1942—2010), и надеемся, что он вызовет такой же читательский интерес.

Долгое время мы не располагали никакими сведениями об авторе. Затем на сайтах <http://www.regiment.ru/bio/>, со ссылкой на «новую книгу С. В. Волкова по штаб-офицерам и генералам Русской Императорской Армии», и <http://novonikolaevsk.com/> удалось отыскать биографические справки о нём.

Михаил Семёнович Латернер родился 31 августа 1857 г. в семье полковника Сергея Иосифовича Латернера. В 1875 г. окончил 1-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию, в 1877 г. — военное училище, затем военно-юридическую академию. В 1889 г. — капитан, в 1892 г. — подполковник, в 1896 г. — полковник. В 1906 г. произведён в генерал-майоры. Был офицером 1-го Кавказского стрелкового батальона, по окончании академии служил по военно-судебному ведомству. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., контужен. С 1891 г. — военный следователь, с 1897 г. — помощник прокурора Приамурского военно-окружного суда, с 1905 г. — военный судья Сибирского, затем — Приамурского военно-окружного суда. 2 июня 1911 г. вышел в отставку. После начала Первой мировой войны 5 октября 1914 г. призван в Государственное ополчение с назначением на должность начальника штаба 52-й бригады. В феврале 1917 г. — начальник гарнизона Ново-Николаевска. Во время гражданской войны (1918—1922 гг.) — в белых войсках Восточного фронта. Был председателем особой комиссии по делам пленных красноармейцев, председателем корпусного суда, прикомандированным к Приамурскому военно-окружному суду, членом соединённого Приамурского военно-окружного и военно-морского суда.

Научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН Г. А. Андриец

называет его одним из организаторов, активным участником и секретарём Владивостокского общества поощрения изящных искусств, созданного 22 февраля 1900 г.

На Камчатку генерала доставило судно, упомянутое им в названии книги. «Шилка» — бывший грузовой пароход «Эрика», построенный в 1897 г. в Нью-Кастле (Англия). В феврале 1905 г. куплен Морским ведомством и включён в состав Сибирской флотилии. С 1912 по 1915 г. числился минным заградителем. В 1918 г. сдан в аренду частному лицу, направлен с грузом в Одессу. В ноябре 1920 г. ушёл вместе с остатками армии генерала Врангеля в Константинополь, интернирован Францией в Бизерте. Длина 85,3, ширина 11,6, осадка 5,3 м, водоизмещение 3 500 т, паровая машина мощностью 1 200 л. с., скорость хода до 11 узлов, максимальная дальность плавания экономическим ходом 5 500 миль [Корабли и вспомогательные суда советского ВМФ (1917—1927 гг.). — М.: Воениздат, 1981. — С. 273—274].

М. С. ЛАТЕРНЕР

ГИДРОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА «ШИЛКЕ»

ГЛАВА I. От Владивостока до Петропавловска

Май, 7-е, среда (1908 г. — Ред.). В семь часов утра «Шилка» покинула владивостокский рейд. День пасмурный, туман, слабый юго-восточный ветер, идёт мелкий дождь. Русский остров, берега бухт Улис, Диомид, Патрокл покрыты яркою зеленью. То же на острове Аскольде. Дальше ещё видны местами красно-жёлтые тона зимняго листа и оголённых деревьев.

В два часа двадцать восемь минут дня прошли мыс Поворотный и взяли курс на Лаперузов пролив. Берег всё более и более удаляется, и мы вступаем в открытое море. Чаек разных пород, кишящих на владивостокском рейде и оглушающих своим криком, здесь уже меньше, зато много встречается чернети и других пород морских уток, прилетающих сюда гнездиться. В полдень температура внешнего воздуха +7,5, температура воды на поверхности +3 °Ц (Цельсия, в написании того времени — Цельзия. — Ред.).

Нашу кают-компанию составляют: командир, гг. офицеры «Шилки» и чины гидрографической экспедиции Восточного океана — подполковник А. И. Неелов и штабс-капитан А. Ф. Машковцев.

По программе плавания нынешнего года «Шилка» идёт к деревне Озерной на западном берегу Камчатки, куда она везёт провиант голодающим. Затем, обойдя Командорские острова, рейс вдоль восточного берега Камчатки до Олюторского мыса, а оттуда вновь обойти Командорские острова и возвратиться в Петропавловск приблизительно к 11-му июня. Из Петропавловска, выйдя около 18-го июня, рейс по Охотскому морю; где, пройдя вдоль западного берега Камчатки, идти северным берегом в Аян, откуда вернуться в Петропавловск около 23-го июля. 2-го августа идти в Берингов пролив до мыса Дежнёва. Возвращение в Петропавловск к 21-му сентября. Неелов утверждает, что по возвращении «Шилки» из Аяна в Петропавловск, он, Машковцев, и остальные чины экспедиции перейдут на «Охотск», который к тому времени придёт туда с генералом Жданко. «Охотск» заказан в Англии для специальных нужд экспедиции и будет находиться в распоряжении начальника съёмки. На пароходе будут особые чертёжная и фотографическая камеры, лаборатория и приспособления для траленья морского дна на больших глубинах. В настоящее время «Охотск» уже на пути во Владивосток. К вечеру ветер переменился на восточно-северо-восточный, но ни состояние погоды, ни состояние моря не изменилось.

8-е, четверг. Идём в открытом море. Небо сплошь покрыто облаками. Дует слабый юго-западный ветер. В полдень на воздухе +15,5°, температура воды — +5 °Ц. Барометр постепенно падает и в девять часов вечера показывает давление в 760,5 мм (ртутного столба. — *Ред*).

9-е, пятница. Ночью был небольшой шторм от северо-запада. Встал в семь часов утра, чтобы видеть и сфотографировать японские острова Риусири и Рибунсири. Погода пасмурная, на горах лежит туман. Мы идём ближе к правому острову (Рибунсири). На нём в бинокль совершенно ясно видны темно-зелёные рощи японской сосны и масса новых деревянных построек. То же, но менее ясно, видно на более отдалённом от нас левом острове (Риусири). Один из трёх учеников мореходных классов говорит, что в 1904—05 гг. ему приходилось тут плавать на шкуне, и тогда на этих островах были только отдельные рыбацкие домики и редкие группы их. На воде громадная стада каких-то маленьких птичек, взлетающих тучами при приближении «Шилки». Пройдя острова, мы стали втягиваться в Лаперузов пролив и в одиннадцать часов пятьдесят минут были на меридиане мыса Крильон (южная оконечность Сахалина). За туманом маяка на нём не видно.

В складках возвышенной части берега ещё масса снега. На юг от нас, на северном берегу острова Матсмай, вырисовывается в тумане синеватую полоской мыс Соя. Между мысами Крильон и Соя — самая узкая часть пролива. Почти в середине его лежит так называемый «Камень Опасности». Это очень незначительно возвышающийся над водой скалистый риф. Около него вечный бурун, а на нём лежище сивучей, которые своим криком предупреждают приближающиеся корабли о близкой опасности. Сегодня крика этого не слышно. Зверь, вероятно, ещё не собрался, или «Шилка» идёт слишком далеко от камня. За меридианом мыса Крильон сахалинский берег образует небольшую бухточку, открытую с востока и юго-востока, в которой отстаиваются суда при северо-западных штормах. Далее берег сильно уклоняется к северу, образуя большой залив Анива. Хорда его между мысами Крильон и Анива около пятидесяти миль. Будучи приблизительно на половине этого расстояния, встретили холодное Охотское течение и тотчас Неелов распорядился измерять температуру воды через каждые четверть часа. При проходе Японским морем эти измерения делались каждый час.

С утра свежая погода, ветер от северо-запада в три-четыре балла по Бофорту и зыбь не менее трёх баллов. «Шилка» сидит глубоко, и поэтому качка незначительная. В шесть часов тридцать четыре минуты вечера прошли скалистый и безлесный мыс Анива.

При слабом освещении, сквозь сильно облачное небо он кажется фиолетовым. Цвет воды — чернило с массой гребешков. В семь часов взяли курс на деревню Озерную. Изредка волна поддаёт на палубу с левого борта. После обеда (по судовому расписанию обедаем в шесть часов вечера) распорядились с уборкой и подвязкой всех мелких предметов.

Около одиннадцати часов вечера штурман сообщил, что изменили курс на четыре градуса на север, чтобы быть больше против волны. Температура воздуха: наибольшая $+11^{\circ}$, наименьшая — $+3,5^{\circ}$. Температура воды утром $+6^{\circ}$, вечером $+2,2^{\circ}\text{Ц}$.

10-е, суббота. С утра буря улеглась. Изредка показывается солнце. Наш штурман говорит, что ночью мы имели большую носовую качку, бортовая же доходила до 15° . Почти всех матросов-новобранцев укачало, и многие из них в лазарете, из старослужащих же только некоторые травят за борт, но тотчас же опять идут на работу. За завтраком лейтенант Колоколов говорил, что вчера между десятью и одиннадцатью часами вечера в течение десяти минут шёл снег, а волна, закатывавшаяся на палубу, оставляла

след как от массы светящихся жучков. Очевидно, в море была большая фосфоресценция.

Температура воздуха: наибольшая $+6^{\circ}$, наименьшая $+1,9^{\circ}\text{Ц}$; температура воды: утром $+0,8^{\circ}$, в полдень $+2,4^{\circ}$, вечером $+1,5^{\circ}\text{Ц}$.

11-е, воскресенье. В десять часов утра обедница на жилой палубе. За завтраком маленький «drink», затем большой «sleep». В восемь часов вечера прошли пятидесятую параллель, и сегодня вечер более длинный, чем предшествовавшие. Это — предвестник белых ночей, которые начнутся за пятьдесят первую параллелью.

Температура воздуха: наибольшая $+8^{\circ}$, наименьшая $+1,3^{\circ}\text{Ц}$, температура воды: утром $+0,8^{\circ}$, затем $+1,2^{\circ}\text{Ц}$.

12-е, понедельник. Прошлою ночью несколько раз шли в полосах тумана и свистели через каждые две минуты. Наш курс лежит западнее острова Аллаид на пятнадцать миль. По счислению штурмана, в десять часов тридцать минут утра находились на его траверзе, но за туманом не могли видеть.

Около двенадцати часов дня, во время завтрака, с вахты доложили, что по носу виден берег. Мы вышли наверх и стали всматриваться: берег — несомненно, но тот ли пункт, к которому мы шли? Туман лежит на горах, а предгорье и берег покрыты снегом. Разобраться в местных предметах чрезвычайно трудно. Когда наконец нашли на косе наш национальный флаг, то оказалось, что попали в точку и притом часов на пять ранее исчисленного времени. В час дня бросили якорь на шестисаженной глубине.

Вскоре с берега подошёл фунгас с несколькими русскими переселенцами. Им приказали подать все их пловучия средства, а с «Шилки» тотчас спустили шлюпки и началась выгрузка товара, высланного сюда из Владивостока. По сведениям командира «Шилки», груз этот приобретён Вильчинским (секретарь Владивостокской городской управы) на деньги И. А. Потужного, но предназначен для голодающих.

Я съехал на берег с доктором в первой же шлюпке. Нас встретили все жители с жёнами и детьми. Доктор тотчас пошёл осматривать больных; лейтенант Суровцев пошёл на охоту, а я остался на берегу разговаривать с жителями, а затем обошёл их дома.

Село Озерное расположено на песчаной косе при устье одноименной речки, берущей начало из озера Курильского. Селение состоит из двух небольших домиков, выстроенных японцами в счёт платы за рыбу, которая будет доставлена им жителями, и землянки, выстроенной самими колонистами. Домики сложены из тонких досок, обложены дёрном и крыты волнистым железом. Каждый

домик разделён на несколько помещений, и в каждом помещении есть русская печь работы колониста Васильева, который, будучи по профессии механиком, выучился складывать печи уже здесь. По словам семейных, в домах достаточно тепло. В общем, колонисты живут тесно и грязно. Например, Васильев с женой и двумя детьми, из коих один новорожденный, а старшей девочке четыре года, ютятся в каморке, имеющей не более одной кубической сажени (9,7 кубических метра. — *Ред.*). В соседней, несколько большей комнате, помещается восемь лиц обоего пола. Только помещения И. А. Потужнаго и Хлоптунова обширнее и светлее других. У них и обстановка лучше: железные кровати с матрасами и кучами подушек, столы, накрытые чистыми скатертями, на окнах кисейные, а на дверях матерчатые занавески, полы покрыты циновками и дорожками; висячие и стоячие лампы; на стенах много фотографий в рамках; у обоих большие сундуки с домашними вещами. У первого мягкая мебель, крытая малиновым трипом (правда, старая), у второго — венские стулья и особая его гордость — большая венская гармония, под звуки которой зимой устраивались танцы. В землянку холостых я не заходил, а потому не могу сказать, как они размещены.

Всего в колонии семьдесят две души. Из них около пятидесяти душ (мужчин, женщин и детей) — колонисты, остальные — работники. Все колонисты — ближние и дальше родственники И. А. Потужнаго, приехавшие сюда по его приглашению и частью за его счёт из Херсонской губернии. Впрочем, некоторые из них, как Хлоптунов, уже ранее выехали в Енисейскую губернию или на Китайскую Восточную железную дорогу, где занимали места машинистов, телеграфистов и электротехников и получали хорошее содержание. По мысли Потужнаго, все должны работать одинаково, он же являлся посредником между колонистами и рынком (Япония), и на его обязанности было снабжение колонии всем необходимым.

Колония окончательно сформировалась летом прошлого года, но скоро в ней начались недоразумения, которые повлекли отказ от работ части колонистов и необходимость заменить их наёмными рабочими. Но отказавшиеся от работ не отказались от своего пая в общем деле, а, считая себя хозяевами, требовали от Потужнаго выдачи себе провианта наравне с остальными. Благодаря массе работ по приспособлению зданий к зимовке, постройке землянки, устройству вешал, заготовке дров и прочего, улов рыбы в 1907 г. был невелик и, по словам Хлоптунова, Потужный мог

продать её в Японии только на пятнадцать тысяч рублей. Из этих денег он должен был заготовить провиант на зиму и уплатить японцам за выстроенные ими дома. Срок платежа приходился на август месяц, когда Потужный был в Хакодате. Оставшиеся деньги должны были пойти на уплату рабочим, ремонт инвентаря и в раздел между членами колонии. Но ничего этого он не сделал, а предпочёл вырученные деньги оставить у себя. Заготовленного летом провианта не могло хватить на зиму, и «Шилка» на возвратном пути во Владивосток снабдила колонистов некоторым количеством муки и соли. Осень кое-как прожили, а зимой началась голодовка. Некоторым подспорьем служило мясо медведей, но и их было мало. Наконец среди зимы Потужный, выведенный из терпения приставами колонистов, выписал из Петропавловска муки на двести рублей. Доставка её производилась камчадалами на собаках очень незначительными количествами, так что после прихода транспорта на каждого колониста приходилось по пригоршне её.

Перед Пасхой наступил голод, который в апреле вызвал бунт. Нашлись лица, хотевшие в озлоблении своём убить Потужного, но он запёрся в своей квартире и три дня никому не показывался, после чего тайком уехал в Петропавловск. Другая версия гласит, что голодные люди решили убить свинью Потужного и съесть её. Когда в неё стреляли, он был близко и принял это за покушение на его жизнь. От голодной смерти избавил всех Хлоптунов, который в это трудное время выдавал колонистам понемногу муки и крупы из своих запасов. По словам семьи Потужного, Хлоптунов, как более зажиточный, сначала считался кладовщиком, но скоро присвоил всё вверенное его хранению имущество и стал возбуждать всех против Потужного. Колонисты приняли его сторону. Потужный, оставшись почти один, не мог заставить колонистов работать, а без этого он не считал себя обязанным их кормить. Кто прав? С вскрытием рек, с началом хода рыбы обстановка изменилась к лучшему, и теперь дети смотрят совершенно здоровыми, а женщины и некоторые мужчины смотрят даже весёлыми.

Особенным праздником был приход ушедшего вчера «Романа», который снабдил их мукой, крупой, солью и некоторыми другими продуктами. Но тот же пароход принёс им и новое огорчение: фирма Грушецкого, которой пароход зафрахтован, выгрузила на берег бочки, ящики, котлы, соль, рыболовную снасть, двух русских и десять корейцев и объявила, что право лова рыбы принадлежит исключительно ей. По этому поводу мне были высказаны новые неудовольствия на Потужного, который, по мнению

говоривших, устраивая колонию, должен был знать, занята река или нет. Сегодняшний неожиданный приход «Шилки» и привоз разнообразного груза, до граммофона включительно, поверг всех в особенно радостное настроение. Колонисты разными способами выражали нам свою благодарность, причём каждый семейный хотел, чтобы я и доктор к нему зашли. Хлопунов угостил нас отличным чаем с сахаром, медом и английскими печеньями, а электротехник снял большим аппаратом, 24 на 30 дюйма (дюйм равен 25,4 мм. — *Ред.*), группу матросов, разгружавших шлюпки.

Все колонисты и рабочие с истинным рвением помогают выгружать шлюпки и фунгасы и лишь недоумевают, кто будет делить между ними этот груз, так как он адресован Потужному, предназначен же им? Потужного здесь нет, а они, безусловно, нуждаются в той части груза, которая составляет провиант. Ждать же возвращения Потужного они не могут, так как, при всей экономии, полученной с «Романа» муки хватит всего на несколько дней. Одни обращались ко мне с просьбой разрешить им взять муку и соль, другие просили разделить между ними эти предметы. Я отклонил все ходатайства, так как на удовлетворение их не имел никаких полномочий. Очевидно, они не удовольствуются созерцанием бунта (кучи. — *Ред.*) товара и сегодня же разнесут его, причём дело, конечно, не обойдется без драки. Благодаря всем этим неурядицам, вызванным, по-видимому, недобросовестным отношением к делу обеих сторон, многие колонисты собираются переселяться в другие места, а некоторые хотят возвращаться во Владивосток.

Все хозяйственные животные посёлка заключаются в одном петухе и восьми ездовых собаках. Одна семья везла сюда в прошлом году одиннадцать кур, но все оне подошли в пути от морской воды. Увидав этого петуха, с яростью бросающегося на людей, мы пожалели, что вчера зарезали двадцать восемь кур, оставшихся у нас после шторма.

По словам Хлопунова, в окрестностях возможно хлебопашество. Ячмень они могут достать в Большерецке, необходим лишь плуг. Для зимней охоты на крупного зверя необходимо выданные им уездным начальником берданки второго образца заменить винчестерами сорок пятого калибра, так как последние более скорострельны и причиняют животному, безусловно, смертельные раны. Зимой лёд бывает только версты на четыре от берега. Морским прибоем его разбивает, а береговой ветер относит в море. Морозы здесь не бывают более 20 °Ц. Очень неприятны только пурги, когда по несколько дней нельзя выйти из дома. У Хлоп-

тунова я видел две шкуры красной лисицы. По его словам, нынешнюю зиму красная лисица стоила десять рублей, а хороший собо́ль — сто рублей. Перевозка зимой на собаках пуда груза от Петропавловска до Озерной стоит пять рублей. По словам жителей, пролёт птиц уже начался давно. Стайки куликов и уток и несколько кроншнепов я видел сам, а Суровцев за час охоты убил кряковую утку, несколько куликов и белую куропатку.

По возвращении на «Шилку» мы послали мужчинам книги и газеты, больным (цинга, раны и кожные болезни) — некоторые лекарства, а детям — консервованного молока, бисквиты и карамель.

Ни в Японском, ни в Охотском морях мы не встретили ни одного парохода и не видели морских зверей. При подходе к селу Озерному мы видели много китов, а во время нашего тут стояния прошёл «Котик».

Вёрст на тридцать севернее села Озерного расположено село Явино, против которого начинаются тресковые банки, тянущиеся с севера почти до устья реки Большой. На них хищничают американцы и японцы. Мы, к несчастью, ничего поделать не можем, так как по международным договорам наши территориальные воды распростираются только на три мили от берега.

По окончании выгрузки, наши матросы наловили с борта судна на удочки массу трески, которая внесла приятное разнообразие в их и наш ужин.

Наибольшая температура воздуха $+9,5^{\circ}$, наименьшая — $+1^{\circ}$; температура воды от $+1^{\circ}$ до $+3,4^{\circ}$ Ц. Весь день небо сплошь затянуто тучами. Полный штиль. Барометр 771,5 миллиметров.

13-е, вторник. Снялись с якоря в четыре часа утра. Когда я одевался, воздух был сильно озонирован, о чём можно было судить по расхोлившимся в сторону волосам и особому запаху, который издавала гуттаперчевая гребёнка. К десяти часам утра явления это исчезло. Откуда получилось это временное насыщение воздуха электричеством, сказать нельзя; так как ночью грозы не было, а облака, затягивающие небо, были тонкие, слоистые. Идя первым проливом, имели курс юго-восток 25° и держались ближе к острову Шумшу, так как от мыса Лопатки тянутся в Охотское море две большие отмели. Сквозь мглу и туман берег Камчатки и мыс Лопатка представляются низкими, плоскими, у Неелова же есть рисунок этого места в ясную погоду: вид величественный с несколькими снежными вершинами на горизонте. Остров Шумшу горист, берег спускается к морю обрывами и имеет много выдающихся

мысов. Снегу на острове меньше, чем на материке. В нынешнем году наша гидрографическая экспедиция будет делать здесь промеры и описание берегов. В девять часов пятнадцать минут утра взяли курс на восток; вскоре изменили его на северо-восток и пошли Великим океаном, направляясь на остров Топорков, у северо-западного берега острова Беринга. Около полудня стало проясняться, явилась надежда рассмотреть берега Камчатки. Поэтому после обеда не ложился спать и часто выходил наверх. Но напрасно: солнышко только подразнило, а с четырёх часов нас окружил такой густой туман, что стали свистать через каждые две минуты.

14-е, среда. С утра сильный туман. Море совершенно спокойно. В десть часов утра обедница на жилой палубе, после которой команда была выстроена на баке, все офицеры на левом фланге. Поздоровавшись с командой и поздравив её с высокотожественным днём, я провозгласил здравицу Их Императорским Величествам, принятую громким «ура». Затем командир поздоровался с командой и приказал выпить по чарке. За нашим завтраком я опять провозгласил здравицу Их Величествам, после чего поднял бокал за всех гг. офицеров и нижних чинов нашего транспорта как верноподданных своего Государя. Громкое «ура» огласило нашу кают-компанию.

В восемь часов вечера запись температур: воздуха $+5^{\circ}$, воды — $+5,2^{\circ}\text{Ц}$, то есть вода теплее воздуха, между тем от самага Владивостока, даже в полосах тёплого течения Японского моря, вода везде холоднее воздуха. Неелов объясняет это прохождением здесь струи тёплого океанского течения; что подтверждается поднятой в прошлом году на острове Беринга бутылкой, брошенной в воду, судя по бывшей в ней записке, на 45° северной широты. По поводу бутылок надо сказать, что наша экспедиция, в свою очередь, бросает их не менее трёх штук в сутки. На записках обозначается: год, месяц, число, широта и долгота и присовокупляется просьба к нашедшему — означить на обороте те же сведения и возвратить записку во Владивосток. Такие же записки в бутылках, находямые нашими судами, по сделании на них таких же надписей, возвращаются по указанному адресу. Таким способом изучают морские течения, которые затем и наносят на морские карты.

15-е, четверг. С раннего утра «Шилка» держится у берегов, но за сильным туманом мы не можем найти якорное место. Слабый юго-восточный ветер к полудню несколько усилился, разогнал туман, и мы увидели «Арий Камень», а за ним сероватую полосу

острова Беринга. Немедленно прибавили ходу и через полчаса стали на якорь в виду села Никольского. Селение расположено на совершенно низком берегу и состоит из нескольких десятков маленьких деревянных домиков, среди которых несколько возвышается дом уездного управления и церковь. Непосредственно за селением небольшие увалы, а несколько влево три отдельные горки, называемые «лодками» ради их длинных плоских вершин и коротких крутых скатов, напоминающих издали силуэты лодок, поставленных дном кверху. Весь остров, насколько можно видеть, покрыт снегом. Идёт мелкий дождь. От прибывших чинов администрации мы узнали, что в нынешнем году стадо котов ещё не приходило, хотя в прежние годы оно здесь появлялось уже в апреле. Ближайшее от села Никольского лежбище котов в двадцати двух верстах на север. Стадо бобров у острова Медного в последние годы, безусловно, уменьшилось. В телах добываемых котов и бобров часто находят пули и картечь — доказательство, что на этих животных охотятся в море. Вопреки мнению Прозорова («Экономический обзор Охотско-Камчатского края», 1902), здешнее начальство утверждает, что американское стадо котов смешивается с азиатским, и у острова Беринга неоднократно убивали меченных котов с островов Прибыловых. Метки американцев заключаются в простригании шерсти молодых котов на спине и других частях тела. Метки эти впоследствии почти не зарастают.

Штабс-капитан Векентьев, между прочим, рассказывал, что в марте сего года японцы разграбили селение алеутов на южной оконечности острова Беринга. Не встретив там сопротивления, они пошли за тем же к медновцам. Но эти их к себе не допустили, а обстреляли и прогнали в море. Шкуна их была белаяго цвета. Названия её медновцы узнать не могли, и поэтому случай этот, вероятно, пройдёт японцам безнаказанно. Доктор Малиновский рассказывал, что в 1905 г. японцы приходили на острова под командой сына адмирала Того (национальный герой Японии, командующий флотом Японской Империи в русско-японскую войну 1904—1905 гг. — *Ред.*). Отражать их было некому, и они, спустив русский флаг в селе Никольском, на его место водрузили свой. Они забрали архив и кассу уездного управления. Архив не возвращён и до сих пор. В кассе, по проверке её комиссией в 1906 г., оказалось 17 копеек. Все кредиты доставляются уездному начальнику на срочном почтовом пароходе, почему чины администрации получают содержание сразу за весь год. За отсутствием

дел управления за 1904—1905 гг., никто за это время до сих пор не получал содержания.

В пять часов пошли на остров Медный мимо северного лежбища. Места этого не видели, так как шли не ближе пяти миль от берегов. Да за отсутствием котлов оно и не представляло интереса.

16-е, пятница. В шесть часов утра «Шилка» бросила якорь у острова Медного против Преображенского. Остров получил своё название от грязно-зеленоватого цвета прибрежных скал, местами очень похожего на цвет сильно окислившихся старых медных вещей. Местные жители утверждают, что море часто выбрасывает куски медной руды.

Село Преображенское расположено в ущелье, открытом для северных ветров. В селении есть церковь, но нет священника: он недавно командирован в Петропавловск для исправления должности второго соборного священника. Как в селении, так и на горах масса снега. Хотя утро туманное, но во время нашей стоянки горизонт был значительно яснее, чем в предшествовавшие дни; почему я мог фотографировать берег от мыса Песчаного на севере и до Сивучаго Камня на юго-востоке.

Здесь к нам сел начальник островов Н. П. Сокольников, и в восемь часов утра мы снялись с якоря и пошли в обход островов с юга. Сокольников был до прошлого года десять лет Анадырским уездным начальником и говорит, что площадь округа четырёхста квадратных вёрст с населением около восьми тысяч душ обоёго пола. По его словам, на севере русский тип сохранился только у жителя села Марково Осипа Брагина, прочие же марковцы представляют собой помесь русских с камчадалами и чукчами. К типу Дежнева до некоторой степени может подойти петропавловский казак Василий Селиванов, состоящий старшим в Ново-Мариинском посту в лимане реки Анадырь.

Вход пароходов в Анадырскую губу возможен только с конца июня до начала августа, поэтому Сокольников недоумевает расписанию пароходов Добровольного флота нынешнего года и, по его словам, первый пароход, выходящий из Владивостока 18-го мая, не попадёт туда из-за льдов. Второй же, выходящий из Владивостока 18-го июля, придёт туда слишком поздно, — когда марковцы уже станут собираться в обратный путь. Уже за много лет жители села Маркова и кочующие чукчи привыкли съезжаться в устье Анадыря к половине июля для обмена своими товарами. В это время там и нужен пароход, так как он поможет запастись товарами на зиму, а за время его рейса в Номе, который продол-

жается около двух недель, начальство успевает заготовить почту в ответ на полученную, и в начале августа уездный начальник с казёнными грузами и марковцы со своими товарами возвращаются домой. До Маркова тянутся бечевой около двух недель. Во второй половине августа река Анадыр уже покрывается льдом.

Эти слова Сокольников меня порядочно смутили и заставили призадуматься: ехать ли на север на пароходе первого Чукотско-Анадырского рейса или нет? Ехать с тем, чтобы только болтаться в море — не стоит, не ехать — значит отказаться от своей идеи, от исполнения принятой на себя задачи. Ждать же второго рейса я не могу, так как он возвращается во Владивосток в октябре, то есть после окончания срока моего отпуска.

Сокольников говорит, что доктор много наврал. Японцы действительно в 1905 г. увезли архив полицейского управления, но кассу они не трогали, так как в начале войны касса была отвезена бывшим начальником островов в Петропавловск и возвратилась оттуда только осенью 1906 г. со штабс-капитаном Векентьевым. Все служащие на островах получили за время войны полностью своё содержание. Доктору Малиновскому, действительно, следует за 1905 г. около 200 руб., но их, он, вероятно, не получит, так как невозможно выяснить, где и сколько он забрал вперёд, будучи в отпуску.

Около пяти часов дня дали знать с вахты, что по носу видна шкуна. Когда она достаточно вырисовалась, мы подняли сигнал по международному своду: «Лечь в дрейф». В это время шкуна имела курс параллельный нашему на северо-запад 46° , а место — пять миль от мыса Манати (южная оконечность острова Беринга).

Когда мы ещё более сблизились, то оказалось, что это — японская двухмачтовая шкуна *Miye maru*, несколько более ста тонн водоизмещения. В полумиле от шкуны мы застопорили машину и спустили шлюпку. Лейтенант Суровцев, сигнальщик и восемь гребцов были посланы для осмотра шкуны.

Они под мешками с солью и разными вещами скоро нашли в трюмах несколько свежезасоленных шкур. Сигнальщик сообщил нам об этом флагами. Немедленно командиру шкуны было приказано прибыть на «Шилку» с судовыми документами. Он приехал с другим японцем и каким-то американцем, у которого никаких личных документов не было (всесветный гражданин).

На допросе они заявили: 1) убили несколько котов около Токио и идут торговать в Камчатку, 2) шкуры котов купили и идут на острова Прибылова, 3) котов убили у острова Шумшу и идут

к островам Прибылова. Ввиду такого противоречия в показаниях приказано было их и всю команду шкуны арестовать, а шкуну взять на буксир.

Все японцы и американец, всего сорок два человека, помещены у нас на баке, а лейтенант Суровцев с матросами остался на шкуне.

По словам мичмана Кнюпфера, арестованный американец в разговоре с судовым фельдшером заявил, что шкуна охотилась на котов у острова Шумшу и теперь шла на наши бобровые лежбища у острова Медного (по Прозорову, главное время охоты на бобров — апрель и май месяцы. Сокольников добавляет, что это — охота сетями, ружьями же в море бобров бьют и в другие месяцы).

17-е, суббота. Прибыли в село Никольское около семи часов утра и тотчас приступили к производству следствия о захвате японской шкуны. При осмотре на ней найдены: в потайном шкафу — одна бобровая шкура и восемь шкур котиков. В дальних углах трюмов найдены шкуры нерп и сивучей, сто пятьдесят фунтов пороха и соль. В кают-компаниях к потолку подвешено много охотничьих ружей, на палубе — одиннадцать шлюпок. Большинство ружей центрального боя, двенадцатого калибра. Идя на промысел, в лодку обыкновенно садятся три человека: рулевой, гребец и стрелок. На допросе японцы-офицеры и американец дают противоречивые показания. Матросы и рабочие не допрошены, так как не говорят по-английски, а японского переводчика у нас нет.

Экспертами для определения шкур и времени убоя зверя были старшина села Никольского, сельский судья и почётный старик, все природные алеуты.

После завтрака я съехал на берег с помощником начальника островов и посетил церковь, а затем местные учреждения.

Церковь обширная, светлая, хорошо обставленная. Все местные образа, по словам священника, пожертвованы Победоносцевым (Константин Петрович, 1827—1907, обер-прокурор Святейшего Синода и член Комитета министров. — *Ред.*) в восьмидесятих годах прошлого (девятнадцатого. — *Ред.*) столетия. В притворе, в особых шкафах размещена библиотека. В ней, кроме богослужебных книг, учебные пособия и книги для школы, а между последними — несколько хорошо изданных на немецком языке руководств по ботанике, зоологии и минералогии. Это — дар бывшего начальника островов Гребницкого.

В ограде церкви, впереди алтаря, стоит памятник «командору Берингу с товарищами», сооружённый транспортом «Алеут» в 1891 г. Памятник представляет собой деревянный ящик, несколько сужи-

вающийся кверху, на котором положена наклонно чугунная плита, а над ней поставлен такой же крест. Вокруг памятника вбиты в землю четыре деревянные столбика, соединённые якорною цепью. С наружной стороны ящика приставлен якорь. Сооружение очень незамысловатое, и перевезти его в разобранном виде на мыс Командора (действительное место погребения Беринга и его тринадцати спутников) не представляет затруднения.

Н. С. Ваксмут, в бытность его помощником начальника островов, послал в большие газеты воззвание о пожертвовании на сооружение памятника на мысе Командора, но до сих пор ни одной копейки не получено. На названном мысу в давно прошедшие времена был поставлен алеутами деревянный памятник, от которого теперь нет и следа, а могила знаменитого мореплавателя разрыта песцами, костюм его давно продан алеутами американцам, и многие путешественники видели пуговицы с него в музее Сан-Франциско.

Аптека и при ней квартира доктора — сплошной хлев, в особенности первая, так как во второй до некоторой степени занимается приборкой жена доктора. При аптеке фельдшера нет. Он исполняет должность врача на острове Медном.

Школа, которой заведует священник при помощи псаломщика, в полном внешнем порядке. Она разделена на два отделения: старшее и младшее. В обоих в наилучшем случае бывает до двадцати учеников обоего пола. Парты черные, большая классная доска и вертикальные счёты. При школе порядочная библиотека и много разнообразных учебных пособий. Странно только поражают стенные таблицы по зоологии и ботанике на немецком языке.

В молодости все алеуты села Никольского грамотны, но с течением времени прочно всё забывают, и, например, теперешний помощник старосты может вместо своей фамилии поставить только «Н. Б.». Остаются грамотными те, которые поступают на службу в охрану или писарями в уездное управление. Полученный сегодня рапорт часового первой смены у северного лежбища о первом появлении пяти котов и показанная мне копия ценам товаров в лавке КТПО (Камчатского торгово-промышленного общества. — *Ред.*) писаны такими алеутами очень бойко и красиво.

Окружное управление производит хорошее впечатление обширностью помещения, чистотой и аккуратностью размещения дел и книг. В присутственной комнате, между прочим, находятся: длинный стол под красным сукном, зеркало под чехлом, громадный шкаф местной работы и несгораемый денежный шкаф со сломанною

дверью. По объяснению штабс-капитана Векентьева, когда осенью 1906 г. он привёз из Петропавловска деньги уездного управления, то шкаф сломали и нашли в нём 17 копеек. Японцы, в бытность свою здесь во время войны, шкафа этого не трогали.

Общественное управление — маленькое, низенькое, но очень чистенькое. Оно помещается в крошечном домике американской постройки. Помощник старшины, алеут Николай Воюаев, показывая мне помещение, просил освободить его от обязанностей, говоря, что ему трудно с ними справляться за неграмотностью.

В селе Никольском имеется метеорологическая будка с инструментами. Наблюдения здесь не ведутся за неимением особого лица с определённым содержанием (хотя бы грамотный алеут). Поэтому инструменты портятся, а бланки гниют.

Все постройки в селе Никольском — американского типа из двух рядов дюймовых досок с промежутком в четыре дюйма, ничем не заполненным. В домах ни русских, ни голландских печей нет, а есть чугунные камельки. Поэтому в домах холодно, не более 7—8° Реомюра (1° по шкале Реомюра равен 1,25° по шкале Цельсия. — *Ред.*), несмотря на усиленную топку. Ни строевого, ни дровяного леса на островах нет, и жители пользуются плавуном или дровами, доставляемыми из Камчатки. Последние довольно дороги (сорок рублей за кубическую сажень) и не всем доступны.

После обхода названных зданий я сделал визиты Векентьеву и священнику. У первого очень миленькая жена и трое детей дошкольного возраста, все мальчики. Жена второго — хохлушка с приятным лицом, очень приветливая и, видимо, хозяйственная женщина, у священника двое детей — мальчики пяти и семи лет.

По предложению Векентьева, я надел большие сапоги и кухлянку (рубаха шерстью наружу и внутрь) и поехал прокатиться в собачьей нарте вверх по реке к озеру, версты за три. Нарта очень маленькая, запряжена восемью собаками. Собаки послушны голосу каюра (погонщик). Их два. Один всё время стоял сзади меня, а другой бежал сбоку и на косогорах поддерживал нарту. Зима здесь снежная, с сильными ветрами, но морозов более 20 °Р не бывает.

Возвратившись с прогулки, я пил у Векентьева чай. Вода здесь очень хорошая, ключевая, поэтому и чай очень вкусен. Векентьев показывал мне чучело розовой чайки. Птичка эта действительно очень красива.

При рассмотрении сегодня вахтенного журнала шкуны *Miyetagi* оказалось, что место её задержания не указано, а с 13-го по 16-е мая показаны два места её пребывания: одно в Великом

океане, недалеко от острова Шумшу и мыса Лопатки, другое — на сопках у Петропавловска; одно от другого в двухстах милях, и первое в четырёхстах тридцати милях от места задержания шкуны, а второе — в двухстах шестидесяти милях от него.

18-е, воскресенье. С утра выяснилось, что следствие о захвате японской шкуны ранее полудня не кончится, поэтому я съехал на берег к обедне. В церкви молящихся не более десятка мужчин и двадцати женщин с детьми. Все — алеуты. Пение на незнакомые старинные напевы. Только в «Верую» я уловил некоторое сходство с простым современным напевом. Перед окончанием службы священник прочёл по книге довольно длинную проповедь на сегодняшнее Евангелие (исцеление слепорождённого). Много ли поняли алеуты — я не знаю. За обедней приобщались Святых Тайн — алеутка средних лет и пятеро детей. На алеутке было кашемировое платье цвета крем, отделанное кружевами, юбка гофрированная, подшитая по подолу синим бархатом. На голове алеутки была светлая кружевная косынка. Остальные женщины были одеты проще, но тоже в городских платьях, и на одной или двух я заметил шелковые кофточки.

У доверенного КТПО я видел сегодня шкуру бобра, случайно убитого в феврале сего года около острова Беринга. Шкура очень тёмная и очень пушистая с большою седою остью. Длина шкуры от носа до хвоста десять четвертей, ширина три четверти. Вся голова совершенно седая, и, что особенно редко, это — одинаковость цвета и пушистости на спине, боках и груди. По словам доверенного, после выделки шкура будет стоить не менее полутора тысяч рублей. Казённая цена первосортной шкуры — двести рублей, из коих только десять процентов идёт в казну, а остальные деньги выдаются охотнику. В магазине (складе. — *Ред.*) общества много голубых песцов. Здешные песцы значительно отличаются от добываемых в Западной Сибири: у здешных только подшерсток серо-голубого цвета, шерсть же серо-коричневая. Из разговора выяснилось, что общество привозит в здешнюю свою лавку только те товары, на которые поступают требования от уездного начальника, от общественного управления или от частных лиц. За свой же страх, для распространения на островах, никаких товаров не привозит. Здесь, как и на всём Севере, полное порто-франко, нет даже акциза на табак, вино и сахар, поэтому все товары продаются дешевле, чем во Владивостоке. Водка и вино здесь не продаются вовсе. Они выписываются только уездным начальником по мере действительной потребности служащих и населения.

Первым оно выдаётся на руки, а весь остальной запас хранится в особом, так называемом казённом складе, откуда выдаётся в праздники и высокаторжественные дни по расчёту одной бутылки спирту в 90° на четырёх человек. Чины охраны получают ещё по бутылке на пять человек.

Векентьев дал мне несколько фотографий котиковых лежбищ и модель алеутской двойной байдары. На островах их более не строят, так как давно уже прекратился бой сивучей и нерп, шкурами которых обтягивались эти лодки.

Никаких фруктов, даже японских «микан», здешние жители не видят никогда. Я пожалел, что у меня вышли взятые с собой апельсины и поэтому я не мог угостить ими Векентьева и других.

За время стоянки «Шилки» у Командорских островов я видел алеутов не только с бронзовым оттенком кожи и чёрными прямыми волосами (особенности американских индейцев), но и со сравнительно светлым цветом кожи и светлыми волосами. Лица последних были круглые, общим видом они напоминали великороссов. Это — метисы, происшедшие от русского отца и матери-алеутки. Начало такого скрещивания рас положено деятелями Русско-Американской компании в начале прошлого (девятнадцатого. — *Ред.*) столетия, а в 80—90-х гг. прошлого столетия посылались на Командорские острова из гарнизонов Приморской области особо здоровые унтер-офицеры, которые и зачислялись там на разные должности. Лица, давно живущия в здешних местах, говорили мне, что алеутки особенно любят и гордятся белыми детьми. По рассказам тех же лиц, алеутки не отличаются чистотой нравов.

С якоря снялись в шесть часов вечера и пошли девятиузловым ходом. Бывший весь день свежий ветер от юго-запада развёл волну в два балла, которую «Шилка» не чувствует, но в которую японская шкуна, идущая у нас на буксире, зарывается носом. Поэтому около десяти часов вечера уменьшили ход до шести узлов.

По вопросу об охране котиков А. А. Прозоров в своей книге «Экономический обзор Охотско-Камчатского края» (с. 375—377) даёт яркую иллюстрацию к басне Крылова «Лебедь, рак и щука». По его словам, правительство Северо-Американских Штатов билем 8-го декабря 1897 г. запретило своим гражданам не только охоту на котиков в северной части Великого океана от тридцать пятой параллели, включая Охотское и Берингово моря, но запретило им для этой цели наниматься на иностранные суда. То и другое под страхом штрафа в двести долларов и тюрьмы на шесть месяцев с конфискацией шкуны, орудий промысла и добычи.

Рынок Штатов совершенно закрыт для сырых котиковых шкур. Туда допускаются только шкуры, добытые особою компаниею у островов Прибыловых и у острова Лобос, находящегося под надзором правительства республики. К тем и другим прикладываются особые клейма. Наше правительство, кроме совсем недостаточной охраны территориальных вод тихоокеанского побережья и тридцатимильной зоны вокруг островов Командорских и Тюленьего (по Портсмутскому трактату Тюлений остров отошёл к Японии), ничего не сделало, хотя за последние двадцать лет неоднократно собирались министерския и междуправительственныя комиссии.

Результатом всех этих комиссий было введение (по предположению 1902 г.) в Уложение о наказаниях, ст. 921-2, безусловно запрещающей русским подданным охоту на морского котика под страхом тюрьмы от двух месяцев до одного года и четырёх месяцев и конфискации судов, орудий охоты и результатов ея.

Этим русские подданные поставлены во всех морях, где есть котики, в безвыходное положение, наши же котики отданы на расхищение иностранцам. Тридцатимильная зона вокруг названных островов установлена нашим соглашением с правительством Соединённых Штатов в конце апреля 1894 г., и тогда же мы обязались убивать ежегодно не более тридцати тысяч котилов. А японское правительство, в видах поощрения судостроения, выдаёт субсидии всем промысловым шкунам; хозяева же их устроили между собой взаимное страхование и благодаря ему не терпят никаких убытков при конфискации или уничтожении их нашею охраной. На стр. 378 тот же автор говорит: «В заключение этой главы (XIII) можно выразить только пожелание, чтобы приняты были энергичныя меры к проведению в жизнь, пока порода котика ещё существует, тех положений ея охраны, которыя были признаны необходимыми уже много лет назад, а именно: полное запрещение промысла котов в море к северу от тридцати пятой параллели, в крайности в пределах двухсот миль вокруг островов, а также полное запрещение употребления при этом промысле огнестрельнаго оружия». На стр. 386 Прозоров пишет: «Так или иначе, но край (Охотско-Камчатский) от этого (правительственнаго распоряжения) терпит: золото, найденное (экспедиция Богдановича) и (экспедиция Вонлярлярскаго) в 1895 г., всё ещё не разрабатывается ввиду поставленных правительством невозможных условий; развития рыбных промыслов начальство края не желает; котиловое стадо, хотя основательно изслѣдовано, не охраняется, и нет ничего удивительнаго, если в крае наблюдаются все признаки

упадка и забвения, чем доктор Слюнин охарактеризовал настоящий период (1890-е гг.) Охотско-Камчатского края...» (П. Ф. Унтербергер в своей книге «Приморская область» рекомендует за невозможностью охраны котикового стада от хищников и наблюдаемого систематического упадка промысла предоставить русским подданным уничтожить стадо и таким образом самим использовать остатки его).

Водолазному квартирмейстеру разрешено вступить в первый законный брак с девицей из селения Авача. Свадьба будет в Петропавловске в предстоящую стоянку там «Шилки».

20-е, вторник. До четырёх часов утра было достаточно ясно, затем стала находить мгла и, наконец, пошёл дождь. В семь часов тридцать минут оборвался один из буксиров, и буксируемую нами шкуну поставило лагом. На «Шилке» застопорили машину и стали собирать оборвавшийся буксир, затем спустили шлюпки и начали подводить и крепить новый буксир. За эту работу провозились ровно два часа, после чего пошли девятиузловым ходом, держа на шкуне паруса, которые, благодаря северному ветру, несколько помогали буксирам.

Во время завтрака доложили, что по носу видна шкуна. Вскоре оказалось, что это американский четырёхмачтовый барк *Melrose*, привозивший в Петропавловск груз для КТПО.

Окончив завтрак, я вышел на палубу. Уже виднелись береговые скалы, а за ними горы, покрытые снегом. Благодаря туману и дождю, вид унылый. Авачинская губа представляет громадный водоём среди скал самой разнообразной формы. Судя по близости к ней действующих ещё ныне вулканов, можно думать, что после какого-нибудь громадного землетрясения или ряда их здесь получился провал, соединившийся с океаном щелью. За это говорят как крутые береговые обрывы, так местами большая глубина губы, большие скалы среди входа в губу — Три Брата у маячной горы и Бабушкин Камень — у противоположного берега и оторвавшийся от материка небольшой скалистый остров Старичков. Наибольшая ширина губы — девять миль с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Ширина входа около двух миль. От внешнего конца маячной горы до устья реки Авачи двенадцать миль. Названные скалы среди входа в губу густо покрыты птичьим помётом, а у подножья их вечный прибой. Как только мы прошли линию этих скал, так получили полный штиль, хотя в океане свежо и большие волны с шумом разбиваются о каменистую грядку впереди маячной горы.

Перед входом в Петропавловский Ковш, против Сигнальной горы стоит японский крейсер *Kongo*, видом своим напоминающий старую владивостокскую брандвахту «Горностай». Когда мы проходили мимо, оба караула вышли наверх и отдали честь, а команды в это время стояли «смирно» на верхних палубах.

Вход в Ковш очень узкий. Его образуют: с одной стороны — Сигнальная гора, с далеко отходящею от нея мелью, а с другой — низкая песчаная коса, отделяющаяся от Петровской горы. Для того, чтобы попасть в этот вход, необходимо не доходя Сильнального мыса повернуть почти под прямым углом на северо-восток, обойти белый бакен у городского кладбища и вновь повернуть к Сигнальной горе. Пройдя таким образом около мили и почти упершись в гору — новый поворот почти под прямым углом и движение около самой горы в обход косы. Этот сильно зигзагообразный путь показывали «Шилке» не только створчатые знаки на Сигнальном мысу у кладбища и на горе, но белый бакен и шлюпка, шедшая перед нею с промером. Когда «Шилка» была среди Ковша, с неё завезли на берег четыре стальных перлиня, и при помощи их она стала подтягиваться к пристани.

Почти на середине длины косы стоит небольшой чёрный чугунный памятник, воздвигнутый в воспоминание геройских подвигов наших моряков и солдат под начальством адмирала Завойко в 1854 г. и называется он «Памятником Славы». Вблизи памятника, в Ковше, кладбище хищнических шкун. От одной торчат из воды две мачты; другая, совершенно сгнившая, лежит на боку; третья затонула наполовину и годится только на дрова; четвёртая выброшена на косу и только пятая ещё стоит на воде хорошо. Здесь же погибнет, вероятно, и приведённая сегодня нами шкуна.

Мы ещё не успели ошвартовиться как следует у пристани, как к нам приехал японский офицер с поздравлением. Он заявил, что *Kongo* всё лето будет крейсировать в камчатских водах для охраны котиковых промыслов от японских хищников. Это что-то новое, небывалое. Не скрывается ли тут чего другого? В это же время приехали к нам помощник начальника уезда Логиновский и доктор Тюшов, а за ними — смотритель маяка и местный купец Г. Т. Подпругин. Логиновский сообщил, что губернатор с начальником уезда и своим чиновником особых поручений уехал на «Азии» в Тигиль и вернётся около 1-го июня. С ними же поехал и генерал Ренгартен.

Подпругин и смотритель маяка остались у нас обедать. За обедом вошли в кают-компанию два священника: старый, родом камчадал,

и молодой, уроженец Европейской России. В разговоре мы узнали, что о. Геронтий родился в Нижнекамчатске. Там он выучился грамоте, там поступил в клир и был двадцать пять лет псаломщиком и диаконом и там же уже двадцать пять лет священствует. За всё это время он нынче второй раз в Петропавловске и находит, что здесь очень шумно. Ни во Владивостоке, ни в Николаевске-на-Амуре он никогда не был и не собирается туда, находя, что там ему нечего делать, а все изобретения XIX столетия (железная дорога, телеграф, телефон и прочие) его не интересуют. Ему очень понравилась машинка с древесным спиртом для закуривания папирос, и он был сильно огорчён, не получив её.

Наши пленные японцы помещены в хлебопекарне Морского ведомства... (Далее следует описание Петропавловска и окрестностей, см. «Вопросы-3», с. 429—433.)

ГЛАВА II. Вдоль восточного берега Камчатки

25-е, воскресенье. Сегодня утром за дождём и туманом мы не могли найти устье Жупановой реки и в девять часов пошли отстаиваться в Моржовую бухту, отстоящую отсюда миль на двадцать пять к югу. При повороте океанскою зыбью нас положило градусов на тридцать, рулевой сорвался со скамейки и вышиб окно в рубке. Моржовая бухта вдаётся в материк на пять миль, имеет вход с севера шириной до двух миль и два залива: один на запад, другой на юг. Мы бросили якорь в вершине южного залива. Берега его крутые, скалистые, безлесные, только в самой вершине видна небольшая низкая тундра, покрытая остатками прошлогодней травы и мелким кустарником. Везде масса снега. Стоянка для «Шилки» здесь совершенно спокойная. Жилья нет. Из-за дождя и тумана никто из нас на берег не съехал, только Суровцев ходил на охоту и к вечеру принёс несколько уток и куликов.

26-е, понедельник. На рассвете покинули бухту. Море совершенно спокойно, небо довольно ясно. Берег и подошвы гор видны хорошо, а вершины их в тумане. В девять часов утра, когда мы были у устья реки Жупановой, вновь навалил туман. Тем не менее, мы отправили одну за другой три шлюпки с людьми и грузом, дав им для ориентировки компасы. К двенадцати часам дня туман рассеялся, облака поредели и стал ясный солнечный день. «Ободняло», — как говорят в Камчатке.

Я сфотографировал мыс и сопку Жупанову. Скалистый мыс — без снега, а коническая сопка — вся в снегу. К двум часам дня

ещё более разъяснилось, и влево от нея показались на горизонте очень слабые очертания Коряцкой сопки, а вправо и ближе к берегу — ряд других сопкок. Таким образом, весь берег представился белым кружевом, повернутым острыми концами вверх. Река, видимо, вскрылась недавно, так как из нея идут льдины. На одной из них сидел маленький сивуч, которого и уложил мичман Герсдорф выстрелом из револьвера.

Жители селения Жупанова, в благодарность за доставку их на берег, подарили нашей команде медвежонка.

В половине третьего часу дня пошли далее. День всё более и более разгуливался, стало видно голубое небо, а вскоре расчистился и горизонт, и я впервые увидел картины северной природы, о которых с таким восхищением говорил мне ещё во Владивостоке доктор Русанов.

Громадный конус Жупановской сопки — весь белый, очевидно, на нём ещё много снега. Местами белый покров прерывается синими и коричневыми пятнами, это — теневые и обрывистые места сопки. Подошва её сливается с буро-фиолетовым берегом, а вершина затянута облаком. На берегу снега почти не видно, а зелень ещё не распустилась. Влево от сопки берег то понижается, то повышается и оканчивается мысом с крутыми обрывами. Между сопкой и им виднеются на горизонте нежно-голубые силуэты Коряцкой и Авачинской сопкок. Вправо берег такой же, но насеивая на него полоса тумана делает его ещё темнее, а возвышающаяся над ним группа вулканов, вероятно, Семячик и Кихлич, вырисовывается очень ясно. Я попробовал было сделать акварелью этюд этой группы, но за разнообразием и нежностью тонов я терялся в красках: что ни смешивал, всё казалось грязью. Правее этой группы на довольно далекое расстояние лежал туман и только на носу «Шилки» возвышалась величественная, совершенно коническая фигура Кроноцкой сопки. От вершины её спускались, как производящая конуса, чёрные и белые полосы, это, вероятно, — потоки лавы среди снежного покрова. Временами туман закрывал вершину сопки и открывал её среднюю часть, на которой эти белые и чёрные линии значительно расширились.

27-е, вторник. Около двух часов дня должны были остановиться у устья реки Камчатки, но за сильным туманом и зыбью от юго-востока сделать этого не могли. Видели только узкий силуэт косы и трёх домов. Хорош бы был о. Геронтий, если бы пошёл с нами. Высадить его здесь не пришлось бы, и он должен был бы плавать с нами далее и, быть может, вернуться в Петропавловск.

Зная условия высадки у Усть-Камчатска, командир и отказал в просьбе о. Геронтия.

До Усть-Камчатска мы имели попутную зыбь, затем до мыса Камчатского зыбь была встречная. Как в том, так и в другом случае «Шилка» почти не испытывала качки. Обходя же мыс, имели курс на восток, зыбь била в правый борт, и нас изрядно качало. Но это продолжалось часа два, и как только взяли курс на северо-восток, качка почти прекратилась. При проходе мимо мыса Камчатского, наш курс был проложен в пятнадцати милях от берега, в действительности же прошли милях в пяти от него.

Штурман говорит, что русские карты северных морей очень неверны. Это подтверждается и частыми справками его и командира с английскими картами. Но полковник Неелов, как член гидрографической экспедиции, с этим не согласен и утверждает, что только некоторая часть берегов нанесена неверно, в общем же карты верны, и просто штурман прокладывает неверно курсы. Последнего я за всё наше плавание не наблюдал, подход же к деревне Озерной в туманную погоду доказывает противное. Разсматривая карты Берингова моря, я на некоторых из них видел примечания штурмана Гека, командира шкуны «Сторож»: меридианы должны быть перенесены влево на столько-то градусов и минут.

28-е, среда. Между семью и восемью часами утра я пил чай в своей каюте. Вошёл вестовой и доложил, что мы окружены льдами. Я тотчас вышел наверх и увидел пасмурное небо, рваные облака, движущиеся от запада, мелкий дождь, а вокруг «Шилки», насколько может охватить глаз, — сплошное ледяное поле, только кое-где на юг видны были ещё тёмные пятна воды. Ближайшие к нам льдины самой разнообразной формы и величины двигались от кормы к носу, перегоняя нас, иногда ударяясь о тот или другой борт судна. Очевидно было, что надо поворачивать назад и уходить как можно скорее. В этом смысле командир и сделал распоряжения. На мой вопрос: где мы находимся? — штурман сказал: между мысами Озерным и Начикинским, $56^{\circ}60'$ северной широты и $163^{\circ}30'$ восточной долготы.

Я фотографировал некоторые льдины. Площадь их была не менее площади нашей кают-компании (сто двадцать квадратных аршин), а высота над водой — около одного аршина (один аршин равен шестнадцати вершкам, или 71,12 см. — *Ред.*). Объём некоторых льдин можно считать около сорока пяти кубических саженьей. Когда командир делал свои распоряжения, на мостик вбе-

жал боцман и доложил, что в правом носовом отсеке появилась течь. Старший офицер тотчас пошёл осмотреть повреждение и нашёл, что сломаны два шпангоута, обшивка между ними вдавлена, и некоторые листы ея разошлись. Немедленно были приняты меры к откачиванию воды и заделке щелей. В восемь часов тридцать минут дали знать с юта о потере нами руля. Лица, в присутствии которых это произошло, говорили, что после удара льдины в корму вся штурвальная тележка поднялась над палубой примерно на фут, а опустившись, не попала стойками в гнёзда и стала на место только через несколько минут, после удара новой льдины. Вместе со вторым ударом руль упал на льдину и пошёл с нею ко дну. По моим наблюдениям, «Шилка» до аварии шла на северо-запад, после же аварии — на север, даже несколько на восток. В момент аварии машина была застопорена или имела самый малый задний ход, значит, удар льдины пришёлся сзади и несколько слева. Весть эта поразила всех. Тотчас же в кают-компании стали обсуждать вопросы: какия следует принять меры, чтобы заставить «Шилку» двигаться в желаемом направлении и куда идти? Для решения первого вопроса гг. офицерам пришлось вспомнить курс практической лоции, а по второму — мнения разделились: одни рекомендовали пробиваться сквозь льдины до бухты Ложных Вестей на острове Карагинском, другие же предлагали, пользуясь тихою погодой, идти как можно скорее в Петропавловск, где и заняться изготовлением нового руля. Командир принял второе мнение и отдал соответствующие приказания.

Тем временем на палубе шла деятельная работа: вахтенное отделение и другия выпустили за корму два каната по тридцать-сорок саженой длиной с пустыми бочками на концах и старались при помощи их держать «Шилку» против зыби и в надлежащем направлении, а несколько плотников сколачивали деревянный треугольный щит, который, по мысли Неелова, должен был быть спущен за правый борт и укреплён под некоторым углом к нему, дабы отклонять корму влево. Часа через полтора мы совершенно отделились ото льдов и пошли в юго-восточном направлении. По установке щита, «Шилка» действительно покатилаь на юг, но скоро пошла обратно на восток и перекатила даже несколько градусов к северо-востоку. Неелов тотчас перевёл щит футов на десять ближе к корме, «Шилка» резко покатилаь к югу, предела не перешла, а дойдя до него, вновь покатилаь на восток. В помощь к щиту поставили три-селя и стакселя, а тросы с бочками взяли на правый выстрел (стрела на шарнире, прикреплённая к борту. — *Ред.*) и пустили их до

кормы. По незначительности своих размеров и за слабостью ветра, триселя и стакселя почти не работали, и их скоро убрали.

Понаблюдав некоторое время за работой щита и бочек, Неелов решил, что размеры щита непропорциональны судну и поэтому тотчас приступил к изготовлению нового, значительно большего. В то же время, по мысли старшего офицера, сняли стрелу от кормового трюма и стали приделывать к ней перо, а на корме начали сооружать систему стоек для укрепления этого нового своеобразного руля. Перед этим лейтенант Колоколов спустился с кормы по штом-трапу и осмотрел повреждение. Оказалось, что судовый руль сломался несколько ниже головы, между палубой и обшивкой кормы. Когда около четырёх часов спустили на воду большой щит, то очень скоро мы получили курс юго-запад 16° , но он держался очень недолго, и нас вновь отклонило на юго-запад 45° . В этих пределах нас катало, пока не спустили за корму перо. Оно было поставлено в вертикальной плоскости, а от верхнего и нижнего концов его были поданы на палубу четыре стальных перлины. Перо подтянули на несколько градусов вправо. Тотчас «Шилка» покатила сильно на юго-восток. Отводом пера влево уменьшили отклонение и не только стали на курс, но перестали рыскать.

Это нас успокоило. Мы решили, что средство для управления судном найдено. Но продолжалось это недолго. Порядочная встречная зыбь, нисколько не отражаясь на судне, сильно бросала перо вверх и вниз. Голова его стержня билась в креплениях, распатывала их и действовала на фальшборт. Боясь, чтобы этим не была повреждена корма и чтобы оборвавшиеся стальные тросы не попали в винт, скоро разобрали всю систему и поместили перо на правом борту около щита. Сначала оно плавало, но когда немного прибавили ходу, его прижало к борту и оно дало второй щит, сидевший в воде глубже первого. Таким образом, часам к десяти вечера на правом борту «Шилки» оказалось три приспособления: бочки, треугольный щит и перо, которые в общей сложности дали порядочную площадь сопротивления, и мы стали плыть по нашему генеральному курсу.

На этом мы успокоились. Команде приказано отдыхать, и всякие новые приспособления отложили на завтра. К этому времени штурман подсчитал наш ход. Оказалось, что от места аварии мы ушли только на тридцать миль, то есть за четырнадцать часов сделали то, что в другое время делали в три часа. После обеда в каюткомпании долго спорили по вопросам: какой силы должен был быть удар, сломивший руль, и будет ли «Шилка» продолжать кам-

панию после починки руля? Но ни к каким определённым выводам не пришли, да и прийти не могли, так как не имели точных данных (по данным С. А. Иванова, в восемь часов утра 28-го мая температура воды 0, воздуха +9 °Ц, штиль; зыбь от юга, движение льда на север, скорость движения неизвестна. Судовая машина застопорена, задний ход около четверти узла. Диаметр баллера восемь дюймов, баллер из мягкой стали. Площадь рулевого пера 70,2 квадратных фута, или около одной пятидесятой части погруженной диаметральной плоскости судна).

После спуска флага на фок-мачте между фор-марса-реей и фока-реей зажгли два красных фонаря, что означает: «Плохо управляюсь». С восьми часов вечера установлена вторая офицерская вахта для наблюдения за кормой.

Солнце село за совершенно чистый горизонт, хотя остальные его части затянуты туманом, а небо покрыто слоистыми облаками. Это предвещает назавтра безветренный, но туманный день.

Около полуночи я разговаривал в кают-компании с доктором и лейтенантом Суровцевым, а штурман дремал тут же в кресле. Вошёл механик и с торжествующим видом объявил, что всё сделанное до сих пор годится только для хорошей погоды, он же изобрёл прибор, при помощи которого судно будет держаться в желаемом направлении даже в шторм. При этом он развернул перед нами и проснувшимся Катрухиным чертёж своего прибора.

Он представлял деревянный ящик треугольной формы, две стороны которого по восемнадцать футов длиной и одна в двенадцать футов, высота — два фута. Внутри должен быть груз, чтобы ящик держался немного под водой. Наиболее острым углом ящик будет обращён к корме и скреплён с ней стальным перлинем сажень в десять длиной, а от задних углов будут взяты на палубу тонкие перлиня и укреплены на дифференциальных талях. Выбирая один конец и потравливая другой, ящику всегда можно будет дать такое положение, что одна из длинных его сторон явится продолжением диаметральной плоскости судна, а другая будет работать как руль. Мы вполне одобрили проект. Механик побежал к командиру и вскоре вернулся с заявлением, что командир тоже его одобрил. Услыхав это, лейтенант Суровцев, вступивши в полночь на вахту на корме, тотчас принялся осуществлять проект, благо «Шилка», идя в северное плавание, была настолько хорошо снабжена разными брёвнами, досками, канатами, железом и прочими материалами, что их хватит на это и много других приспособлений.

Луна за облаками. Тем не менее, настолько светло, что грубую работу по пригонке плах можно делать без искусственного освещения. Я почти до четырёх часов утра пробыл на палубе, наблюдая, с каким рвением все работали. Видно было, что матросы сознают серьезность положения. С двух часов небо всё более и более белело, туман и облака застилали горизонт с востока, и день начался как бы без утренней зари.

29-е, четверг. Вчера под влиянием разговоров об аварии несколько раз обдумывал вопрос, какие вещи я возьму с собой, если придётся покинуть «Шилку» и спастись на шлюпках, и каждый раз упрекал себя в малодушии. Сегодня гг. офицеры не только делают своё дело, но каждый старается в пределах сил и знаний сделать как можно больше. Остальное, конечно, в воле Божьей. Пример всему показывает командир. Я до сих пор не слыхал, чтобы он кричал или резко отдавал приказания. По меткому выражению одного из офицеров, «он советует».

Усилиями всей свободной от служебных нарядов команды, треугольный ящик изготовили к четырём часам дня. Спуск его на воду был довольно затруднителен и занял около двух часов. Когда ящик был на месте, сделали опыт управления им. При этом сверх вчерашней зыби была небольшая волна. Опыт удался вполне, хотя «Шилка» шла средним ходом, пять-шесть узлов при сорока пяти оборотах винта. Все сразу повеселели. К этому времени мы были на параллели мыса Столбового, в девяноста милях от места происшествия и в двадцати пяти милях от берега Камчатки.

Перед обедом у носа «Шилки» долго крутились пять чаек, и одна из них села на боевой фонарь, за ней вскоре села и другая и некоторое время они плыли с нами. По приметам моряков, это предвещает благополучие.

За обедом подали шампанское и поздравили с удачною идеей.

После обеда командир распорядился убрать из-за правого борта все прежние приспособления и дать машине полный ход. В два часа ночи я выходил на палубу, и вахтенный сказал мне, что «Шилка» катается вправо и влево от курса только на 7°. Значит, всё «all right», как говорит Катрухин.

30-е, пятница. После четырёх часов утра засвежело и скоро развело волну. Около семи часов «Шилка» перестала слушаться нового руля (механик говорит, что вахтенные прозевали своевременно переложить тали), и под влиянием волны и ветра её покачало на север через восток. Чтобы повернуть её на юг, пришлось вновь выпустить за правый борт щит и перо, а для этого надо

было застопорить машину. Часам к девяти всё наладили и шли хорошо до полудня, когда пришлось вновь застопорить машину, так как новые вахтенные на юте что-то вновь прозевали, и мы опять шли полным ходом на север, при этом треугольный ящик не работал, а нырял у правого борта, удерживаясь только на левом конце. Пришёл командир, осмотрелся, спокойно приказал выбрать правый конец, отдать левый и дать малый ход вперёд. Скоро руль стал на место и заработал, а «Шилка» пошла на юго-запад, прямо на Шипунский мыс.

К этому времени море почти стихло, была только зыбь от юго-востока. Небо значительно расчистилось, и штурман успел сделать наблюдение на широту. Оказалось: $54^{\circ}25,8'$, то есть мы были на высоте мыса Козлова. Сквозь это спокойствие где-то вдаль посвистывал ветер, а барометр у нас тихо опускался.

Вскоре после полудня обнаружили поломку пера, выбрали его наверх и начали поправлять. Отсутствие одного из приспособлений вредно отразилось на курсе «Шилки», и он стал отклоняться на восток. После какой-то новой шалости руля, когда «Шилка» вновь описала полную дугу на север, её уже не удалось направить на надлежащий курс, несмотря даже на то, что из носовых цистерн выкачали тридцать тонн пресной воды, она неукоснительно стала идти на юго-восток, почти на 90° в сторону от необходимого нам курса.

Во время последней остановки была уже порядочная волна, и нас покачивало. К вечеру состояние моря было в четыре балла, и восточный ветер такой же силы. Судно совершенно перестало слушаться руля и, несмотря на все наши усилия, шло «в бейдевинд».

Таким образом, с момента аварии и до семи часов утра сегодня мы шли почти по сто шестьдесят четвёртому меридиану (считая на восток от Гринвича), слегка уклоняясь от него, то вправо, то влево. С семи часов утра и до двух часов дня курс наш был на юго-запад и лежал очень близко к тому, который мы должны были иметь, проходя между островом Беринга и Кронцким полуостровом. С двух же часов мы поплыли в новом, совершенно ненужном нам направлении.

В восемь часов вечера аврал для уборки некоторых парусов, спуска дальше на воду треугольного ящика и для постановки на место вновь сделанного бокового руля.

После обеда в кают-компании остроты и разные предположения. Одни сожалеют, что не взяли с собой флаг Венецуэлы, без чего нельзя будет ей отсалютовать, другие говорят, что с завтрашнего

дня будет считаться заграничное плавание, третьи собираются обогнуть мыс Горн и новою, уже попутною волной, пересечь Атлантический океан и благополучно добраться до Кронштадта. Подобные разговоры доказывают, что публика ещё не пала духом. Тем не менее, сегодня общее настроение более подавленное, чем вчера. Неоднократно раздавались голоса, что поторопились откупорить шампанское и поздравить механика с изобретением, а сам он уже не говорит, что при помощи его руля будем отлично управляться и в шторм, а утверждает лишь, что если завтра будет хорошая погода, то послезавтра придём в Петропавловск.

Эффекта солнечного заката сегодня не было, так как вечером всё небо было ровно обложено облаками. Таким образом, народной приметы на завтра нет.

Барометр с полудня систематически идёт к низу. Весь день температура воздуха $+4,2^{\circ}$, температура воды наибольшая $+3,6^{\circ}$ утром и наименьшая $+3^{\circ}$ вечером. В течение предшествовавших трёх дней наибольшая температура воздуха была $+15^{\circ}\text{Ц}$.

31-е, суббота. В четыре часа ночи я проснулся и вышел в кают-компанию. Там я встретил мичмана Герсдорфа, который на мой вопрос: «Как дела?» — ответил: «Скверно, идем всё на юго-восток».

В восемь часов утра машина застопорена, море почти спокойно, небо только на две трети покрыто облаками. Выйдя на палубу, я увидел, что сломанное перо и щит подняты, правый выстрел подтянут, а бочки и канаты переведены за левый борт. В носовой части лежит небольшой якорь с привязанным к нему толстым канатом, левый выстрел освобождён из гнезда и держится по борту на таях. Лейтенант Суровцев показал мне на карте место на высоте бухты Моржовой примерно в ста шестидесяти милях от берега, где по счислению мы были вчера в десять часов вечера. По его же словам, сегодня в четыре часа утра мы были на высоте Петропавловского маяка.

Около этого времени ветер изменился: из восточного, силой в четыре балла, он сделался северо-восточным почти той же силы. Изменился и курс «Шилки». Из юго-запада он сделался северо-восточным, и никакие манипуляции с нашими временными приспособлениями не могли заставить её идти в каком-либо ином направлении. Таким образом, с нашим кораблём творится что-то непонятное: с утра 28-го числа он находился под влиянием ветра от южных и восточных румбов и двигался к югу, сегодня в ночь ветер круто повернул и дует от северных румбов, и корабль повернул им навстречу. Очевидно, на него действуют какие-то силы

помимо ветра, волн и собственной машины. Если до сегодняшнего дня это могло быть струей холодного течения, идущего из Ледовитого океана, то что же повернуло нас сегодня на 90° ?

В десять часов треугольный ящик подтянули почти вплотную к корме и дали полный ход машине. Нос ящика несколько приподнят и красиво разбивает струю воды. Брызги высоко поднимаются в воздухе и далеко разносятся ветром.

В полдень штурман имел возможность сделать наблюдения. Оказалось, что мы находились в $25\text{—}30'$ по широте севернее Петропавловска, по долготе же были на $164^\circ 25'$ к востоку от Гринвича, то есть на двести десять миль от желанного порта, в таком месте Великого океана, через которое не пролегают морские пути и в котором мы только случайно можем встретить какого-либо хищника, но отнюдь не полезный нам корабль.

В одиннадцать часов тридцать минут «Шилка» повернула на северо-запад, решительно не обращая внимания на наши приборы и на наши старания дать ей направление на юго-запад. Единственным ей оправданием была перемена ветра: перед полуднем стал дуть чистейший северяк силой в четыре балла. Часа через два курс наш стал отклоняться на запад, а затем на юго-запад, и около трёх часов дня мы резко повернули почти на юг, а в четыре часа ещё резче на север, описав при этом дугу в 335° . Графически угол между прежним направлением и новым получился в 25° .

В четыре двадцать пять «Шилка» пошла на север, затем на запад. То же повторилось и в восемь часов вечера. Каждый раз наиболее длинным коленом было колено на запад, и каждый раз в этом колене «Шилка» делала один полный круг через юг почти около неподвижной оси. Таким образом, от пяти до девяти или десяти часов вечера мы имели поступательно-вращательное движение и прошли не более двадцати миль.

Кроме всех тех приспособлений, которые мы уже имели, сегодня по мысли боцмана сделали ещё новый руль из двух рядов досок и стрелы, но на воду его не спустили, так как при порядочной волне опасно было работать за бортом.

Вечером ветер и волна увеличились, паруса сильно напряглись и «Шилка» получила некоторый крен направо, а временами её клало на правый борт до 18° . В восемь часов вечера ветер северный в пять баллов, состояние моря выражается четырьмя баллами, небо сплошь затянуто тучами, барометр показывает 763 мм. В течение дня наибольшая температура воздуха $+12^\circ$, наименьшая — $+4^\circ$, температура воды — $+4,6^\circ \text{Ц}$. Курс «Шилки» — северо-запад 50° .

Июнь 1-е, воскресенье. Вчера все значительно устали, и поэтому после обеда было мало шуток и разговоров, и к десяти часам кают-компания совершенно опустела. Казалось бы, из осторожности следовало эту бурную ночь не спать, но, очевидно, после двух почти бессонных ночей натура потребовала отдыха, и я крепко проспал до шести часов утра. После чая я вышел на палубу и увидел там всех в работе: одни делали новый треугольный ящик взамен сломавшагося ночью, другие спускали на воду изготовленный вчера боковой руль, третьи управлялись с уцелевшими приспособлениями. Поэтому, несмотря на большой праздник (день Святой Троицы), общая молитва отменена. Наблюдая над всею этою работой, я заметил несколько человек, перетягивавших какие-то канаты у левого борта. Оказалось, что после поломки ящика спустили на воду около носа судна стрелу, соединив её с бортом тремя стальными перлинями. Струей воды передней конец стрелы оттягивается в море, она становится под некоторым углом к судну и тем самым способствует циркуляции его. Около полудня застопорили машину и укрепили новый руль у левого борта, взяв от него две оттяжки через левый выстрел на брашпиль. Когда дали ход машине и новый руль образовал с бортом угол более тридцати градусов, «Шилка» стала вертеться как на неподвижной оси. Подтягиванием щита к борту уменьшали угол, а вместе с ним и дугу, описываемую судном, но совершенно избежать вращения не могли, так как при очень длинной тяге (от брашпиля почти к корме) стальные тросы давали сильные провесы и угол изменялся не постепенно, а скачками.

После нашего обеда завели новый треугольный ящик, а боковой руль перенесли на правый борт. Новый ящик — несколько больших размеров, чем первый, и крепче его сколочен. Та и другая работы очень сложны и потребовали напряжения сил всей команды. Несмотря на это, «Шилка» продолжает идти навстречу северному ветру.

Сегодня, кажется, день наибольшего нервного напряжения. Не слышно уже шуток и острот, а встречаются хмурые лица. Больше других нервничает Неелов. Он сидит, запершись в своей каюте, а когда выходит, то всё что-то ворчит, к тому же уже несколько дней он почти ничего не ест.

В девять часов вечера, когда «Шилка» была по счислению на 54° северной широты и $161^{\circ}30'$ восточной долготы, я бросил в море засмоленную бутылку, в которую вложил конверт со своею визитною карточкой и бланком гидрографической экспедиции.

Весь день прекрасная погода. К полудню небо почти совершенно расчистилось, море значительно успокоилось, и по правому борту показался берег (вероятно, мыс Козлова или Ольги), а за ним Кроноцкая сопка. От трёх до семи часов дня мы были ещё достаточно далеко от берега и сопку ясно видеть не могли. К заходу солнца лежащий на берегу туман значительно поднялся, и мы прямо по носу увидели громадный, совершенно правильный конус фиолетового цвета. Он был от нас не ближе пятидесяти миль. По верхней трети его проходило небольшое серое облачко, а на вершине сидело тёмно-лиловое. Весь низ конуса был затянут фиолетовою дымкой, сквозь которую местами пробивались яркие красные лучи. Над этою дымкой — яркая жёлтая полоса, переходящая вверху в серую, а далее в синюю. В правом верхнем углу картины холодное тёмное облако, слегка окрашенное пурпуром. Море на первом плане оранжевое, а ближе к берегу серое. Любуясь этою картиной, мы в то же время гадали: переменится ветер или нет? Если не переменится, то, очевидно, ночью «Шилка» будет сидеть на прибрежных камнях, а мы... Но Господь над нами смиловился: после захода солнца ветер переменился и «Шилка» получила тенденции двигаться на восток. Барометр пошёл к низу. Во втором часу ночи полная луна играла на морской ряби.

2-е, понедельник. Работа по перестановке бокового руля за правый борт кончилась только к четырём часам утра, после чего «Шилка» резко повернула с северо-востока на юг. Но это благоприятное нам направление держалось недолго: вскоре оборвался стальной перлинь, оттягивавший руль. Пришлось застопорить машину и подымать его наверх. Когда между семью и восемью часами утра дали машине ход, «Шилка» пошла на восток, а затем повернула опять на север.

За чаем Суровцев говорил, что ночью «Шилка» часто описывала полные круги (вертелась), благодаря чему со вчерашнего вечера до восьми часов сегодняшнего утра она ушла вперед. При утренней визитации больные матросы с грустью спрашивали доктора, неужели так долго будет продолжаться и всем придётся погибать?

В восемь часов сигнальщики доложили, что на горизонте по левому борту виден дымок. Командир приказал стрелять из левого бортового орудия и пустить сирену. Дали четырнадцать выстрелов, через минуту каждый. Дымок стал вырисовываться всё яснее, за ним показались мачты и труба, и, наконец, мы увидели полный силуэт парохода. В девять часов он был около нас. Оказался небольшой японский пароход *Toyotoni maru*. Заговорили

флагами по международному своду и получили согласие на помощь. В десять часов С. А. Иванов поехал на японский пароход для ближайших переговоров. Условлено, что мы пойдём впереди, а *Toyotoni maru* будет удерживать нашу корму. Мы поинтересовались узнать, сколько японец запросил за эту работу. С. А. сказал, что о плате за услугу разговора не было. За завтраком наш механик говорил, что когда он плавал на коммерческих судах, то обыкновенно за услугу взыскивалась треть стоимости судна, причём ни один купец не подавал помощи другому ранее подписания особого условия, от военных же судов брали только особую расписку.

Для соединения нашей кормы с носом японского парохода спустили на воду две шлюпки и послали на них два буксира (стальные перлины диаметром по три дюйма). Правый буксир удалось подать па *Toyotoni maru* с четвёрки, а левый не удалось. Пришлось выбрать его на «Шилку» и прибегнуть к помощи ракетного станка. Когда японцы поймали тонкий конец, а затем выбрали перлинь и укрепили его, мы дали малый ход вперёд. Сразу было видно, что «Шилка» сильнее *Toyotoni maru*, и что вполне согласованного хода мы иметь не будем. Буксиры то были в воде, то сильно натягивались, а когда «Шилка» рыскала, то она держалась на одном буксире, а *Toyotoni maru* при всём желании не мог быть в кильватер. Как-то под влиянием волны «Шилка» резко метнулась вправо, левый перлинь зазвенел и лопнул. Пришлось остановить машину и вновь хлопотать с ракетным станком и посылкой на *Toyotoni maru* нового конца и нового перлиня.

Эта работа кончилась только к двум часам дня, а к четырём оба перлиня уже были порваны, и оба судна шли в разные стороны. Вновь пришлось стопорить машину. На этот раз были поданы четырёхдюймовые перлины и на каждый пущено по четырёхпудовой балластине. На эту работу потребовалось около часа. Когда дали ход, у нас стали особенно внимательно следить за всеми рулевыми приспособлениями, а японец особенно старался попасть нам в кильватер, но, несмотря на это, «Шилка» рыскала невероятно и редко дёргалась на двух перлинях, чаще же один был в воде, а другой звенел как струна. В один из таких моментов зыбью поддало одно из судов, сильно натянутый перлинь лопнул, а балластина с гулом отлетела далеко в море. Вскоре тоже случилось и со вторым перлинем. У нас более не было буксиров, а на *Toyotoni maru* был только один старый, ржавый, который в дело употреблён быть не мог. Таким образом, около девяти часов вечера работа остановилась, и возник вопрос: как быть дальше? Командир

решил просить г. Берича (фрахтователь японского парохода) обождать около нас до утра, тем временем сделать второй боковой руль и идти самостоятельно, но в сопровождении японца. С таким предложением был послан на *Toyotoni maru* мичман Унтербергер. Вернувшись, он доложил, что г. Берич (Бирич Хрисанф Платонович, один из родоначальников русского рыболовного промысла на Сахалине и Камчатке, в 1921—1922 гг. особоуполномоченный Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае с правами губернатора. Расстрелян в 1923 г. во Владивостоке. — *Ред.*) до утра ждать не может, а готов зайти в Петропавловск сообщить о нашем положении. Немедленно было предложено мичману Герсдорфу идти в Петропавловск с официальным донесением о положении «Шилки» и за покупкой различных материалов, необходимых в дальнейшем при изготовлении вспомогательных рулей. Вместе с этим Герсдорф должен был просить командира «Манджура» (если он в порту) выйти нам на помощь. С. А. предложил и мне ехать в Петропавловск. Я согласился, рассчитывая своим присутствием ускорить выход парохода на помощь «Шилке».

Спустили четвёрку, уложили в неё некоторые наши вещи, я простился с гг. офицерами и командой, слез по освещённому штормтрапу и, выждав удобную минуту, когда шлюпка была поднята волной и прижата к борту, спрыгнул в неё. То же сделал и Герсдорф.

Toyotoni maru стоял в одном-двух кабельтове от «Шилки», и с её палубы ночью казался небольшим силуэтом. Будучи в шлюпке, мы этот силуэт теряли из виду каждый раз, когда были на дне лога, а всходя на гребень волны, не знали, будет ли он перед нами. В это время небо было сплошь затянуто тучами, а ветер, казалось, был сильнее, чем днём. В таких условиях мы плыли около часа. Гребцы наши выбились из сил, и все мы порядочно промокли. Когда, наконец, мы подошли к японскому пароходу, он представился нам каким-то тёмным гигантом, перед которым мы в нашей шлюпке казались пигмеями в ореховой скорлупе. Огней на пароходе не было и штормтрапа не было видно. Мы некоторое время балансировали на волне, то прижимаясь к пароходу, то отталкиваясь от него в зависимости от того, в какую сторону он кренился. В один из тех моментов, когда, казалось, пароход хотел придавить нас, над нашими головами закачался штормтрап. Герсдорфу удалось схватиться за него и, подтянувшись, полезть вверх. При слабом свете маленькой лампочки, принесённой кем-то из пароходных служителей, я видел, как какая-то масса перевалила

через борт. Теперь настала моя очередь заняться гимнастикой. Я был одет теплее моего спутника, да и давно уже отвык от гимнастических упражнений и поэтому не решился последовать его примеру, а стал требовать верёвку. Когда мне её подали, матрос обвязал меня вокруг талии, я ухватился руками за верёвку, крикнули «готово», и кто-то потащил меня вверх. Пока крен парохода был в сторону шлюпки, я болтался в воздухе, когда же пароход стал принимать вертикальное положение, я навалился на борт и, нащупав штормтрап, полез по нему. Наконец, когда крен парохода был в противоположную сторону, я перевалил через борт.

При помощи г. Берича и других лиц пришлось преодолеть на палубе ряд препятствий (впоследствии оказались доски, бочки и разобранные фунгасы) и только после этого я вошёл в плохо освещённую кают-компанию, в самой корме парохода. Г. Берич тотчас предложил нам чай, английския печенья, варенье, консервованное, так называемое датское масло и американскую солонину из буйволового мяса (Corned beef). Когда мы несколько пообогрелись, завязался разговор. Г. Берич между прочим сообщил нам, что у него одиннадцать рыбалок, из коих шесть на западном и пять на восточном берегу Камчатки. Теперь он развозит по ним рабочих, фунгасы, бочки, соль и другие материалы. Некоторые участки у него морские и на них работают японцы, другие — речные и там работают корейцы. Пароход ему стоит четыреста рублей в сутки. Из села Воровское пароход пойдёт обратно в Хакodate, а он сам поедет материком в Верхне-Камчатск, откуда спустится по реке Камчатке до её устья. Поездка эта ему нужна для ознакомления с покупною силой населения и со способами лова рыбы в реке вдали от её устья.

По словам г. Берича, коса, отделяющая устье реки Камчатки от моря, с каждым годом всё более и более удлиняется и отклоняется на запад, благодаря чему в реку идёт всё меньше и меньше рыбы. Существует проект прорытия канала близ мыса Камчатского, то есть восстановления старого устья реки, что спрямит её нижнее течение и возвратит рыбе её старый путь. Так как одна и, кажется, главная рыбалка г. Берича находится вблизи мыса, то от осуществления проекта он ожидает для себя больших выгод и готов способствовать ему всеми силами. В ночь на 31-е мая сего года г. Берич ночевал в селении Усть-Камчатске, в доме частного командира (так называются начальники отделений камчатской казачьей команды) и был свидетелем извержения Ключевской сопки. По его словам, в одиннадцать часов вечера был слабый

подземный удар, а в четыре часа утра — более сильный, и тогда печь в комнате треснула сверху вниз, а со стен свалились рамки с карточками и другие мелкие предметы. Когда в разговоре вопрос коснулся вознаграждения за услугу, то г. Берич вполне серьезно заявил, что помощь в несчастьи он считает своею обязанностью, а потому о вознаграждении не может быть и речи (по возвращении во Владивосток, я узнал, что такой иск к Морскому ведомству предъявил командир парохода или его хозяин).

3-е, вторник. Хотя предоставленная мне каюта капитана находится в полуите и в ней страшно трясёт, а штуртросы немилосердно стучат по железным бортам, тем не менее, ночь я проспал как убитый. Очевидно, за пять с половиною суток плавания по воле ветров нервы порядочно взбудоражились и организм требовал отдыха.

Около десяти часов мы были в Авачинской губе. Небо ясное, вода совершенно спокойная. Окружающая горы и Белючинская сопка видны отлично, только вершина Коряцкой сопки покрыта облаками.

Для входа в Петропавловский Ковш необходимо обогнуть мель, тянущуюся от Сигнальной горы и оканчивающуюся белым баке-ном. Командир наш, старик-японец маленького роста, этого не знал, а планов бухты у него не было, и он пошёл в Ковш напрямик. Мичман Герсдорф заметил это и побежал на мостик предупредить капитана. Старик ему не поверил, но видя, что он решительным движением схватился за ручку телеграфа, отстранил его от аппарата и сам скомандовал остановку и задний ход. Но было уже поздно: *Toyotoni maru* врезался в мель. Г. Берич заволновался и, прежде всего, стал высчитывать, сколько он не доплатит за такую, не предусмотренную в договоре, остановку. Завели на глубину два якоря, дали задний ход и, провозившись часа два, наконец, сошли с мели, обогнули её и стали перед косой. Вскоре приехал помощник начальника уезда с доктором, и по распросе командира: откуда и куда? и нет ли больных? — свезли меня и мичмана на берег. Когда на казённом вельботе мы обходили стоявшие в Ковше пароходы, то зацепили кормой за одну из якорных цепей, наш руль сорвался и поплыл. Но старшина его скоро поймал и поставил на место. Это третья неудача. По народному поверью, далее всё должно пойти хорошо. Сойдя на берег и оставив вещи в полицейском управлении, я направился к начальнику уезда, которому в коротких словах рассказал о несчастьи с «Шилкой». Рассказ мой произвёл на него и жену сильное впечатление. Они просили

меня поместиться у них. Станислав Матвеевич очень мало изменился за двенадцать лет, которых я его не видел: немного пополнил и на голове у него ещё менее волос, чем было раньше. Подвижность и впечатлительность остались прежняя. Глядя на него, с уверенностью можно сказать, что жизнь на Севере совсем не так плоха, как её себе представляют издали по разным описаниям. От него я направился к генералам Флугу и Ренгартену. Я застал их за обедом. Рассказав им подробно о всём с нами случившемся и о всём пережитом за пять суток плавания по океану без руля, я отправился на «Люцун» (владивостокское портовое судно, привезшее сюда уголь и часть экспедиции Рябушинского) узнать, когда он может выйти на выручку «Шилки»? Здесь я встретил профессора П. Ю. Шмитта, долженствовавшего сегодня отправиться на этом пароходе с некоторыми своими помощниками в Усть-Камчатск. Им я вновь рассказал о положении на «Шилке» и просил командира и Шмитта отложить поездку в Усть-Камчатск, а немедленно выйти на помощь брату. При этом я предложил командиру мою карту, на которой отмечены путь и последнее место «Шилки», и метеорологический журнал.

Шмитт немедленно согласился. Командир заявил, что у него производится чистка машины и ранее девяти часов вечера он не может быть готов, но затем выйдет немедленно и желал бы, чтобы я был с ним. На «Люцуне» оказался буксир из манийского троса диаметром в шесть дюймов. По словам командира, этот трос будет, пожалуй, лучше стальных перлиней, так как будет меньше пружинить, и за один конец легче буксировать, чем за два. Рядом с «Люцуном» стоял норвежский пароход *Varg*, зафрахтованный Эриксоном для его рыбалок в устьях рек Тымлат и Анадырь. Ещё во Владивостоке г. Эриксон сделал распоряжение своему доверенному взять меня на пароход, если это мне понадобится. Решив после свидания с Сокольниковым не идти на север на «Этине» (пароход первого чукотско-анадырского рейса), а продолжать плавание на «Шилке», я теперь, после аварии последней, оказался в совершенно беспомощном положении: «Шилка» на север уже, вероятно, не пойдёт, а «Этин» уже ушёл. Поэтому, покончив дело на «Люцуне», я отправился на *Varg* узнать, когда и куда он пойдёт? Доверенный Эриксона сказал, что первоначальные предположения идти в бухту Провидения и Анадырский лиман, стоять там до августа и на обратном пути зайти в Тымлат изменились: теперь они идут сначала в Тымлат, простоят там две недели, затем пойдут прямо в Анадырский лиман. Он пригласил меня идти с ними.

Если бы *Varg* шёл по первоначальному направлению, я, пожалуй, и согласился бы, так как за полтора месяца стояния в Анадырском лимане я мог съездить вглубь страны или на какой-либо шкуне объехать хотя часть Чукотского полуострова. Это не было бы решением моей задачи, но хоть до некоторой степени приближалось бы к ней. Ехать же в совершенно неинтересный для меня Тымлат, затем стоять в Анадыре — мне вовсе не улыбалось, и я от предложения отказался.

Бывший здесь же г. Берич пригласил идти с ним на *Toyotoni maru* до села Воровского, а затем отправиться в Хакодате или сделать с ним поездку на внутренности Камчатки. Последнее предложение мне казалось заманчивым; но я ещё во Владивостоке дал слово губернатору — как можно меньше пользоваться услугами местного населения, чтобы требованием собак, лошадей, багов и проводников не отвлекать людей от обычных занятий. Поэтому я не дал категорического ответа г. Беричу и направился к Логиновскому переговорить о найме квартиры. У него я застал Подпругина и о. Иоанна с женой, в присутствии которых в пятый раз в этот день мне пришлось рассказать об аварии «Шилки». Все они заявили, что нанять комнату нельзя, остаётся только поместиться с губернатором в доме КТПО. После этого я стал обдумывать все полученные в этот день предложения и, несмотря на заманчивость последнего предложения г. Берича, решил идти на «Люцуне», искать товарищей по несчастью. Поэтому я нисколько не огорчился, увидев как *Toyotoni maru* снялся с якоря и направился к выходу, поэтому же вечером у губернатора было решено, что я переберусь к нему.

В девять часов вечера я был на транспорте, нагруженный массой благопожеланий шилкинцам, везя им, как привет с берега, ящик яблок. Мичман Герсдорф был уже на судне со всеми приобретенными им материалами, часть которых, кстати сказать, дал г. Вильдеман, управляющий КТПО. Когда мы вышли из Ковша, я лёг спать в отведённой мне каюте, попросив предварительно помощника командира разбудить меня, как только мы встретим «Шилку». Он мне сказал, что, вероятно, я просплю спокойно до утра, так как «Люцун» проплавает дня два, а то и более, пока найдёт «Шилку». Около часа ночи я встрепнулся от какой-то особой тишины: машина не работала, вода не шумела у борта. Взглянув в иллюминатор, я увидел вдали корабль с массой огней. Наскоро одевшись и выйдя из каюты, я встретил помощника командира, который заявил, что шёл меня будить, так как мы встретили

«Шилку», разговаривали с ней и узнали, что она в помощи не нуждается. Взойдя на командирский мостик, я долго смотрел, как «Шилка» плавно шла по совершенно спокойной воде, держа курс в Авачинскую губу. У меня от сердца отлегло, я не только успокоился, но получилось какое-то радостное состояние, во время которого хочется всех целовать, всем говорить приятное, всем делать удовольствие. Когда мы близко сошлись с «Шилкой», я, сложив руки рупором, крикнул: «Поздравляю с благополучным приходом!» Кто-то мне ответил: «Благодарим, но уходите дальше!»

«Люцун» отвернул, а «Шилка», одна, далеко впереди пошла в бухту. Около трёх часов я вновь лёг спать и на этот раз заснул очень крепко...

ГЛАВА III. В Петропавловске (частично воспроизведена в «Вопросах-3»)

...После обеда В. Е. Флуг, Лех, Власьев и я поехали на «Шилку». Визит был непродолжительный, но весьма торжественный. Как водится, подавали шампанское и обменивались тостами. Я с особенным удовольствием поздравил командира и гг. офицеров с благополучным возвращением. Неелов и другие рассказывали, что в ночь на 3-е июня они сделали и укрепили бортовой руль, после чего, благодаря хорошей погоде, весь день и последнюю ночь имели возможность держаться на курсе и в стороны виляли очень мало. При переменах курса управлялись, главным образом, треугольным ящиком.

С момента нашего разставания до входа «Шилки» в Авачинскую губу прошло двадцать восемь часов.

Когда мы возвращались домой, солнце уже склонялось к западу, и красноватые лучи его очень эффектно окрашивали верхи деревьев на Сигнальной горе и видневшуюся на ней вершину Велючинской сопки. Так как на деревьях ещё много старого осеннего листа, то световые пятна на них особенно горячие. Я не удовольствовался созерцанием этой картины, а сделал этюд ея.

В пять часов дня В. Е. Флуг вышел на «Люцуне» в бухту барона Корфа, где должен выбрать место для будущей резиденции начальника Гижигинского уезда. Теперешняя резиденция его — селение Гижига — признаётся неудобной, так как летом сообщение с ней крайне затруднительно. От устья реки и до селения двадцать три версты полного бездорожья. Даже при самых благоприятных условиях пароходы не могут подойти к устью бли-

же чем на семнадцать миль, а так как верхний угол Гижигинского залива бывает долго забит льдами, то часто пароходы останавливаются в ста верстах от устья реки. Бухта же барона Корфа очищается ото льдов в апреле и все берега ея приглубы. К тому же на западном берегу ея имеются каменноугольные выходы, разработка которых обезпечит будущее поселение топливом, тогда как из Гижиги надо ездить за дровами за сотни вёрст в горы.

5-е, четверг. В старом доме КТПО мы разместились отлично: у каждого из нас (Флуг, Ренгартен, Власьев и я) есть своя комната, а столовая и гостиная общия. Несмотря на отъезд Флуга и Власьева, нам с Бор. Алекс. каждый день приносят от Леха обед и ужин. Эта любезность нас очень стесняет и заставляет думать, чем бы за неё отплатить. Два казака, состоявшие при губернаторе, оставлены при нас.

Сегодня заходили к нам Вильдеман и Подпругин и сообщили, что завтра отправляются в бухту Тарья несколько членов экспедиции Рябушинского, предложили нам идти с ними, а оттуда проследовать в селение Паратунку на тёплые ключи. Об этих ключах я слышал ещё во Владивостоке, и поэтому мы с удовольствием приняли предложение.

6-е, пятница. Отъезд на Паратунку был назначен в девять часов утра. К назначенному времени на пристани собрались: Вильдеман, Подпругин с младшим сыном, казаки-гребцы и проводники, несколько крестьян окрестных деревень, и мы с Бор. Алекс. Приват-доцент Петербургского университета Комаров со своими двумя спутниками (ботаники) и два горных инженера значительно запоздали из-за своего громадного багажа и укупорки коллекций, оставляемых здесь на хранение, и поэтому караван наш вышел только в половине первого. Он состоял из парового катера, двух шлюпок и шаланды.

Г. Комаров обследовал уже флору ближайших к Петропавловску мест и теперь направляется в бухту Тарья, в долину реки Паратунки и далее к перевалам, чтобы затем пройти к устью реки Большой. Громадность его багажа нас поразила. В нём, кроме походной палатки и съестных припасов, были вычные сундуки, ящики для коллекций, барометры, анероиды, хронометры, фотографические камеры и многое другое. Сам профессор был увешан необходимейшими инструментами с ног до головы, не хуже того, как был нагружен наш солдат в зимний период последней войны (русско-японской. — *Ред.*). По поводу всего этого груза профессор говорит, что без него он не может обойтись и в то же

самое время сам недоумевает — как будет перевозить его сухопутьем за отсутствием в крае лошадей и колёсных дорог. Будущия свои коллекции он решил оставлять на хранение в попутных селениях и забрать только при возвращении в Петропавловск. Но личные вещи, палатку, припасы — как их возить? На будущий год, чтобы не быть в зависимости от местных жителей, профессор думает привезти с собой лошадей и рабочих. Проводников профессору также не удалось нанять, так как все жители окрестностей Петропавловска отговаривались домашними работами, заготовкой рыбы, сена и леса.

Довольно сильный юго-восточный ветер развёл в Авачинской губе порядочную зыбь, и поэтому до противоположного берега (бухта Тарья) мы шли более трёх часов. Промерзли изрядно. На берегу развели костёр и, напившись чаю, я, Ренгартен, казак, Подпругин с сыном и два встретившие нас крестьянина пошли далее, а чины экспедиции остались на берегу выгружать свои вещи и устраивать лагерь. Мы шли версты две лесом до так называемого «Ближнего» озера. Хотя и тропинка хорошо проторена, но нога вязнет в вулканическом песке, которым покрыта вся местность.

Пока крестьяне и казак разыскивали шлюпку, а Подпругин варил чай, я и Ренгартен гуляли по берегу озера и фотографировали виды. Один из них был особенно хорош: маленькая тихая заводь, поросшая камышом и какою-то толстою высокою травой, соединялась узким проходом с озером. Проход окаймлён большими берёзами Эрдмана, ветви которых почти сближаются, образуя ворота с недостроенною аркой. Сквозь эти ворота виден высокий мыс, отделившийся от левого гористого берега озера и покрытый густою зеленью. За ним — узенькая полоска противоположного низменного берега, а на горизонте — могучий кряж снеговых гор. На первом плане солнце ярко освещает тростник, траву, деревья, и они отражаются, как в зеркале, в спокойной поверхности заводи. Второй план — весь в тени, и яркие световые пятна видны только на вершинах деревьев, покрывающих мыс; на воде причудливыми зигзагами лежит тень от крутого левого берега, местами прорезанная светлыми жилками. Третий план — опять весь в свету, и снег на вершинах гор даёт красивые белые пятна.

Напившись ещё раз чаю, взяли старую шлюпку и поплыли. Шлюпка оказалась очень валкой, почему сажень через десять пристали к берегу, разыскали несколько полусгнивших корчаг и привязали их к бортам. После этого с большою осторожностью сели на дно шлюпки, стараясь не шевелиться. Озеро глубокое,

пресной воды, берега крутые, покрыты густою зеленью. Снег лежит только в глубоких лощинах. Длина озера около пяти вёрст.

У истока реки Озерной оставили шлюпку и пошли пешком. Версты через полторы, у начала тундры, крестьяне деревни Озерной (два двора) сплотили нам два бата и на шестах погнали их вниз по течению. Ехали только я и Ренгартен, остальные люди пошли пешком. Узенькая речонка в настоящее время года значительно разлилась, поэтому мы шли то ея руслом, то пробираясь напрямик между кустов. Всего прошли не менее пяти вёрст.

Далее мы шли по реке Паратунке тоже вниз по течению и наконец вошли в речку Хайко, по которой собственно и расположено село Паратунка. Речка эта — скорее сток тундры, с возмутительно слабым течением. Наши плотовщики говорят, что благодаря сильному подъёму воды в других реках она течёт даже обратно, то есть несёт воду на тундру. Речка эта забита массой валежника, гнилых листьев и старою травой. Местами от них настолько большие затоны, что плот наш не идёт и приходится разгребать всю эту дрянь. Когда же мы вышли на тундру, то ничто не мешало нашему плаванью, хотя мы шли не по руслу речки, а направляясь прямо к тому пункту, у которого расположено селение.

От берега бухты Тарья мы сделали всего около двадцати вёрст. До Озерной погода была хорошая, затем небо заволокло, и пошёл мелкий дождь (по местному «бус»). Когда мы подходили к месту высадки, я заметил над кустами легкий дымок. Бывший с нами казак объяснил, что это — пар, поднимающийся над протокой тёплаго ключа. Староста и несколько жителей селения Паратунка встретили нас и проводили до дома Подпругина. Он уже ждал нас с горячим самоваром. Здесь же был и горный инженер (фамилию забыл), участник экспедиции Рябушинского, ехавший с нами до бухты Тарья. Оттуда он пришёл сюда один, не зная дороги, а взяв направление по компасу. По его словам, переваливать гору, отделяющую «ближнее» озеро от «дальнего», было очень трудно за массой снега. Тем не менее, он был в селении раньше меня и Ренгартена. Из этого видно, сколь длинный путь мы сделали по рекам на плоту. Весь путь от Петропавловска до села Паратунки мы совершили в восемь с половиною часов.

Напившись чаю, мы пошли купаться. Шагах в пятидесяти от дома крошечное озерко, и у берега его сруб, величиною в хороший курятник. В полу этого сруба сделан люк, а от него лестница в четыре ступени ведёт в воду. От разницы температур воздуха и воды при спуске по лестнице страшный сквозняк. Вода в озерке очень

тёплая: сразу даже кажется горячей, но когда окунёшься и несколько обтерпишься, то чувствуешь себя в воде прекрасно. Подымающийся от воды пар несколько тяжёл для дыхания. Отчего это происходит — сказать не могу.

После купанья ужинали и часов в двенадцать легли спать. За ужином, кроме смирновки и солёной закуски, подавали мадеру (если не ярославского, то шанхайского приготовления), жареную «чавычу» с картофелем, уху из «чавычи» и простоквашу.

7-е, суббота. Как только проснулись, тотчас пошли вновь купаться, при этом я мерил температуру воды привезённым с собой обыкновенным термометром Реомюра. Среди озера она оказалась 34° тепла, а у выхода ключа из земли — в 39°. После купанья я смерил температуру ещё трёх источников, находящихся в непосредственной близости к дому Подпругина. В двух оказалось 39° и в одном 40°. Подпругин и другие говорят, что температура источников меняется по временам года: теперь она довольно низкая от массы снеговой воды и ещё не прогретой земли; в августе же доходит до 60°; не говорят только каких: Реомюра или Цельсия? Переведа мои измерения на градусы Цельсия, получим: 42,5, 48,75 и 50°. Ни озеро, в котором мы купались, ни прочие тёплые ключи и их протоки никогда не замерзают. Благодаря им, почва здесь более тёплая, чем в других местах; весной снег сходит с нея ранее, чем на противоположной стороне тундры, и здесь уже бывает зелень, когда там ещё всё серо.

После этого я побывал у племянника нашего хозяина, тоже Подпругина. У него хороший дом, выстроенный на городской манер, с голландскими печами. Как самый дом, так и вся его внутренняя обстановка — стулья, диваны и прочее — сделаны руками самого хозяина. В селении строится церковь взамен часовни, стоявшей у самого озера. Церковь ставят на несколько сажен выше, на сравнительно сухом месте. Складывает её артель плотников (девять человек), прибывшая сюда из Европейской России. Помогают им местные жители. Они же и не нахвалятся артелью. Их удивляет интенсивность работы этих людей и их безусловно трезвый образ жизни. Это последнее качество сразу внушило местным жителям такое уважение к членам артели, что никому и в голову не приходило называть их «мурками».

Окончив осмотр селения, пошли обедать. За обедом, кроме консервированных закусок и «чавычи» в разных видах, подавали творог, сметану, молоко и яйца. Должен сказать, что купанье в тёплых ключах сразу оказало воздействие на мою больную поясницу.

цу (я простудился на «Шилке», часто выходя наверх во время нашего невольного скитания без руля), и я с удовольствием прожил бы на Паратунке несколько дней, но мы были связаны срочностью возвращения парового катера и после обеда должны были ехать обратно.

Подпругин и другие рассказывали, что прошлым летом был привезён сюда из села Марково казак настолько больной ревматизмом, что он плохо двигался. После месяца купанья он совершенно поправился, и, несмотря на то, что зимой при возвращении в Анадырский край подвергался в пути всяким невзгодам, болезнь не возвратилась. Перед отъездом из селения жители отказались взять от нас плату за работу на шлюпках, батах, за лошадей и за перенос наших вещей, а взамен предложили нам подписной лист на строящуюся церковь, выданный из благочиния в 1906 г. На нём, между прочим, красовались подписи двух крестьян, давших каждый по сто рублей. В два часа дня, распростившись с радушными хозяевами, мы двинулись в обратный путь.

На этот раз мы пошли не на плоту, а верхами, через тундру. Лошади здесь маленькие, но крепкие, вроде маньчжурских. Сёдла — вьючные, ленчики — с простыми пуховыми подушками и стремянами из лубка. Пройдя версты три тундрой и переехав Паратунку по животрепещущему мостику, мы поехали лесом до заимки, то есть до того места, где жители села Паратунка заготавливают рыбу и сено. При нашем появлении собаки подняли страшный лай и визг. Воздух здесь переполнен сквернейшим запахом киснувшей в ямах рыбы — будущий корм для собак. На вешалках — некоторое количество распластанной красной рыбы. У некоторых экземпляров спинки срезаны на балыки. В заторе — масса красной рыбы. Она стремится пробиться сквозь плотную загородку, поставленную под острым углом к течению, но не может, громоздится одна на другую, вылезает на жерди, бьётся, падает в воду и вновь стремится против течения. Здесь её вылавливают баграми. Мы долго наблюдали за бесплодными стараниями рыбы пробиться вверх и фотографировали весь затор. Никто из нас не видел, чтобы хоть одна из многих сотен рыб догадалась повернуть назад и выйти через отверстие в первой загородке.

Здесь кто-то распорядился расседлать наших лошадей и далее нам пришлось идти пешком до так называемого «Дальнего озера». Это озеро, глубиной до тридцати саженей, меньше первого, совершенно ясно представляет провал среди окружающих гор. Южные склоны их покрыты густой растительностью, северные — все

в снегу. Через это озеро мы переехали на хорошей шлюпке и на бату. От озера до бухты Тарья мы опять шли пешком среди такого же леса и по такому же песку, как в первый путь. Второй путь гораздо короче первого. В балаганах, недалеко от тукового завода КТПО, мы встретили свадьбу, только что приехавшую из города на парусной шлюпке и пробиравшуюся в село Паратунка.

Гаврило Тимофеевич пожалел, что мы рано уехали. Оставаясь на Паратунке, мы могли бы видеть сегодня вечеринку и даже участвовать в ней. Между прочим, видели бы знаменитую камчатскую «восьмёрку». Переезд в город был скорее переезда из города в бухту Тарья. В Авачинской губе нас встретили сильный юго-западный ветер и порядочная зыбь. Мы все сильно промёрзли. Весь обратный путь мы совершили в шесть часов. Дорогою горный инженер говорил, что район его исследования лежит к югу от линии Петропавловск — Большерецк. На Паратунку он ходил, чтобы нанять лошадей и проводников, но это ему не удалось. Жители села Паратунка говорили ему, что на отроги сопки Апача (наибольшая в южном районе) можно попасть только зимой, частью на собаках, частью на лыжах, летом же она недоступна из-за окружающих её тундр. Поэтому он решил нынешним летом пройти на шлюпке и осмотреть геологическое строение берегов от Петропавловска до устья реки Большой. Один из местных охотников согласился его сопровождать за пять рублей суточных и продовольствие. Внутренность материка в порученном ему районе инженер предполагает обойти в будущем году, для чего хочет привезти из Европейской России лошадей и рабочих.

Сегодня пришла сухопутьем зимняя почта и привезла российские журналы и газеты за ноябрь и декабрь прошлого года. Русской почты за январь, февраль и март нынешнего года ещё нет, а почта за апрель привезена на «Тунгусе» (первый охотский рейс Добровольного флота). По расписанию сюда должно приходиться зимой четыре почты, но если не две, то одна непременно застревает где-нибудь между Охотском и Тигилём за весеннюю распутицей.

8-е, воскресенье. За обедней в церкви была масса народу и в том числе гг. офицеры и матросы с «Шилки». На женщинах я не заметил таких дорогих платьев, какие были на некоторых алеутках в церкви с. Никольского на острове Беринга. Здесь преобладали кацавейки и ковровые платки.

После завтрака на «Шилке» я осматривал с о. Александром (священник с острова Медного, исполняющий должность благочинного камчатских церквей, за отъездом в отпуск о. Комарова)

церкви и часовню. Вечером я был у Леха. Он очень доволен моею мыслью заменить Ренгартена в поездке губернатора по Камчатке, так как находит желательным, чтобы возможно большее число лиц её видели и составили ясное о ней понятие. По поводу поездки на Паратунку я заметил, что жители не берегут обуви и, не стесняясь, лезут в тонких ботинках в снег и воду. На это Станислав Матвеевич сказал: «Население настолько зажиточно, что лишняя пара сапог в год ему ничего не составляет». Этим, вероятно, и объясняется отсутствие здесь специальных сапожников. Впрочем, они не нужны в этих местах, пожалуй, ещё и потому, что городскую обувь жители носят только два-три месяца в году, в остальное же время ходят в тарбазах домашней работы... (Дальнейшее пребывание М. С. Латернера в Петропавловске описано в «Вопросах-3».)

5-е, суббота (июль 1908 г. — *Ред.*). В течение 2-го, 3-го и 4-го чисел я сделал поездку в селение Завойко (Старый Острог). От Петропавловска до него тридцать пять вёрст. Селение расположено на правом берегу реки Авачи, на совершенно ровном месте. В одной-двух верстах за ним начинаются горы, а противолежащая ему долина левого берега реки Авачи тянется до предгорий Коряцкой сопки, которая отсюда видна великолепно вместе с прилегающими к ней справа Авачинскою и Козельскою сопками, а слева целым кряжем снеговых гор. Всю эту панораму я фотографировал с «марошечной» тундры, не доходя вёрст пяти до селения, а из самого селения сделал этюд Коряцкой сопки при заходе солнца.

Начиная от Петропавловска дорога идёт по склонам Мишениной горы, а за селением Сероглазовка — увалами северного берега Авачинской губы до вышеназванной тундры. Склоны гор и увалы покрыты лесом (берёза, обыкновенная и Эрмана, ольха, тальник, кедровый стланец) и густой травянистой растительностью. Шиповник уже в цвету, масса полевых цветов. Лес оглашается пением чавычульки; но теперь она выделяет не всю руладу, а только первую часть её: «чау-ичь, чау-ичь». Между увалами текут горные реки, впадающие в Авачинскую губу. Переезд через них сопряжён с большими затруднениями. Непривычные русские лошади вязнут по брюхо в илистых берегах, а местные лошаденки прыгают и иногда очень удачно выносят седока или небольшой груз, а иногда сваливают их в грязь. Подо мной была русская лошадь, купленная в нынешнем году в Харбине на одном из войсковых аукционов. По непривычке к здешним местам она прямо ставила ноги в ил, и, не достав до дна, ложилась на брюхо. После того, как я изрядно пробился с ней на первой речке, на всех

остальных, около десяти, я слезал, переходил болото пешком, пере-скакивая с кочки на кочку, а лошадь переводил бывший при мне казак. У одной из таких речек мы варили чай и отдыхали более часа; тем не менее, к переезду через реку Авачу я прибыл совершенно разбитый. Подпругин и другие говорят, что по всей Камчатке это самая скверная часть пути. Всего в дороге мы были с десяти часов утра до пяти вечера. У переезда пришлось ждать довольно долго, пока подали бат, так как все взрослые крестьяне в настоящее время на рыбалках.

В селении мы остановились у крестьянина Александра Григорьевича Машихина, женатого на старшей дочери Подпругина. Дом небольшой, но устроен по-городски: голландские печи, венская мебель, кисейные занавески на окнах и матерчатые на дверях, много цветов и фотографий. Между последними особенно тщательно сохраняются карточки энтомолога О. Ф. Герца и якутского казака, урядника Расторгуева. Среди этих предметов простые сундуки, медный умывальник на стене у заднего крыльца и пьяный хозяин, в назидание которому, как укор его совести, двадцатидвухлетний сын навесил на стенах лубочные картины, изображающие смерть праведника, смерть грешника, последствия пьянства (преступления, болезни, нищета, вырождение), семейное счастье пьяницы. Он всё это понимает, утверждает, что его губит водка, а всё-таки пьёт. По уверению Подпругина, да и самого Машихина, он перестаёт пить только на зимнем промысле и тогда не берёт в рот уже ни глотка. Прошлою зимой он упрямился в окрестностях Жупановой сопки шестьдесят соболей, которых продал за три тысячи рублей. Есть на что пить! Машихин говорит, что через две недели пойдёт туда же заготавливать рыбу и медвежье мясо на зиму. В октябре вернётся на неделю и затем уйдёт вновь до марта. Кроме охоты на соболя для добычи дорогих шкурок, иногда их ловят живьём. К этому побуждает некоторых охотников высокая цена (до ста пятидесяти рублей за штуку), предлагаемая американцами.

Как известно, на их материке этого зверька нет. Ловля живых соболей очень трудна вследствие гнездования их в глухих местах и быстрого бега. Пойманный же зверь очень зол: бросается и кусает всех. В неволе он долго не выживает. Поэтому до сих пор, несмотря на заметное уменьшение зверя, искусственным разведением его в Камчатке никто не занимается. Как Машихин, так и Подпругин считают, что для сохранения зверя надо через каждые три года делать один год запретным для охоты. Теперешние же за-

казники (юг Камчатки и Кроноцкий полуостров) не достигают цели, так как за полным отсутствием надзора там хищничают во всю. Хищничал когда-то в окрестностях сопки Авачи и Александр Машихин, был за это притянут к суду, судился, по его словам, три года и прощён только по одному из манифестов нынешнего царствования.

За ужином мой хозяин и его тесть много раз вспоминали бывшего окружного врача, доктора Дыбовского, теперешнего профессора зоологии в Краковском университете. По их словам, такого доброго, отзывчивого человека они больше не видели. В своих постоянных разъездах по краю он не только собирал зоологические и этнографические коллекции, но и серьезно лечил всех обращавшихся к нему и находил ещё время просвещать их. Воспоминания о нём приобретают какой-то легендарный характер, несмотря на то, что он покинул Камчатку только в 1883 г. Его просветительную деятельность сближают с таковою же адмирала Завойко. Старики начинают и кончают свои разговоры заявлением: «При Завойко было так-то» или «при Завойко было не так». То же и с Дыбовским: всех предшествовавших и последующих ему врачей сравнивают с ним. Если он сколько-нибудь похож на Дыбовского — он хорош, иначе плох.

Между прочим, мои хозяева сообщили мне странный на их взгляд факт: мужчины из уроженцев Камчатки часто достигают глубокой старости, и в возрасте от шестидесяти-семидесяти лет их очень много. Редкая же женщина доживает до пятидесяти лет — большинство их умирает от чахотки вскоре после сорока лет. Дыбовский занимался изучением этого факта, но выводы его моим собеседникам неизвестны.

Спать легли довольно рано, так как на следующее утро (3-е число) я хотел ехать в селение Каряки (пятнадцать вёрст от Старого Острога), чтобы оттуда сделать этюд «Ганальских востряков». Проснувшись около семи часов утра, я ещё чувствовал себя разбитым от верховой езды. Небо сплошь покрыто облаками и идёт мелкий дождь (бус). Я отменил поездку. После обеда я послал за Григорием Машихиным (двоюродный брат, братан, Александра). Он рассказал мне, что в марте 1889 г., по поручению Великого Князя Михаила Николаевича (вероятно, Николая Михайловича), к ним приезжал Отто Фёдорович Герц с якутским казаком Степаном Расторгуевым для собирания бабочек. Приехали они зимним путём на собаках и прожили в селении до сентября. 28-го августа Герцом и Машихиным было совершено восхождение на левый,

южный, кекур Коряцкой сопки. Подъём от селения по южному склону горы и спуск до седловины к Авачинской сопке они совершили в два с половиной дня, из коих полтора ехали верхом, а полдня шли пешком. Ночевали они на горе в палатках. Подъём пешком начали с восходом солнца и достигли южного кекура только в пять часов дня. Около него они пробыли пятнадцать минут, так как дальнейшему пребыванию мешал сильный ветер, несший крупный песок и мелкие камни. За это время они успели установить флаг и положить под камень бутылку с запиской. По словам Г. Машихина, между этим и следующим, средним, кекуром — громадный по ширине и глубине провал, со дна которого из разных щелей поднимаются тоненькие струйки дыма с серным запахом. По выходе из провала струйки соединяются в небольшой столб дыма, который затем над вершиной горы расходится в воздухе. Спуск до седловины они совершили быстро, часа в два. Ни до 1889 г., ни после никто на Коряцкую сопку не всходил.

Перед вечером, гуляя по селу, я смотрел выделку бата (дерево долбят, мочат и расколачивают клиньями), а затем заходил к старухе Машихиной — матери моего хозяина. Ей восемьдесят девять лет, она дочь бывшего священника в селении Утка, родилась в Камчатке, совсем сгорбленная и высохшая старушонка, но разговорчивая и с хорошою памятью. Это один из редких экземпляров женской долговечности в Камчатке.

После этого я ездил на «закол» (точнее — запор. — *Ред.*). Так называется приспособление, запирающее ход рыбы в протоках. Он состоит из плетёного забора и длинной плетёной корзины (морда). Рыба, дойдя до забора, ищет проход, лезет в морду и набивается в ней вплотную. Оттуда её вынимают руками или баграми через особое отверстие. Из одного из таких заколов сегодня утром вынули двести штук, а при мне — девяносто штук. С развитием края и увеличением населения заколы эти, конечно, должны быть запрещены, как способствующие уничтожению рыбы. У селения Завойко запирается большой проток реки Авачи, и выше рыба идёт только по главному руслу или та, которой случайно удастся проскочить между изогнувшимися прутьями.

Жители селения Завойко держат много рогатого скота, но его не эксплуатируют. Например, у Машихина четыре коровы, которых, по словам хозяйки, дают более четырёх вёдер молока в день. Из него делают плохое масло, творог, сметану, простоквашу, но всё — только для своего употребления, а что не съедят или не разойдётся по соседям — выкидывают. Даже в Петропавловск

молочные продукты почти не возят на продажу, и там за недостатком масла местного производства покупают «сибирское» по восемнадцать рублей за пуд.

В селении есть церковь и школа, но священника нет, и служба бывает только в дни его приезда из Петропавловска.

Верстах в четырёх-пяти за селением, в узкой горной щели течёт речка Кунчилуч, по берегам которой, как говорят жители, инженер Симонов в 1903 г. нашёл признаки золота. Но компания Валинского, от которой работал этот инженер, не стала развивать дело. В брошенных шурфах пробовали работать старатели из местных жителей, но работа оказалась невыгодной. Вчера (4-го числа), в восемь часов утра, я отправился в обратный путь. Проводить меня собралось всё население. Когда я сел на паром (два связанные бата с положенными на них досками) и сказал последнее «прости», а четверо гребцов стали шестами отпихиваться от берега, раздались ружейные выстрелы. По словам моих спутников, после адмирала Завойко (точнее, генерал-майора. — *Ред.*) здесь был только генерал Унтербергер, в бытность его военным губернатором Приморской области, многие жители его не видели, а поэтому вполне понятно их желание с особым почётом проводить именитого гостя.

Река Авача очень извилиста, но спокойная, поэтому нашим плотовщикам приходится только направлять паром, а не грести. Они достаточно свободны, и мы ведём беседу на разные темы. Между прочим они сообщили, что жителям селения Завойко (ныне Елизово. — *Ред.*) предоставили исключительное право держать перевоз через реку у селения и взимать за это с человека пять копеек, с лошади пятнадцать копеек, и с лошади с вьюком — тридцать пять копеек. На мой вопрос: отчего они не устроят паррома и не сдают деньги в общественные суммы? — они ответили, что некому этим заняться и хлопотать, а так проще — кто свободен, тот и перевёз, тот и деньги получил. На моё же заявление, что виденные нами утром два купца с восемью лошадьми потеряли массу времени и претерпели кучу неудобств, ночуя в лесу, — ответили: «Это дело привычное, да им и не к спеху». Купцы эти везут товар в село Мальково (Мильково. — *Ред.*).

У Заимки, бывший хутор адмирала Завойко, в четырёх верстах от селения, мы сделали маленький привал, чтобы дать возможность Подпругину посетить какого-то своего родственника.

Пройдя затем версты три, мы встретили несколько возвышенный правый берег. За ним местами видны обвалы или рвы и начало

брустверов. Это место называется «батареи». Здесь в 1854 г. в ожидании движения неприятеля вглубь страны была подготовлена укреплённая позиция, но нашим храбрецам воспользоваться ею не пришлось, так как им не понадобилось отступать от Петропавловска.

Около полудня Подпругин стал советоваться с плотовщиками, где бы найти для чаеванья подходящую «палестину»? Наконец высмотрели невысокий береговой откос и хороший лесок, где и причалили. Место это оказалось со следами старого костра, то есть известное местным жителям. Вскоре запылал новый костёр, а на нём закипела вода в нескольких чайниках. На завтрак у нас ушло около часу, после чего мы двинулись далее и около четырёх часов были на рыбалке Пестуновича, расположенной на косе в устье реки. Здесь я распротился с завойкинцами и пошёл осмотреть рыбалку, а они, разъединив баты и сложив в один из них настилку, отправились кто домой, а кто в «Порт» (так местные жители называют Петропавловск).

По внешности всё заведение г. Пестуновича представляет громадный холщёвый балаган, обнесённый с трёх сторон вместо стен и забора рядами бочек. Четвёртая сторона примыкает непосредственно к воде. Рядом с балаганом стоят две обыкновенные солдатские палатки, в которых живут рабочие. Нас встретили два молодых еврея, родственники или компаньоны хозяина, и повели показывать заведение. Рабочие — русские и китайцы. Всё делается голыми руками. Поэтому у всех рабочих руки изъедены солью и у многих обвязаны тряпками, которые от времени порядочно загрязнены. Главный икрёной мастер получает сто рублей в месяц на хозяйских харчах, а единственная на промыслах женщина — полтора рубля в сутки. Она только моет очищенную рыбу. Чистят и режут рыбу четыре китайца, один китаец обсаливает её, а еврейчики складывают в бочки, которые собирает из привезённого материала особый русский бондарь. Железные обручи на бочки пригоняет и натягивает китаец. Добытую из рыб икру протирают на особых металлических грохотах. Когда зёрна отделятся совершенно от плёнок, их четверть часа моют в тузлуке (насыщенный тёплый соляной раствор), затем собирают в мешки и кладут под пресс, чтобы отжать воду. Готовую икру складывают в небольшие кадушечки, обложенные внутри вощёною бумагой. В «каюте первого класса», как гласит надпись на одной из палаток, еврейчики захотели непременно угостить меня чаем и свежеей икрой. Пришлось принять приглашение, несмотря на страшную

грязь в помещении и на необходимость торопиться с отъездом. Раньше, чем заварить чай и наливать его, я попросил Подпругина вымыть посуду и вытереть её нашею салфеткой, хотя тоже не особенно чистою, но представлявшейся альпийским снегом по сравнению с окружающею грязью.

Эта грязь могла бы конкурировать только с аптекой доктора Малиновскаго в селении Никольском на острове Беринге. Говорят, что за чистотой смотреть некому, ибо необходимо постоянно следить за рабочими. Без бдительного надзора рабочие только портят материал. В прошлом году эти хозяйские родственники жили в порту и только наезжали сюда, поэтому вся заготовленная рыба сгнила, и г. Пестунович понёс убыток в несколько десятков тысяч рублей. В нынешнем году этого допустить нельзя, так как рыба и икра будут отправлены в Харьков и Москву. Поэтому они живут в «каюте первого класса» и целые дни проводят на рыбалке. Каждый вечер вся изготовленная рыба и икра отвозятся в особые склады на Сигнальном мысу. До вчерашнего дня засолили пятнадцать тысяч рыбы, нужно же шестьдесят тысяч и икры не менее ста пудов. Рыбу неводят сами рабочие, частью же скупают у окрестных жителей по восемь копеек штука. Это уже давно установившаяся здесь цена красной рыбы, и от продажи ея на промысла местные жители имеют порядочный доход. Можно бы было ещё скупать и икру, которую жители впрок не готовят, но она выдерживает на воздухе не более трёх часов. Поэтому её нельзя возить даже из Сероглазовки, не только из села Завойко или с Паратунки. Хотя всё-таки ея приобретается некоторое количество, очень, впрочем, незначительное, от жителей селения Авачи, расположенного вблизи рыбалки на крутом берегу реки.

Пока мы осматривали рыбалку и пили чай, подошли наши лошади, отправленные сюда утром с казаком. С версту мы проехали берегом, а затем — то горой, то берегом по прежней дороге, в той ея части, где нет ключей. Ехали почти всё время рысью и в пять часов были в Сероглазовке. Здесь у другой замужней дочери Подпругина ещё раз напились чаю и закусили, а в семь часов были уже дома. Во время нашего чаепития в дом вошла высокая стройная брюнетка с большими карими глазами, хорошим овалом лица и немного смуглым цветом кожи. Мне она показалась лет двадцати пяти, но Подпругин объяснил, что ей не менее сорока, что она уроженка селения Маркова и живёт со вторым мужем, казаком Юпиным, который значительно моложе ея. Она была одета в тёмное шерстяное платье и чёрное суконное пальто магазинной

работы. Она принесла продавать различные безделушки (коряцкие игрушки) из моржовой кости (собаки, нерпы, олени, нарты, уточки, человечки и прочее), вроде тех, какия В. Е. Флуг привёз из бухты барона Корфа. Мне оне показались малоинтересными по грубости их работы, но Подпругин купил штук двадцать за одиннадцать рублей, говоря, что эти вещи часто спрашивают приезжие.

За дни моего отсутствия из Петропавловска наибольшая температура была +22°, наименьшая — +9 °Ц. В долине реки Авачи, где «палестина» широкая, а до гор «дивно место» и где поэтому ветер имеет больше простора, вероятно, температура была ниже, тем не менее сегодня настолько тёплый день, что, плывя по реке, можно было сидеть на плоту без пальто... (Дальнейший рассказ о посещении городского училища см. в «Вопросах-3», с. 449—451.)

9-е, среда. В девять часов утра пришёл «Манджур» и сообщил, что в Уке он видел пароход первого чукотско-анадырского рейса «Этин», который идёт обратным рейсом и будет здесь на днях. В первый путь пароход этот не мог из-за льдов попасть ни в Уку, ни в Карагу, ни в залив барона Корфа, то есть ни в один из тех пунктов, куда шла «Шилка», а в лимане Анадыря простоял во льдах восемь суток и когда, наконец, выбрался из них, то мог пройти только в Номе на Аляске.

В два часа дня пришёл из Николаевска «Люцун», чтобы конвоировать до Владивостока «Шилку». Командир и гг. офицеры считают кампанию конченной, хотя надеются, в случае изготовления руля портовыми мастерскими (чертежи посланы на «Азии»), всё-таки сделать северный рейс. На «Люцуне» состоит помощником командира молодой человек, служивший на «Тунгусе» в его первый рейс по Охотскому морю. Этот господин рассказывает, что на бере реки Кухтуя, у города Охотска, сидит на камнях пароход «Цинтао», идущий из Владивостока вторым охотским рейсом. Он повредил себе днище, и машина у него сдвинулась. Пробовали выбросить в море часть груза, но это не помогло. Поэтому-то этого парохода до сих пор и нет здесь, хотя по расписанию он завтра должен идти из Петропавловска во Владивосток. Весь путь отсюда до Николаевска и обратно «Люцун» сделал в тумане. У северного Сахалина и в стороне Шантарских островов он видел массу льда.

Сегодня вечером в разговоре с Лехом и Вильдеманом по поводу посадки на мель парохода «Цинтао» выяснилось всё неудобство для края теперешняго расписания рейсов Добровольнаго флота. Всего в этом году четыре охотских и два чукотских рейса. Все они круговые. Поэтому лица, едущия первым и третьим рей-

сом в Охотск или Аян, сначала попадают в Петропавловск, затем обходят весь западный берег Камчатки и только через месяц и более являются на место. Лица же, едущия вторым и четвёртым рейсом в Петропавловск, попадают в него только после обхода всех охотских портов. Для ускорения товарообмена и оборота капитала рейсы должны быть рассчитаны так, чтобы, выехав весной из Петропавловска во Владивосток или обратно, можно было употребить на дорогу возможно меньше времени, а возможно дольше быть на месте и в тот же сезон возвратиться обратно, а с последними круговыми рейсами разослать товар по местам. Для этого необходимо связать Петропавловск с Владивостоком самостоятельными рейсами и устроить в первом и в Николаевске-на-Амуре агентства и склады Добровольного флота. При этом охотско-камчатские рейсы должны начинаться и кончаться в Николаевске, а чукотско-анадырские — в Петропавловске.

Ещё было бы лучше, если бы пароходы охотско-камчатских рейсов вовсе не доходили до Петропавловска, а крайним своим пунктом имели на западном берегу Камчатки устье реки Большой или селения Явино, Галыгино или Озерное. Тогда пробег этих пароходов сократился бы ещё на двести сорок миль, за счёт которых из нескольких рейсов и расстояния от Владивостока до Николаевска (девятьсот миль) можно было бы пустить лишний рейс по Охотскому морю. Все пункты к югу от Явино или Галыгино и пункты по восточному берегу от мыса Лопатки до Петропавловска мог бы обслуживать пароход специальной линии Владивосток — Петропавловск.

Такая комбинация охотских рейсов увеличит, конечно, ещё расходы Добровольного флота на содержание третьего агента и третьей конторы со складами в селении Явино или Галыгино, но зато она, безусловно, оживит все берега Охотского моря и в особенности город Николаевск, а вместе с ним и наше пароходство по реке Амуру. Если же, как надо думать, направление Амурской железной дороги будет изменено и конечным восточным пунктом её будет не Хабаровск, а Николаевск, то дорога эта получит много груза для охотского побережья и приблизит его к центрам, чем, кроме стратегического, приобретёт и большое экономическое значение.

Чукотско-анадырский рейс, сокращённый на участок Петропавловск — Владивосток (1 360 миль) и мыс Дежнёва — Номе (200 миль) (я предполагаю, что на мысе Дежнёва будет станция беспроволочного телеграфа, соединённая с остальной сетью на

материке Азии, и поэтому специального захода парохода в Номе на Аляске не потребуется), даст возможность этим самым продлить его от мыса Дежнёва до Нижнекамчатска (1 560 миль) и тем оживить всё северное побережье Чукотской земли и хотя отчасти вырвать его из эксплуатации американцев.

Пения «чавычульки» не слышно. Ход «чавычи» прекратился. Мадам Лех и другие утверждают, что появление и исчезновение птички совпадает с началом и концом хода рыбы. Г. Лех это отрицает и считает за простое совпадение...

В пять часов дня пришёл «Камор», зафрахтованный Добровольным флотом для второго анадырского рейса. На нём прибыл сюда г. Сузуки для совещания с командиром *Kongo* по вопросам, возбуждённым японскими рыбопромышленниками.

11-е, пятница. Утром я был на «Каморе». Это — большой угольщик, совершенно неприспособленный для почтово-пассажирских рейсов. На нём только четыре крохотных пассажирских каюты, а салон совсем маленький, за его столом может поместиться только восемь человек. Для почтового чиновника и суперкарго наскоро сколочена рубка на левом борту, против машины. Кормовой трюм приспособлен для пассажиров третьего класса, а второго класса, или так называемого улучшенного третьего класса, вовсе нет. Его заменяют каюты низших служащих.

Проезд в первом классе от Петропавловска до Номе (Аляска) стоит шестьдесят шесть рублей и три копейки. Продовольствие — три рубля в сутки. Таким образом, не считая «экстры», проезд в оба пути обойдётся в триста пятьдесят один рубль, да от Петропавловска до Владивостока с продовольствием — в шестьдесят шесть рублей. «Камор» идёт на Север как раз вовремя, когда уже нельзя встретить льды, а в порте Ново-Мариинском будет полный съезд марковцев и чукч. Возвращается пароход во Владивосток в конце сентября. Лучшего случая быть на Севере без риска опоздать из отпуска я не дождусь, а потому решаюсь идти на этом угольщике. К тому же командир любезно уступает мне свою светлую и сравнительно просторную каюту, что для меня особенно важно в виду предстоящих мне работ. Со мной в первом классе будут только два пассажира: один (немец Беренс) идёт до Номе, другой (А. А. Потапов) — до бухты Провидения. В третьем классе есть несколько пассажиров в разные пункты Севера...

Сегодня был у меня командир «Манджура» и рассказывал, что в последнее плавание вдоль восточного берега Камчатки он встретил у Карагинского залива восемь японских рыбацких

шкун. Хозяева этих шкун говорили, что не могут найти на своих картах купленные ими участки, а когда капитан Огильви указал им по новейшим планшетах их места, то отказались на них перейти. При этом один нахально заявил, что в данном месте ему стоять удобнее.

Пришлось арестовать все восемь шкун, отобрать от них все судовые документы и за невозможностью их буксировать — приказать им собственными средствами идти в Петропавловск. Теперь плавает по восточному берегу «Командор Беринг», и вскоре мы, вероятно, услышим, что сделал с этими шкунами заведующий рыбными промыслами, если они не послушались приказа «Манджура».

12-е, суббота. На разсвете пришёл «Этин». На нём плавало несколько здешних мелких купцов, которые сегодня рассказывают, что они почти ничего не приобрели от чукч, так как не могли конкурировать с каким-то русским купцом, имевшим дешёвый варшавский товар. Между тем без нерпичьих ремней, кухлянок, тарбазов, выделяемых исключительно коряками и чукчами, местным купцам нечего делать внутри страны, где туземцы выменивают пушнину почти исключительно на эти товары, без которых они не могут ни запрячь нарт, ни выехать на работу или охоту.

Со 2-го по 9-е число здесь стояла только «Шилка», сегодня же стоят ещё «Манджур», «Люцун», «Камор» и «Этин». На рейде и в гавани оживление, и Петропавловск оправдывает название «Порт»...

14-е, понедельник. После обеда я делал визиты, а около пяти часов был на пристани, где меня уже ждали Лех и Вильдеман. Мы тотчас сели в казённую шлюпку и при дружной гребле четырёх казаков быстро дошли до «Камора», стоявшего за косой в проходе. В шесть часов вечера «Камор» снялся с якоря, и я начал своё северное плавание.

ГЛАВА IV. От Петропавловска до Анадыря

Июль, 15-е, вторник. На разсвете простояли часа три у Шипунского мыса, пока едущие с нами алеуты собирали на берегу упрощенных ими сивучей. Они в числе девяти человек охотились здесь около месяца и в то же время выбирали место для поселения. В бытность губернатора в Петропавловске они подали ему об этом прошение, мотивируя его уничтожением промыслов на островах. Другая партия алеутов по той же причине собирается

отъехать на Алеутские острова, то есть в американские владения, на родину своих предков. С утра отличная погода: море спокойно, небо ясно. После утреннего чая я с удовольствием сидел на верхней палубе и любовался берегом. Ближайшие ко мне скалы ярко освещены, далее они все более и более блекнут и заканчиваются лёгким силуэтом Кроноцкой сопки. За этою береговою полосой ясно видны Велючинская и Коряцкая сопки, покрытые снегом, а далее, слегка в тумане, — Жупановская сопка, к вершине которой приткнулось единственное на всей картине небольшое облачко. При закате солнца Кроноцкая сопка опять вырисовывалась передо мной фиолетовым конусом, как в тот достопамятный вечер, когда на неё несло «Шилку». Но теперь она значительно меньше, и тоны её нежнее, так как мы от неё вдвое дальше, чем тогда. Солнце село на северо-запад. Наш курс на северо-восток 70° . В селении Никольском будем завтра не позже полудня.

16-е, среда. В шесть часов утра мы были в тридцати пяти милях от острова Беринга, но из-за тумана далее идти не могли, и должны были застопорить машину, но так как туман не расходился, то в восемь часов отошли дальше в море и стали качаться на зыби.

Вечером Вильдеман, вспоминая обстоятельства своего приезда в Камчатку летом 1904 г., между прочим рассказал, что барон Брюгген, тогдашний главный уполномоченный КТПО, зафрахтовал в Сан-Франциско пароход *Redondo* для доставки груза в Петропавловск и на Командорские острова. Во время пути он обнаружил в пароходной кухне большой котёл со всевозможными мясными остатками, кипевшими постоянно и издававшими зловоние. По объяснению повара, несколько ложек этой жидкости разбавляется кипятком, и таким образом получается бульон, который затем заправляется соответствующим способом. Узнав это, барон приказал выбросить за борт всё содержимое котла, вычистить его, а суп варить ежедневно свежий. Повар-негр отказался исполнить это приказание, заявив, что без этого котла (носит по-английски особое название) он супа варить не умеет. Интересно бы знать, на всех ли американских коммерческих пароходах таким способом варят суп или это делают только повара-негры?

17-е, четверг. На разсвете туман был только по горизонту, и мы повернули к берегу, но в восемь часов он вновь покрыл нас густою пеленой, и мы начали думать, что и второй день зря проболтаемся в море. К полудню ветер несколько изменился, и мы увидели себя в трёх милях от берега. Дали полный ход, и через час бросили якорь в виду селения Никольского. Ещё через час к нам приехал

начальник островов, священник и доктор Малиновский. Когда они исполнили все формальности по осмотру судна и пассажиров и приняли почту, я поехал с ними на берег. Рулевым на шлюпке был алеут — блондин с круглым лицом. По поводу его Сокольников сказал, что это — потомок одного из тех унтер-офицеров, которых ещё лет десять назад посылали из войск Приамурского края улучшать здесь породу.

Вчера вечером за стаканом грога шла об этом речь в кают-компании, и мои спутники, имеющие сношения с островами, говорили, что каждая алеутка очень довольна, когда у нея родится белый ребёнок, это почитается за счастье для семьи.

На берегу я был приветствован жителями как старый знакомый.

На «Этине» приехали жена и сын Сокольников. Она очень милая, радушная, услужливая камчадалка, но, как и все оне, мало-разговорчивая. Она угостила меня прекрасным обедом, в котором было всё, кроме свежего скотного мяса. После обеда был тот же прекрасный чай, который в первый мой приезд сюда я пил у Векентьева.

После обеда Сокольников показывал свою коллекцию северных птиц и некоторые старинные чукотские вещи. В коллекции птиц была одна розовая чайка, другую он подарил В. Г. Флугу во время его пребывания на островах, а третью несколько лет назад отправил в музей Академии наук. По словам Сокольника, птичка эта гнездуется в прибрежных скалах Ледовитого океана и на Новосибирских островах, а в лимане Анадыря встречается очень редко. Старое чукотское оружие ему удалось достать только благодаря бывшему несколько лет назад голоду, когда чукчи сами приносили его в обмен на чай, сахар и другие продукты: ранее же они не хотели ни за какую цену разставаться с доспехами предков.

По словам Сокольника, постоянный рейс «Камора» вполне своевременен, и в Ново-Мариинском посту мы застанем ярмарку.

До сегодняшнего дня алеутами добыто только шестьдесят восемь котлов-холостяков. Явное падение промысла. В прежние годы к настоящему времени бывало убито уже несколько сот котлов. Сокольников всё-таки надеется к осени добыть на обоих островах не менее трёх тысяч штук.

С якоря снялись в шесть часов вечера. И. И. Мелехин, прослуживший на островах четыре года, говорил за обедом, что в его время (пять лет назад) к середине июля убивали до восьми тысяч котлов. Кстати, он не верит, чтобы промысел зверя в море был добычливее, чем на островах. Он полагает, что хищники нарочно,

для введения публики в заблуждение, показывают в своих вахтенных журналах неточное количество убитого зверя и неточно обозначают места охоты. На это, по его словам, попался и Прозоров, составляя свою карту хода зверя и охоты на него. Свое мнение М. И. подкрепляет ссылками на вахтенные журналы тех хищнических шкун, которые ему самому приходилось задерживать в наших водах. Во всех них места убоя зверя были показаны далеко за островами.

Перед отходом парохода, М. И. купил у казака за двести рублей девять анадырских собак и радуется, так как эти собаки считаются лучшими в крае, и одна уносная собака стоит иногда сто пятьдесят рублей, а прочия доходят до пятидесяти рублей каждая.

18-е, пятница. В восемь часов утра бросили якорь в виду Усть-Камчатска, но не там, где обыкновенно останавливаются пароходы (близ устья реки), а ближе к озеру Нерпичьему и мысу Камчатскому. По этому поводу Вильдеман несколько обезпокоился: надо сгружаться на берег, несколько вёрст идти берегом, и только тогда можно будет погрузиться в паровой катер общества. Капитан не согласился переменить место стоянки, а Яуналаксен уверил Вильдемана, что на берегу против нас сложены товары общества. Тогда Вильдеман, несмотря на юго-восток ветер и порядочный прибой, стал торопить Рудакова (суперкарго) со спуском парового катера и фунгаса. Рудаков сначала не хотел этого делать, ссылаясь на погоду, но Вильдеман утверждал, что прибой здесь вечный, а погода лучше не бывает. Наконец к одиннадцати часам спустили большой фунгас, погрузили в него разный товар, Вильдемана, Яуналаксена и несколько пассажиров третьего класса, и он отправился на берег под вёслами. Несмотря на сильное желание воспользоваться временем стояния здесь «Камора» и съездить в Нижнекамчатск осмотреть в церкви старинный образ, о котором говорил мне Тюшов, — я остался на пароходе, дабы в случае ухудшения погоды не быть причиной замедления рейса.

Ключевская сопка не видна за туманом, Шевелюч же виден ясно. Массив его кончается двумя пиками. Правый скат сопки круче левого. Между сопкой и берегом моря ряд невысоких холмов, переходящих у Нерпичьего озера в низину, а за ним вновь поднимающихся и резко обрывающихся в море Камчатским мысом. Судя по конфигурации местности, Нерпичье озеро в давно прошедшие времена, вероятно, составляло морской залив.

Сегодня за обедом мы ели свежую треску. Рыба очень вкусная. Капитан ест только голову и говорит, что это лучшая часть рыбы.

С мнением капитана, кажется, согласны жители Камчатки. По крайней мере, в тех домах, где мне приходилось обедать и ужинать, мне всегда предлагали голову и удивлялись моему отказу.

19-е, суббота. На разсвете «Камор» перешел ближе к устью реки, где на краю косы, отделяющей её от моря, стоит консервный завод КТПО. Завод этот, как и другой — в бухте Тарья — выстроен по инициативе А. А. Прозорова, бывшего вдохновителя и главного руководителя дел общества, и как и тот ныне обречён на полное бездействие за недостатком рыбы.

Около семи часов утра вернулся наш фунгас, и люди сообщили, что вчера при высадке на берег едва не случилась катастрофа: прибойною волной фунгас поставило лагом, и стоило громадных усилий повернуть его поперёк волны, при этом люди и весь груз сильно промокли. Рабочие сообщили также, что в реке нет компанейского катера — он несколько дней как ушёл вверх. Поэтому и потому, что сегодня море спокойнее вчерашнего, решено спустить наш паровой катер и при помощи его отбуксировать груз в Усть-Камчатск. Мелехин не советовал этого делать, говоря, что даже в очень тихую погоду бар реки Камчатки высок и перебираться через него опасно.

В доказательство он привёл случай с А. А. Прозоровым, катер которого был перевёрнут прибойною волной, и никто из бывших на нём не спасся. Тем не менее, около девяти часов утра начали спускать паровой катер. Когда он был несколько приподнят над палубой, сломался крючок у талей, и катер упал на стальную палубу парохода. Произошло страшное сотрясение всего корпуса, так как катер весит шесть тонн. Палуба осталась цела, а у катера оказались помятыми бока и сдвинулась машина. Рудаков по этому поводу сильно выругал угольщиков-норвежцев, у которых, по его словам, всегда неисправен весь такелаж. Из-за этой аварии пришлось перейти на новое место и просить японцев, рабочих на рыбалке Берича, помочь выгрузке парохода своими фунгасами. Они согласились, но взяли за эту работу сто рублей.

20-е, воскресенье. Сегодня полнейший штиль и большой туман, далее косы ничего не видно. С раннего утра разгрузка идёт спешно. Вещи и товар, свезённые на берег вчера и третьего дня, подмочены бурунами, и сегодня один из товарополучателей вернул свой груз на пароход.

Сегодня мы разстались с очень милою молодою особой, женой студента, участника экспедиции Рябушинского, принявшей на два года должность учительницы в селе Ключевском. Кто-то из

приезжавших с берега сообщил, что экспедиция эта уже понесла утрату: один из участников ея, проходя крутым берегом реки Камчатки, оступился, упал в воду и утонул.

Один японец-рабочий при разгрузке фунгаса сломал себе ногу. Тотчас пришла шлюпка за судовым фельдшером, но он только через час раскачался ехать на берег. К двум часам дня все судовые работы были окончены, и мы двинулись далее. Через полчаса увидели пароход, идущий из Петропавловска. Вероятно «Цинтао», сидевший на Охотском баре, умудрился сняться и продолжает свой рейс. По расписанию, отсюда он должен вернуться в Петропавловск и идти затем во Владивосток. Говорят, Вильдеман вчера уехал в Нижний. Узнавши о приходе этого парохода, он, вероятно, не поедет в Ключи, а вернётся на устье, так как иначе ему придётся жить здесь очень долго, чуть ли не до возвращения «Камора».

21-е, понедельник. В восемь часов утра были на том самом месте, где 28-го «Шилка» потеряла руль. Берег виден отлично, жаль только, что вершины гор в тумане. Из-за этого картина много теряет. Начикинский мыс далеко выдвинулся в море и кончается широким крутым обрывом. Он составляет один из склонов Начикинской сопки. Она считается потухшим вулканом. Вершина ея состоит из нескольких кекуров с большими котлообразными провалами. Когда мы обогнули мыс и взяли курс на запад, картина совершенно изменилась. Из суровой, с резкими линиями, перешла в мягкую, с ласкающими глаз далями. Облака значительно разошлись, день стал яснее («ободняло», как говорят в Камчатке). В котловинах Начикинской сопки масса снега. На склонах же ея он лежит кое-где островками. Склоны сопки полого спускаются к морю, и только местами у берега невысокие обрывы. Вся гора покрыта берёзой Эрмана, ольхой и кедровым стланцем. Их тёмная зелень прекрасно гармонирует с красноватыми тонами кратеров вулкана. Чем дальше мы углубляемся в Укинский залив, тем более берег Начикинской сопки отходит к югу и наконец обрывается. За ним в далёкой синеве вырисовывается высокий снеговой кряж, а ближе к нам небольшой остров Манджур, закрывающий вход в залив Моллан. Остров этот покрыт такою же как и берег, тёмною, густою растительностью, что особенно рельефно выделяет его на фоне дальних гор.

Правый (западный) берег входа в залив Моллан невысок, но очень крут. От верхняго среза его берег к западу и югу всё понижается и очень скоро переходит в низменную тундру, простирающуюся по обоим берегам реки Уки до синеющих на горизонте

гор. При взгляде на эту панораму становится ясно, что некогда большое озеро было окружено с севера, востока и юга горами, из коих Начикинская после одного из землетрясений дала глубокую трещину, соединившую озеро с морем довольно широким коридором. По форме залив Моллан — совершенное подобие бухты Золотой Рог, изогнутой в обратную сторону, то есть вход с севера, а загиб под прямым углом на запад. От острова до южного берега залива шесть миль, а от восточного до западного края залива одиннадцать миль, ширина залива около двух миль, глубина неизвестна.

Пройдя на запад от Начикинского мыса около десяти миль, «Камор» бросил якорь в виду небольшой бухточки, в которую впадает река Ука и на берегу которой расположено селение Укинское. Тотчас спустили большой фунгас и погрузили в него товар КТПО. Мы с Потаповым сели в паровой катер, а Мелехин и некоторые пассажиры третьего класса — на фунгас. Когда мы зашли в бухточку, катер стал задыхаться, уменьшать ход и наконец остановился, далеко не дойдя до берега. Отдали буксир, и фунгас пошёл далее на вёслах, а мы с Потаповым остались на катере, медленно наполнявшемся водой. Нас ожидала холодная ванна, но механик принял меры к прекращению течи, катер водой не переполнился, и в то же время к нам подошёл какой-то мальчишка на крошечном бату и взял нас к себе.

Хотя мы сели на дно бата, но пришлось усиленно удерживать равновесие, рискуя каждую минуту перевернуться. Так наконец мы добрались до берега. Здесь нас встретили Кацинский (владивостокский шапочник и меховщик, а с недавняго времени и камчатский рыбопромышленник), старик Герасим Ласточкин, заведывавший складом КТПО, и его сын — сельский староста. Старик остался встречать «хозяина», как он назвал Мелехина, а сын и Кацинский повели меня по селению. Оно состоит из десятка домиков, в которых, кроме семей отца и сына Ласточкиных, живёт ещё Ласточкин, однофамилец первых, и помещаются склады товаров владивостокской фирмы «Вальдекер и Пеппель» и КТПО и имеются крошечный домик Бруара и хибарка его рабочих. Ласточкины переселились сюда из внутренней страны три года назад и очень довольны своим выбором. Тогда же впервые КТПО завезло сюда свои товары и поручило их старику Герасиму, который теперь должен сдать их Мелехину.

Когда я уходил от старосты, туда пришёл старик Ласточкин, имея на груди медаль «За усердие» на Станиславской ленте.

Он стал величать меня «Ваше превосходительство» и извиняться, что не так встретил, как следует, так как только от «хозяина» узнал, кто я, и первый раз в жизни видит генерала (ему около семидесяти лет). Он и староста просили меня воздействовать на японцев, ловящих рыбу на косе, чтобы они осторожнее обращались с огнём и не разводили пал на тундре. Огонь тушить некому, и он грозит уничтожением зверя. На днях при тушении такого пожара староста потерял свой знак и этим очень огорчён. Я обещал обо всём этом сказать уездному начальнику и просить его выслать старосте новый знак.

Оба эти камчадала хорошо говорят по-русски, но, как и все их сородичи, со своим особым «цоканьем».

Место это, надо думать, имеет будущность, так как разнообразие пейзажа указывает на богатство даров природы, а хороший рейд и близость большого залива, в котором можно укрыться от северо-восточных штормов, привлекут сюда пароходы.

На Начикинском мысу и сопке водятся дикие олени, а в горах внутри страны — горные бараны. Рога тех и других я видел на складе Пеппеля. Судя по Брему («Жизнь животных», т. III, с. 237—247), камчатский горный баран составляет разновидность американского «толсторогаго барана», а отнюдь не среднеазиатского «аргали», как неправильно считают в Камчатке. Медведей здесь, кажется, больше чем нужно, так как даже сегодня убили одного из нескольких, являвшихся в селение каждую ночь для разрывания ям с рыбой.

Пока мы были на берегу, механик с катера заделал на нём пробоину, и к обеду мы благополучно вернулись на пароход.

Из бывших ранее разговоров я знал, что пароходные служащие работают очень много. Сегодня же я лично убедился в этом. На «Каморе» только пять палубных матросов, они же и рулевые, поэтому оба помощника капитана часто работают как простые матросы. Не мудрено, что все они за сверхсрочную работу, после семи часов вечера, требуют особой платы и что капитан не даёт своих матросов при съезде кого-либо из нас на берег. Он дорожит каждым часом отдыха своих служащих.

От Добровольного флота на пароходе пятнадцать корейцев. Во время плавания они ничего не делают.

В портах же, глядя на их работу по нагрузке и разгрузке парохода, удивляешься, как могут быть люди с такою малою сообразительностью. Они способны только на ослиную работу, каковую и исполняют с весёлым лицом.

В третьем классе едет пятеро кавказцев. Один из них — с георгиевскою ленточкой на пиджаке, громадными подусниками, в мягкой шляпе со спущенными полями — имеет вид разбойника американских прерий. Сначала я думал, что эта компания едет на север по коммерческим делам — после войны на Востоке осталось очень много кавказцев, в особенности в Харбине, но затем оказалось, что «коммерция» их совсем особого рода. В Усть-Камчатске они залучили к себе пьяного казака, приехавшего получать груз, и обыграли его на триста рублей. Поездка им окупилась, и впереди предстоят одни барыши.

Солнце село на северо-западные горы громадным красным диском. Тотчас после захода солнца, в течение до получаса, была громадная рефракция солнца. Весь день — полнейший штиль, причём небо затянуто дымкой. До полудня над заливом Моллан держался туман, но затем он разошёлся. Стрелка анероида утром показывала 763 мм, а с полудня пошла на повышение. Наибольшая температура воздуха +29°, наименьшая — +14 °Ц.

22-е, вторник. Вчерашний закат предсказал верно — сегодня с утра дует северо-восточный ветер в три балла, и на рейде поряточная волна. Начикинская гора закрыта облаками более чем наполовину. Разорванные тучки проносятся с моря над заливом Моллан. После полудня ветер утих и к вечеру совершенный штиль, небо затянуто дымкой.

При заходе солнца на небе не было ярких тонов, а застилавшая его дымка приобрела розоватый оттенок. В это же время горы окрасились в синеватый цвет, а вода — в оранжевый с беловатыми и голубоватыми струйками. Диск солнца, спускаясь к горизонту, всё увеличивался в размере и темнел, градусов же за пять до горизонта остановился и, слегка закрытый туманом, простоял на одном месте до получаса, затем сразу потух. Особая окраска воздуха, гор и воды продержалась ещё несколько минут, после чего наступили полные сумерки. Всё явление (солнечная рефракция) было настолько оригинально, что я его тут же нанёс на холст. Само собой разумеется, что никакой остановки солнца (вернее земли) не было. Это нам только казалось, так как не было обычного эффекта заката солнца, а рефракция началась ещё до заката солнца.

В семь часов вечера мы окончили все операции, а в девять часов пошли дальше.

23-е, среда. В четыре часа утра видели «Командор Беринг». В Карагу пришли в шесть часов утра. Стали на якорь в бухте,

милях в трёх от селения. Бухта — мелководная, в чём я убедился, едучи на берег в капитанской шлюпке. Селение расположено на косе, при впадении в бухту реки Караги и состоит из десятка построек, в числе которых одни сложены из дерна, с очагом в одной из стен и дырой в крыше для света и выхода дыма, другие — сараи на высоких столбах, очагов в них нет и свет проходит только через открытую дверь. Между жилыми постройками разбросаны вешала для рыбы. Сюда окрестные коряки приходят на лето для лова рыбы, на зиму же они уходят в селение, расположенное верстах в восьми от устья реки.

Все здешние жители по-русски говорят очень плохо. Старшина их, служащий в должности двадцать лет и имеющий на шее серебряную медаль на Станиславской ленте, тоже не выучился говорить по-русски. Все административные обязанности как в бухте Карага, так и в ближайших к ней местах несёт камчатский казак Аркадий Юшин. Он явился ко мне на пароход и просил указания относительно одной японской рыбацкой шкуны, которая не слушает его приказаний перейти на другое место. Тут я спросил его, ушли ли в Петропавловск восемь японских шкун, арестованных «Манджуrom». На это он мне доложил, что 17-го июля здесь был «Командор Беринг», и заведующий рыбными промыслами дал этим шкунам разрешение ловить рыбу на занятых ими местах, но с тем, чтобы, по окончании лова они исполнили требование «Манджура» и явились в Петропавловск. В удостоверение этого чиновник дал казаку предписание за № 104 с приложением кальки, на которой означены места стояния шкун. Такая несогласованность в действиях наших охранных судов, конечно, подрывает значение надзора и престиж наш в глазах японцев. Следовало бы как можно скорее упразднить один из видов надзора.

По словам представителя Пеппеля, бухта Карага летом очень неприветлива: в ней почти всегда идёт дождь. На сегодня это подтвердилось. Сквозь пелену дождя окружающая бухту горы кажутся серыми. На них ещё масса снега.

При закате солнца повторилось вчерашнее явление рефракции. Диск солнечный во время стояния над горизонтом несколько раз темнел и прояснялся. Вчера я сделал этюд, а сегодня сфотографировал это явление.

24-е, четверг. В семь часов вышли из Карагинской бухты и пошли проливом между материком и островом Карагинским в бухту барона Корфа. Сегодня, как и вчера, прекрасный тихий день.

До обеда было даже жарко. Только к вечеру потянул северо-восточный ветерок. Оба берега видны хорошо, и только дальние горы затянуты туманом. К вечеру развело встречную волну, на которую «Камор» всходит свободно, и мы почти не ощущаем качки.

25-е, пятница. В северном углу бухты барона Корфа «Камор» был в полдень и бросил якорь в виду небольшого коряцкого селения, расположенного на косе. За ней небольшая водная площадь, далее низменный берег, а затем горы. Горы западного берега — куполообразные увалы, между ними широкие долины, к восточному берегу подходит довольно дикий кряж, который заполняет собой весь полуостров Говенский и кончается мысом того же имени. Горы этого кряжа — с самыми разнообразными вершинами. Из них две с сильно зазубренными краями (кекурами) и глубокими котловинами можно считать за потухшие вулканы. В низинах и на склонах гор снега не видно, в глубоких же падах и на вершинах его много.

Капитан наш первый раз в этих местах, поэтому он послал на берег шлюпку — узнать, правильно ли мы стоим.

Шлюпка скоро вернулась и сообщила, что пароходы обыкновенно останавливаются немного южнее, у другого селения. Идя сюда, мы, действительно, видели несколько палаток, маленьких домиков и большой сарай под крутым левым берегом. Командир тотчас перешёл на указанное место и бросил якорь у конца длинной косы, на которой и расположены виденные нами постройки.

Тотчас к нам явились горный инженер Нацвалов, его помощник и старенький гижигинский казак с тремя узенькими серебряными полосками на красных погонах, — «заведующий бухтой», как он сам себя называл. Казак этот доложил мне, держа руку у козырька фуражки, что в «бухте» всё обстоит благополучно: он уклончиво и безсвязно ответил на несколько моих вопросов и тотчас скрылся в трюме третьего класса. Впоследствии оказалось, что главная цель его прибытия на пароход была получить кое-что «для сугрева». По форме гижигинские казаки отличаются от камчатских только цветом приборного сукна: у первых оно красное, у вторых — чёрное.

Как только шлюпка была спущена на воду, так Нацвалов, Немирович-Данченко, Потапов, Рудаков и я поехали на берег. Мой первый визит был в сарай. Это — склад товаров Северо-Восточного промышленного общества и временная резиденция Нацвалова и его помощника. Склад — двухэтажный. В нижнем этаже сложены ящики с консервами, части парового катера, соль, мука,

гвозди, инструменты плотничные и слесарные, тачки, железо разных сортов и прочие предметы, долженствовавшие служить к оборудованию здесь рыбалки общества. Верхний этаж сплошь завален всевозможными сетями, прядевом, панчовками, грузилами и пустыми бочками. Около сарая большой бунт соли, накрытый японскими соломенными циновками. Тут же несколько штабелей брёвен и досок разной длины, ширины и толщины. У входа в сарай на берегу гниёт большой японский кунгас. А. А. Потапов не мог мне объяснить, почему общество бросило на произвол судьбы весь этот склад, стоящий не одну тысячу рублей и почему не открывало здесь рыбного дела. Осмотрев всё имущество, он решил часть его, и главным образом брёвна и доски, перевезти в залив Провидения, где находятся главные склады общества.

За импровизированным чаем и закуской на свежем воздухе выяснилось, что горный инженер Нацвалов и его помощник, отставной артиллерийский офицер, бывший в последнюю (русско-японскую. — *Ред.*) войну корреспондентом «Русских ведомостей», с пятью рабочими из амурских приискателей и каким-то иностранцем, разведчиком на золото, уже обошли прилежащая горы и речки, но признаков золота не нашли. Каменный уголь, пласты которого выходят наружу в горах, верстах в десяти-пятнадцати на юг, и которым покрыты все берега и дно бухты, по их словам, лигнит, негодный к употреблению. Я сделал небольшой опыт: бросил кусок угля в костёр и сколько ни ждал, он не загорелся. По их же словам, «Камор» первоначально стал против устья реки Култушной, а теперь стоит в гавани «Сибирь». Мы же были уверены, что первоначально стали у этой гавани, а теперь стоим в «Закрытой гавани». Эта последняя по тому же западному берегу бухты, но южнее, и вход в неё для пароходов недоступен за узостью и мелководьем. Южнее «Закрытой гавани» имеется небольшой грушевидный залив, а ещё ниже — «Залив Гека».

Вся долина бухты барона Корфа с севера на юг — сорок пять миль, и он описан только в последние два года чинами съёмки Восточного океана. До этого сведения о нём были незначительны и базировались на данных штурмана Гека, плававшего здесь в 1880-х гг. на шкуне «Сибирь». Ни на одной из находящихся в продаже карт нашего восточного побережья бухта эта не нанесена (она показана на карте Слюнина, приложенной к его книге «Охотско-Камчатский край», Санкт-Петербург, 1900). По восточному берегу бухты барона Корфа есть только один залив «Скобелева», отделённый от бухты большою косой. Он находится в верх-

ней трети бухты, вблизи устья реки Култушной. По словам инженера и его помощника, река Олюторовка впадает в бухту барона Корфа несколько южнее залива Скобелева.

Это совершенно не соответствует морским картам, на которых устье этой реки показано в вершине соседнего залива Олюторовского, хорда которого между мысом Говенским и Олюторовским — сто тридцать миль. Окончив завтрак, я пошёл гулять по косе, осматривать поселение, знакомиться с жителями и фотографировать. Береговая тропинка привела меня сначала к рыбным вешалам, а затем к лавке Косыгина. Меня встретил Никола Николыч и заявил, что он временно здесь, за отсутствием брата Феодоса, уехавшего в Номе за товаром и для определения малолетней дочери в обучение в какую-нибудь американскую семью. Никола уже побывал на пароходе и узнал, что русских товаров брату не пришло. Пожаром, бывшим на «Каморе», груз уничтожен, а фирма Чурина, от которой Косыгин выписал товары, не успела его заменить. Если Феодос не привезёт ничего из Номе, то зимой не на что будет приобретать пушнину.

В лавке, действительно, очень мало товара: тюк черкасского табаку, мешок муки, бочоночек разных гвоздей, кое-что из железных и медных вещей, несколько банок консервов, несколько разных шкур — да и всё, так как остальное больше похоже на хозяйственное имущество, чем на продажное. Я хотел купить у Косыгина несколько мелких коряцких изделий из моржовой кости (олени, сани, собаки, моржи, тюлени, сидячая птицы и прочие) вроде тех, какие от него приобрёл губернатор, но он заявил, что отдал губернатору все бывшие у него вещицы, а новые игрушки будут только после зимнего объезда западного берега Камчатки, где выделкой их занимаются коряки каменные и палонцы, здешние же, олюторовцы, их не делают.

Вблизи дома Косыгина я усмотрел несколько куполообразных земляных насыпей, сверху совершенно заросших травой. Никола Николыч объяснил мне, что это — зимовье коряков. Когда мы подошли к ближайшей насыпи, то увидели, что во многих местах она покрыта небольшими ямами. Это, по словам Косыгина, собачьи норы. В вершине купола имеется отверстие в половину квадратного аршина. Изнутри к нему приставлен столб с зарубками. Спустившись по этому столбу, мы очутились в полутёмном помещении, высота которого только у отверстия немного превышает рост среднего человека, к краям же она всё более и более понижается, и у стен только можно сидеть, да и то согнувшись. Нижняя,

цилиндрическая, часть постройки высотой не более аршина. Она покрыта плетёнкой из тонких прутьев.

Такою же плетёнкой, шириной аршина в полтора покрыт пол вдоль стен. Здесь разстилаются шкуры и устраиваются постели. Около столба уложено несколько плоских камней для очага. К южной стороне постройки примыкает крытый ход длиной около сажени. В разрезе площадь его не более квадратного аршина. Наружный конец этого хода закрыть дверкой. По Слюнину («Охотско-Камчатский край». Санкт-Петербург, 1900), лазейка эта имеет какое-то мистическое значение и предназначена исключительно для женщин. Если не считать лазейки, то ни дверей, ни окон в постройке нет. Свет и люди в неё, а дым из нея проникают через единственное отверстие в вершине купола. Из всех предметов домашнего обихода мы нашли в этом зимовье только донельзя грязное небольшое деревянное блюдо. Впечатление от этого жилья получается очень грустное — видно, что живущие здесь люди очень недалеко ушли от зверей.

Остальное поселение состоит из небольшого домика казака, «заведующаго бухтой», нескольких палаток и нескольких вешал для рыбы. В одной из палаток живёт крещёный японец Николай, доверенный Косыгина. Палатки имеют вид домиков с двускатною крышей, дверью и окном и состоят из четырёх или шести брусков и двух или трёх пар стропил, обтянутых бязью. Несколько семей олюторовцев, приехавших сюда с противоположного берега залива, живут под своими лодками (байдарами). Лодки их очень оригинальны. Оне имеют вид груши, разрезанной по длине, причём тупая сторона составляет нос, а острая — корму. Длина лодки около пятнадцати футов, наибольшая ширина в носу около пяти, глубина — три фута. Остов лодки сделан из тоненьких прутьев, а обшивка их — из нерпичьих шкур. Оне очень легки. При движении нос не разрезает воды, а только скользит по ней, корма же сидит в воде не более фута. Управляются лодки двумя или четырьмя гребцами и рулевым. Вёсла и руль — коротенькие лопатки. Впечатление от этих лодок — оне очень валки. Тем не менее, коряки делают в них большие переходы.

26-е, суббота. С утра начали грузить на пароход брёвна, доски и другие вещи, перевозимыя Потаповым из здешняго склада в бухту Провидения. С бревнами и досками много возни, так как на берегу их надо вязать в плоты, затем перегонять к пароходу, а там развязывать и частями подымать на палубу. Корейцы работают очень плохо, и поэтому на эту работу понадобится два дня.

После завтрака, гуляя по берегу, видел у дома «заведывающего бухтой» интересную группу. Хозяин, его помощник, молодой казак и несколько пассажиров третьего класса, сидя у небольшого столика, пили чай и водку, а местные коряки, обступя их кольцом, смотрели им в рот, нетерпеливо ожидая поднесения.

В складе Северо-Восточного общества пьяненький Косыгин всех и каждого называл «миленьким», перед всеми извинялся и хотел скупить чуть не весь склад, но кончил тем, что купил несколько фунтов гвоздей и несколько досок.

На пароход я вернулся в байдаре. Хотя со мной в лодке было человек десять мужчин, женщин и детей, и все мы сидели на дне ее, и только два гребца сидели на тоненьких жёрдочках, да рулевой на самом крае кормы, мне при каждом шевелении кого-либо казалось, что байдара должна опрокинуться.

28-е, понедельник. Утром было ясно и сравнительно тихо. Рудаков с Потаповым вновь начали доставку с берега плотов и разных вещей из склада. К десяти часам ветер засвистел с такою силой, что пароход стало дрейфовать в сторону косы. Бросили второй якорь, но и он плохо удерживал. Капитан заволновался и начал подавать тревожные свистки. Вскоре с берега пришёл кунгас с вещами, а за ним вернулись Рудаков и Потапов. Погрузку не успели кончить, и часть отобранных Потаповым вещей осталась на берегу. При подъёме кунгаса оборвалась цепь паровой лебедки, кунгас упал на пароходную палубу и порядочно повредил себе бока и дно. Рудаков пустил крепкое словцо по адресу капитана и вообще всех норвежских «угольщиков», которые из-за скаредности своей не имеют порядочного такелажа и запасных цепей, блоков, канатов, железа, досок и прочего и всякия повреждения в пути исправляют кое-как, а в портах запасаются только самым необходимым. В двенадцать часов снялись с якоря. Море волнуется значительно. Выйти на палубу нельзя, так как волной обдаёт рубки. Но качка килевая, и мы спокойно сидим в салоне. Я пишу этюд бури у мыса Говенского, а Потапов повествует о деятельности Северо-Восточного общества. По его словам, концессия гвардии полковника Вонлярлярского охватывает не только Чукотский полуостров, но простирается на запад до рек Ангумы, впадающей в Ледовитый океан, и Энненакол, впадающей в Анадырь на семьдесят пять вёрст выше Ново-Мариинского поста.

Дела общества идут очень хорошо благодаря торговле с чукчами в бухте Провидения и на мысе Дежнёва, где у общества имеются

большие склады товаров. Золото найдено в разных местах, но пока главное его месторождение открыто по левым притокам реки Нерпичьей, впадающей в Анадырский лиман. В этом месте разрабатывает его американец Свенсен со своими рабочими. Фактория их в заливе Святого Николая, близ Анадырского лимана. Привлечь к делу американцев было необходимо после неудачного опыта с русскими рабочими в 1902 г. Тогда их было привезено сто пятьдесят человек, но они ничего не делали, только пьянствовали и кончили тем, что разграбили склад в бухте Святого Лаврентия и разбежались. Кто ушёл в Америку, кто на Камчатку, кто потребовал отправки его на родину. Зачинщиком всех беспорядков был некто Васья Силаев, скрывшийся в Номе.

В нынешнем году для расширения дела общество выпустило новых акций на двести тысяч рублей, пригласило горного инженера Борисова и предполагает послать на Чукотский полуостров около ста горных рабочих с Урала и из Амурской области. Борисов выехал из Петербурга вместе с Потаповым, но должен был остаться во Владивостоке, так как на «Каморе» у него сгорело всё имущество. Вероятно, Борисов дожждётся прибытия рабочих, купит себе во Владивостоке новые вещи, зафрахтует пароход и осенью прибудет в бухту Провидения, где с нынешнего года будет местная контора общества.

Когда мы обошли мыс Говенский и взяли курс на восток, началась порядочная боковая качка, кают-компания опустела, и за обедом нас было только трое: капитан, Рудаков и я. Вечером я прикинул по карте размеры концессии Северо-Восточного общества, и оказалось, что площадь её не менее шестидесяти семи тысяч квадратных вёрст, или несколько более Греции и Черногории вместе взятых.

29-е, вторник. До двух часов ночи не мог заснуть из-за качки (крен не менее 20° на борт), ударов штуртросов о палубу и вздрагиваний судна при перебоях винта. Остальную часть ночи спал тревожно и встал ранее семи часов. Ветер меньше вчерашнего, и волны не такие крутые. В восемь часов прошли Аллоторский мыс. Он такой же скалистый, как и Говенский, и состоит из нагромождённых одна на другую гор с узкими между ними долинами. Снег лежит не только на склонах, но местами и у среза воды.

Отсюда взяли курс на северо-восток, на мыс Наварин, до которого двести восемьдесят восемь миль. К полудню ветер значительно стих, море улеглось, и осталась мёртвая зыбь. Барометр стал подыматься. Гористый берег виден ясно. К шести часам ве-

чера затянуло туманом северную часть горизонта, а северный ветер вновь дошёл до пяти баллов. Сверх зыби пошла волна с большими беляками, дым из трубы сильно пригибает к воде. Всё предвещает новый шторм. К девяти часам так и случилось, но мы идём вразрез шторма и качки почти не чувствуем. На нервы действуют только удары штуртросов о палубу и перебои винта. Весь день в кают-компании почти никого не было, а за завтраком и обедом были только командир, Рудаков и я.

В девять часов вечера anerоид показывает 745 мм, а температура наружного воздуха +13 °C.

30-е, среда. Капитан говорит, что ночью мы делали только по четыре узла, а теперь, в девять часов утра, делаем шесть, нормальный же ход «Камора» — девять узлов. С полудня северо-восточный ветер несколько стих, и море успокоилось. До обеда шёл дождь, весь горизонт был в тумане. Со вчерашнего вечера барометр стал подыматься и в полдень показывает 751 мм. Наибольшая температура воздуха +9°, наименьшая — +5,5 °C.

За обедом я потребовал шампанского и провозгласил тост по случаю дня рождения Наследника Цесаревича. Тост был дружно подхвачен всеми присутствовавшими, несмотря на различие их национальностей: норвежец, немец и трое русских.

31-е, четверг. Сегодня полнейший штиль и густой туман. Идём малым ходом, слегка покачиваясь на мёртвой зыби, причём часто свистим. Между девятью и десятью часами утра видели берег. Капитан называет его мысом Наварин (а может быть, мысом Фаддея) и говорит, что отсюда до Анадырского лимана осталось сто девяносто миль.

Вчера и сегодня мы проходили мимо тех мест, которые летом 1887 г. посетил Генерального штаба капитан Ресин на шкуне «Сибирь», снаряжённой владивостокским купцом Линдгольмом для торговых сношений с жителями Северо-Востока Азии. Шкуной командовал шкипер Гек. Капитан Ресин в своём «Очерке инородцев русского побережья Тихого океана» («Известия ИРГО», т. XXIV, вып. 1886 г., с. 156) говорит, что по Апукинскому и Туменскому берегу он видел народ, сродный по языку как корякам, так и чукчам, который называется «чукмарями». Ни прежние исследователи этих мест (Дитмар. «О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах». «Вестник ИРГО», 1855, кн. 51, 1856, кн. 1), ни новейшие (Слюнин) не знают этой народности. Дитмар, между прочим, говорит, что селения коряков, довольно удаленные друг от друга, расположены по берегу моря, при устьях рек и простираются

гораздо далее Олюторского мыса, почти до устья реки Анадыря, где они граничат с оседлыми чукчами. Как мужчины, так и женщины почти все высокого роста, стройны и красивы. Обычаи северных олюторцев (коряков) ближе подходят к обычаям кочующих коряков и чукчей... На морских и сухопутных картах можно видеть по всему берегу только одну надпись: «Земля коряков».

1-е августа, пятница. Всю ночь лежал густой туман. С утра он начал расходиться, и около девяти часов мы увидели по правому борту силуэт берега. Это была так называемая «Русская кошка». Она отходит узкою длинною косой от северного берега Анадырского лимана и тянется в юго-западном направлении миль на десять. Высота косы над уровнем моря не более сажени. Если бы туман своевременно не начал расходиться, то «Камор», несмотря на малый ход и большую осторожность командира, всё-таки сидел бы на мели. Несколько западнее этой косы — другая, меньшая, всего три мили длиной, образующая с берегом залив Святого Николая. Против этой второй кошки — громадная отмель с несколькими камнями в середине, тянувшаяся поперёк лимана с севера на юг, миль на шесть.

Ещё западнее, в самой узкой части лимана, против мыса Заселения, лежит небольшой скалистый островок Алюмка. Из-за этих четырёх главных препятствий для плавания в Анадырской губе курсы пароходов прокладываются от мыса Фаддея не на мыс Гека, а затем на Ново-Мариинский пост, а на конец Русской кошки, от него идут на запад, пока не вырисуется вся гора «Приметная» (небольшой тёмный конус, значительно выдвинутый вперёд из гряды прибрежных гор). С этого пункта поворачивают на север и огибают мель и остров Алюмку. Эта извилистость курса и осторожность, с которой надо им идти, подсказывают мысль о необходимости постановки здесь отличительных огней, сирен и других предостерегательных знаков.

В заливе Святого Николая находится фактория американца Свенсена. Подходя к заливу, Потапов ожидал, что навстречу пароходу выедет кто-либо, но ожидание не оправдалось.

Пройдя остров Алюмку, мы стали втягиваться в узкость лимана. Здесь очень сильное течение, а сулой (пенящаяся полоса воды, происходящая от трения речной и морской воды, движущихся в противоположные стороны), едва заметный у Русской кошки, здесь выражен резко. На карте сила морского прилива и отлива показана в этом месте в четыре с половиной узла. На юго-западе видна гора Диомид, с которой берёт начало небольшая речка, впа-

дающая в лиман близ горы Ивкова. Устье этой речки отделено от лимана небольшою косой, на конце которой расположен пост Ново-Мариинский — последнее русское поселение на северо-востоке Азии. От этой косы тянется небольшая мель, обогнув которую «Камор» бросил якорь на шестисаженной глубине, за милю от поста. Это было в три часа дня. Мили на три ближе к устью реки, у пологого мыса горы Святого Михаила, стоит пароход «Варг» (рыбалка Эриксона).

Между Ново-Мариинским постом и мысом Обсервации шири-на лимана около двух миль, а за горой Святого Михаила (залив Онемен) и за мысом Обсервации (залив Нерпичий) она достигает восемнадцати миль.

Около четырёх часов дня к нам приехала вся местная администрация: начальник Анадырского уезда, его помощник, священник, фельдшер и начальник «Чукотской землицы» — 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка штабс-капитан Калинин. Доктор не приехал, так как его нет здесь уже пятнадцать лет, со смерти первого уездного начальника — доктора Гриневецкого.

Пока помощник принимал почту, а фельдшер осматривал пассажиров третьего класса, г. Складенко сообщил нам, что последний шторм причинил здесь много бед жителям и на рыбалке Эриксона. Много чукчей осталось без шалашей, а марковцев — без палаток. На рыбалке же был сдрейфован пароход, размётаны навесы, раскатаны пустые бочки, угнаны в море фунгасы, изорваны невода. Из-за этого пароход не дополучил груза, и масса рыбы осталась недосоленной. Она пойдёт в Японии на тук. По словам Складенко, на «Варге» были привезены сюда для продажи разные японские товары. Все они оказались недоброкачественными, почему были конфискованы, и хозяину было предложено увезти их обратно.

Около пяти часов «Варг» перешёл к посту. Когда он проходил мимо нас, был слышен скверный запах несвежей рыбы.

2-е, суббота. В десять часов утра начальник уезда прислал за мной шлюпку. Гребцы — марковцы и камчатские казаки. Был отлив, и мы очень скоро достигли берега. Меня встретили все, как постоянные, так и временные обитатели поста Ново-Мариинского. В числе их было несколько камчатских казаков, несколько марковцев, пришедших сюда с начальником уезда на летний сезон, и несколько десятков чукчей, частью живущих здесь постоянно, частью приехавших с северного берега лимана и даже от мыса Чаплина. Поговорив со всеми ими, я отправился с начальником

уезда осматривать поселение. Оно состоит из десятка небольших домиков, двух землянок, нескольких юрт и палаток, а приезжие чукчи живут на берегу под опрокинутыми байдарками или в шалашах, сделанных на скорую руку из жердей и нерпичьих шкур.

Управление начальника уезда помещается в крошечном сарайчике. Внутренность его украшает хорошее американское конторское бюро, такая же качалка и разборный книжный шкаф. Вблизи управления стоит метеорологическая будка с несколькими инструментами, но за отъездом казака Селиванова наблюдения не производятся. Селиванов был несколько лет старшим на Ново-Мариинском посту и записывал показания инструментов, его выучил бывший начальник уезда Сокольников.

Г. Скляренко живёт в небольшом домике в две комнаты, из коих собственно одна жилая, а вторая — кухня и склад вещей. Вместе с г. Скляренко живёт и его молодая жена, только в прошлом году приехавшая из Петербурга. Помощник начальника уезда живёт в палатке, а Калинников — в таком же сарайчике, как управление. Сарайчик Калинникова служит столовой для названных лиц. Священник живёт с несколькими марковцами в крошечном американском домике в одну комнату. Девять человек казаков помещаются в полуразвалившейся землянке, которая ещё пятнадцать лет назад служила летнею резиденцией Гондатти. При Сокольникове она признана негодной, но за отсутствием денежных отпусков на перестройку продолжает и теперь кое-как служить пристанищем приезжим казакам.

У купца Косыгина здесь небольшой домик американской постройки. Остальные марковцы живут в палатках из дрели, обнесённых дерновою завалинкой. В каждой палатке есть камбуз, но не в каждой есть пол. Последний шторм, в котором был и «Камор», снёс здесь все шалашы чукчей и палатки марковцев, и многие из них не успели ещё обстроиться и в полном смысле слова живут под открытым небом. Одну семью чукчей я нашёл сидящей на нескольких шкурах и хозяина, чинящего здесь же верх от юрты. Кругом их абсолютно ничего — ни каркаса от юрты, ни домашней утвари, ни хозяйственных принадлежностей.

Во время нашей прогулки А. А. Потапов очень удивился, увидев среди сопровождающих нас лиц Ваську Силаева. Субъект этот усиленно просил начальника уезда обменять его легкую лодочку на большую, тяжёлую. Потапов утверждает, что Силаев, наверно, где-нибудь украл эту лодку и хочет её сбыть. В 1902 г. в заливе Святого Лаврентия склады были разграблены по его инициативе.

Чукчи привлекли особенно моё внимание не только своим образом жизни, но и внешним видом, и костюмами. По наружности они похожи на коряков, виденных нами в бухтах Карага и барона Корфа, но выше их ростом и лучше сложены, к тому же ноги их не такие тонкие, как у коряков. Все чукчи бреют свои лица, а на голове выбривают макушку на манер католических монахов, остальные же волосы на голове начесывают от центра к краям и подстригают в круг. Женщины заплетают волосы в две косы. Как у мужчин, так и у женщин волосы чёрные, прямые, толстые. Цвет кожи чукчей смуглый, со слегка бронзовым оттенком, как у алеутов. Чукчанки татуируются, начиная с момента половой зрелости. Как только такая наступает, на каждой щеке девушки делается вертикальная полоса, которая натирается порохом.

С выходом замуж прибавляется несколько таких черт и одна или две горизонтальные на лбу. У старух все лицо испещрено этими полосами. У всех чукчей, как и у коряков, глаза карие, прорезь глаз узкая. У тех и у других поражает страшная болезненность глаз. Я не видал ни одного коряка, ни одного чукчи с совершенно здоровыми глазами. У всех веки красные, воспаленные, у многих глаза слезящиеся, а у большинства гноящиеся. Я видел даже грудных детей с такими глазами. Очевидно, здесь играет роль вековечная грязь, незнакомство с мылом и водой и постоянное общение со зверовыми шкурами. Одежда чукчей — такая же, что и у всех северных жителей: рубаха, штаны и сапоги из звериных шкур мехом внутрь. Для прикрытия головы в холод или ненастье к вороту рубахи пришит капюшон. В общем же правиле и чукчи, и коряки ходят с непокрытыми головами. Летом сверх одежды из шкур чукчи надевают длинные полотняные рубахи, вышитые по подолу. Этой части костюма у коряков я не видал. Как ни грязны чукчи, но они произвели на меня впечатление людей более чистых, чем коряки.

После обеда я гулял по ближайшим окрестностям, смотрел на лов рыбы и любовался несколькими семьями куликов и бекасов, мирно разгуливавших по маленькому болотцу.

Чукчи ловят рыбу неводами сажени три длиной и полтора аршина шириной, вталкивая их в воду палками. Работает с таким неводом один человек и вылавливает в день до сотни рыб. Меня удивили малые размеры их вешал для рыб и очень незначительное количество рыбы на вешалах. Но мне объяснили это тем, что чукчи питаются зимой не исключительно рыбой, как камчадалы или оседлые (береговые) коряки, а и нерпой, китовиной,

олениной и другою дичью, которую удаётся добыть. Собаки их также воспитаны на более разнообразной пище, чем камчатския. Над лиманом постоянно вьются чайки разных пород. Оне настолько не напуганы, что как только чукча начинает тащить из воды невод, так оне массами приближаются к нему и норовят ухватить рыбу из невода, с берега, даже из рук рыбака. Я хотел сфотографировать один из таких моментов, но это мне не удалось.

Кулички и бекасы на соседнем болотце до такой степени не напуганы, что мы могли подойти к ним шагов на пять. Матери и отцы, не обращая внимания на наше присутствие, обучали потомство плавать, бегать, летать и добывать мошек и червячков. Сюда же являлись новые выводки, и тогда шла совместная работа. Иногда какого-нибудь червячка выхватывали одни у других своим крошечным клювом. А в воздухе всё время носился их свист и крик. При этом воздух был совершенно прозрачен, небо ясно, в падах и низинах лежали синеватые тени, а вершины холмов и некоторые их скаты были окрашены розоватыми лучами заходящего солнца.

Я долго наслаждался этою идиллией, и мне казалось, что здесь я постигаю существование первого человека в раю.

3-е, воскресенье. Сегодня священник по моей просьбе служил обедницу. Служба происходила в палатке. Алтарём служил простой деревянный ящик, покрытый холстиной и шёлковым платком. На нём — крест, Евангелие и требники. За ящиком — палка с перекладиной, на которой прибиты небольшие олеографические изображения Иисуса Христа, Матери Божией и Николая Чудотворца (олеография — вид полиграфического воспроизведения картин, исполненных масляными красками, распространённый во второй половине XIX в., имитировавший поверхность холста и рельефных мазков. Часто огрубляла и искажала оригинал. — *Ред.*). К каждому изображению прикреплена восковая свеча. Священник и дьячок — родные братья. Подтягивает им высоким тенорком один из марковцев. Здешние церковные напевы, как и камчатские, отличаются значительно от обыкновенных наших напевов. К обеднице собралось почти всё население поста. Девять камчатских казаков были выстроены фронтом около входа в палатку. По окончании службы начальствующие лица пристроились к казакам, начальник уезда скомандовал «смирно», я поздравился со всеми и поздравил с праздником. Получился импровизированный церковный парад под шестьдесят пятым градусом северной широты.

По словам священника и гг. начальников, 18-го июля здесь был на «Корвине» епископ Аляскинский, преосвященный Иннокентий. Он произвёл на всех очень приятное впечатление своею любезностью и подвижностью. Ему около сорока лет. С будущего года он предполагает на Чукотском полуострове открыть духовную миссию, почему, идя в передний путь, оставил Калинникову во Владимирском посту (бухта Провидения) большой образ Казанской Божией Матери. По этому поводу можно сказать вместе со Слюниным: «Будем ждать и надеяться, что в полярной тундре, на краю владений русского скипетра возсияет свет Христов, и дикая пустыня, омоченная русскою кровью в постоянных стычках русских с воинственными чукчами, огласится проповедью братской любви» («Экономическое положение инородцев Северо-Восточной Сибири». Известия ИРГО, т. XXXI, 1895, вып. 2).

Ближайший к посту лес находится вёрст за триста вверх по реке. Поэтому жители пользуются им только для построек, для топлива же собирают плавник. Если же его не хватает, то добывают каменный уголь в ближайших горах, верстах в пятнадцати от поста.

Скляренко считает от Ново-Мариинского поста до селения Марково тысяч вёрст. Это, кажется, преувеличено. По морской карте (проекция Меркатора) в прямом направлении триста миль. Если на изгибы реки прибавить треть, то получится четыреста миль, или семьсот вёрст, что вернее. Сообщение по реке Анадырь происходит в чукотских байдарках, карбасах и шлюпках, которые вниз по течению направляются только рулевыми, а вверх тянутся бичевой, людьми и собаками. При этом, идя вниз и пройдя устье реки Белой, приходится останавливаться у берега только на время морского прилива. Идя же вверх, на участке до реки Белой, приходится останавливаться на время морского отлива и на всём пути ещё для отдыха и ночлега. Поэтому перевозка одного пуда груза от Ново-Мариинского поста до селения Маркова стоит три рубля и продолжается от двух недель до месяца. Для ускорения и удешевления перевозки, Скляренко находит необходимым завести моторные лодки и мелкосидящие паровые катера. Ради опыта он зафрахтовал у Свенсена моторный катер и отправил на нём часть казённого груза в Марково. Но он боится, что казна не отпустит на это денег и ещё долго придётся груз таскать старым способом. Среди здешних чукотских байдар я не видел ни одной, похожей на коряцкия байдары в заливе барона Корфа. Здешние байдары — плоскодонные, с острым носом и таковою же кормой,

у некоторых есть даже руль, но, как и первые, они сделаны из тонких прутьев, обшитых нерпичьей кожей.

Ходят эти байдары под вёслами и под парусами. На берегу речки я видел лодку, совершенно не похожую ни на байдары, ни на современные шлюпки. Она представляет большой бат, к бокам которого прибиты деревянными гвоздями и витою корой несколько рядов плохо обструганных досок. Нижняя доска толще верхних. Внутри все скреплено между собой брусками, нечто вроде шпангоутов. Нос и корма остры. На некоторой высоте от дна положены доски для сиденья, около них, по бортам, вставлены колки для удержания вёсел. Длина лодки семь, наибольшая ширина — два аршина и такая же высота. Лодка эта своими обводами напомнила мне ту плоскодонку, в которой мы с Ренгартеном переезжали на «Ближнее озеро», едучи на Паратунку, но та была значительно меньше.

В одиннадцать часов вечера северо-западная часть горизонта была грязно-оранжевая, а выше её была широкая светло-серая полоса, то есть были сумерки.

5-е, вторник. Около девяти часов утра за мной заехал В. А. Диденко, и мы поехали на противоположный (северный) берег лимана в гости к чукчам. С нами поехал г. Такемура, студент института восточных языков в Токио. Был отлив. Паровой катер с «Камо-ра» провёл нас через узкость лимана и оставил в небольшой бухточке, за мыс Обсервации. На этот переход потребовалось полтора часа. В верхнем углу бухты, на самом берегу её стоит семь юрт оседлых чукчей (северные чукчи называют свои постройки «яранга»). Вокруг каждой расположены нарты, орудия охоты, домашние инструменты и вешалы для рыбы. Здесь греются на солнце ездовые собаки. День ясный, безветренный (в полдень +37 °C). Старые и малые чукчи и чукчанки ходят полуголые: рубахи спущены с плеч, на ногах нет ничего, только штаны плотно завязаны у пояса и щиколоток. И в то же время весь костюм — из зверовых шкур, мехом внутрь. К вороту рубахи пришит капюшон, который в холод и ненастье составляет головной убор. Некоторые мужчины ловят рыбу, другие чинят разную снасть, женщины шьют одежду, мнут кожи и занимаются домашними работами, грудные дети — на руках у матерей или спят возле них, зашитые в шкуры с небольшою прорезью назади. Подростки играют на берегу или помогают родителям.

Все юрты одного типа. Они представляют куполообразные постройки с дырой вверху для выхода дыма. Входное отверстие

обращено на юг. Летняя юрта обтянута одними оленьими шкурами, а зимняя имеет ещё вторую внутреннюю подшивку из холста. Основой каждой юрты служат тонкие, длинные жерди, поставленные по кругу и стянутые наверху оленьими ремнями. Шкуры сшиваются по величине юрты и забрасываются на жерди. Один край этой крыши прикрепляется к стойкам, другой завязывается только у верхнего кольца, внизу же закидывается свободно. Внутри, по середине юрты, — ряд камней, на которых разводят огонь.

Котелок подвешивается к треноге или на деревянный крюк, спущенный от центра купола. Против входа — постель. Это — четырёхугольный щит из тоненьких древесных прутьев величиной в квадратную сажень, покрытый оленьими шкурами. Над ним, на высоте человеческого роста, понижаясь к изголовью, прикреплен другой такой щит. Обтягивающая его шкура обращена шерстью внутрь помещения. Обе боковые и задняя стена обтянуты плотно скреплёнными оленьими шкурами, и только передняя стенка завешивается шкурой, прикрепленной к верхнему щиту. В такое помещение, объёмом менее кубической сажени, залезает вся семья и спать там вповалку, голая. Если в юрте живёт несколько семей, то для каждой устраивается особая постель. Вторую и третью семью составляют замужние дочери (более трёх постелей я не видал).

Направо и налево от постелей, вдоль стен, расположено всё имущество семьи. Рыба, предназначенная для копчения, развешена над очагом. Одну такую юрту со всею семьёй, находившейся в ней, я фотографировал, откинув по возможности больше крышку. Когда мы чаевали в некотором разстоянии от юрты, к нам пришли дети и подростки и устроили танцы и борьбу. Танцы заключаются в том, что все участники, ставши в круг, затанули какой-то гнусавый мотив, перемежавшийся выкриками. Вместе с выкриком каждый танцующий втягивал голову в плечи, ударял в ладоши и животом делал движение вперёд. Для борьбы два мальчика сняли с себя рубахи, и каждый старался повалить противника на землю. Мы роздали им остатки хлеба и сахара, а японец пожертвовал ещё девицам по несколько зёрен разноцветных бус, но особенный восторг вызвали жестянки из-под консервов. Слепой старик, получивший то же, что и дети, но с придачей куса кирпичного чая, просил всё сложить ему за пазуху и заявил, что понесёт старухе. Это — хозяин юрты, которую я фотографировал.

Во время чаеванья Такемура говорил, что, по записанным в Японии айнским легендам, «Камчатка» значит место нахождения красной рыбы: «Кама», или «Ками» по-айнски, — красная рыба, «шатка» — место лова. На пуговицах его форменной тужурки изображены латинская буква «L», горящий факел и два крыла. Он объясняет эту эмблему так: язык (*lingua*) или знание языка, это — светоч, при помощи которого можно лететь всюду. Собственное ли это его объяснение или заимствованное, но оно не лишено остроумия.

В три часа мы пошли обратно. Выйдя из бухточки в узкость лимана, видели стадо белух, шедших в море. Оне действительно белые и плавают, как все морские млекопитающиеся, часто выходя на поверхность. С половины ширины лимана мы попали в струю прилива, выгребать не могли, и нас понесло вверх. Когда мы были приблизительно у того места, где стоял «Варг», нас заметили с «Камора», и за нами вышел паровой катер, который и доставил нас благополучно на пароход, иначе сидеть бы нам где-нибудь на отмели.

После обеда поехали на берег Потапов, Рудаков, Диденко и я, и пригласили З. М. Складенко и Калининкова кататься при луне по лиману. Когда мы садились в катер, ко мне подошёл староста селения Маркова и стал прощаться. Я ему сказал, что еду только кататься, а не уезжаю совсем. Он же сказал, что прощается потому, что завтра утром, с началом прилива вместе с батюшкой и купцом Косыгиным едет в Марково. Мы обменялись благопожеланиями, при этом он сказал: «Дожили до радостных дней, сподобил Господь в сём году видеть архиерея и генерала». (Не прибавил только «ныне отпускаеши раба Твоего, по глаголу Твоему с миром».) Марковцы так запуганы прежним начальством, что, по их выражению, лучше пойти на медведя с голыми руками, чем встречать новое начальство.

6-е, среда. С утра стало хмуриться, а после обеда ветер от юго-востока развёл порядочную волну. В лимане она шла от северо-востока, отразившись от северного берега. После четырёх часов дня пошёл дождь. Все пароходные операции окончены, и ночью капитан хочет уходить. Я съехал на берег проститься с начальством. Как только наш ревизор покончил с уездным начальником все счёты по доставке груза, так мы поехали на пароход. Провожало меня все население поста за исключением священника. Я выслушал кучу добрых пожеланий и столько же оставил от себя. На память о здешних местах я взял у одного марковца ездового щенка.

За ужином Потапов рассказывал, что в зиму 1904—1905 гг. у него на мысе Дежнёва был корреспондент немецкой газеты «*Berliner Tageblatt*». Господин этот должен был на пари в четыре года, без гроша денег, обойти пешком вокруг света. Он имел право только через океаны переезжать на пароходах. Маршрут его был через Швецию в Петербург, Москву, Иркутск, Владивосток, Неме, Нью-Йорк, Лондон, Париж. Наша последняя война застала его в Иркутске. Не имея возможности пройти во Владивосток и там сесть на пароход, он пошёл в Якутск, Нижнеколымск, Дежнёв. Средства на путешествие этот господин добывал продажей своих карточек, чтением лекций в больших городах и помощью русских влиятельных лиц, к которым он имел рекомендательные письма.

С отходом парохода население поста Ново-Мариинского начнёт уменьшаться. Дня через два-три будут отправлены лодки с казённым грузом. За ними потянутся купцы, и последним уедет уездный начальник с женой, помощником и несколькими казаками. Как сказано выше, переезд уездного начальника и перевозка казённого груза до селения Маркова в наилучшем случае происходит в две недели. Она могла бы совершаться значительно скорей, если бы в распоряжении уездного начальника был моторный или паровой катер. Тогда груз мог бы доставляться до Анадырского острога частями всё лето. Теперь же, за трудностью перевозки людскою и собачьею тягами, часть груза остаётся здесь до зимы. Зимой в посту живёт шесть казаков, один-два марковца и несколько чукчей.

Всё время пребывания в Ново-Мариинском посту я торговал у двух марковцев и бывшего здешнего фельдшера Гусака шкуры белого медведя. За маленькую, плохо выделанную шкуру просили семьдесят пять рублей, а за большую, пушистую, с головой и когтями — сто пятьдесят рублей. Гусак же за особо большую просил триста рублей. Таких цен я дать не мог, а купцы ничего не уступали: они усиленно высчитывали, сколько дали чукчам мест чаю, фунтов табаку, оленьих шкур и других вещей, и, по их словам, всегда выходило, что они сами по местным ценам заплатили больше, чем хотят получить. Решено при посредстве Потапова приобрести шкуру в складах Северо-Восточного общества в бухте Провидения или на мысе Дежнёва. В последнем месте бывает особенно много шкур белого медведя.

Наша кают-компания увеличилась: к нам присоединился штабс-капитан Калинин, едущий в Неме и предполагающий

зимовать на мысе Дежнёва. По требованию его, «Камор» должен зайти в залив Святого Николая, где Калининков хочет получить какая-то справки от Свенсена.

ГЛАВА V. Вдоль Чукотского полуострова

7-е, четверг. В семь часов утра покинули Ново-Мариинский пост. Погода — ветреная, в лимане небольшое волнение, по горизонту туман. Около десяти часов утра бросили якорь у начала кошки, образующей залив Святого Николая, на берегу которого видно много палаток и деревянный дом. Это — так называемая фактория Свенсена. Она состоит исключительно из американцев, и русский в ней только один — Александров. Он служит в фактории переводчиком и поваром. Он — брат бывшего нашего священника в Сан-Франциско, настолько долго проживший в Америке, что по-английски ему легче говорить, чем по-русски. Через час к пароходу подошёл газолиновый катер с ним, Свенсеном и другими пассажирами и привёл баржу с грузом. Пока её разгружали, мы познакомились.

Свенсен произвёл на меня очень приятное впечатление своею энергичною фигурой в чистом костюме видно, это — работник без предрасудков и в то же время стремящейся пользоваться возможно большим комфортом. Когда его баржа приняла весь предназначенный для фактории груз, он, ничто же сумняшеся, повёл её на берег вместе со своими рабочими. Рудаков, узнав от Свенсена, что в фактории есть свежая оленина, просил несколько туш её уступить пароходу. Свенсен прислал нам три туши. Две из них Рудаков отдал в первый класс, а одну оставил для пассажиров третьего класса. Теперь мы хотя на время забудем о солонине и порядочно протухшем мясе старого быка, которых за последние две недели нам порядочно надоели. В Номе г. Фалькмус, вероятно, запасётся свежеею провизией, иначе придётся с ним ссориться, так как теперешняя наша кормёжка не стоит тех трёх рублей в сутки, которые взыскивает Добровольный флот с пассажиров первого класса, и притом каждый рискует заболеть.

Из фактории Свенсена идут на пароходе Перкенс и Талантайер. Первый именуется полковником, но, кажется, он никогда ничем не командовал, а второй — адвокатом, хотя не выиграл ни одного процесса. По выражению штабс-капитана Калининкова, Перкенс — «маргариновый полковник». По словам его и Потапова, у американцев каждый непременно носит какое-нибудь официальное зва-

ние. Так, «судьей» называется человек, помиливший хотя раз в жизни двух лиц; «капитаном» — если хотя раз привёл катер в порт, а «инженером» — любой кочегар. Перкенс производит очень приятное впечатление. Он выше среднего роста, хорошо сложен, имеет продолговатое лицо с подстриженными усами и бородкой, большие, умные глаза, высокий лоб, пробор посреди жиденьких волос, изящный костюм и приличные манеры. Только толстенные американские ботинки жёлтой кожи и привычка после обеда, сидя на стуле у камина и читая какой-то «*Magazine*», задира́ть ноги чуть не выше головы, говорят, что это — прирождённый янки. Г. Талантайер отличается теми же привычками, но костюм его более прост и более небрежен, шевелюра всклокочена, походка развинченная.

В час пошли дальше. В четыре часа дня прошли сто восьмидесятый меридиан от Гринвича. До сих пор мы считали восточную долготу, теперь будем считать западную. У американцев завтра 7-е (20-е) августа — четверг. Таким образом, двигаясь к востоку, я получил в нынешнем году два четверга, два седьмых августа, или один лишний день.

8-е, пятница (по американскому счёту 7-е, четверг). Ночью была большая фосфоричность. Жених-приискатель и невеста, сестра казака, на пароходе. За отказом священника обвенчать их в Ново-Мариинском посту и за неимением работ у Свенсена, к которому жених ездил во время стояния «Камора» у поста, они решили ехать в Номе, в надежде застать там епископа Иннокентия или кого-либо из духовенства нашей Аляскинской миссии.

С утра Потапов спорит с Калининковым о значении для края Северо-Восточного общества. Потапов доказывал, что общество своею торговлей приносит пользу; Калининков утверждал, что оно вносит только разврат, так как само не работает, а всё сдаёт американцам, которые нашего не жалеют и работают хищнически. Кончился спор заявлением Потапова, что он не останется зимовать в том месте, где будет жить Калининков.

С двенадцати часов дня начали входить в бухту Провидения и в два часа бросили якорь в заливе Эмма, против складов Северо-Восточного общества. На рейде стоит только одна американская двухмачтовая шхуна. Бухта вдалась в материк на восемнадцать миль. Северный и южный её концы слегка изогнуты на запад, а середина идёт в меридиальном направлении. Ширина её у залива Эмма версты полторы.

Она обставлена невысокими горами, круто спускающимися в воду. Поэтому берега везде приглубы, и даже в пятнадцати

милях от устья бухта имеет восемьдесят две сажени глубины. Общий вид ея — узкой щели среди гор. Благодаря туману и низко стоящим облакам общий колорит серо-бурый, от которого и холодно, и жутко.

Ближайшие к фактории берега имеют очень своеобразные осыпи грушевидной формы. Они начинаются у вершин гор узенькою ленточкой и расширяются по мере приближения к воде.

Нижняя часть их более или менее далеко вдаётся в воду. Пост Святого Владимира выстроен на одном из таких каменистых выносов, и в нём же проделал себе русло безымянный ручей. Как только мы бросили якорь, так к нам приехал доверенный общества Джонсон, а со шкуны — капитан и американский купец. Вслед за этими лицами подошли к пароходу несколько байдар с чукчами, и на палубе началась ярмарка. Пассажиры третьего класса, матросы и наши бои начали выменивать на чай и сахар нерпичьи шкуры, ремни, обувь и моржовые клыки. Шкур белого медведя у чукчей не было. Чукчам очень понравились стеклянные бусы нашего японца-студента и трубки корейцев-рабочих. Здешние чукчи по-русски не говорят, по-английски же говорят многие. Это до некоторой степени надо поставить в вину Северо-Восточному обществу, которое по контракту с правительством должно работать русскими людьми и может только некоторый процент рабочих набирать среди инородцев. Между тем, кроме Потапова и Александрова, других русских у них нет, а Джонсон хотя и говорит по-русски, но, конечно, не пропагандирует этот язык среди служащих у него чукчей.

После взаимных приветствий и нескольких минут разговора, Калинин и Потапов уехали на берег с Джонсоном, а Перкенс и Талантайер поехали на американскую шкуну. Я остался на пароходе, так как туман и мелкий дождь не располагали к прогулке. Вскоре ко мне явился стражник из Владимирского поста с предложением различных мелких изделий из моржовой кости. Лучше других были сделаны шесть фруктовых ножей с подставкой. Ручки ножей и подставка инкрустированы чёрною костью. За этот прибор он хотел тридцать рублей, но я нашёл это слишком высокою ценой и не купил.

9-е, суббота. С утра аврал: идёт чистка и окраска парохода к предстоящему посещению порта Номе. В это же время сдаём всё привезённое Потаповым из бухты барона Корфа.

Около десяти часов утра все работы приостановились, так как с берега прибыл Калинин и стал производить обыск. Оказа-

лось, что, несмотря на предупреждение, кто-то продал чукчам спирт, и сегодня на берегу все они пьяны. Калининков нашёл у них три пустые и две полные бутылки какого-то отвратительного коньяку. После тщательного обыска, продавцом оказался помощник повара, китаец. Полученные им шкуры отобраны и возвращены хозяевам, две бывшие у него бутылки коньяку уничтожены, а сам он посажен в угольную яму. По этому поводу Калининков и Потапов говорят, что любовь чукчей к спирту доходит до того, что они, при невозможности достать его от иностранцев, гонять из грибов-мухоморов. Получаемая жидкость — отвратительного вкуса и запаха и обладает свойством одурманивать человека на несколько дней. Иногда же чукчи просто жуют эти грибы и таким способом тоже приводят себя в пьяное состояние.

10-е, воскресенье. Сегодня с утра перегрузка угля из носовых трюмов в угольные ямы у машины. Благодаря дождю и этой работе, на палубе грязь страшная. Сидеть в душной каюте нет сил, а так как сегодня ночью мы уходим, то после завтрака я съехал на берег. Фактория Северо-Восточного общества, она же пост Святого Владимира, состоит из четырёх домов американской постройки: сарай, лавка, метеорологическая станция, превращённая в склад казённого провианта, и жилой дом в четыре комнаты с кухней и крытою верандой, предназначенный исключительно для останков приезжающих чукчей.

На крыше этого дома какой-то остроумный господин ради своих удобств поставил клетку для инструментов рядом с дымовою трубой. Теперь эта клетка пустая. Все дома выкрашены красною краской. На одном из них (жилом) развивается русский флаг. От пристани к складу и магазину устроен путь из деревянных брусков, по которым движутся платформы с грузом, нечто вроде декавилки.

Обстановка квартиры Джонсона вполне удовлетворительна и содержится довольно чисто, в особенности чисты столовая и кухня. В последней, впрочем, только кипятят воду и изредка варят горячее, так как обычно хозяин питается одними холодными или разогретыми консервами. В одной из комнат квартиры висят и стоят несколько метеорологических инструментов, а остальные сложены в сарае. В прошлом году Калининков, живя здесь, вёл по ним наблюдения. Теперь же наблюдения не ведутся, так как Джонсон работать даром не привык, особаго же лица для этого нет.

Джонсон и Потапов говорят, что вести торговлю с чукчами очень трудно. Они никогда ничего сразу не купят, а сначала напьются

чаю, поговорят и только под конец, иногда на другой день, мельком о чём-либо спросят. Иногда зайдут в лавку посмотреть товар, опять напьются чаю, опять мельком скажут свою цену и чаще всего после этого уедут. С дороги они обязательно вернутся, и только тогда состоится меновая сделка.

В лавке общества товара почти нет. Джонсон говорит, что старый товар распродан, а новый ожидается из Номе осенью. Здесь интересны орудия китового промысла: ручные гарпуны, багры, ножи и прочее американской работы. Чукчи сами себе делают эти предметы из кости, камня, нерпичьих ремней, но нередко и покупают эти вещи.

В некотором разстоянии от фактории или поста, на берегу бухты, расположена группа шалашей оседлых чукчей. В ближайшем шалаше я застал двух женщин, которые шили сапоги из нерпичьих шкур. Нитки или дратву они сучили тут же из сушёных оленьих кишок, для чего отщепляли от них тоненькия пряди. В шалаше висели чёрные куски нерпятины, а под ними в железном тазу была чёрная нерпичья кровь. На палках перед входом сушились нерпичьи кишки. Внешний вид всех этих чукотских лакомств был очень гнусный.

Шагов на триста выше фактории расположено чукотское кладбище. Оно состоит из нескольких куч камней, нескольких позвонков кита и нескольких штук его уса. Потапов говорит, что чукчи своих покойников не зарывают, а бросают на открытом месте на съедение зверям. Чем скорее труп будет съеден ими, тем, по верованию чукчей, добродетельнее был покойник. Ни одного трупа я на кладбище не видал, разбросанных же костей было много.

11-е, понедельник. Вышли из залива Эмма в четыре часа утра. В половине шестого я проснулся от качки, шума рулевой цепи и перебоя винта. В салоне предметы летали с места на место. В шесть часов бойки пришли чистить камин и тем прибавили шуму. Всё утро сильнейший туман, благодаря чему шли только по счислению и в одиннадцать часов бросили якорь, не будучи уверенны, что остановились у мыса Чаплина.

Около двенадцати часов туман несколько разошёлся, и мы увидели крутой берег и отходящую от него длинную косу. Это и был мыс Чаплин, а за ним скалы мыса Мертенса. Тотчас снялись, обошли косу и стали на совершенно тихой воде, защищённые от ветра береговыми скалами, а от зыби — косой. При северо-восточном ветре наоборот — пароходы становятся с южной стороны косы, и тогда она защищает их от ветра и волны.

На рейде мы застали газолиновую шкуну, которую два дня назад мы видели в бухте Эмма. Хозяин и командир ея тотчас приехали к нам за углём. Расположенное на косе селение Уныин, как оно видно с рейда, — довольно большое и состоит не только из шалашей и юрт, но и из нескольких деревянных домиков американской постройки. Над одним из последних развивается русский флаг.

Деревня стоит почти у самого конца косы, на совершенно открытом месте. На берегу много шлюпок и байдар. Величина селения указывает на деятельное сношение жителей с иностранцами. Между домами и юртами видны вешала для рыбы, сооруженные из китовых рёбер и уса. Селение это приобрело особое значение благодаря тому, что каждую весну американские китобои, идя за льдами, держат на него курс от острова Святого Лаврентия и здесь стоят некоторое время в ожидании, пока расчистится проход вдоль азиатского берега или на Номе. Отсюда до острова Святого Лаврентия сорок миль. По словам едущих с нами американцев, на нём, кроме эскимосов, живут американский доктор и миссионер.

На байдарках и мореходных шлюпках подъехало к нам до сотни чукчей, и на палубе начался торг. Продавались нерпичьи шкуры, ремни, обувь, морская кость и поделки из нея, старые винчестеры. Шкур белого медведя не было. Покупались: чай, сахар, черкасский табак, новые винчестеры и особенно много спрашивалось «постелей» (оленьи шкуры). Это последнее обстоятельство меня крайне заинтересовало. Береговые чукчи имеют постоянные сношения с кочующими чукчами, главное богатство которых заключается в стадах оленей, и вдруг требование оленьих шкур у заезжих людей. Перкинс, Талантайер и Потапов объяснили это большими падежами оленей в последнее время на Чукотском полуострове и массовую скупку их американцами для Аляски, где благодаря хорошему уходу они отлично плодятся. По мнению этих лиц, если не будут приняты теперь же меры против эпизоотий, то скоро придётся покупать оленей на Аляске для снабжения ими чукчей.

У одного чукчи я приобрёл за кирпич чая моржовый клык в фут длиной, очень гладко обточенный, со ста двадцатью дырочками в двух столбцах (по-английски называется «cribbage-bard» и употребляется американцами при карточной игре «cribbage»). Вокруг дырочек расположены рисунки китов, моржей, тюленей, рыб, оленей, птиц, шлюпок, юрт, домов и несколько человеческих фигур. Все рисунки набиты чёрною краской и представляют род

плохих силуэтов. У человеческих фигур руки и ноги очень тонки, что соответствует действительности. На нижней стороне клыка надпись латинскими буквами «Sipreerrear», цифра «5» и значок, изображающей доллар. Эти цифры и значок указывают, что торговые аппетиты местных чукчей довольно высоки.

Здесь же я купил небольшой коврик из кожи и таковой же мяч, величиной в детскую головку. Как на том, так и на другом небольшие квадратные куски жёлтой и чёрной кожи сшиты в шахматном порядке. На каждом квадратице нашиты из кожи противоположного цвета звёздочки и другие геометрические фигуры. Коврик по краям опушен мехом. Все эти предметы указывают на известную степень эстетического развития чукчей. А если прибавить к ним те кожаные детские костюмы, расшитые цветным бисером, которые я видел ещё в Ново-Мариинском посту, то смело можно сказать, что между северными инородцами это самый развитый народ.

Высокий, плотный старик с сильно гноящимися глазами вытащил из-за пазухи грязный платок, в котором между двумя дощечками оказалось удостоверение на звание старшины селения. Оно выдано бывшим в начале 1890-х гг. Анадырским уездным начальником Н. Л. Гондатти. На нём надпись следующего уездного начальника Сокольниково, подтверждающая за этим стариком то же звание. Видимо, он им очень гордится и, по словам одного пассажира третьего класса, жившего ранее в этих местах несколько лет, старик показывает это удостоверение на каждом пароходе. Все остальные чукчи и чукчанки так же грязны, как и этот, все с больными глазами и у многих они гноятся. Все с непокрытыми головами, и все имеют хорошо развитую грудь.

От мыса Чаплина до дикаго скалистого мыса Мертенса восемь миль, а от него до острова Итыгран, или Шерлук, три мили.

Около пяти часов дня бросили якорь в виду домика американской постройки и двух-трёх шалашей на южной стороне этого острова. Остров очень горист, местами покрыт низкою растительностью. Газолиновая шкуна снялась с якоря значительно позже нас, а когда мы были в проливе, она нас догнала.

Ещё в Ново-Мариинском посту Скляренко говорил мне, что при Сокольникове был проект поместить на острове Шерлук помощника уездного начальника с несколькими казаками, который наблюдал бы за движением китобоев и препятствовал бы им вести торговлю с чукчами селения Уныын. Если Калининкову, жившему в этом селении прошлой зимой, не удалось задержать шку-

ну, остановившуюся у льда, как мог бы это сделать помощник уездного начальника, живя на острове Шерлук?

Ему нужно было бы, завидя приближающуюся шкуну, перебраться через пролив, заполненный торосом, и пройти вёрст пятнадцать берегом без всяких дорог. В такие экскурсии часто не пускаются, а между тем, китобойные и торговые шкуны подходят весной к мысу Чаплина чуть не каждый день.

В виду предстоящего образования особого Чукотского уезда, мысль эту надо считать брошенной, а где будет резиденция нового уездного начальника — пока неизвестно.

12-е, вторник. Ночью прошли устье Мечигменской губы, в которой ещё до Богдановича (горный инженер, начальник экспедиции 1900 г.) были известны выходы каменного угля. Говорят, уголь этот настолько хорош, что им пользуются американские суда, плавающие в Беринговом море и Ледовитом океане. Северо-Восточное общество угля этого не разрабатывает, хотя имеет на то право по контракту с правительством.

В семь часов утра бросили якорь в заливе Святого Лаврентия против зданий Северо-Восточного общества. Залив шириной от двух до трёх миль, а в длину несколько более бухты Провидения. Окружающие его горы невысоки, скалисты, а на пологих склонах покрыты тундрой. На южном берегу бухты, почти против нас, интересен старый кратер, три стороны которого почти отвесно спускаются внутрь, а четвёртая, открытая, отделяется от бухты невысокою береговою полосой.

В центре кратера возвышается правильный конус. Вершина его несколько ниже окружающих востряков. Внутри общего кратера, влево от конуса, видно особое ребро, образующее с частью стены кратера особое жерло. В нём и соседних складках масса снега.

В фактории всего пять домов американской постройки и сарайчик. Везде мерзость запустения, так как все товары отсюда перевезены на мыс Дежнёва. Лавка не торгует, и в домах живут только пять американских проспекторов, разыскивающих золото в верховьях ближайшего ключа.

Вблизи фактории чукотских поселений нет. Мы их видели только при входе в залив.

13-е, среда. Наконец мы у края русских владений. С шести часов утра я наблюдал берег: небольшие горы с округленными вершинами, сплошь покрытые тундрой, спускаются к морю то полого, то обрывисто. Древесной и кустарниковой растительности

нет, а травянистый покров виден только местами. Общий колорит местности жёлто-красно-серый.

Массив мыса Дежнёва занимает около шестидесяти квадратных миль и отделён от материковых гор низменностью в десять миль ширины, до такой степени мало возвышающейся над уровнем моря, что ещё миль за пять от берега массив мыса представляется островом, восточные склоны которого обрывисты, а западные полого спускаются к воде. Интересно бы знать, что сам Дежнёв и другие долго после него называли «Большим Каменным Носом»? Только этот массив или весь Чукотский полуостров, гористый и сильно выдавшийся в море? Высшая точка массива не превышает две тысячи футов.

В девять часов утра бросили якорь в двух милях от берега, против фактории Северо-Восточного общества. Фактория состоит из четырёх деревянных домов американской постройки, соединённых между собой крытою галереей, без чего зимой из-за сильных снегов невозможно было бы сообщение между ними. Дома без фундамента, стоят на низменной тундре, шагах в трёхстах от берега. Все они значительно покровились и покосились. Перед ними — высокая мачта с русским флагом, на которой прибита доска с надписью «Астрон. п. 1907 г. А. Неелов». Влево от зданий — вешала для рыбы, а перед ними маленькая, животрепещущая пристань, к которой пристали и мы, съехав с парохода. Тут же несколько лодок и вытасченная на берег старая двухмачтовая шкуна. Заведует факторией старик-американец Джон Келли. Господин он очень грязный. Кажется, по примеру окружающих его чукчей, он не мылся со дня рождения. Келли живёт здесь уже двадцать лет, но у общества служит только со времени открытия здесь складов. Чем он занимался ранее — неизвестно. По словам Потапова, здесь он ведёт вполне трезвый образ жизни, но когда попадает в Номе — пропивается совершенно. Теперь он каким-то своеобразным, ему одному известным способом, в свободное время изучает русский язык. Я видел у него переплетённую тетрадь, в которой русские слова написаны печатными буквами и против каждого — его значение по-английски.

Вправо от фактории, на пригорке, поместилась чукотская деревня в шесть-семь юрт. Юрты — круглые, такого же устройства, как на северном берегу Анадырского лимана. Благодаря частому посещению американцами мыса Дежнёва и их любви к разным «knick-knacks», почти все здешние чукчи занимаются резьбой разных безделушек из моржовой кости. Делают зверей, птиц, цепоч-

ки, ножи и прочее. Для этого в юртах сделаны маленькие окошечки и под ними пристроены крошечные верстаки, на которых лежать небольшие кусочки кости самых разнообразных цветов: от светло-жёлтого до тёмно-коричневого, и пилки, долота, молоточки и другие инструменты. Некоторые вещи сделаны из цельного куска, другие — составные, третьи инкрустированы костью же другого цвета. Не подлежит сомнению, что все эти инструменты доставляются сюда американцами из Номе.

В одной из юрт я видел прибор для ловле диких уток. Он состоит из нескольких тоненьких прядей из оленьих кишок. На одном конце каждой пряди привязан свинцовый или костяной грузик, а другие концы связаны в узел. Получается нечто вроде плётки, рукоятку которой заменяет узел. Длина этой плётки не более аршина. Весной во время пролёта уток здесь так много, и оне летают так низко, что охотник, сделав несколько вращательных движений этим снарядом и затем, пустив его в стаю, непременно захватит одну или две штуки. Так же он поступает, подойдя к стае, сидящей на болоте, и результат получается тот же.

С пригорка от чукотских юрт открывается оригинальная панорама: внизу фактория и берег моря, серый у среза воды от покрывающей его гальки и ярко-зелёный ближе к постройкам. Далее лагуна, за ней и вправо от фактории большая жёлто-красная низина, а на горизонте ряд невысоких холмов такого же цвета. Море тёмно-синее. У берега легкий прибой, а лагуна совершенно покойна и отражает голубое море.

Милях в десяти-двенадцати от места стояния «Камора», на юго-восточных склонах мыса Дежнёва, расположено большое чукотское селение Кунтугулен, из которого к нам пришло несколько байдар. Они привезли на продажу шкуры белого медведя, нерпичьи, сивучьи, лахтаки, некоторое количество ремней, несколько кухлянок и торбазов и много ружей разных систем. В обмен они просили чай, сахар и олени шкуры (постели). Эта последняя просьба меня порядочно удивила, и за разъяснениями я обратился к Перкенсу, Потапову и другим. Они говорят, что, с одной стороны, систематическая скупка оленей американцами, а с другой — частые падежи оленей на Чукотском полуострове значительно уменьшили приплод и убой этого полезного животного, и теперь здесь чувствуется недостаток в постелях местного изделия.

Когда же мы спрашивали чукчей, что они хотят получить деньгами за тот или другой предмет, то, как и на мысе Чаплина, они называли баснословные цифры в американских долларах.

От принятия русских денег (бумажных) они категорически отказывались. При этом, по их жестам, видно было, что они совершенно не знают наших денег. Судя по тому, в каком виде были ружья, привезённые чукчами на продажу, можно смело сказать, что они не умеют с ними обращаться. Стволы проржавлены до раковины, у многих не хватает курков, мушек, прицелов и других частей. Это совсем не то, что у алеутов Командорских островов. Там ружьё — предмет особых забот хозяина, здесь — малоинтересная игрушка.

На северной стороне низины, соединяющей мыс Дежнёва с материком, расположено другое большое чукотское селение Уэлен (семьдесят юрт). От фактории до него по прямому направлению одиннадцать миль. Между названными главными селениями расположено несколько мелких становищ. Таким образом, мыс Дежнёв, по сравнению со всем Чукотским полуостровом, представляет густо населённую местность. В виду этого Калинников устраивает здесь склад казённых товаров и оставляет фельдшера и двух стражников. Помещение для людей есть в особом маленьком домике, надпись на котором гласит: «Пост Дежнёв», склад же надо ещё строить.

Фотографируя вблизи фактории виды местности, я заметил несколько рабочих, перетаскивавших шкуры белых медведей. Я поторопился в склады, думая, что это Потапов распорядился достать их, чтобы мне показать. Минут через десять я был в одном из сараев, где шла деятельная работа. Перкенс, Талантайер и Келли отбирали и увязывали товары для отправки в Номе, Потапов безмолвно наблюдал за работой. Когда я его спросил: могу ли посмотреть и выбрать шкуру белого медведя? — он беспомощно покачал головой, пожал плечами и сказал: «Вы видите, почти всё уже закупорено и отправляется на пароход, быть может, Перкенс согласится в Номе уступить вам что-нибудь по своей цене». Вечером на пароходе я узнал от Перкенса, что Потапов не предупредил его о нашем уговоре в посту Ново-Мариинском.

Перед закатом солнца была сильная рефракция на востоке, и несколько минут мы видели мыс принца Валийского на американском берегу пролива, хотя до него по морской карте пятьдесят три мили.

14-е, четверг. С утра сильный туман, съехать на берег не пришлось, и я весь день провёл в полном бездействии. Туман до такой степени густ, что при отправлении кунгасов на берег давали рулевому шлюпочный компас, а затем всё время до их возвращения подавали частые свистки. В шесть часов вечера снялись с яко-

ря и пошли в Номе. Единственная цель этого рейса — послать телеграмму в управление Добровольного флота о благополучном плавании. От Дежнёва до Номе двести миль. По расписанию полагается не менее суток ходу и два дня стояния там. Если бы у нас на мысе Дежнёва был свой телеграф, то этот рейс был бы лишний, и положенное на него время можно было бы употребить с большею пользой для русского дела, удлинив рейс по северную сторону Чукотского полуострова.

Глава VI. В Номе

С утра 15-го августа — туман, настолько сильный, что берегов не видно.

В одиннадцать часов прошли остров Следж (Санный).

В час дня бросили якорь на рейде в Номе. Рейд — совершенно открытый, доступный всем ветрам. На рейде американский грузовик, два портовых паровых катера и несколько барж вроде тех, что были у Бринера во Владивостоке.

Через час к нам явился начальник таможни, он же местный губернатор, с доктором. Обревизовав пароходные документы, они приступили к осмотру пассажиров. Вся судовая команда и пассажиры третьего класса были выстроены в две шеренги на палубе. Каждого внимательно осматривали по наружности, а судовой фельдшер указывал, кто и чем был болен в дороге. Пассажиров первого класса пригласили в салон, и американский доктор, стоя в дверях, пропускал их мимо себя. По окончании всей этой процедуры, Перкенс познакомил меня с Гарфильдом (начальник таможни), и мы обменялись несколькими любезностями. Он, между прочим, предложил мне в один из дней пребывания в Номе ознакомиться со здешним фортом и его гарнизоном, на что я с удовольствием согласился. При этом на моё заявление, что у меня с собой статского платья нет, г. Гарфильд сказал, что этим я могу не стесняться, никто особого внимания на меня обращать не будет. После этого я, Потапов, Калинин, Рудаков, Беренс, Перкенс, Талантайер и несколько пассажиров третьего класса съехали на берег на том же газолиновом катере, на котором к нам приехали таможенные чины. Переезд не далее двух миль, и за него взимается два доллара. С пассажиров третьего класса взимается ещё эмиграционная пошлина в размере четырёх долларов с человека, на случай принудительного выселения его из Номе. При добровольном отъезде она возвращается.

Благодаря хорошей погоде и совершенно спокойному морю, мы пристали прямо к берегу против спасательной станции. Пристаней здесь нет. В дурную погоду пассажиров подвозят на спасательных ботах к особому пловучему крану и при помощи его и всяких платформ передают на берег. А грузы остаются на рейде в особых железных баржах с высокими крышками, в ожидании затишья. На берегу нас встретила куча народу. Были и старые, и малые, и люди средних лет, были в котелках и мягких фетровых шляпах с большими полями, в пиджаках и блузах, подростки были в коротких костюмчиках, длинных чёрных чулках и жокейских шапочках, но ни на ком не было ни одной блестящей пуговицы, ни галуна, ни особаго покроя форменного сюртука или куртки. Несколько женщин стояли на тротуаре у ближайших домов.

Поздоровавшись с публикой и познакомившись тут же с Дж. Розиным, мы направились в лучшую местную гостиницу — «Golden Gate» (Золотые ворота). А. А. Потапов хотел остановиться в каких-то дешёвых меблированных комнатах, в которых он жил раньше, но я не согласился. Ни извозчиков, ни носильщиков здесь нет, поэтому я предложил двум мальчикам нести мой несложный багаж, но они сделали презрительную мину и отказались, и выручил меня какой-то почтенный господин, говоривший немного по-русски (впоследствии оказался Федор Яковлевич Линдест, норвежец, много лет промышлявший рыбой на Мурмане).

До гостиницы мы шли недолго (она помещается на второй улице, в третьем квартале от спасательной станции) и вопреки предсказания Потапова, толпа зевак нас не сопровождала, а только немногие встречные останавливались и оглядывали нас, но это делается и во Владивостоке с иностранцами. В гостинице от нас не потребовали ни паспортов, ни каких-либо других удостоверений личности, а удовольствовались лишь нашими собственноручными подписями в домовоей книге.

Мне достался номер во втором этаже, с одним большим окном на улицу, площадью семь на пять аршинов и вышиной в три с половиной аршина. В номере: двуспальная кровать, умывальник, маленький комод с туалетным зеркалом, крошечный четырехугольный стол, стул, маленькая качалка и одна электрическая лампочка. Пол покрыт циновками, а стены оклеены самыми простыми обоями. Это помещение стоит в сутки два доллара. Сложив свои вещи, мы, Потапов, Рудаков и я, отправились в парикмахерскую и баню, что было для нас крайне необходимо и без чего мы не могли

показаться в люди. Провожатым у нас был А. А., как знающий Номе по прежним случаям пребывания здесь. Тем не менее, мы довольно долго искали телеграфную контору и нашли её только по указанно прохожих. Я отправил жене весточку всего в четыре слова, ценою же в восемнадцать рублей семьдесят копеек. Такая высокая плата объясняется тем, что отсюда до Сан-Михеля действует беспроволочный телеграф, далее до Сан-Франциско — воздушный, а оттуда к Азиатскому материку идёт кабель.

На «Front Street» (первая улица) мы видели первое должностное лицо Штатов в присвоенной ему форме. Это был, по словам А. А., единственный здешний полицейский. На нём была синяя суконная куртка с большими плоскими золотыми пуговицами, по пяти на каждом борте, такого же сукна длинные брюки и на голове синяя кэпка с цветною эмблемой над козырьком. Он вёл за руку плачущаго ребёнка, постоянно нагибаясь к нему и о чем-то говоря.

Парикмахерская, в которую мы зашли, была узенькая, длинная, очень невысокая и порядочно грязная комната с двумя зеркалами, двумя вертящимися креслами, небольшою вешалкой, умывальником, столом с иллюстрированными журналами и стеклянною дверью в соседний «бар». Под обоими креслами вороха волос. Очевидно, комната убирается только раз в день самим хозяином или его компаньоном. Ни швейцара, ни бойки, положенных по штату в наших парикмахерских, нет. Пока какой-то низенький толстяк возился около моей головы, я сидел против зеркала в кресле. Когда же он приступил к приведению в порядок моей бороды, он резким движением опустил задок кресла и тем заставил меня принять полулежачее положение. Затем он закрыл моё лицо полотенцем и приступил к работе. Мои попытки снять полотенце и взглянуть на его работу он пресекал очень решительно и, наконец, повернул меня спиной к зеркалу. Окончив работу, он снял с меня полотенце и, стоя у кресла, показал мне карточку с надписью «\$ 1». Я безмолвно уплатил требуемую монету, думая про себя, что при всей дороговизне жизни во Владивостоке я за ту же самую операцию платил восемьдесят копеек, и только во время войны платил один рубль, или по-здешнему пятьдесят центов, здесь же в мирное время приходится платить вдвое дороже. Что будет дальше?

Пройдя несколько кварталов, мы увидели на сравнительно большом, двухэтажном доме, стоящем на самом берегу моря, большую вывеску «Bath». В окнах нижняго этажа видны кисейные

занавески и цветы. Прямо с улицы мы вошли в небольшую комнату, уставленную мягкой мебелью, жардиньерками, столами с иллюстрированными журналами и увешанную картинами и массой клеток с канарейками. Из этой комнаты — дверь в столовую и лестница во второй этаж. Около лестницы — толстая портьера, скрывающая начало банного коридора. На мягком диване сидят чопорно одетые старик со старухой. Судя по тому, что они то вместе, то врознь выходят в столовую, можно думать, что это — хозяева заведения. У небольшой кассы стоит просто, но чисто одетая женщина, тоже изредка удаляющаяся в столовую. Общую гармонию комнаты нарушает джентльмен без сюртука с засученными рукавами рубашки, часто скрывающейся за портьерой. Бань в нашем смысле здесь нет, а ими называются ванны двух родов: обыкновенные и паровые, или «турецкия». Я взял обыкновенную тёплую ванну и уплатил за неё пятьдесят центов, Потапов же захотел испробовать турецкую, и это удовольствие обошлось ему в пять долларов. Был ли пар в его номере — я не знаю, но мыться самому ему не позволили: к нему явился какой-то джентльмен, который неистово массировал его при помощи скипидара и других снадобий и притом так неаккуратно, что попадал на нежные части кожи, отчего бедный А. А. прыгал и бегал по номеру, а затем, укутанный в толстые простыни, долго отдыхал.

Когда мы окончили необходимейших над собой манипуляций, было уже около восьми часов вечера, и мы пошли ужинать. Мы зашли в один из лучших ресторанов и заняли столик. В первом классе публики было немного, во втором же сидело два человека. В американских ресторанах первым классом называется общая комната с отдельными столиками или «cabinet particulier», где таковые имеются. Здесь подают по карте. Вторым классом называются неподвижные места у длинного стола, где за пятьдесят центов гость получает две большие чашки обедков первого класса и фантазировать не может. Как только мы заняли места, так девица не первой молодости, в чёрном платье и белом фартуке, поставила перед каждым из нас по стакану холодной воды и крошечному кусочку масла. Таков американский обычай. Сидеть в общей комнате было не интересно, и мы перешли в кабинет. Наша «Смирновка» до Номе ещё не дошла, и поневоле пришлось пить коньяк. Когда мы потребовали его, то девица принесла не три, как бы следовало, а четыре рюмки. Мы сначала не догадались, — для чего это? — но скоро поняли, так как она с удовольствием выпила рюмочку коньяку, а шампанское и ликер она преж-

де наливала себе, а потом нам. Таков, должно быть, обычай американской женской прислуги.

Ужин наш состоял из некоторого количества зелени: свежего огурца, помидоров, редиски, салата, трёх порций оленьего бифштекса (порции громадные, как в старину подавали в московских трактирах), одной порции цыплят и мороженого. За ним мы выпили по чашке кофе. Шампанское здесь скверное (Good american extra dry), от него в горле дерёт, как щётками. За всё это удовольствие с нас взяли двадцать долларов, а девица взяла «на чай», хотя в американских ресторанах это запрещено. Есть всесветные обычаи, которые, кажется, ничем не изведёшь. Обратный путь в гостиницу нам освещали электрические фонари и свет из множества «баров». Хотя на улице было ещё много публики, то выходившей, то входившей в эти «бары», и не видно было блюстителя порядка, никто нас не толкнул, никто по нашему адресу не сказал лишнего слова, никто не был в растерзанном виде, никто не произносил непотребных слов. Ясно было, что мы находимся в стране, граждане которой привыкли уважать порядок.

Общее впечатление от Номе — временное собрание питейных заведений, парикмахерских и фабрик или заводов. Как известно, американцы скоблятся очень часто, а ходят почти всегда «в полсвиста». Здесь каждая винная лавка в то же время «бар», каждая гостиница и ресторан имеют «бар», да ещё куча самостоятельных «баров». Американцы пьют во всякое время дня и ночи свои смешанные напитки и приглашают выпить знакомых. Отказаться нельзя, можно только заменить напиток сигарой. Каждый «drink» стоит двенадцать с половиной центов, или двадцать пять копеек. А так как такой монеты у американцев нет, то приходится давать двадцать центов и получать жетон, с которым в том же «баре» следующий раз можно сделать новый «drink».

Город Номе родился всего десять лет назад благодаря открытому здесь в 1889 г. золоту. Нахождением этого металла объясняется количество фабричных труб и вся жизнь города и окрестных местечек. Как только золото выработается (а оно, говорят, уже вырабатывается), так город перестанет существовать, и здесь останется жалкая эскимосская деревенька. Водопроводы, телефон, электрическое освещение, железная дорога будут перенесены в новый Клондайк или новое Номе.

Город расположен параллельно морскому берегу по обеим сторонам Змеиной реки — «Snake river». В нём три длинные улицы и десятка два коротких, причём первые две застроены очень плотно

и вымощены досками, как нижняя часть Тобольска, а третья застроена значительно реже, имеет много пустырей и не мощена. Через «Snake river» перекинуто несколько мостов на козлах и висячих, и на каждом прибита особая доска с надписью о его стоимости. Чисто американская реклама.

Город — исключительно деревянный. Среди очень приличных по внешности трёх и двухэтажных домов есть до такой степени жидкие, что они разваливаются от первого хорошего ветра. Примером служат развалины на «Front Street», близ бани. Как говорят, здесь ещё недавно, до июльского шторма, было несколько магазинов, контор и складов товара, а теперь — кучи мусора, обломки досок и куски железа и торчащая из земли сваи, накрытая тремя сильно покосившимися стенами и едва держащейся на них крышей. Все, даже самые большие, дома в Номе выстроены на сваях. Так строится и теперь большой деревянный дом для судебных учреждений. На окраинах города встречаются землянки, палатки, крошечные домики, величиной с наши товарные вагоны. Эти последние стоят на брёвнах и на зиму перетаскиваются в горы, к местам разведок новых золотоносных площадей. На первой улице почти все дома — трёх и двухэтажные. Это — главная торговая часть города. На второй и третьей улицах тоже встречаются двухэтажные дома и торговые конторы, но там же церкви, школы и больницы и маленькие особняки. Эти «cottages» приятно ласкают глаз своим чистеньким внешним видом и в особенности массой цветов в окнах и в клумбах перед входными дверями. На «Front Street», кроме банков и контор, магазины, рестораны, фотографии, ювелирные мастерские, масса парикмахерских и «баров», есть и театр-иллюзион. Я не видел только модных мастерских и книжных магазинов. Все магазины здесь по характеру торговли — наши «Мюр и Мерелизы» или «Кунст и Альберсы», даже фотографии — в то же время магазины фотографических и канцелярских принадлежностей, эстампов, открыток, альбомов, и прочего, а магазин фирмы «Кодак» торгует, кроме того, и сигарами. Только фруктовые, зелёные и мясные лавки не содержат товара сверх своей специальности. Зато в них и чище, чем в других, и выбор товара больше. Громадные розовые туши мяса с толстыми прослойками янтарного жира заполняют внутренность таких лавок, а громадные гуси, утки, пулярки и разная дичь висят в стеклянных витринах или лежат, завернутые в белую бумагу, среди гор самой разнообразной зелени. Здесь же на особых мраморных досках лежат уже приготовленные отбивные котлеты

и разделённое на части мясо. Толстый хозяин в белом фартуке и клеенчатых манжетах расхаживает среди своего добра и разговаривает с посетителями. Все жизненные продукты здесь получают пароходами из Сеатла в замороженном виде. Как только товар поступает в лавку, так перед ней выставляется большая чёрная доска с надписью, гласящей о характере полученного товара и цене его.

От Сеатла до Номе неделя хода парохода, поэтому Калифорния имеет возможность посылать сюда более спелые фрукты, чем во Владивосток, куда от Сан-Франциско через Японию товар идёт около месяца. Поэтому я ни разу во Владивостоке не ел таких хороших груш, слив, арбузов, как здесь. Здешние ювелирные магазины обставлены очень хорошо, а мастерские их вырабатывают очень интересные вещицы из местного золота и моржовой кости.

В зависимости от продолжительности пребывания в земле, кость приобретает различные оттенки — от бледно-желтого до тёмно-коричневого и даже синяго — и в разрезе даёт самые причудливые фигуры. Я купил брошь, три пуговицы и запонки почти синяго цвета, два салфеточных кольца, две передвижки к цепочке — жёлтые со светло-коричневыми жилками и брелок тёмно-коричневый. Оправа на брошке, пуговицах, запонках и передвижках и монограммы на кольцах сделаны из спаянных кусочков золота, в виде гирлянд цветов. За всё это я заплатил сорок девять долларов, или девяносто восемь рублей.

Подобные вещи имеют громадный сбыт в Соединенных Штатах Северной Америки. Кроме их, из кости делают и многое другое: ручки к зонтикам, палкам, пробочникам, зверьков и птиц, и целые группы людей и животных. Изделиями последнего рода занимаются, кроме ювелиров, и местные эскимосы. В Номе ведётся большая торговля пушиной. Несколько виденных мной магазинов сплошь увешены шкурами белого медведя — сырыми и выделанными, а к особым вешалкам под потолком прикреплены пачки шкур разных лисиц, песцов, росомах, куниц, американского соболя (*Mustela americana*), горностаев и других. Перкенс встречал меня в городе несколько раз, но не напоминал о нашем разговоре после осмотра дежнёвских складов; поэтому, бывши в здешних складах N. W. Freding Co., я не заговаривал ни с ним, ни с Розиным о шкурах белого медведя, а приценился к ним в меховых магазинах. За большую, пушистую, отделанную шкуру с меня просили шестьдесят долларов. Это значительно дешевле того, что хотели с меня за сырую шкуру в Ново-Мариинске и на мысах

Чаплина и Дежнёва. Между тем масса продающихся шкур здесь привезена оттуда. Эта кажущаяся аномалия объясняется меновым характером торговли и непониманием нашими инородцами ценности денег.

При прогулках по городу и окрестностям невольно обращаешь внимание на крупных, сильных, красивых лошадей и своеобразные телеги и платформы, на которых возится груз. Лошади очень напоминают наших воронежских битюгов. Запряжка — дышло-вая, шоры, хомуты без шлей. Телеги и платформы значительно ниже, шире и длиннее наших. Колеса у них сравнительно маленькие, а ободья — плоские, шириной не менее пяти дюймов, что даёт им возможность двигаться по тундре. На лошадях перевозят только большие грузы на маленькие расстояния. На улицах города очень мало ездовых собак, те же, которых приходилось видеть, крупнее и красивее анадырских. Говорят, аляскинские собаки слабее анадырских. Поэтому американцы покупают собак на Чукотском полуострове и скрещивают их со своими, а для выработки в них резвости и выносливости каждую зиму устраивают бега и притом держат большие пари. На дальние расстояния ездят только на собаках и изредка на оленях. Зимнюю почту здесь возят исключительно на собаках. Она приходит сюда каждые две недели. Летом почта приходит на пароходах из Сياتла каждые четыре дня.

Поиски золота в Номе ведутся в несколько линий параллельно берегу. Первая линия, на которой работают наибеднейшие жители, расположена по линии прибоа. Здесь на примитивных лотках, покрытых кусками старого сукна, намывается в сутки от трёх до восьми долларов на каждом. Наилучший из лотков плотно вставлен в береговой песок и около него вырыта ямка, вода из которой подаётся на вашгерд (промывочное устройство в виде наклонного стола. — *Ред.*) крошечною газолиною помпочкой. Прочие же старатели подают воду решетом или керосиною банкой с протыканными в ней дырками. Как только волна смывает песок, так рабочий лопатой бросает его на лоток и поливает водой. По мере стекания грязи с лотка рабочие собирают золотыя блестки в баночку со ртутью и в тот же вечер или на другое утро продают их в местные банки. Работа этих старателей не подлежит оплате в казну.

Во второй линии, верстах в трёх за городом, работы ведутся на поверхности земли, непосредственно под тундряным слоем. Тотчас по снятии его обнажается золотоносный слой, который и вы-

бирается такими же несложными способами, как и в первой линии. В третьей линии работы идут уже колодцами, и там для них требуется и больше рук, и больше машин. Там уже имеются ручные или паровые элеваторы для подъёма или спуска рабочих и выработанной земли и декавильки для подвоза её к более солидным по конструкции вашгердам, и вода непрерывно подаётся из общего водопровода. Там дневная добыча оценивается уже в несколько десятков рублей, а при удаче и сотен.

Начиная с четвёртой линии, все работы ведутся уже шахтами и галлереями, и там первоначальное оборудование каждого прииска стоит не менее десяти тысяч долларов, а ежедневная добыча золота доходит до нескольких сотен рублей. Одно из таких предприятий принадлежит французскому консулу Шнейдеру и американцу Демингу. Прииск их в полчасе езды по железной дороге от города. Дорога эта устроена самым примитивным способом: ни в городе, ни у мест остановок поезда нет не только вокзалов, но и каких-либо будок или платформ, полотна в нашем смысле тоже нет, а шпалы уложены по кочкам тундры, которые только кое-где срезаны а кое-где подсыпаны. Путь не балластирован. Поэтому в поезде трясёт неимоверно, и разговаривать почти невозможно. Чтобы линию не заливало сильно водой, вдоль нея проведена неглубокая канава.

Поезд состоит из маленького локомотива, товарного вагона, платформы для рабочих и крытого вагона, вроде нашего третьего класса, но короче и ниже его. Поезд останавливается у каждого переезда через линию приисков на столько времени, сколько нужно для выгрузки и загрузки товара, для высадки и посадки пассажиров и для отнosa почты в особый деревянный открытый ящик, укрепленный на столбе. Всё видимое пространство по обеим сторонам железнодорожной линии усеяно палатками и небольшими домиками с высокими железными трубами. Все оне дымят или парят, и отовсюду несётся своеобразный шум и свист машин в работе. Впереди нас на горизонте возвышается ряд холмов, покрытых тундрой того же красновато-сероватого цвета, как и береговая низменность. На холмах видны те же постройки. В направлении железнодорожной линии холмы эти прорезываются долиной, в которой течёт «Snake river» с её притоками.

По рассказам моих спутников, железная дорога идёт по склонам гор вёрст на сто и кончается в маленьких ущельях, где расположены самые богатые прииски. На одном из таковых недавно было добыто золота на сто пятьдесят тысяч долларов в один день.

От места остановки нам пришлось пройти шагов пятьсот до первых строений. Это и есть прииск Шнейдера и Деминга. Он состоит из длинного барака-столовой и кухни служащих, полудеревянного, полупарусинового домика-квартиры ресторатора и его жены, барака для локомобиля, ящика для свалки породы, отходящего от него лотка шириной в пол-аршина с чугунными плитками на дне, элеватора и самой шахты. Особой кладовой нет, а все продукты и посуда размещены вдоль стен в двух комнатах барака, в особых ящиках и на полках. В кухне — большой камбуз. В столовой — большой стол, покрытый белой клеёнкой и уставленный эмалированными тарелками и кружками, банками с уксусом, соей, перцем, горчицей. Вокруг стола — простые скамьи.

Когда мы (я и Рудаков) зашли в барак, было около девяти часов утра. Хозяева тотчас пригласили нас попробовать завтрак, который незадолго перед нами получили рабочие. Прежде всего нам дали по полному блюдцу свежей черники с сахаром, затем по громадному бифштексу из оленины и яичницу с ветчиной. После этого подали по большой кружке кофе с консервированным молоком и к нему блины с маслом, свежий белый хлеб и английский печенья. Кроме г. Деминга, никто из нас всего завтрака одолеть не мог. По словам хозяев, за обедом рабочие получают больше кушаний и непременно два мясных блюда. Содержание рабочего обходится в один доллар в день, каковой и вычитается из его заработной платы — пять долларов в день.

На тех приисках, где много рабочих-иностранцев, не понимающих по-английски, держат переводчика, и тогда на него вычитывают ещё по несколько центов с человека. Квартир для рабочих ни на одном прииске нет, и ночь они могут проводить где угодно. Поэтому в городе ночью ни один «бар» не закрывается. Окончив завтрак, мы пошли к шахте и прежде всего осмотрели ящик для сыпки пород и лоток. Ящик этот, объёмом сто двадцать тачек декавильки, установлен на столбах вышиной не менее двух сажен и имеет воронкообразное дно, отверстие которого закрыто крышкой. Между верхом ящика и элеватором — небольшая платформа, на которой один из рабочих принимает тачки с породой, опрокидывает их в ящик и затем посылает назад пустыми. На некоторых других приисках вся эта работа делается автоматически: тачки, поднявшись из шахты, движутся наклонно вверх по особому приводу, дойдя до зацепа, переворачиваются, а опорожнившись, катятся назад в шахту. От устья воронки начинается лоток длиной десять саженей, шириной в пол-аршина, с боками выши-

ной вершков пять-шесть. Дно лотка устлано чугунными плитками с прорезями.

Накануне посещения нами прииска была промывка породы (она производится через каждые три дня), и далеко не вся промытая земля была выгреблена из лотка. Поэтому, когда г. Деминг поднял несколько чугунных плиток и слегка расковырял грязь, мы увидели массу золотых блёсток. Тут я воочию познал место, где золото гребут лопатами. Перед спуском в шахту мы сняли верхние костюмы и надели рабочие блузы — предосторожность эта оказалась совсем не лишней. Колодезь, в который мы спускались, настолько узок, что, стоя на маленькой платформочке, мы должны были плотно прижаться друг к другу. Колодезь глубиной шестьдесят футов. От дна его расходятся в разные стороны четыре галлерей. Первые пятнадцать-двадцать саженей каждой галлерей — выше роста человека, шириной около сажени и обставлены деревянными креплениями. Здесь разводятся тачки декавильки, складывается рабочий инструмент и собраны шланги, проводящие пар к мёрзлому грунту.

Здесь каждый из нас взял в руки по стеариновой зажжённой свече, и мы двинулись по одной из галлерей, предводимые то одним из хозяев, то молодым Демингом, братом хозяина, непосредственно заведующим работами. Сначала мы шли свободно, по два в ряд, только изредка обходя лужицы или давая дорогу гружёным и пустым тачкам. Но скоро галлерей стала уже, свод ниже, и рельсы декавильки почти покрылись водой. Чтобы не биться головой о свод, а плечами о стенки, пришлось идти, несколько согнувшись и гуськом, а при встрече с тачками прижиматься к земле. Через несколько десятков саженей и такое движение оказалось невозможным и пришлось совершенно согнуться, а для пропуска тачек выискивать углубления, в которые и втискивать себя возможно крепче. При этом окружающая земля осыпалась, а костюм мок от просачивавшейся кругом воды. В этих местах хозяева несколько раз обращали моё внимание на золотоносный слой. Он тянется вдоль дна галлерей и своим красновато-бурым цветом значительно отличается от остальных серо-жёлтых тонов. Толщина слоя не более одного фута. Блёсток золота, которых я видел на вашгерде, здесь не было.

Пройдя саженей сто от колодца, я почувствовал боль в пояснице от непривычного положения тела и недостаток воздуха. Поэтому должен был всё чаще и чаще садиться отдыхать. Когда мы были уже близко от рудокопов и могли различать их силуэты,

а рабочие, толкавшие тачки, вытягивались за ними параллельно рельсам, я стал задыхаться. Хозяева уверяли, что нам осталось десять-пятнадцать шагов до самого места работ, но я отказался идти далее, и мы повернули назад. По всей длине галлерей нет ни одного вентилятора.

Выйдя на поверхность земли, я часа два не мог дышать полной грудью. По словам хозяев, у них всего десять рабочих, из коих машинист, кочегар и отвальщик работают наверху, остальные — в шахте. Работа ведётся только днём. Галлерей устраиваются постепенно: вырабатывается одна, закладывают другую. Теперешняя, четвёртая, галлерей даёт сорок тачек в день, а в каждой тачке чистого золота на три доллара. Пятую галлерей вести не предполагают, а когда несколько уменьшится количество золота, шахту совсем бросят и будут закладывать новую на теперешнем участке или искать другую площадь.

Окончив осмотр прииска, мы отправились к линии железной дороги, но, не видя поезда, не захотели его ждать неопределённое время и пошли пешком по шпалам. Под городом мы свернули в сторону и, пройдя саженей сто по тундре, подошли к зданию помп, подающих воду из «Snake river» в водопровод. Здание небольшое, деревянное. Помпы, конечно, паровые. Ничего особенно интересного это сооружение не представляет.

Войдя в город по одному из деревянных мостов, надпись на котором указывает его стоимость, мы должны были разойтись по разным улицам, но г. Деминг захотел непременно, чтобы мы зашли к нему. Дом его находится на углу «Front Street» и одного из переулков. Во втором этаже находится контора, обставленная очень комфортабельно и содержащаяся поразительно чисто. Здесь г. Деминг предложил нам маленький «drink», а затем поднёс мне на память небольшой самородок из числа двух, добытых накануне. В этот же день г. Шнейдер устроил у себя обед, на который, кроме меня и Калининкова, пригласил несколько представителей местного торгового и промышленного мира. В числе их был г. Линдстрем с женой, первый открывший золото в Аляске.

Ему не более сорока лет, но он уже считается богачом, так как кроме нескольких лучших участков золотоносной земли ему принадлежать здесь водопровод и электрическое освещение. Он же директор одного из банков. В то же время он не горный инженер, а только большой практик по горной части и очень энергичный человек. После постановки здесь приискового дела он объехал все наиболее известные прииски в мире для ознакомления с де-

лом. За обедом г. Розин, директор Северо-Восточного Сибирского и Северо-Западного Американского обществ, сказал политическую речь на тему о группировке народов мира.

По его мнению, существуют три группы: первая — Германия и латинские расы, вторая — Россия и третья — Америка. О деятельности первой группы он умолчал. Об Америке сказал, что она понемногу распространяется на запад, а о России, что она «в десять раз больше Америки» распространяется на восток. Поэтому в непродолжительном времени должно произойти столкновение этих двух групп на берегах Великого океана. Речь эта была произнесена с целью втянуть меня в разговор на политические темы, но я уклонился и заявил, что, по моему мнению, всякие финансово-политические комбинации мыслимы только при участии женщины, а потому, пользуясь присутствием г-жи Линдстрем, предложил поднять бокал за женщин вообще и за нашу даму в частности.

Тост был принят единодушно и весело. По окончании обеда в небольшой гостиной консула пили кофе, ликёры, курили и танцевали под звуки граммофона. Около четырёх часов дня был положен конец нашему веселью отъездом супругов Линдстрем. После этого консул и Розин пошли проводить меня домой и зашли ко мне посмотреть мои этюды. Розину больше всего понравился этюд Ново-Мариинского поста. Он долго недоумевал, как можно жить в таком неприветливом месте. Здесь же г. Шнейдер предложил мне на следующий день поехать в форт. Я поблагодарил и сказал, что поездка эта уже подготовлена г. Гарфильдом. Через полчаса мы разошлись, совершенно довольные друг другом и проведённым днём.

На следующий день, тотчас после полудня, около управления губернатора стоял крытый четырёхколесный экипаж, запряжённый двумя парами мулов. В него поместились: Гарфильд, Фальк-мус, Липинский и я — и поехали в форт. Липинский, австрийский подданный, не то поляк, не то еврей, довольно хорошо говорящий по-русски, был взят в качестве переводчика. По его словам, в прошлом году он имел во Владивостоке контору по продаже автомобилей, а в нынешнем году завёл там газолиновые лодки. Оба дела очень хорошие, но там не привились, и он потерпел на них убытки.

Дорога к форту идёт по берегу моря, составляя продолжение «Front Street» города. Вблизи форта она переходит по большому деревянному мосту через речку Номе. На правом берегу реки стоят развалины какого-то «бара», в котором ещё недавно проводили время чины гарнизона, о чём свидетельствуют кучи пустых бутылок разного фасона и масса порожних жестянок из-под консервов.

От города до форта считается три мили. Собственно «форта» в фортификационном смысле нет. Им называется ряд одно и двухэтажных деревянных домов, поставленных по сторонам четырёхугольника, с обширным плацем между ними и мачтой беспроволочного телеграфа по середине. У одного из ближайших к дороге домов ходит часовой, который при нашем проезде отдал честь.

Через два-три дома экипаж остановился, и нас встретил мужчина средних лет, невысокого роста, как все американцы, начисто обритый, одетый в полное хаки. Он рекомендовался командиром одной из двух расположенных здесь рот 22-го Калифорнского полка и командиром форта. С ним мы прошли в небольшой двухэтажный дом, где он представил нам всех гг. офицеров. Все, как и он, были бриты и одеты в полное хаки, и ни на одном не было ни одной цветной ленточки. После ряда взаимных приветствий и маленького «drink», мы пошли осматривать помещения нижних чинов, лазарет и интендантские склады.

Две двухэтажные деревянные казармы чисты, светлы, просторны. В нижнем этаже каждой из них помещаются ротные канцелярии, комнаты фельдфебеля и писаря, кухни, столовые, солдатские лавочки и клубы. Канцелярии обставлены с тем комфортом, с каким обставляются все американские «offices»: бюро, кресло-качалка, сборные книжные шкафы.

В каждой кухне — большие комнатные ледники с массой провизии: красивые ростбифы, битая птица, окорока, зелень, большие столы с приготовленными уже к обеду круглыми яблочными пирогами, величиной в тарелку, а в громадных камбузах и на них — противни с разными жаркими, большие кастрюли с супом и кофейники с готовым кофе.

В одной из кухонь нам предложили попробовать готовую часть будущего обеда нижних чинов. Ростбиф, яблочный пирог и кофе с консервированным молоком были очень хороши. Вторым жарким данного дня были гуси, но они ещё не были готовы. Завтрак американского солдата состоит из жаркого, пирога и кофе, а обед — из супа, двух жарких, пирога и кофе. Утром — чай или кофе с хлебом, маслом, холодным ростбифом, ветчиной или яичницей.

На содержание солдата отпускается по пятьдесят центов в день на человека. Разница в окладах нашего солдата и американского объясняется, с одной стороны, национальными привычками, с другой — способами комплектования (там, где служат по вольному найму, надо чем-нибудь заманивать) и размерами армий. Если Америка когда-нибудь доведёт свою армию до размеров нашей, то,

несмотря на всё своё богатство, должна будет уменьшить рационы нижних чинов.

Рядом с кухней — комната повара и его помощника, и тут же склады кухонной и столовой посуды. В каждой столовой несколько длинных столов, покрытых белой клеенкой и уставленных приборами эмалированной посуды, такими же кружками и кувшинами и банками с горчицей, перцем, солью, уксусом, соей и пикулями. За столом нижним чинам прислуживают особые вольнонаёмные люди, которые в другое время исполняют чёрную работу на кухне. Правую половину нижнего этажа каждой казармы занимает солдатский клуб, один угол которого составляет солдатская лавочка. В этих лавочках, как и в наших, продаётся всё необходимое в солдатском обиходе, за исключением спиртных напитков.

Главное место в каждом клубе занимает бильярд и большой стол с иллюстрированными журналами и газетами, а вдоль стен расположены библиотечные шкафы, письменные бюро с принадлежностями, стойки и щиты с фехтовальными принадлежностями, большое зеркало со столиком, высоким креслом и всеми принадлежностями парикмахерской. При нашем входе в каждом клубе несколько человек играло на бильярде. Они тотчас опустили кии, стали смирно и не продолжали игры всё время, пока мы осматривали помещение.

Верхние этажи обоих зданий составляют, если можно так выразиться, дортуары нижних чинов. Их по два в каждой казарме. Как только мы переступали порог помещения, так раздавалась команда фельдфебеля, отворявшего нам двери, и все наличные люди становились по койкам, вытягивались и «пожирали глазами» начальство. В каждом дортуаре очень светло и чисто, но тепло ли, это — вопрос, так как для обогрева помещения на пятьдесят-шестьдесят человек имеется по две небольшие или по одной большой чугунной печи. У каждого солдата хорошая железная кровать с проволочною сеткой, матрасом, двумя простынями, двумя подушками и одеялом, заделанным так, как это принято в наших кадетских корпусах, то есть одеяло загнуто под матрас, и верхняя простыня узкою полосой выглядывает из-под одеяла у подушек. Около каждой кровати столик, а вдоль стен — полки с мундирными и аммуничными вещами, уложенными в большом порядке.

Мундирные вещи всех сроков, как летняя, так и зимняя, на руках нижних чинов. По словам гг. офицеров, нижние чины очень берегут казённое платье и обувь, так как за не выбранные в течение года вещи получают по расчёту деньгами. На домашние и вольные

работы они, поэтому, выходят обыкновенно в дешёвом собственном платье и собственной обуви. По углам комнат стоят пирамиды с ружьями, здесь же сложены походные палатки и развешена не поместившаяся на полках часть амуниции. В одной из рот, для удобства нижних чинов, среди их помещений находились столы с книгами, журналами и письменными принадлежностями, сверх находящихся в клубе.

В роте старшего капитана все представленные нам нижние чины, видимо, в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти, в другой же роте мы не могли не обратить внимания на контраст между двадцатилетним юношей и седовласым старцем лет шестидесяти. Этот последний, по словам гг. офицеров, уже около сорока лет служит в армии простым рядовым.

Такая крупная разница в возрасте нижних чинов происходит от того, что, как известно, в Америке нет воинской повинности, а существует система вербовки. Каждый рядовой Номского гарнизона получает по тридцать долларов в месяц и прибавку в двадцать пять процентов через каждые два года службы. Сохраняется ли эта прибавка по возвращении в метрополию — мне не удалось узнать. Роты же местного гарнизона меняются через каждые три года. Никаких строевых занятий на форте не производится, и нижние чины только дежурят по своим частям, содержат домашний караул у разных складов, переносят и перевозят вещи из одного склада в другой, с пароходов и на пароходы, и несут ординарческую службу при своих начальниках.

Люди, не занятые службой, проводят время, глядя по склонностям, до копания золота в полосе морского прибрежья включительно, то есть в той полосе, где добыча его не облагается никакими пошлинами. Призыв войск для содействия гражданскому началству был довольно часто только первое время существования Номе, теперь же, с упорядочением жизни в нём и округе, становится всё реже и реже.

Третья двухэтажная казарма занята лазаретом. Он совершенно не имеет вида временного учреждения, а по своей обстановке напоминает наши «местные лазареты». В нём большая, светлая, операционная комната с несколькими шкафами, наполненными хирургическими инструментами, лаборатория с массой банок, склянок, колб и реторт на столах и шкафах, несколько кладовых с бельём, запасными кроватями, ваннами на колёсах и другими госпитальными вещами. Палаты небольшие, но светлые и чистые, имеются и отдельные комнаты для труднобольных или зараз-

ных, особая лазаретная кухня, квартира доктора, комната фельдшера находятся в этом же здании.

Два одноэтажных здания, из коих одно с громадным подвальным помещением, заняты складами всевозможных вещей. Здесь и предметы обмундирования, снаряжения и вооружения, и продовольственные продукты, среди которых особенно много фруктов консервов, и строительные инструменты и материалы — доски, гвозди, краски, замки, крючки и прочее. Все эти предметы или отпускаются в потребность частей гарнизона, или продаются гг. офицерам. Такие же склады я видел у французов в походе 1900—1901 гг. в Тянь-цзине. Таким образом, эти склады совмещают в себе не только наши интендантские, артиллерийские и инженерные склады, но и офицерское потребительное общество, и заведует ими один офицер с несколькими нижними чинами.

У офицера этого в одном из зданий особый «office», состоящий из двух маленьких комнат, обставленных с американскою простотой и комфортом. Судя по числу книжных шкафов, переполненных полками с бумагами, переписка здесь довольно большая.

Кроме названных зданий, на форте имеются три двухэтажные домика для гг. офицеров и несколько маленьких — баня, хлебопекарня и прочие, среди которых один, ближайший к выезду на форт, — караульное помещение. Квартиры гг. офицеров обставлены на казённый счёт. Судя по квартире старшего капитана, обстановка самая простая. У него в приёмной диван, несколько кресел и стульев и круглый стол, плетёные из соломы, а в столовой, соединённой с гостиной аркой, — простой круглый стол и два очень простенькие буфета, из коих один открытый. По словам гг. офицеров, правительство заботится только о солдатах, так как их очень трудно получать; офицеров же можно иметь всегда, и поэтому они предоставлены самим себе. Поэтому же для них нет на форте особого нейтрального помещения, где они могли бы совместно проводить время, хотя бы в длинные зимние вечера, когда жизнь в городе замирает и когда из-за громадных снежных сугробов и частых вьюг добраться до него бывает очень трудно.

По окончании обхода всех помещений форта мы провели около получаса в квартире старшего капитана, куда собрались и прочие офицеры. Беседа велась, главным образом, об организации американской и русской армии, но кроме этого, гг. офицеры уделили много внимания моему Владимирскому кресту и значкам: академическому, константиновскому и корпусному. Я должен был подробно рассказать им значение и условия получения каждого

из них. При этом гг. офицеры неоднократно выражали соболезнование, что Америка не имеет своих орденов, и правительство запрещает даже принимать иностранные.

Во время нашей беседы на круглом столе стоял большой поднос с разными крепкими напитками, которые время от времени мы пробовали. Беседа окончилась двумя тостами: за Царя и доблестную русскую армию и Президента Республики, американский народ и его армию. Все гг. офицеры провожали нас до последнего здания форта, где караул из восьми рядовых при унтер-офицере отдал нам честь, и мы разстались, по-видимому, довольные друг другом. На обратном пути у первых городских лачуг мы вышли из экипажа и осматривали добычу золота в линии морского прибора, о которой я говорил выше.

На следующий день все гг. офицеры были у меня с визитом, передали мне свои визитные карточки и, конечно, по американскому обычаю, сделали у меня маленький «drink».

Во время моих прогулок по городу несколько кавказских уроженцев неоднократно обращались ко мне, Рудакову, Потапову и другим с просьбой поменять им американские доллары на русские рубли. Просьбу свою они мотивировали предстоящим возвращением на родину через Сибирь, где деньги эти не в ходу. Мы просьбы их, конечно, исполнить не могли, так как ни у кого из нас не было в запасе нужных тысяч, и успокоили их заявлением, что на пароходе от них примут доллары, а во Владивостоке есть банки, в которых они и произведут желаемую операцию.

Многих из этих господ мы расспрашивали о причине возвращения на родину, и почти все говорили нам одно и то же: жить здесь хорошо и можно хорошо заработать, но работать очень трудно. Надо очень аккуратно являться на работу и работать, что называется, не покладая рук. За малейшее опоздание, как и за каждое, даже вынужденное, оставление кирки или лопаты — штраф. Даже кишечник надо приучить так, чтобы он от завтрака до отдыха и от отдыха до ужина не смел заявлять своих требований. Зато сверх восьми часов (четыре до обеда и четыре после него) никто не заставит работать ни одной минуты.

Однажды, когда я был в ювелирном магазине, туда вошёл пьяный субъект средних лет и, став у притолки, не спускал с меня глаз. При этом лицо его выражало особое удовольствие и ласку. Я не удержался и спросил: «Что, брат, должно быть давно не видел русского генерала»? Он ещё более просиял и на ломаном русском языке сказал, что он латыш из Риги, уже двадцать лет жи-

вёт в Америке, и со дня отъезда с родины не видел русского офицера. Постояв ещё немного, он вышел, затем стал следить за мной. Когда я обедал в ресторане, он вошёл туда же и сел за соседний столик против меня. Хозяин попросил его пересест в дальний угол, что он безпрекословно исполнил, продолжая оттуда глядеть на меня. Через несколько минут он встал и пошатываясь пошёл к выходу, при этом весело глядел на меня и декламировал: «Что ты спишь, мужичок, ведь весна на дворе, ведь соседи твои работают давно»...

Несколько взволнованный хозяин подошёл ко мне с вопросом: «Не обезпокоил ли меня этот господин?» — на что я, конечно, ответил ему отрицательно.

Во время этих прогулок мне неоднократно приходилось встречать женщин, сравнительно скромно одетых, которые, толкая друг друга и глядя на меня, говорили по-русски с сильным еврейским акцентом: «Русский генерал». На другой день пребывания моего в Номе, утром, явился ко мне некий иерусалимский гражданин, отрекомендовался братом владивостокского врача N и предложил свои услуги по покупке разных предметов и по указанию мне достопримечательностей города. Я отклонил все его предложения, но от него не избавился. Он ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день являлся ко мне, то с просьбой разменять кавказцам деньги, то устроить им бесплатный проезд, то с теми или другими справками о Владивостоке. Последний раз он пришёл ко мне с просьбой ссудить ему сто рублей для водворения в Номе г-жи Д. При этом он заявил, что «при ея и его крепких руках» и общем их здоровье они скоро заработают эту сумму и возвратят её мне. Я, конечно, его прогнал.

Выше я сказал, что девица, подававшая мне и моим компанionsам первый ужин в Номе, ставила всегда на стол лишнюю рюмку, а по окончании ужина взяла «на чай», хотя это здесь запрещено. То же было и в гостинице, в которой я жил, и в тех ресторанах, где мы обедали или ужинали в последние дни. Если же нам подавали мужчины, то они лишних рюмок не ставили, но «на чай» брали одинаково с девицами. Номская прислуга принимает пищу в одно время с гостями и в одном с ними помещении, причём женщины обслуживают мужчинам и наоборот...

В Номе, как и во всей Аляске, безусловно запрещена продажа спирта эскимосам, но любовь их к этому напитку не меньше, чем у наших северных инородцев. Люди, хорошо знающие американские нравы, уверяли меня, что ни один американец не продаст

эскимосу бутылки виски не из боязни штрафа в двести долларов или соответствующей высылки, а из сознания вредоносности этого напитка для жителей Севера. Тем не менее, спирт имеется у них и, как говорят, получается от чукчей с островов Диомид. Среди виденных мной в Номе эскимосов не заметно той массы глазных болезней, которыми поголовно страдают инородцы нашего Севера, притом же внешний вид их гораздо здоровее, опрятнее, крепче, чем у наших чукчей и коряков.

Морской растительности у берегов Аляски, по-видимому, нет. По крайней мере, отбросов ея не видно с берегу вдоль линии морского прибоя.

В дни пребывания нашего в Номе наибольшая температура воздуха была +18,5°, наименьшая — +11° Ц. Только второй и третий день нашего пребывания (16-е и 17-е) были ясные дни, остальное же время небо было в тучах. По временам шёл мелкий дождь, на горах часто лежал туман. По соображениям капитана и ревизора, «Камор» должен был уйти в четыре часа дня 18-го числа. Поэтому, пообедав возможно раньше, я, Потапов, Калинин и другие к двум часам собрались у спасательной станции. Проводить нас пришли Шнейдер, Розин, Линдест. Еврей, о котором я говорил выше, не захотел отстать от других, тоже явился сюда и упросил меня разрешить ему перевезти мой багаж на пароход. Чтобы отвязаться от назойливости этого господина, пришлось согласиться, несмотря на предупреждения о его неблагонадёжности. Море порядочно бурлило, и спасательный катер долго не возвращался от парохода, куда он повёз первую партию пассажиров. Чтобы не стоят без толку на открытом месте, мы отправились в ближайший «бар», где и засели в отдельном кабинете. Пришлось перепробовать все употребляющиеся в Америке смешанные напитки. Когда же дело дошло до повторений, я стал брать сигарами. Значительно размякший, Линдест уверял, что время, проведённое им в Архангельске и на Мурмане, оставило в нём самые приятные воспоминания, и поэтому он русских очень любит и думает ещё в нынешнем году вступить с ними в ближайшие сношения. Он ожидает только прибытия из Сеатла шкуны, которую думает нагрузить мукой, солью, железом, стеклом и другими товарами и отправить на зимовку в Нижнеколымск. Я, конечно, пожелал успеха, так как благодаря тому, что «Тунгуз» и «Цинтао» не могли нынешним летом зайти в Олу, откуда лежит гужевой тракт на Нижне-Колымск, в округе его зимой может быть недостаток в товарах.

Тут же Линдест говорил, что в Америке любят русских не только как хороших рабочих, но и как людей, умеющих жить и дающих жить другим. Кавказцев же не любят за их сквалыжничество.

Накануне в магазине «Кодак» я просил приготовить мне самый простой альбом с сотней открыток, частью раскрашенных, частью чёрных, с видами и типами Аляски. За спешными сборами к отъезду я забыл зайти в магазин и, когда мы сидели в «баре», туда явился какой-то джентльмен, любезно преподнёс мне этот альбом и взыскал с меня восемь долларов. В три часа нам дали знать о возвращении катера, и мы тотчас пошли на берег. Хотя переезд на пароход занял всего несколько минут, но нас порядочно обдавало волной и наши вещи порядком промокли. К нашему приезду на пароходе были уже несколько американцев, в том числе наш старый знакомый Талантайер и две дамы: г-жа Свенсен с четырёхлетним сыном и г-жа Гауген. Все они едут в залив Святого Николая.

В ожидании отхода парохода я принялся писать этюд — общий вид Номе. Через час этюд был готов, и я стоял перед ним с палитрой в руках и проверял тона. Ко мне подошли г-жа Гауген и джентльмен, заведывающий спасательною станцией в Номе. Она и он в один голос заговорили: «Very good, very nice, fine», и, не умея иначе выразить своё восхищение, повторяли эти слова много раз, указывая пальцами на береговые предметы и на изображение на полотне. В особенный восторг приходил этот здоровенный детина с бритым лицом, в мягкой шляпе, высоких сапогах и непромокаемом костюме. Видно было, что он совершенно незнаком с художественными работами с натуры.

На память о Номе я привёз командира, его двум помощникам и командиру и механику катера Добровольного флота по бутылке виски, чем доставил им большое удовольствие. Такой же подарок, в свою очередь, я получил от Талантайера.

Перед обедом г-жа Гауген, гуляя по командирскому мостику, обратила внимание на несколько туш мяса, висевших за штурманскою рубкой. Всё мясо было тёмно-синяго цвета. Показывая на мясо, она сделала гримасу, закачала головой и сказала: «Very bad». Я взял перочинный ножик и сделал глубокий надрез в каждой туше. Синяя толстая корка была толщиной в полдюйма, далее цвет мяса был тёмно-красный. Гнилостного запаха слышно не было. Тем не менее, ни г-жа Гауген; ни я за обедом не могли есть мясные блюда.

За обедом кто-то спросил капитана: «Почему мы стоим ещё на рейде?» Он объяснил, что не может уйти, не получив от таможни судовых бумаг. Настала ночь, и мы всё-таки не двинулись.

Ночью юго-западный ветер дошёл до пяти баллов по Бофорту, море взвыгло и на весь следующий день (19-го) прекратилось всякое сообщение с берегом. Видны были только серое небо, беляки на воде, громадный прибой к берегу и густой туман в горах. До двенадцати часов дня шёл дождь. Наших дам и мужчин укачало совершенно. В течение всего дня термометр не подымался выше $+8^{\circ}$. Только к утру 20-го числа ветер перешёл на северо-восток и море значительно стихло. К одиннадцати часам дня приехал Гарфильд с таможенным чиновником, привёз судовые бумаги и, пожелав нам счастливого плавания, хотел отъехать на берег, но подали шампанское, и мы обменялись рядом любезностей, причём Гарфильд, имея в виду, что «Камор» плавает под норвежским флагом, сказал свой тост, обращаясь не только к русским, но и к норвежцам. После этого он взял мой фотографический портрет, сделанный в Номе, обещал мне выслать свой, крепко-крепко пожал всем нам руки и сел в свой катер. Как только он отвалил, так «Камор» поднял якорь, дал последний прощальный свисток, и мы двинулись в обратный путь...

ГЛАВА VII. От Номе до Владивостока

20-е августа, среда. Около шести часов вечера мы имели слева остров Кинг, справа — мыс принца Валийского, а над собой — большую штормовую тучу. Солнце уже садилось за далекий горизонт и своеобразно окрашивало нижние слои воздуха. Низы серо-лиловой штормовой тучи были кроваво-красными, остров и море — тёмно-фиолетовыми, а горы американского материка, освещенные последними лучами заходящего солнца, — розовыми. Картина была очень величественная.

Я тотчас же сделал с нея этюд. Он вышел настолько удачен, что г. Гютлер, коммерсант из Нью-Йорка, пожелал непременно его иметь. Я должен был пообещать ему написать дорогой маленькую картинку.

Со вчерашнего утра до сегодняшнего полудня анероид шёл быстро на повышение, а затем так же быстро стал падать. Сегодня максимальная температура воздуха $+3,5^{\circ}$, минимальная — $+2,5^{\circ}$ Ц. Весь день слабый юго-восточный ветер.

21-е, четверг. В пять часов утра бросили якорь против поста Дежнёва и складов Северо-Восточного общества. Погода холодная и туманная, сильный северо-западный ветер, идёт мелкий дождь и снег, а из Ледовитого океана плывут отдельные, довольно

большие льдины. Писать этюд на воздухе невозможно, поэтому я на берег не съезжал.

К десяти часам утра покончили выгрузку вещей, привезённых Калининковым в казённый склад и для себя, распростились с ним и двинулись дальше.

Прощай, край русских владений, вероятно, никогда больше я тебя не увижу, но воспоминание о тебе останется у меня на всю жизнь!

Около четырёх часов бросили якорь в заливе Святого Лаврентия за небольшим островком, защищавшим нас от северо-восточного ветра, который теперь дует с силой пяти баллов, и на палубу почти невозможно выйти. Одонель ходил с нами в Номе и теперь высаживается здесь. Он с трудом сел в шлюпку с четырьмя гребцами, а когда они отошли от парохода, то не могли выгребть против ветра, и после долгих усилий шлюпка пристала к берегу значительно правее фактории.

Недалеко от нас стоит «Тетрис», бывшее военное, а теперь таможенное судно.

После ужина г. Хол предложил публике послушать настоящий американский граммофон. Надо отдать справедливость — граммофон прекрасный: звучный и с незначительным шипеньем механизма. Из пропетых им вещей мне больше всего понравился хорал «Jerusalem» и военная песнь шотландцев. В это время мы с Потаповым разговаривали о Номе и в частности о директоре их общества Д. Розине. В прошлом году, возвращаясь в Петербург через Америку, Потапов видел в г. Сеатле особые плакаты, в которых Розин называет себя представителем Русского Царя и приглашает желающих приобретать через него золотоносные площади на Чукотском полуострове. Говоря об этой своей поездке в Россию, А. А. между прочим упомянул, что весь Новый Свет и западную Европу он проехал без национального паспорта (в «Чукотской земле» достать его было невозможно), с какими-то удостоверениями личности, и нигде никаких недоразумений у него не было. В первой же нашей таможне, обнаружив у него браунинг и не видя национального паспорта, его арестовали и передали в ведение жандармской полиции. Он просидел в каком-то клоповнике неделю, пока по его указанию наводились справки, после чего его выпустили с всевозможными извинениями, но браунинга не возвратили, а предложили получить его в Петербургской таможне.

Выйдя из-под ареста, он узнал, что все его вещи, как не заключавшие ничего запрещенного, тотчас после досмотра отправлены

по назначению. Тогда уже он просил, в особое ему одолжение, позволить ему прожить в клоповнике ещё несколько дней, пока он получит нужную сумму денег для покупки необходимых чистых вещей. Просьба его была любезно исполнена.

22-е, пятница. Утром несколько стихло, и мы перешли ближе к восточному берегу залива и к постройкам Северо-Восточного общества. Как я уже говорил, общество торговли здесь не производит, склады его пусты, в них живёт только пять американцев-проспекторов, разыскивающих золото в долинах ближайших горных ручьёв. Когда один съезжал на берег, с ним непременно хотел ехать «кавказский человек» — разменять несколько сот долларов на русские деньги. Его едва уговорили не ехать — он не хотел верить, чтобы в больших домах на берегу не было торговли.

Этих господ на пароходе двадцать два человека. Все они около года работали в Номе на золотых приисках и заработали от нескольких сот до трёх тысяч долларов каждый. Многие перевели деньги в Россию банком, а некоторые имеют их при себе. Эти последние хотели разменять их у нас ещё в Номе, но мы им этого сделать не могли, и они успокоились на том, что все расчёты с парходом они сделают американским золотом, а остальное разменяют во Владивостоке. Когда после завтрака я и Потапов были на берегу, Одонель показал нам образцы мелкого золота, найденного им в ручье за сорок миль от станции.

В четыре часа дня покинули залив Святого Лаврентия. К вечеру погода совсем стихла и море успокоилось.

23-е, суббота. На разсвете прошли мимо острова Иттыгран и в восемь часов бросили якорь у мыса Чаплина. К нам подошла только одна лодка, на которой было немного нерпичьих шкур, ремней и моржовой кости. По просьбе некоего Волкова, идущего с нами из Номе, я через переводчика спрашивал прибывших чукчей: «Торговал ли этот господин у них спиртом?» Все ответили отрицательно, что я и засвидетельствовал письменно г. Волкову. По его словам, на него кто-то взвёл поклёп, и он теперь должен оправдываться перед штабс-капитаном Калинниковым.

Волков — крестьянин одной из самых внутренних губерний, живший несколько лет во Владивостоке и Уссурийском крае по торговым делам. Он едва ли не первый человек, который за собственный счёт и риск повёз товар на Чукотский полуостров. По его словам, товар был доставлен на «Этине», и до прихода «Камора» он прекрасно расторговался.

Непроданный товар он поручил одному из местных купцов, который обязался вырученную сумму деньгами или пушниной сдать зимой Калинникову. Пример Волкова заслуживает подражания. Только такие предприимчивые люди могут обрусить до известной степени этот край, находящийся до сих пор целиком под влиянием Америки.

В бытность в Петропавловске В. Е. Флуг рассказывал, что ещё в прошлом году было предложено нескольким большим торговым фирмам завести свои склады на Чукотском полуострове. Все они отказались, за исключением фирмы Чурина, которая согласилась на условии выдачи ей субсидии в несколько десятков тысяч рублей. Но в этом ей было отказано.

Над одним из домов селения Уныин, кажушимся больше других, развиваются сегодня два флага: русский, а под ним английский (почему не американский?). В первый наш приход сюда второго флага на этом доме не было. Ещё тогда я заметил, что старшина селения говорит хорошо по-английски и ни слова не понимает по-русски. Сегодня это подтвердилось, когда он мне вновь показывал бумагу за подписями Гондatti и Сокольникова, утверждающую его в должности. Сегодня же я вновь убедился, что большинство здешних чукчей говорит по-английски и только некоторые знают отдельные русские слова: «здравствуй, давай чай, сахар» и несколько других, то есть те самые слова, которые я слышал от их сородичей в Ново-Мариинском посту.

Перед входом в бухту Провидения, на юго-восточном склоне Лысой горы, наш взор был привлечён очень яркою зелёною площадкой с расположившимся на ней селением чукчей. В первый путь селения этого мы совершенно не видели из-за тумана. Кроме юрт, там видно несколько деревянных домов. Очевидно, это — большой торговый пункт. Восточный склон Лысой горы, обращённый к материку, довольно пологий. Южный же, обращённый к морю, и западный, обращённый в сторону бухты, почти отвесны. Склоны горы покрыты тундрой красновато-бурого цвета, вершина — красная охра, а осыпи, и в особенности западные, — светло-жёлтые. При сегодняшнем ярком освещении и полном штиле получается интересная игра красок.

Прошлый раз, несмотря на пасмурную погоду и туман, мы сразу вошли в бухту. Сегодня же капитан не узнал входа, и мы долго маневрировали около него, пока один из пассажиров третьего класса, проживавший здесь три года в стражниках, а ныне занимающийся торговлей, не уверил капитана, что это и есть нужная

нам бухта. В четыре часа бросили якорь в гавани Эмма, против фактории.

За обедом Джонсон рассказывал, что в селении на юго-восточном склоне Лысой горы живут два купца-чукчи, с которыми он ведёт большие дела. Они доставляют ему китовый ус, а берут чай, сахар, муку, черкасский табак и другие предметы. Товар у них долго не залеживается: они его раздают в кредит мелким купцам, которые уже и развозят его по краю.

По словам Джонсона, бой китов происходит, главным образом, в октябре и ноябре, когда киты ходят стадами. Одиночно же проходящих китов жители не преследуют. На охоту выезжает обыкновенно всё селение. Стрелок, убивший кита, получает половину головы, гребцы его лодки получают четверть головы, последняя четверть делится между остальными участниками охоты.

Мясо и жир кита идут в пищу всем жителям селения и безвозмездно раздаются желающим. По окончании охоты весь ус собирается у одного или двух крупных купцов, которые уже и сдают его в магазин общества. Каждый кит даёт около пятидесяти пудов уса.

24-е, воскресенье. Сегодня пятый день, что мы покинули Номе. Можно было бы хоть эти дни иметь за завтраком и обедом свежую провизию. Тем не менее, мы по-прежнему едим солонину или мясо, сильно сдобренное острым соусом, а на закуску подаётся старая московская колбаса и кетовый балык. Очевидно, наш хлебодар — человек очень экономный, и, сделав запасы провизии в Шанхае и Владивостоке, не пожелал возобновить их в Номе, совершенно правильно рассчитывая, что в море у публики громадный аппетит, и она съест всё, что ей ни дай. Благодаря присутствию на пароходе трёх американцев и некоторому запасу виски, каждый вечер в нашем салоне делается маленький «drink».

В девять часов вечера, то есть через два часа после захода солнца, прямо на юг от места нашего стояния, за низкою береговою полосой, отделяющей гавань Эмма от океана, виден был в течение пяти минут почти на горизонте красный диск, каким иногда бывает солнце при закате или полная луна при восходе. Диск этот постепенно затягивался снизу туманом и, наконец, скрылся. Что это за явление? Кто его объяснит?

А. А. Потапов и М. И. Рудаков видели вчера в одиннадцать часов в северо-западной части неба световое явление вроде северного сияния. По их словам, над горизонтом был яркий полукруг с разноцветною бахромой, центр был тёмный.

По берегам гавани Эмма масса водорослей и лилий, что указывает на богатую подводную флору и позволяет думать, что животный мир здесь тоже должен быть довольно большой. Между тем, по словам заведующего факторией, местной рыбы в гавани, да и во всей бухте Провидения, нет, а ходовая красная рыба сюда не идёт. Второе понятно — бухта обставлена крутыми горами, и в неё не вливается ни одной речки, а горные ручейки пересыхают после окончания таяния снегов, значит, рыбе негде метать икру. Первое же — отсутствие местной морской рыбы, — непонятно. Вернее же, что ни заведующий факторией, ни служащие не пытались ловить рыбу на большой глубине.

25-е, понедельник. В четыре часа утра покинули гавань Эмма и залив Провидения. Весь день отличная погода, и я почти всё время был на мостике.

Сегодня узнал, что на пароходе, сверх почтового чиновника, обязанного совершать все положенные почтовые операции, есть ещё почтальон. Обязанностей у него — нуль, так как на берег возить почту не приходится, а из трюмов поднимают и туда спускают почтовые тюки рабочие Добровольного флота. Таким образом, почтовое ведомство, во всех случаях очень экономное, здесь проявило непонятную щедрость.

С утра дул легкий северо-западный ветер, с полудня дует более сильный северо-восток. Значительная часть неба покрыта тучами. Море слегка рябит.

26-е, вторник. В три часа утра прошли сто восьмидесятый меридиан от Гринвича. Если считать западную долготу, то только сегодня в полночь получили 25-е число, а так как с утра мы ведём счёт на восточную долготу, то выходит, что с воскресенья мы перескочили прямо на вторник, или потеряли один день. В первый путь, двигаясь на восток, мы приобрели один день, а теперь же, двигаясь на запад, потеряли его. В конце концов, календарь не пострадал.

В восемь часов утра бросили якорь в заливе Святого Николая. Тотчас с берега пришла шлюпка с гг. Свенсеном и Гаугеном и забрала наших дам и маленького Честера. Г-жа Свенсен совершенно больна. Всю дорогу она лежала в каюте и только один раз в бухте Провидения вышла раз на палубу погулять. Г-жу Гауген укачивало, но она крепилась, часто выходила на палубу, сидела в салоне и несколько раз принимала пищу вместе с нами. В бухте Провидения она была даже на берегу. Честер всю дорогу доставлял нам много удовольствия своим несмолкаемым лепетом и явным

желанием заучивать русские слова. Первое слово «колбаса», которое он произносил «каубаса», делая ударение на последнем слоге. Он, видимо, порядочно избалован, и ему позволено самому брать со стола всё, что он хочет, поэтому он в каждое блюдо сам лез ручонками, когда же его останавливали и приказывали попросить, он с большою неохотой говорил «please» или «пошальста», а получив желаемое — «thank you». Мы с грустью расстались с этим маленьким американцем.

Здесь же остался и А. А. Штапов. Первоначально он предполагал зимовать в бухте Провидения (Владимирский пост), почему ещё в первый путь оставил там часть своего багажа, но, побывав в Номе, переменял своё намерение. Здесь, по его словам, веселее и больше дела.

После завтрака я съехал на берег. Фактория расположена на берегу залива, у устья безымянного ручейка. Часть построек стоит у линии воды, на гальке, а другая — несколько выше, на тундре. Между ними только один деревянный дом американской постройки. В нём помещаются лавка, общая столовая и кухня. Остальные постройки — большие и маленькие домики из бязи. Во всех них есть двери и камбузы, но не во всех есть окна и полы. В тех из них, в которых живут рабочие, устроены двухъярусные нары и неподвижные столы. В остальных кровати и мебель переносные. В самой большой палатке, сделанной из брезентов, помещаются лошади.

В этих домиках-палатках люди живут лето и зиму. Больную г-жу Свенсен с сыном поместили в общей столовой. Г-жа Гауген поместилась у мужа в холщевом домике. Такие же домики заняли Потапов и Талантайер. Как-то они в них перезимуют? Сточных канав вокруг домиков не сделано, поэтому тундряная вода стоит под всеми домиками, вокруг них порядочная грязь. Александров говорит, что заниматься благоустройством фактории никому: тридцать человек заняты промывкой золота в горах и являются сюда по очереди только за провизией, двое чукчей постоянно работают в лавке и складе. Больше же рабочих нет.

Все принадлежащие фактории грузы сложены на берегу, на открытом воздухе. Между ними как-то странно видеть несколько собранных и разобранных экипажей двух- и четырёхколесных. Кому они здесь нужны — неизвестно, так как по тундре езда на колёсах невозможна. Фактория имеет gasolineовую лодку для перевозки проспекторов и грузов по более отдалённым береговым местам. 20-го числа на этой лодке ушёл в Марково начальник уезда с женой, и возвращение её ожидается дня через три.

В течение нынешнего лета рабочими Свенсена намыто золота на восемнадцать тысяч долларов. Всё это количество три дня назад отправлено в Номе на газолиновой шкуне. Шкуна эта принадлежит Северо-Западному торговому обществу (американское), состоящему под управлением Розина, и поддерживает постоянные прямые рейсы между этими пунктами. Изредка она заходит во Владимирский пост.

Потапов и Александров считают, что скоро фактория должна разрастись в городок, так как чем дальше проспекторы ведут свои работы, тем всё больше и больше обнаруживается золота. А оно должно привлечь сюда новых предпринимателей и купцов. За ними, конечно, потянутся ремесленники и разные гешефтмахеры (ловкачи, дельцы. — *Ред.*).

Почему Северо-Восточное общество не имеет своей фактории в вершине залива Святого Креста, куда не ходят даже американские китобои, — Потапов не знает. До сих пор этот громадный залив, вдающийся в материк на пятьдесят миль, исключён из сношений с миром, хотя берега его населены не менее прочих мест. Потапов утверждает, что он предлагал правлению открыть склад товаров в одном из селений у мыса Сердце Камень, дабы тем развить деятельность общества и составить конкуренцию американцам, но правление не согласилось, находя, что оно должно направлять свою деятельность на добычу полезных ископаемых, а не на торговлю. Это может быть и верно, но, по словам того же Потапова, общество получает дивиденды от торговли, а отнюдь не от добычи золота.

Перед заходом солнца я видел стаю гусей, протянувшую на юг. До полудня дул слабый южный ветер, затем совсем заштило. Весь день было пасмурно и временами шёл дождь. Наибольшая температура $+8^{\circ}$, наименьшая — $+3^{\circ}$. В девять часов вечера aneroid показывает 757 мм, то есть меньше против утра на 11 мм.

27-е, среда. Вчера вечером стало свежеть от северо-запада, а сегодня утром все горы оказались покрытыми снегом, и ветер в восемь баллов по Бофорту. В заливе гуляет порядочная волна. «Камор» перешёл под подветренный берег. До полудня шёл редкий снег с дождём. К вечеру значительно стихло, и ветер стал перекладывать на север.

Закат солнца ясный. На нижних облаках нет багровых пятен, а верхняя окрашена в нежный розовый цвет. Ночь лунная, ясная. Небольшое количество линейных облаков закрывает только восточную часть горизонта.

28-е, четверг. Вчерашний закат не оправдал народную примету, или она создана только для средних широт: сегодня с утра северо-восточный ветер дует с силой десять баллов, а волна в заливе больше вчерашней. Снег лежит не только на горах, но и на берегу до самого среза воды. К полудню небо значительно прояснилось, и снег на берегу тотчас начал таять. К девяти часам вечера ветер совершенно утих, море успокоилось, и облака остались только в восточной части горизонта. Стрелка анероида показывала 773,5 мм. Взошла полная луна, ярко осветила горы и заиграла на водяной ряби. Береговой откос залёг тёмною полосой между горами и водною поверхностью. В девять часов двадцать минут в северной части неба появились из-за горизонта лучи фосфорического света, расходящиеся веером. Центральный луч, находившийся немного правее Большой Медведицы, протянулся почти до зенита. Лучи эти то сокращались и скрывались за горизонтом, то вновь появлялись. Минут через десять все они, за исключением среднего и одного из правых, превратились в клубни, расположившиеся по дуге от востока к западу на высоте восемь-девять градусов над горизонтом. Под ними, концентрически, расположилась узенькая полоска слабых радужных тонов. Клубни непрерывно вращались слева направо, радужные тона их перемещались, но форма не изменялась. От краёв их отрывались световые хлопья, которые тотчас тухли.

Постепенно розоватые и голубоватые тона в клубнях исчезали, а затем они тухли поочередно от востока к западу, и только клубень под средним лучом продержался несколько дольше других. Минут на десять явление совершенно исчезло. Затем оно возобновилось в виде радуги, прерванной в нескольких местах. В ней были те же переливы цветов, то же ослабление света с востока на запад, то же исчезновение и появление отдельных световых пятен, что и в первом случае. Иногда от верхнего края дуги отходили лучи в восточном направлении в виде хвостов комет. В этих случаях под большою дугой появлялась меньшая, слабее окрашенная. В половине одиннадцатого всё явление окончилось.

Я, конечно, не передал здесь и минимальной доли впечатления, воспринятого мной от этого оригинального светового явления. А если к нему прибавить лунный свет с одной стороны и остаток вечерней зари с другой, то получится картина, которую ни пером описать, ни в сказке сказать, а надо самому видеть и почувствовать.

Сегодня максимальная температура $+10^{\circ}$, минимальная — $+0,5^{\circ}$ холода, то есть первый мороз.

29-е, пятница. С утра великолепная погода: тихо, ясно. В семь часов с берега приехали Талантайер, Гаугер, наши корейцы и фельдшер. Один кореец остался на берегу и поступил на прииск Свенсена. Отдали последний груз фактории и в половине девятого двинулись в Анадырь. Благодаря приливу, тридцать пять миль до Ново-Мариинского поста прошли в три часа. Когда бросили якорь, на пароход приехал В. С. Диденко. Он сообщил, что за последние два дня ручейки и озера покрылись льдом, вся перелётная птица уже улетела на юг (сегодня около трёх часов дня я видел небольшую стайку уток). Он собирался сегодня идти в Марково, но, увидевши на горизонте дымок, — остался. Выйдет завтра или послезавтра, рискуя в дороге обмёрзнуть и выжидать зимнего пути.

В Анадырском уезде в течение зимы бывают три ярмарки: Вакаринская, на среднем течении реки Майны, — в январе; Яропольская на реке Анадырь, в двухстах пятидесяти верстах на запад от Марково, — в феврале; Туманьская, в верховьях реки Майны, — в марте. На этих ярмарках бродячие чукчи и коряки обмениваются товарами с береговыми чукчами и с марковцами. Инородцы привозят на ярмарки зверовые шкуры, ремни, одежды из шкур, оленьё мясо, а марковцы — мануфактуру, чай, сахар, табак, медную и фарфоровую посуду, оружие, порох, свинец и прочие принадлежности первой необходимости. Иногда, но не каждый год, чукчи собираются в декабре в Марково, и тогда там тоже открывается ярмарка. Каждую ярмарку открывает уездный начальник или его помощник, и она продолжается две-три недели, в зависимости от имеющегося на месте корма для оленей. Значение этих ярмарок с каждым годом всё более и более падает, так как бродячие чукчи и коряки начинают всё чаще показываться на берегу моря, дабы лично купить необходимые им предметы на пароходах и шкунах или у своих братьев в береговых поселениях. Собственно, на Чукотском полуострове бывает только одна ярмарка — на запад от Мечигменской губы, в горах, близ озера Югпей. Здесь пушнина выменивается исключительно на американский товар.

30-е, суббота. В половине пятого снялись с якоря при тихой погоде. Весь день погода не менялась, дул слабый юго-западный ветер. Пройдя Русскую Кошку, взяли курс на юго-восток и пошли в виду берегов. Далекие материковые горы покрыты снегом. От них к морю громадная низина, почти не возвышающаяся над уровнем моря. Местами береговая линия прорывается, очевидно, здесь имеются большие заливы или лагуны. Чем ближе

мы подходили к мысу Барикова, тем горы всё плотнее сдвигались и, наконец, перешли в куполообразные холмы, обрывисто спускающиеся к морю. Между этим мысом и следующим, Коробицына, двадцать миль. Они определяют вход в бухту Угольную, которая вдалась в материк на двенадцать миль. К верховью бухты подходит «Угольный кряж», в котором каменный уголь выходит на поверхность земли. М. И. Рудаков, плавая здесь на своей шкуне «Надежда», неоднократно брал уголь для судовых надобностей.

Далее берег очень крут, и мыс Фаддея — самый сумрачный из всех, виденных мной на северо-восточном побережье Азии. Он отвесною стеной спускается к морю, а перед ним стоит ещё узкий пирамидальный придаток, в виде руля. Направо и налево от него — тёмные ущелья и такие же отвесные скалы. Тяжёлое впечатление от этого мыса увеличилось ещё потому, что мы прошли его около восьми часов вечера, когда весь берег был в густых тенях, а сквозь сильно облачное небо проникало очень немного лучей заходящего солнца.

От поста Ново-Мариинского до этого мыса сто шестьдесят миль. Разстояние это мы прошли в пятнадцать часов. Парадный ход «Камора» девять узлов. Значит, более чем на узел в час нас подавало течением. За обедом выяснилось, что наш компаньон, г. Хол, в 1891 г. состоял на службе у короля островов Самоа и обучал его этикету, манерам и хорошему европейскому тону. Теперь г. Хол сорока семи лет. Он ниже среднего роста, с проседью, подстриженными усами, далеко не отличается изяществом манер, а костюм у него совсем грязненький. На левой руке у него не хватает трёх пальцев (средних), а на правой большой палец постоянно обвязан, и им он не работает. Трудно представить, чтобы человек с подобными физическими дефектами мог нести придворную службу даже в Полинезии, но не верить ему не имеем права. (Состоя на этой службе, г. Хол имел счастье быть представленным Государю Императору во время его кругосветного плавания в бытность Наследником Российского Престола.)

У короля островов Самоа г. Хол хорошо заработал, но затем все свои сбережения, около двадцати тысяч долларов, потратил в поисках золота. По профессии он моряк.

31-е, воскресенье. Мыс Наварин прошли около полуночи и сегодня всё время идём открытым морем, совершенно не видя берегов.

1-е сентября, понедельник. Около десяти часов утра прошли мыс Олюторский. Это — громадная глинистая и каменистая коса, покрытая тундрой. От него на материк тянется гряда гор, а перед

ними несколько отдельных скал, подводных камней, вокруг которых постоянный бурун. За ним берег всё более и более отходит на север и, наконец, сливается с горизонтом, только большие высокие мысы кажутся островками. Мы идём вдоль Олюторского залива.

2-е, вторник. В семь часов утра бросили якорь в бухте барона Корфа, у гавани «Сибирь». Селение на Кошке пусто — все жители переселились уже на материк. Нашего прихода ждал только Немирович-Данченко с несколькими рабочими и тяжёлым грузом экспедиции. По его словам, Нацвалов с несколькими рабочими, лошадьми и легким грузом ушёл 7-го августа в Уку. После «Камора» сюда приходил только «Командор Беринг», но так как здесь рыбалок нет, то ушёл очень скоро. За обедом я, между прочим, спросил г. Данченко, что он сделал здесь за два с лишним месяца по своей специальности корреспондента и литератора.

Он, не задумавшись ни секунды, сказал: «Написал два романа из коряцкой жизни». Я выразил серьёзное недоумение по поводу такой плодовитости. Тогда он поправился и сказал, что заготовил только план двух романов. Из дальнейшего выяснилось, что у него нет и этого, а имеется только записка со слов одного обывателя о свадебных обрядах коряков. Корреспонденций отсюда он не писал, ибо, по его словам, писать было не о чем. После ухода Нацвалова и до нашего возвращения он ездил на несколько дней на противоположный берег бухты к старшине селения олюторцев. Приём ему был оказан очень радушный, и в эти дни он имел случай наблюдать меткость стрельбы коряков из винчестеров. Г. Немирович вместе со старшиной, человеком лет шестидесяти, залегли на берегу в ожидании появления нерп. Когда они подошли, первым стал стрелять г. Немирович, но не убил ни одной. За ним стрелял старшина и ни разу не промахнулся.

Сегодня г. Немирович вновь подтвердил нам неправильность показаний морских карт о месте впадения реки Олюторки. Я по-прежнему сомневаюсь в точности его сведений и думаю, что в верховьях Олюторского залива должна быть большая река, берущая начало на Парапольском плоскогории, а в бухту барона Корфа может впадать Малая Олюторка, берущая начало в горах Говенского полуострова.

Несмотря на наступившую осень и несколько случаев выпадения свежего снега, на горах — в котловинах и по некоторым тальвегам (линия, соединяющая самые низкие точки дна русел рек, оврагов и других эрозионных форм рельефа. — *Ред.*) ещё виден старый снег.

3-е, среда. В пять часов вечера покинули гавань «Сибирь». Ясно. Полный штиль. Наибольшая температура дня $+19^{\circ}$, наименьшая — $+3,5^{\circ}$. До захода солнца дул слабый северо-восточный ветер, затем такой же северо-западный.

4-е, четверг. В половине восьмого утра стали на якорь в заливе Карага. Погода чудная, ясно, тихо. Горы покрыты зеленью гораздо больше, чем в заливе барона Корфа.

На нынешний раз впечатление от окружающих гор менее величественное, чем в прошлый, когда контуров их из-за нависших облаков и тумана не было ясно видно. Инженер Нацвалов только вчера пришёл сюда и сегодня идёт далее. На всём пути (до пяти-сот вёрст) он ни разу не закладывал шурфов, так как, по его словам, характер местности и встреченные горные породы не давали никаких указаний на присутствие здесь золота. Первые пятнадцать дней он шёл по сплошной тундре без признаков человеческого жилья. Затем изредка стали попадаться в горах стойбища оленных коряков. Путь особенно затруднялся переправами лошадей с большим вьюком через речки с илистыми берегами.

После принятия на пароход местного казака, окончившего здесь свою командировку, «Камору» нечего было делать, и мы могли идти далее, но около десятка пассажиров третьего класса уехали на берег за покупкой провизии и к двенадцати часам не вернулись. Капитан заявил, что после часа дня не выйдет, так как до Уки восемь часов ходу и ночью входить туда он не может (рейд Уки совершенно открытый и никакой опасности не представляет). Так и пропал зря весь сегодняшний день.

5-е, пятница. По моей просьбе капитан снялся с якоря вчера с восходом луны, в половине одиннадцатого вечера, почему мы пришли в Уку сегодня в восемь часов утра, а в одиннадцать часов паровой катер уже повёл на берег большой фунгас с грузом и пассажирами.

День великолепный, совершенно тёплый и ясный. На юго-западе отчётливо видна широкая, плоская вершина сопки Шевелюч, покрытая снегом, и далеко-далеко на горизонте — острая вершина Ключевской сопки. Над ней видно громадное облако водяных паров. Очевидно сопка, как говорят здесь, дымит. Горы, окружающие с запада и северо-запада залив, значительно покрыты свежим снегом. Или за последний шторм его здесь падало больше, чем в заливе Карага и в бухте барона Корфа, или здешние горы выше тамошних. На Начикинском вулкане теперь снега меньше, чем было в конце июля. В краже гор на северо-западе от

Уки выделяется своею оригинальною формой «Русаковская сопка». Она похожа на силуэт левого кулака с поднятым большим пальцем. Она находится в верховьях реки Русаковки и отстоит от Уки на сто сорок вёрст по прямому направлению. Другая оригинальная сопка находится в том же кряже, на запад от Уки, значительно ближе первой и издали представляет развалины церкви или средневекового замка. Сопка эта без названия.

Я съехал на берег на первом же катере и по приглашению старшины селения зашёл к нему. Там уже был некий Утка, бывший рабочей Бруара. Он ожидает здесь прихода инженера Нацвалова, дабы получить расчёт и затем заняться с товарищем, тоже бывшим рабочим, охотой на соболей. По словам Ласточкина, местные жители на это не согласны, так как утверждают, что эти люди охотиться не умеют и будут только распугивать зверя или травить его стрихнином. Шкура дохлого зверя непрочно и поэтому дешева.

Обе стороны обратились ко мне за разрешением спора, но Утка держал себя вызывающе, ничего слушать не хотел, и прийти к какому-либо соглашению не удалось. Отсюда я зашёл к Мелехину. Он занимает амбарушку, разделённую на две части. В первой, меньшей, помещается его мать, дочь, кухня и кладовая; во второй, большей, — он с женой, магазин и контора. Теснота страшная, притом высота помещения такая, что я с трудом стоял во весь рост. Товар общества сложен в сарае под железною крышей, у которого три стойки железные, а четвёртая из дрели.

Это состояние сарая очень обезкураживает Мелехина и тем более, что он боится Утки и его компаньона и каждый день ждёт, что они могут обокрасть склад. Мелехин и Немирович дали мне большие списки товара, необходимого первому для оборудования склада и для предстоящей зимней торговли, а второму для обеспечения рабочих в зимние месяцы. Я обещал им передать эти списки Вильдеману или Кантору и убедить их в необходимости доставки в Уку указанных товаров.

Все лица, с которыми я сегодня встречался, жаловались мне на японцев. По их словам, японцы самым беззастенчивым образом нарушают рыболовную конвенцию, заходя для лова рыбы в реку, хотя у них только морские участки, и ставят на участке по нескольку неводов, хотя по правилам каждый хозяин может иметь только один невод. Так как часто участки арендуются несколькими компаньонами, то каждый компаньон, считая себя хозяином, ставит свой невод.

В четыре часа дня «Камор» покинул рейд Уки.

Немирович остался на берегу, а на пароход сели Коцинский и доверенный фирмы Вальдекер и Пеппель. Оба они идут во Владивосток. После обеда Коцинский рассказывал, что за отсутствием доктора и фельдшера местные жители часто обращаются к нему за медицинской помощью, почему он всегда имеет при себе самые простые лекарства.

6-е, суббота. С утра отличная погода: небо совершенно безоблачное, в воздухе полная тишина. «Камор» плавно движется по совершенно спокойной воде, оставляя далеко за собой белый след. Обходя Камчатский мыс, мы любовались величественною панорамой. Высокий мыс, покрытый тёмною зеленью, спускается к воде крутыми откосами, ярко освещёнными солнцем. Местами среди зелени и между осыпями яркие пятна снега. От мыса далеко в море ушла низкая, светло-серая, местами почти белая, гряда камней, около которой постоянный бурун. За ней — тёмно-синяя полоса воды, всё уширяющаяся по мере нашего приближения.

На горизонте — низкие береговые увалы, бурозеленоватого цвета вблизи и серовато-синие вдаль, в стороне Кроноцкого полуострова. За этими увалами видны снеговые вершины прибрежного камчатского горного хребта, и среди них масса вулканов. Величественнее всех совершенно коническая Ключевская сопка. Несмотря на то, что она от нас более чем на сто вёрст по прямому направлению, она видна очень отчётливо. К ней примыкает слева, тоже коническая, но с усечённою вершиной, — Большой Толбачик. Обе эти сопки дымят, и выделяемые ими пары почти неподвижно держатся у вершин в виде кучевых облаков. На юго-западе видна Кроноцкая сопка. Далее на юг берег совершенно сливается с горизонтом. Между Толбачиком и Кроноцкою сопкой видно на разных дистанциях ещё несколько снеговых вершин.

Когда мы обогнули мыс, то к этой картине прибавилась справа сопка Шевелюч, а спереди открылся низкий берег устья реки Камчатки. В полдень мы бросили якорь на прежнем месте, против рыбалки Берича. В шесть часов вечера с берега пришёл кунгас и в нём приехали гг. Берич и Яуналаксен, частный командир, какая-то дама-камчадалка и подросток в гимназической форме.

Г-на Берича я не видел с того дня, как он ушёл на *Toyotoni mugi* из Петропавловска, поэтому наша встреча была особенно радушна. Он сообщил мне, что переезд от Большерецка до Мильково на лошадях, а оттуда вниз по реке Камчатки до устья её в собственном боту стоил ему семьсот пятьдесят рублей. При этом он

претерпел так много разных мытарств, до ночёвок под открытым небом включительно и невозможности часто найти проводников, что никому не рекомендует повторять его опыт. В семь часов он, Юналаксен и частный командир уехали от нас, а мы подняли якорь и пошли на остров Беринг.

7-е, воскресенье. В десять часов утра бросили якорь в виду селения Никольского на острове Беринг. На рейде — «Котик» и «Манджур».

В двенадцать часов приехали к нам Сокольников, Малиновский и священник, получили и сдали корреспонденцию и уехали на берег. Сокольников сегодня уходит на «Котике» на остров Медный — производить следствие о нападении японцев на селение алеутов, окончившееся захватом нескольких японцев. В одиннадцать часов «Манджур» ушёл в море. К обеду приезжал к нам Кантор, а затем Битте, и говорили, что с острова Медного они пойдут в Усть-Камчатск, в Уку же заходить не предполагают, так как для нея у них нет груза. Я просил их по возможности взять здесь и в Усть-Камчатске груз для Уки, так как иначе тамошний склад общества останется недостроенным, а рабочие Нацвалова будут зимой без спирта и продовольствия.

К пяти часам дня прибыл на пароход доктор Малиновский со своим несложным багажом, и мы пошли дальше. Доктор Малиновский уверяет, что в нынешнем году убито только две тысячи котов, в прошлом же году их было убито шесть тысяч, а в 1893 г., в год приезда его на острова, на одном лежбище было убито двадцать тысяч котов. Через десять лет, в 1903 г., на этом лежбище было только девять котов. Убито из них три, и с тех пор там коты совсем не появляются. То же очень скоро будет и на северном лежбище, и тогда острова потеряют всё своё значение. Это систематическое, в геометрической прогрессии, уменьшение зверя побуждает алеутов уже теперь переселяться в другие места. Ещё в первый мой приезд сюда я слышал, что несколько семей просят о доставке их на Алеутскую гряду, а в Петропавловске при мне уездный начальник докладывал губернатору о желании алеутов, охотившихся на Шипунском мысу, переселиться на полуостров.

8-е, понедельник. Ночь спал довольно скверно. Удары короткой волны заставляли вздрагивать весь пароход, а шум штуртросов и перебой винта сильно взвинчивали нервы. Весь день струя воды вокруг парохода и за ним — зеленоватого цвета, а вся видимая площадь воды — серо-синяя, то есть вода холодная. Такой же

цвет струи был от мыса Олюторского до Говенского, хотя тогда был яркий солнечный день, а сегодня пасмурно.

9-е, вторник. Вчерашний шторм сопутствовал нам только до входа в Авачинскую губу.

В четыре часа «Камор» вошёл в Ковш, и мы начали швартоваться у пристани. Окончили эту работу только к шести часам, так как малые размеры Ковша не позволяют свободно разворачиваться в нём океанскому пароходу, и для швартовки надо прибегать к разным остроумным приёмам. Не успел я ещё сойти на берег, как мне принесли из полицейского управления письма. Это — первое известие из дома со дня отъезда. Вильдеман, Огородников и другие встретили меня очень приветливо. Я в свою очередь был рад их видеть, так как умел с ними сжиться, и так как эта встреча знаменовала благополучное возвращение в порт после почти двухмесячного плавания. Пароходный стол мне изрядно надоел, а последние две недели я почти не ел мяса. Поэтому я с удовольствием принял приглашение Вильдемана отужинать у него.

В последних числах августа «Шилка» приходила сюда из Владивостока и пошла на север, не заходя в попутные порты. Поэтому-то мы её нигде и не встретили. На ней пошёл директор Северо-Восточного общества, г. Кованько, и горный инженер Борисов. Интересно, что они будут делать в Чукотии? Первый может разве убедиться в том, что общество там ничего не делает, а раздаёт только субконцессии американцам. Второго же американцы, конечно, не пустят распоряжаться на своих работах, и он обречён на сплошное прозябание. Вильдеман пригласил меня переехать к нему на всё время стояния здесь «Камора». Но я предпочёл проводить у него целые дни, а ночевать на пароходе.

Вслед за «Камором» пришёл «Манджур» и отшвартовился у угольной пристани.

С утра туман, затем весь день совершенно ясно. Максимальная температура дня +13°, минимальная — +9°. Со вчерашнего вечера стрелка anerоида не сходит с 764 мм. Сегодня я сделал последнюю запись в моём метеорологическом журнале. Завтра мои термометры перейдут к Вильдеману, который очень просит оставить их ему.

10-е, среда. Сегодня я познакомился с чинами Пулковской обсерватории, входящими в состав экспедиции Рябушинского. Их задача — проверить деятельность существующих метеорологических станций и установить несколько новых на Камчатском полуострове. Я их порядочно обезкуражил, сказав, что станции на острове Беринге, в Ново-Мариинском посту и в бухте Провидения

уже давно не работают, и все инструменты там испорчены. О бездельности здешней станции они узнали без меня и теперь строят на свободном месте около здания уездного управления две инструментальные клетки. Но кто ими будет заведывать и производить наблюдения — они пока не знают.

Бывший соборный дьякон вернулся сюда вторым священником. Вернулся и о. Иван, а о. Александр получил сельский приход в Южно-Уссурийском крае.

Возвратившись около десяти часов вечера на пароход, я застал компанию горожан в гостях у Кюдинского и Рудакова. Все были в порядочном подпитии, и в салоне «дым стоял коромыслом». Г. Хол угощал публику своим американским граммофоном, а Чуринские своим, с пластинками, напетыми по-русски. Каждый граммофон сам по себе хорош. Когда же перекладывали пластинки с одного на другой, то пение было очень слабое и невнятное.

13-е, суббота. Утром пришёл «Котик» и привёз четырнадцать японцев, задержанных алеутами острова Медного во время охоты на бобров. Они помещены в матросской хлебопекарне, благо она теперь бездействует. Гг. Кантор и Битте говорят, что в пути с этими господами было порядочно хлопотливо, так как на пароходе их некому было караулить и некому было им варить особую пищу, а от общей паровой они отказывались. В Усть-Камчатске Кантор нашёл часть груза, необходимого Мелехину, и «Котик» отвёз его в Уку. Инженер Нацвалов не остался зимовать в Уке, а пришёл сюда и на днях едет через Японию во Владивосток и далее в Петербург.

Гуляя эти дни по городу, я обратил внимание на отсутствие в Ковше шкуны *Miye maru*. На мои расспросы по этому поводу мне сообщили, что шкуна «Надежда», на которой нынешним летом работали ученики владивостокских мореходных классов, потерпела аварию у западного берега Камчатки, и *Miye maru* предоставлена в их распоряжение с тем, чтобы они привели её во Владивосток... (Далее описано пребывание в гостях у Г. Т. Подпругина и поездка в Раковую губу, см. «Вопросы-3», с. 454—455.)

16-е, вторник. Сегодня утром «Манджур» оттянулся от угольной пристани, мы стали на его место и начали погрузку рыбы г. Пестуновича. Пришли «Шилка» и японский пароход, зафрахтованный Беричем. На «Шилке» вернулись Кованько и Свешников (владивостокский агент Северо-Восточного общества). Они везут тридцать два фунта золота из залива Святого Николая. По словам Свешникова, с будущего года американцы на Чукотском

полуострове работать не будут, их заменят русские рабочие. Потапов назначен доверенным в бухту Провидения, там же оставлен зимовать и горный инженер Борисов. Александров назначен доверенным на мыс Дежнёва, прежние доверенные, американцы Джонсон и Келли, уволены. Розин выходит из состава правления. По словам офицеров, «Шилка» обошла весь залив Святого Креста и японцев там не видала. Надо думать, что рассказы про их хозяйничанье там на золото и рыбу — праздные фантазии. Те же офицеры утверждают, что «Охотск» совсем не так хорош, как некогда описал его Неелов: каюты на нём очень маленькие, особых чертёжных и фотографических вовсе нет. Произошло это потому, что пароход этот не строился по специальным чертежам, как думал Неелов, а куплен на стапеле и затем приспособлялся.

Гг. Хол и Коцинский пересели на японский пароход и ушли сегодня в страну Микадо (Японию. — *Ред.*).

17-е, среда. Сегодня я познакомился с Кованько. Он уверяет, что, возвратясь в Петербург, возьмёт в свои руки всё дело Северо-Восточного общества и с будущего года у них не будет ни одного американца, всё будет делаться русскими руками, и они дадут России тысячи пудов золота в год. Уверение это дано после хорошего обеда на «Котике», и поэтому к нему надо относиться осторожно.

В пять часов ушёл «Манджур».

18-е, четверг. Сегодня утром зайдя в полицейское управление, я увидел на стене карту «будущих путей России» по Сибири. Это оказалось приложением к сочинению бакинского второй гильдии купца К. К. Епифанова «О прибыльном сбыте хлеба русского народа», изданному в Баку в 1907 г. Как гласит надпись на первом листе, книга прислана Петропавловскому уездному начальнику для сведения «от автора». А так как ни уездный начальник, ни его помощник г. Епифанова лично его не знают, то можно думать, что он выслал своё сочинение в подарок всем уездным начальникам в Сибири. На карте проведён ряд толстых чёрных линий от Уральского хребта до Великого океана, ряд таких же вертикальных линий от китайской границы до Ледовитого океана; линия вдоль Охотского моря, две линии вдоль Камчатки, одна через Татарский пролив на средний Сахалин и несколько по Новосибирским островам. Названы эти линии «железными дорогами». На конце каждой поставлен красный кружок и надпись «порт». У нескольких таких портов по берегу Ледовитого океана и на Новосибирских островах другая надпись — «док». Книга в типографском смысле издана прекрасно, даже переплетена, но

содержание ея, надо полагать, соответствует карте. По крайней мере, я просмотрел несколько страниц, кроме набора слов и фраз ничего не видел и смысла в них не нашёл... (Далее приводится «жаявление» Н. Причина, кража в складе КТПО и концерт Чарского, см. «Вопросы-3», с. 455—456.)

22-е, понедельник. Вчера к обеду кончили нагрузку. Всего взяли более двухсот бочек солёной рыбы. В два часа отошли от пристани, а сегодня в четыре часа утра вышли в море. Японец, приказчик Косыгина, с вечера, провожая кого-то, напился и заснул на пароходе. Обнаружили его сегодня утром. Поэтому сегодня около семи часов утра остановились около маяка. Свистали, но лодка не пришла, и японец этот поневоле едет во Владивосток. Скептики утверждают, что японец все это устроил нарочно, чтобы незаметно выехать из Петропавловска.

В десять часов утра прошли мыс Поворотный.

Из Петропавловска во Владивосток едут восемьдесят два пассажира. Из них первого класса десять. За недостатком мест часть пассажиров первого класса помещается в каютах служащих, как это было на переходе из Номе в залив Святого Николая, а для двух дам второго класса устроено помещение в большом фунгасе. Как и тогда, обедаем и ужинаем в две очереди.

Профессор Комаров, один из участников экспедиции Рябушинского, прошедший нынешним летом более месяца в окрестностях Паратунки и прошедший пешком оттуда до Большерецка, утверждает, что травы в южной Камчатке великолепны и что скотоводство здесь может процветать. Это совершенно противоречит мнению чиновника Министерства государственных имуществ, участника переселенческой экспедиции, которого я видел в последние дни у Вильдемана и который утверждает, что кормовых трав в Камчатке нет, а по причине холодной почвы они произрастать здесь не могут. Профессор Комаров несколько удручён тем обстоятельством, что, поверив словам разных сведущих людей о количестве свободных рабочих рук и скота в Камчатке, он не запасся своими рабочими и перевозочными средствами, а поэтому нынешним летом не мог сделать всего предположенного. На будущий год он непременно привезёт тех и других, чтобы быть вне зависимости от местных жителей.

Один из помощников Комарова, студент Петербургского университета, рассказывал, что когда они были у устья реки Большой, то видели медведей, которые, сидя на берегу или на камне, лапой

вылавливали рыбу, отъедали у нея голову, а туловище бросали. Подтверждение общераспространенного в Камчатке мнения, что голова — самая вкусная часть рыбы.

Какие результаты даст экспедиция Рябушинского, сказать нельзя, но до сих пор богатства Камчатки проблематичны: промысел нерп и сивучей у Командорских островов давно уже исчез, бобрового и котикового промыслов почти не существует. Прочие пушные звери (медведь, волк, песец, соболь, горностай, лисица) разбегутся по мере увеличения населения. Оленеводство кочующих коряков и чукчей настолько сократилось, что они уже не в состоянии снабжать шкурами, ремнями и лопатью своих оседлых сородичей и тем поддерживать их благосостояние. Промысел «китов» у берегов «Чукотии» очень незначителен, рыбные богатства грозят скорым оскудением, если охрана их не будет немедленно поставлена более рационально, и если самым серьезным образом не будет устранено хищничество. Лесного промысла нет и не может быть, так как в Камчатке нет строевого леса. Недра земли совершенно не разработаны, и есть ли в них полезные для человека металлы или минералы, никто не знает. Заведующий концессией — горный инженер Нацвалов прошёл всё побережье от залива барона Корфа до Уки и признаков золота не нашёл, а каменный уголь в заливе барона Корфа — лигнит (слабообугленная древесина, сохранившая структуру тканей, бурый уголь. — *Ред.*), негодный для употребления: им не пользуются даже местные жители в домашнем обиходе.

Между десятью и одиннадцатью часами вечера прошли параллель мыса Лопатки. Прощай, Камчатка, прощайте северные страны!

Так у меня и нет в красках ни мыса Шипунского, ни мыса Лопатки. Когда я проходил мимо них в мае на «Шилке», они были в тумане, а будучи на *Toyotoni maru* и на «Каморе», не видел Шипунского мыса за слишком ранним временем утра.

Весь день дует слабый юго-западный ветер, море слегка волнуется, анероид стоит хорошо.

23-е, вторник. С раннего утра начали огибать с юга остров Парамушир и до обеда шли между ним и островом Онекотан, имея курс прямо на Лаперузов пролив. Во время обеда прошли с юга близ небольшого острова Маканруши. Этот остров представляет сплошной вулкан. Вершина его покрыта облаками, и поэтому строения ее не видно. Верхняя треть горы — жёлтая и красная осыпи, таковые же обвалы и у берегов моря. Все же склоны покрыты яркою зеленью, что говорит за нахождение здесь тёплого

японского течения. Перед закатом солнца видели слева остров Хиросири (Черикотан). Он не больше Онекотана и очень похож на него по очертаниям. Теперь мы всё больше отдаляемся от Курильской гряды, и берег увидим только в Лаперузовом проливе.

Ветер вчерашний, море несколько более волнуется, анероид идёт на повышение.

24-е, среда. С утра стрелка анероида пошла на понижение, ветер переменился и стал дуть всё с увеличивающею силой от юго-востока. К вечеру ветер дошёл до пяти, а зыбь — до четырёх баллов. Большинство пассажиров укачало, и весь день в кают-компании и на палубе никого не видно.

25-е, четверг. После шести часов утра почти заштилело. Капитан зашёл ко мне в каюту справиться о моём здоровье, и был удивлён, увидевши меня за чтением. С девяти до двенадцати часов вновь сильный ветер, но затем настолько стихло, что я мог писать этюд. Около четырёх часов ветер переменился и стал дуть почти нам навстречу. С этого времени качка почти прекратилась, а море заиграло крайне своеобразно: поверх вчерашней зыби от северо-востока побежала волна от юго-запада. К вечеру наша кают-компания оживилась, не было только двух-трёх человек, особенно подверженных морской болезни.

В девять часов вечера анероид показал 749 мм, западный ветер в пять, облачность — в восемь баллов. Полная луна играет на проходящих кучевых и перистых облаках и на воде. Синезелёный диск вокруг луны, серые тона в облаках при отсутствии красных пятен обдают холодом.

В течение дня, будучи один, я невольно думал, что через несколько дней буду во Владивостоке и, согласно данного мной обещания Хабаровскому отделу Императорского Русского Географического общества, мне предстоит, разобравшись в материалах, приступить к компановке, а затем и лепке барельефов к моему проекту памятника Дежнёву. Бросая ретроспективный взгляд на всё виденное, вспоминая слышанные разговоры, я невольно задаюсь вопросом: какого рода памятник нужен казаку С. Дежнёву и где — в Хабаровске или в другом месте? Помнится мне, что как-то в разговоре о цели моей поездки на север Вильдеман задался таким же вопросом и разрешил его в том смысле, что память великих людей должна увековечиваться не монументами, а общепользовными учреждениями. С этою мыслью нельзя не согласиться. Каждый монумент является лишь украшением того или другого места, мало говорить уму и ничего не говорит сердцу, тогда как общепользовное

учреждение может много дать и тому и другому и заставляет потомков с любовью вспоминать имя человека, потрудившегося на их пользу. Поэтому памятник знаменитому казаку, проведшему большую часть жизни на Северо-Востоке Азии и не только не представлявшему себе будущего города Хабаровска, но навряд ли знавшему о существовании реки Амур, должен быть там, где он работал, но не там, где более или менее случайно ныне собрана кучка интеллигентов.

Но так как памятник в виде монумента, работы даже гениального художника, поставленный среди тундры, населённой дикарями, вызовет у каждого только улыбку, то он должен быть в виде общепользного учреждения. Таковым, по моему мнению, следует признать маяк и при нём спасательную станцию. На фронтальной стороне маяка может быть установлен бюст отважного казака и прибита мраморная или чугунная доска с означением главных его дел. На этом маяке, наверное, найдут убежище несколько десятков лиц, ежегодно терпящих аварии от весенних и осенних льдов и летних туманов в Беринговом проливе у «Большого Каменного Носа», от которых в своё время едва не погиб С. Дежнёв с его небольшою дружиной. Кроме этого, для подачи помощи мореплавателям — образованным и совсем необразованным из местных жителей, следовало бы иметь на маяке или близ него доктора, фельдшера и аптеку.

Эти лица в такое время могли бы оказывать медицинскую помощь всему местному населению, сильно в ней нуждающемуся. А если к ним прибавить акушерку, которая во многих случаях облегчила бы появление на свет Божий новых граждан, школьного учителя со знаниями некоторых ремесл и ветеринарного врача и фельдшера, которые оберегали бы от усиленных падежей стада оленей, — этот единственный источник чукотского благополучия, то на восточной оконечности Русской Державы получился бы культурный уголок, который оказывал бы не поддающееся учёту влияние на тысячи вёрст побережья Ледовитого океана и на сотни вёрст на юг и запад.

Епископ Аляскинский обещал с будущего года учредить в посту Владимирском (бухта Провидения) миссионерский стан. Часть будущих миссионеров, вероятно, поселится на мысе Дежнёва, а тогда и здесь возсияет свет Христов и раздастся благовест, призывающий и чукчу, и русского к общей молитве. Все эти учреждения и лица, вместе взятые, будут настоящим памятником Дежнёву. Придя к такому заключению, я вперёд отказываюсь от продолжения работ

по проектированию никому не нужного монумента на одном из хабаровских бульваров.

26-е, пятница. Около полуночи небо совершенно расчистилось, ветер значительно ослаб, волнение стало успокаиваться — можно было думать, что шторм окончился, но с восходом солнца облака начали группироваться на северо-западной части горизонта. К пяти часам всё небо было покрыто грозowymi тучами, и вновь разразился шторм от северо-запада и на этот раз со снегом и дождём.

Капитан, сойдя в кают-компанию погреться, говорил, что пароход выгребает только полторы мили в час, на мостике трудно стоять, и было время, когда он хотел повернуть, чтобы укрыться под берегом у мыса Анива. В десятом часу прояснело, и мы увидели берег Сахалина, весь покрытый снегом. На мысе Крильон рассмотрели маяк и мачту беспроводного телеграфа, а на «Камне Опасности» — громадные буруны. В полдень стрелка анероида показывала 744,5 мм. Такого низкого давления не было с 29-го июля.

До двух часов дня было совершенно ясно, только отдельные тучки гуляли по небу да громадная чёрная туча уходила за юго-восточную часть горизонта. Пароход стал делать около шести узлов. Около двух часов волна окатила с левого борта палубу и рубку. Вскоре небо сплошь покрылось облаками, ветер загудел с силой восемь баллов и пошёл дождь.

Этот шквал продолжался не более часу. В четыре, шесть и восемь часов он вновь повторялся с такою же силой. В девять часов анероид показывал 745 мм, то есть на 0,5 мм более чем в полдень. В десять часов я лёг в кровать. В это время всё небо было покрыто кучевыми и перистыми облаками. Ветер свистел с прежнею силой, волна поддавала на палубу или, проходя под пароходом, заставляла его вздрагивать всем корпусом. К этому прибавлялся шум штуртросов и перебой винта. В общем, получалось прескверное впечатление.

В моём метеорологическом журнале записано: в семь часов утра юго-западный ветер в пять баллов, в час дня такой же в восемь баллов, а в девять часов вечера — западный в восемь баллов. Сравнивая эту запись со всем сегодня происходившим в природе, убеждаешься в верности приметы владивостокских жителей: если в ясную погоду корабли повернуты носом на запад или юго-запад — быть буре.

27-е, суббота. В течение ночи я три раза собирал с полу свои вещи, поэтому до пяти часов утра не спал абсолютно, а затем хотя и уснул, но спал тревожно. Собирая от безделья по поводу хода парохода,

мне казалось, что если капитан не остановился у Рибунсири, чтобы переждать бурю, то ему надо держать на запад, против нового шторма, тогда сила сопротивления ветра уравнивалась бы силой попутной зыби, и пароход выгребал бы нормальное количество узлов. Правда, такой курс несколько удлинил бы наш путь, но, что делать, зато мы шли бы спокойнее. Это моё предположение утром подтвердил Рудаков, который много лет плавал в здешних водах на шевелёвских пароходах (судоходной компании купца Шевелёва. — *Ред.*), а затем на собственной шкуне.

Около десяти часов я вышел на мостик, и капитан заявил, что такого ада, как сегодняшнюю ночь, во все плавания ещё не было. Шторм 25-го числа развёл зыбь от юго-востока, а вчерашние шквалы развели волну от юго-запада. Поэтому пароход било то справа, то слева. Одна волна проходила под пароходом, другая же в то же время обдавала его сверху.

Сегодня весь день отличная погода, и в девять часов вечера стрелка anerоида показывает 765 мм давления. По подсчёту капитана, завтра в восемь часов утра мы будем у залива Святой Ольги, а в двенадцать часов ночи — у острова Аскольд.

28-е, воскресенье. Сегодня на редкость хороший день: тепло, светло, тихо. «Камор» идёт плавно по совершенно зеркальной поверхности моря. Временами казалось, будто он стоит на якоре.

Около девяти часов вечера прошли маяк на мысе Поворотном. До Владивостока осталось шестьдесят пять миль, или семь часов ходу. Так как между островом Аскольд и бухтой «Золотой Рог» ещё до сих пор встречаются пловучия мины (следы недавней русско-японской войны. — *Ред.*), которые и днём бывает трудно разглядеть, то наш капитан решил задержаться часа на три около этого острова. К тому же приход в бухту ночью был бы безцелен, так как доктор и полиция ранее восьми часов утра или подъёма флага на пароход не приедут, а без них никого на берег не спустят.

Вечером публика долее обыкновенного засиделась в салоне и на палубе, очарованная прекрасною погодой, я же в десять часов ушёл к себе в каюту укладываться, дабы завтра при первой возможности съехать на берег. Как ни ново было для меня всё виденное, как ни приятно было плавание при условии безразличного отношения моего организма к морской качке, но всё же хорошо вернуться домой после пяти месяцев отсутствия и чувствовать под собой твёрдую почву...

М. С. Латернер

Ниже представлены две публикации на одну тему — исследование Командорских островов в 1880-х гг. Их объединяет и то, что они впервые воспроизводятся на русском языке.

Перу Л. Стейнегера принадлежат путевые записки, опубликованные в 1885 г. в сборнике «Немецкие географические страницы». Их перевод на русский язык с немецкого осуществлён в 2012 г. Ольгой Андреевной Куликовой, правнучкой Николая Александровича Гребницкого, управляющего Командорскими островами в 1877—1907 гг., живущей в Германии в г. Риденбурге. Текст отредактирован и снабжён комментариями (кроме отмеченных отдельно) главным хранителем Алеутского краеведческого музея Натальей Александровной Татаренковой.

Сердечно благодарим Р. Б. Аликулова и М. Г. Куликову за помощь в литературной обработке; В. Т. Тимошенко — за рассказ о жителях Ладыгинского селища; Г. М. Яковлева — за рассказ об особенностях охоты на морского зверя; Е. В. Головкин, В. М. Кияйкину и В. Т. Тимошенко — за перевод алеутских слов; М. А. Членова — за консультацию по вопросам генеалогии алеутов; О. В. Боженкову, А. М. Токранова, В. Л. Джуриной — за консультацию по гидробионтам.

Л. СТЕЙНЕГЕР

**ПОД ПАРУСОМ ВОКРУГ ОСТРОВА БЕРИНГА.
Осень 1882 г.**

От переводчика

Исследование генеалогии семьи обратило моё пристальное внимание на Командорские острова, куда во второй половине XIX в. был назначен управляющим мой прадед Николай Александрович Гребницкий. Судьба свела меня с главным хранителем Алеутского музея на острове Беринга Натальей Александровной Татаренковой. От неё я впервые услышала имя Леонарда Стейнегера. Публикации известного американского учёного можно найти на сайте Смитсоновского института. Со времени их написания прошло сто тридцать лет, а тексты, повествующие об исследовании русских земель, ни разу не переводились на русский язык!

Я загорелась сделать перевод. Наталья Александровна согласилась отредактировать его и составить комментарии, что само по себе является отдельным трудом. Благодаря её вдумчивому профессиональному подходу к вопросам краеведения, знаниям в области географии, зоологии, ботаники и этнографии, совместную работу над переводом путевых записок Стейнегера удалось поднять до уровня научного исследования.

Вместе с отважным путешественником мы проделали путь вокруг острова, как если бы вместе с ним сидели в шлюпке, осматривали бухты, горы, долины, переживали неудачи и преодолевали трудности. Перевод стал захватывающим приключением, а работа над ним — серьёзным испытанием на выносливость.

О. А. Куликова

Леонард Гесс Стейнегер (Штейнегер) родился 30 октября 1851 г. в норвежском городе Бергене. В путевых заметках Стейнегер не раз называет себя сыном гор: его родной город, лежащий, как в чаше, среди семи горных вершин, представляет собой потрясающее зрелище. Отовсюду открывается великолепный вид на предгорье или заснеженные вершины. Берген также называют «Воротами норвежских фьордов». Не удивительно, что с раннего детства мальчик увлёкся исследованием природы, а суровый дождливый климат сформировал в нём стойкий характер путешественника.

К 1880 г. финансовое положение Стейнегеров пошатнулось, и Леонарду пришлось искать новые источники для своих научных изысканий. Следуя рекомендациям своего коллеги, он переехал в Соединенные Штаты. В 1881 г. Стейнегер приступил к работе в отделе орнитологии Смитсоновского института (Вашингтон). Первое путешествие на Командоры состоялось в 1882—1883 гг., одной из основных задач было проведение систематических метеорологических наблюдений. В начале мая исследователь достиг берегов острова Медный и собрал там небольшую зоологическую коллекцию, затем переправился на о. Беринга, где провел большую часть времени вплоть до конца лета 1883 г. Помимо наблюдений за лежбищами котилов и орнитологических изысканий Стейнегер сделал уникальнейшую находку, описанную в настоящей публикации: неполный скелет Стеллерова баклана, вымершего в первой половине XIX в. Не менее значима находка черепа ремнезуба, по которому в 1885 г. был описан новый вид млекопитающего. Сборы морских беспозвоночных и наземной растительности также привели к описанию новых видов. Не настолько выразительна, но достаточно любопытна находка арктики карликовой, изредка встречающейся на о. Медном, но не обнаруженной на о. Беринга ни одним коллектором.

Позже Стейнегер посещал Командоры в качестве члена государственных комиссий в 1895 г. (оба острова), 1896 г. (главным образом о. Медный) и 1897 г. (о. Беринга). В результате вышла в свет целая серия замечательных научных публикаций, до сегодняшнего дня не утративших свою актуальность. Последняя поездка состоялась летом 1922 г.

Во время поездок на Командорские острова Стейнегер неизменно пользовался расположением и дружеской поддержкой своего коллеги — управляющего Командорскими островами Николая Александровича Гребницкого.

В настоящее время на Командорских островах и в их окрестностях обитают несколько видов, названных в честь именитого учёного:

— *млекопитающие*: командорский ремнезуб, описан в 1885 г. Ф. Тру по черепу молодого животного, найденного на берегу о. Беринга Н. А. Гребницким и Л. Стейнегером (череп хранится в коллекции национального музея США). К 1957 г. было известно только тринадцать находок командорского ремнезуба¹. Можно смело утверждать, что редчайшая находка была сделана во время пребывания Стейнегера на о. Беринга 1882—1883 гг., курильский подвид тюленя обыкновенного;

— *рыбы*: бычок Штейнегера (*Stelgistrum stejnegeri* Jordan et Gilbert, 1898). Встречается в Охотском и Японском морях, Татарском проливе, а также в тихоокеанских водах о. Хоккайдо, Курильских островов и Юго-Восточной Камчатки. Но до настоящего времени близ Командорских островов не обнаружен²;

— *морские беспозвоночные*: брюхоногие моллюски *Turritolopsius stejnegeri* и *Cerithiopsis stejnegeri* (Dall, 1884)³; ставромедуза *Haliclystus stejnegeri* (Kishinouye, 1899)⁴;

— *сосудистые растения*: подвид лисохвоста альпийского⁵.

Также в честь ученого названа вершина на острове Медном. Гора Стейнегера расположена близ северо-западной оконечности и имеет высоту 633,8 м. Это — вторая по высоте точка острова.

Представляемая работа ни в коей мере не является сухим научным трудом. Напротив, это — настоящее литературное произведение, в котором раскрывается недюжинный публицистический талант автора. Помимо красочного описания предпринятого путешествия, читатели получают несомненное удовольствие от тонкого юмора автора. Серьезный американский учёный, норвежец по происхождению, раскроется в совсем ином свете.

Н. А. Татаренкова,
о. Беринга, с. Никольское, 2012 г.

Прошли уже более ста сорока лет с тех пор, как состоявший на службе в России знаменитый датский мореплаватель Витус Беринг после многих месяцев скитаний по неприветливым волнам северной части Тихого океана причалил со своими товарищами по несчастью к неизвестному необитаемому острову в ста английских милях западнее Камчатки. Почти вся команда страдала цингой, многие умерли, в том числе сам командор. Корабль разбился о скалы, и холодная ветреная зима умножила страдания. казалось, все участники экспедиции были обречены на неминуемую гибель. Однако, благодаря стараниям одного немца, большая часть команды выжила, а сама экспедиция оставила в истории науки неизгладимый след.

Остров, на берегу которого погиб Беринг, теперь носит его имя, а весь архипелаг получил название Командорских островов по званию его морского ранга. В честь него также названы море,

улица, гора в Азии и залив в Америке. Но что же напомним здесь о бессмертном Стеллере — Геродоте дальних земель? Попробуйте найти его имя на карте острова, который он так одухотворенно воспе! Его нигде нет, в то время как в честь лейтенантов и кормчих, на которых лежит вся ответственность за случившееся несчастье, названы три мыса: Вакселя, Хитрово (совр. мыс Толстый. — *Н. Т.*) и Юшина! Тот, кто увековечил экспедицию, кто спас людей от гибели, был забыт. Теперь настало время наверстать упущенное! Я почту за честь отдать должное великому немецкому ученому-путешественнику, написав о нём в сборнике «Немецкие географические страницы». Самый высокий горный пик острова Беринга будет называться гора Стеллера⁶.

Чтобы исследовать современное состояние острова, подробное описание которого составил Стеллер после вынужденной зимовки вместе с остальными членами экипажа 1741—1742 гг., я избрал поход на парусной лодке. Осенью 1882 г. я отправился в путь и обогнул остров со всех сторон.

Это путешествие было задумано как часть программы моих исследований. Оно должно было стать своего рода разведкой с целью найти подходящее место, достойное, чтобы сконцентрировать на нем свое внимание исследователя. План был основательно продуман, взвешены все «за» и «против». Принятию окончательного решения препятствовал лишь осознание, что плавание под парусом в открытой лодке могло быть довольно рискованным, так как остров почти лишён закрытых бухт и даже при небольшом ветре из-за мощного прибоя высаживаться опасно, или вообще невозможно — Тихий океан решительно не заслуживает своего мирного названия. Вдобавок ко всему, местные алеуты робеют, если оказываются не в своих лёгких, обтянутых шкурами тюленей байдарках (на Командорских островах байдары обычно обтягивались шкурами сивучей. — *Н. Т.*).

К тому же, время года было не самым подходящим: начиналась осень, и туманы, которыми так славится Берингово море, были, увы, обычным явлением (в настоящее время начало осени считается сезоном, когда туманы наиболее редки. Возможно, Стейнегер имел в виду увеличивающуюся вероятность подхода циклона. Поход проходил с 25 августа по 15 сентября по старому стилю, что составляет промежуток с 12 августа по 2 сентября по новому стилю. — *Н. Т.*). С другой стороны, в пользу путешествия по воде говорило то, что только таким способом мы смогли бы достичь намеченной цели. Передвигаться на собачьей упряжке до залега-

ния снега было бы слишком тяжело. Кроме того, было бы невозможно заниматься поисками скелета морской коровы. Если бы мне посчастливилось таковой найти, его можно было бы доставить домой только на лодке. Но, как говорится, решить смело — сделать полдела!

Два обстоятельства помешали мне использовать для экспедиции летнее время. Во-первых, не было никого, кто бы мог в мое отсутствие взять на себя метеорологические наблюдения, во-вторых, я не смог бы нанять людей раньше окончания сезона охоты на котиков (в летние месяцы традиционно производился забой холостяков — молодых, не имевших гаремов самцов северного морского котика. — *Н. Т.*).

Я смог приступить к осуществлению своих планов только в августе. Любезный господин Г. Черник, агент арендующей остров российско-американской торговой фирмы (торгового дома «Гутчинсон, Кооль и К°», арендовавшего пушные промыслы на Командорских островах в 1871—1891 гг. — *Н. Т.*) добровольно согласился проводить наблюдения на метеостанции. Староста — выборный представитель местного населения — подобрал шестерых самых надёжных из изъявивших желание идти со мной моряков и стрелков, уважаемый капитан Иван Зандман, генеральный агент фирмы, снабдил меня всем необходимым. А реальную возможность осуществить экспедицию предоставил сам глубокоуважаемый администратор, господин надворный советник Н. фон Гребницкий⁷, отдав в моё распоряжение большую казённую лодку. К тому же, он дал разрешение на отстрел котиков и нерп для питания, хотя официальный запрет на охоту заканчивался только 31-го августа (даты по юлианскому календарю. — *Н. Т.*). Короче говоря, все были готовы помочь мне и словом, и делом.

Лодка оказалась довольно тяжёлой и, как выяснилось позже, почти непригодной для крейсирования, однако устойчивой, непротекаемой и просторной. Паруса были относительно небольшими, но новыми и крепкими. У нас не хватило времени и воображения, чтобы придумать для неё собственное имя, и мы выделяли её из прочих тем, что называли «имперской шлюпкой», или попросту — «шлюпкой». На борт погрузили мой сундук для коллекций, ящик сухарей (сто фунтов), немного солонины, сахар, чай, чайник, некоторые инструменты: топор, тяпку, пару лопат и, наконец, медвежьи шкуры с шерстяными одеялами и старый байдарочный⁸ парус, который должен был служить нам палаткой. Деликатесов не брали, так как я взял за правило в подобных экспедициях

питаться тем же, чем и остальные. Единственным исключением был алкоголь для гребцов, причитающийся за тяжёлую работу и на случай плохой погоды, а также для фиксации морских животных (для длительного хранения. — Н. Т.).

Из огнестрельного оружия мы захватили семь нарезных ружей и два прекрасных дробовика. Приборами я, к сожалению, был снабжен плохо из-за поспешности отъезда из Америки. Азимутный компас, барометр и термометр, — вот все, что я успел с собой захватить.

Кроме служащего торговой компании, одного латыша из Риги, добровольно меня сопровождавшего, команда состояла из местных жителей, имеющих от шести до семи восьмых алеутской крови, а также штурмана Игнатия Бадаева — худого, высокого мужчины крепкого телосложения пятидесяти одного года от роду, тогда как остальные — Денис Бурдуковский, Евграф Григорьев, Василий Мальцов, Гаврила Паньков и Григорий Старцов — были молодыми людьми в возрасте от двадцати до тридцати лет⁹.

Всё было готово к отплытию. Мы задержались на несколько дней из-за неподходящей погоды: то стоял туман и штиль, то дул слабый встречный ветер, так что о плавании под парусом не могло быть и речи.

Наступившее 21 августа не принесло видимых изменений, но мы всё же решились тронуться в путь и, если понадобится, грести, предпочтя пусть даже медленное продвижение полному бездействию в деревне.

Деревня, население которой составляют триста жителей острова Беринга, лежит у подножья базальтового хребта высотой около двухсот шестидесяти футов со стороны его северного склона, причём так близко к океану, что зимний прибой обдаёт брызгами дома, и однажды даже снёс забор здания компании. Чтобы точнее описать местоположение, добавлю, что деревня находится на западной стороне острова недалеко от северо-западного мыса, внутри лёгкого дугообразного изгиба побережья. Вместе с островком Топорков, названным так из-за множества гнездящихся там топориков — морских попугаев (*Lunda cirrhata*) — изгиб образует своего рода гавань, которая, однако, вряд ли заслуживает подобного названия.

Как раз в том месте, где стоит деревня, в море впадает речка — та самая, которую Стеллер назвал Озерная и которую описывал следующим образом: «Другое место находится в ста пятнадцати верстах западнее от юго-восточного мыса и в пятидесяти верстах

от северо-западного мыса. Берег в этом месте поворачивает от севера к западу, открывая взору речку, которая достойна быть отмеченной более других. Во время прилива глубина её в устье достигает 6—8 футов¹⁰. Река берёт начало в самом большом озере острова¹¹ и в направлении от моря становится всё глубже, что даёт возможность без особого труда пройти по ней до озера, удалённого от устья на полторы версты, тем более что окружена она отвесными скалистыми стенами, защищающими её от всех ветров. Я назвал эту реку Озерная. Это место тем более примечательно, что с южной стороны напротив устья и всего в миле от него лежит маленький островок¹² с длиной окружности в милю».

Описание показывает, что с тех пор многое изменилось. Однако здесь я замечу лишь то, что река стала значительно мельче, исключая устье, а озеро обмельчало до такой степени, что стало проходимым только для байдарок. Я возвращусь к этим фактам, когда закончу обработку всех доказательств в пользу предположения, что поверхность этой части суши поднялась¹³.

Деревня, именуемая местными жителями просто «Гавань»¹⁴, только с недавнего времени обрела собственное название¹⁵, нанесённое на рукописные варианты карт русских офицеров как Гавань Гребницкого¹⁶ в честь нынешнего администратора. Все жители имеют собственное жильё — либо деревянные, окрашенные красной краской дома, либо низкие землянки, или юрты (следуя представлению Норденшельда, можно было подумать, что дома были крошечными — меньше, чем юрты, на самом деле это не так. Дома здесь значительно больше и достигают размеров от 24 на 20 до 18 на 16 футов). Дома расположены вдоль обычных улиц и, если бы не ездовые собаки и сооружения из жердей с развешенными для просушки кусками красной рыбы и зловонными останками тюленя¹⁷, деревенька прекрасно выдержала бы сравнение с каким-нибудь местечком подобного рода в богатейшей высоко цивилизованной части Европы. Она имеет свою церковь¹⁸, освящённую во имя сибирского святого Иннокентия¹⁹, казённое здание Компании и представительный дом для служащих. В общем и целом можно похвально отозваться о сложившейся там ситуации. Люди счастливы — счастливее, чем многие миллионы их сограждан²⁰, и могли бы жить ещё лучше, если бы только пожелали. Надо надеяться, что господину Гребницкому, которого теперь поддерживает образованная супруга (Елизавета Николаевна Гребницкая, урожденная Гирс. — *Н. Т.*), удастся и дальше претворять в жизнь планы по улучшению благоденствия общины. Торговая компания

также заслуживает всяческих похвал за заботу и готовность приносить жертвы в стремлении во всём помогать местным жителям. Замечу лишь, что все дома местных жителей построены и переданы им в *безвозмездное* пользование; намечено продолжать строительство до тех пор, пока все семьи не будут обеспечены жильём ²¹. В этом году Компания, возможно, построит церковь и другое.

Кроме этой деревни есть ещё четыре довольно крупных селения, состоящих из землянок. Селения становятся обитаемыми только в определенные промежутки времени: это Федоскино, Старая Гавань, Саранна и Северное²² — с ними мы познакомимся позже.

Теперь несколько слов о представленной карте.

Как уже было сказано, так называемая гавань сильно открыта: при западном и особенно северо-западном ветре на берег беспрепятственно накатывают пенящиеся волны океана. Наиболее надёжный проход — между островом Топорков и Рифом (современное название участка — Входной риф. — *Н. Т.*). При этом, однако, следует держаться ближе к первому, чтобы избежать подводных скал базальтовых рифов. При высокой воде и спокойном море волны не пенятся у внешней границы рифа. Лучшее место для якорной стоянки находится в точке глубиной шесть фаден (английская мера глубины. Один фаден равен шести футам, то есть 1,852 метра; величина фадена и фута может быть различной в разных странах. — *Н. Т.*), ориентиром для которой служат сарай для лодок на рифе с южной стороны и флагшток Компании на востоке, при этом расстояние до восточного ориентира в два раза больше, чем до южного, все направления выверены по компасу. При высокой воде и относительно спокойном море можно подойти близко к домам Компании на лодке, при низкой воде это следует делать только в сопровождении опытного лоцмана, знающего мели в устье речки. Во время отлива или при сильном юго-западном ветре причалить можно у выкрашенного в красный цвет сарая для лодок, расположенного в направлении *S* от места отдачи якоря.

При сильном *NW* высадиться на берег решительно невозможно. Северный подход (имеется в виду подход к острову, а не заход в бухту. — *Н. Т.*) небезопасен в первую очередь из-за многочисленных подводных скал у северо-западной оконечности острова — мыса Западного (современный Северо-Западный мыс на карте Стейнегера значится как Западный. — *Н. Т.*), где, к тому же, настолько мелко, что в сильный шторм волны разбиваются о подводные скалы далеко от берега. Опасны и две группы камней, расположенные между Китовым Непропуском и Арьим Камнем — при

высокой воде и спокойном море они незаметны. Норденшельд проходил этим путём на «Вега», и жители рассказывали мне, что когда они увидели незнакомый пароход, проходящий близко от земли, то очень обеспокоились, предполагая несчастный исход.

Камень Половина (современное название островка — Камень Половинчатый, или Половинка. — *Н. Т.*), который алеуты называют «Алитана»²³, лежащий между островами Топорков и Арым, никогда не бывает полностью скрыт под водой. Однако лучше обходить Арий Камень с юга, как это обычно делают русские военные корабли. Место легко узнаваемо по двум группам своеобразных, приблизительно шестьсот футов высотой столовых гор. Западная группа состоит из двух сопок, а восточная — из трёх: округлых, сверху плоско-срезанных, со склонами схожей формы (западная группа включает две Столовые горы, восточная — три Свинные горы. — *Н. Т.*). Если идти от Камчатки в направлении гавани, их видно уже издалека. Им больше подходит название «байдарки», или «лодки», данное им местными жителями: они, действительно, выглядят как вытащенные на берег, перевёрнутые вверх дном байдарки.

Вернемся, однако, к нашему путешествию. Утром, в понедельник 21 августа мы вышли из «гавани», обогнули Риф и в скором времени потеряли деревню из вида. Курс лежал на следующий мыс — мыс Китовый (современный мыс Нерпичий. — *Н. Т.*), а затем плавно поворачивал на юго-восток. Между Рифом и Китовым мысом суша отступает, образуя широкую, закруглённую с двух сторон бухту. На старых картах здесь обозначен мыс Федоскина, однако на самом деле его не существует (мыс Федоскин отмечен на карте Беклемишева-Гребницкого 1882 г., он же под именем Федюшкин присутствует в публикации Б. Дыбовского 1885 г., название дошло до наших дней, хотя мыс, действительно, сглаженный и выражен слабо. — *Н. Т.*). За участком, носящим название Федоскина, где разбито большинство картофельных огородов местных жителей, начинается скалистый риф, опоясывающий весь остров с небольшими промежутками в основном с западной стороны. Бухта Федоскина была мне хорошо известна, поэтому мы не стали там причаливать. Здесь я хочу сказать несколько слов о местном земледелии и сельском хозяйстве.

Местный климат делает невозможным выращивание каких-либо злаковых. Однако для картофеля и других корнеплодов обычно хватает влажного и прохладного лета, которое порой можно назвать лишь «зелёной зимой», как это было, например, в 1884 г.²⁴

Geographische Blätter.

Herausgegeben von der
Geographischen Gesellschaft in Bremen.

Beiträge und sonstige Sendungen an die Redaktion werden unter der Adresse:
Dr. M. Lindeman, Bremen, Mendestrasse 8, erbeten.

Der Abdruck der Original-Aufsätze, sowie die Nachbildung von Karten und Illustrationen dieser Zeitschrift ist nur nach Verständigung mit der Redaktion gestattet.

Eine Umseglung der Berings-Insel.

Herbst 1882.

Reisebericht von Leonhard Stejneger.

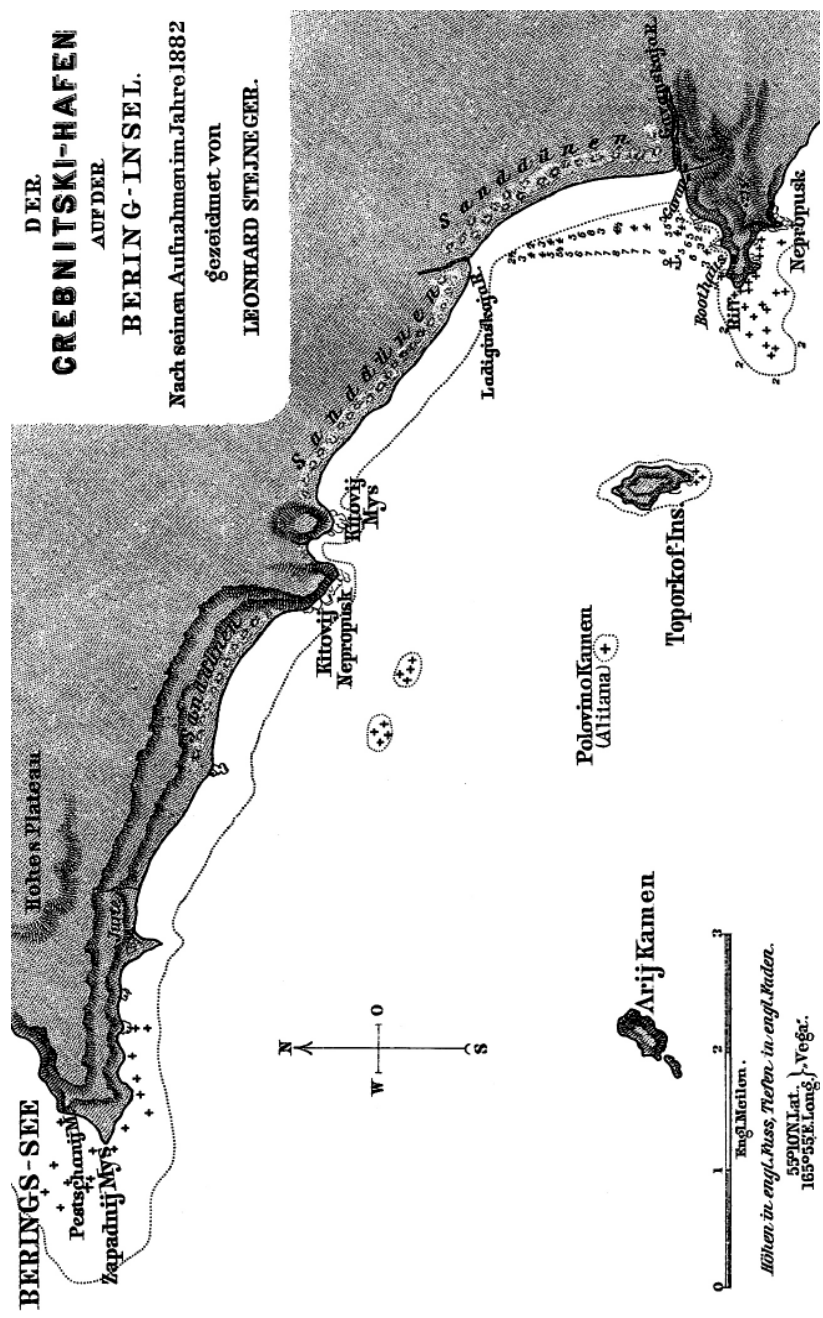
Hierzu Tafel 5: Umrisskizze der Berings-Insel, hauptsächlich nach eigenen Aufnahmen von Leonhard Stejneger (Maßstab: 1:383 000), mit Karten: Komador, von L. Stejneger, und Tafel 6: Grebnitski-Hafen auf Berings-Insel, nach den Aufnahmen von L. Stejneger; ferner zwei Illustrationen (Lichtdruck): Stellers Triumphbogen (Berings-Insel) und Pestschanaja Buchta (Kupfer-Insel), nahe dem Dorf; endlich: Plan des Winterhauses der Schiffbrüchigen der Berings-Expedition.

Erinnerung an Bering und Steller. Entschluß der Umseglung der Berings-Insel. Wahl der Jahreszeit. Fahrzeug, Personal und sonstige Vorbereitungen. Abfahrt. Das Dorf Gavan oder Grebnitski-Hafen. Fedoskija Buchta. Kartoffel- und Rübenärten. Rinderzucht. Heuernte. Gute Aussichten für Schafzucht. Kitovij Mys. Beschaffenheit der Küste. Tolstoj Mys. Was unter einer Npropusk genannten Küstenstrecke zu verstehen ist. Felsenküste. Stellers Triumphbogen. Brutplätze der Pelzrobben. Seltener Abendschmaus. Der Mansjik. Beraubung der Brutplätze. Die Gladkovskaja Buchta. Stellers Berg. Jagd. Nerpen. Meeresvegetation. Pereschejek (Isthmus). Vogelberg. Die Lissonkovaja Buchta. Gestrandeter Wal. Drei Kisutsche (Lachsart) gefangen. Mückenplage. Juschins Thal. Die Seeotterbucht. Schwierige Landung. Die Schlucht Schipitsina. Botanische Ausbeute. Varietäten des Polarfuchses. Ergebnisse der Fuchsjagd auf der Berings-Insel von 1871—1883. Beschreibung des Fuchsfangs auf der Berings-Insel. Kommunismus und Individual-Wirtschaft. Fortsetzung der Fahrt. Stotschnoj Mys. Zerrissene Felsenküste. Gavaruschetschia Buchta. Nerpen- (Seehunds) Jagd. Seeottern. Kolonie von Seevögeln. Dreistigkeit eines Blaufuchses. Das Vorgebirge Peregrobnj. Ankunft in Tolstoj Mys. Seekuhreste. Riff. Dreizehige Mäwen. Wildes Wetter. Gezwungene Nächtigung am Strande. Das Unwetter dauert fort. Komador. Auffindung von Resten der Expedition Berings. Abergläubischer Widerstand der aläutischen Bootsleute. Die Ruinen der Wohnungen Berings und seiner Gefährten. Das Thal von Polovino. Bachforellen. Brombeeren. Staraja Gavan. Badaeffs Haus und Garten. Umschiffung von Tonkij Mys. Sarannaja Buchta. Das Wetter bessert sich. Ankunft in der Sarannaja Buchta. Lachsewehr. Botanischer Fund. Frohes Mahl. Umschiffung der Nordspitze der Berings-Insel. Rückkehr.

Es sind schon mehr als hundert und vierzig Jahre verflossen, seitdem der berühmte dänische Seefahrer im russischen Dienste Vitus Bering mit seinen Unglücksgefährten auf einer unbekannten und unbewohnten Insel hundert englische Meilen östlich von Kamtschatka landete, nachdem sie monatelang auf den ungastlichen Wellen des nördlichen Stillen Oceans herumgetrieben waren. Fast die ganze Mannschaft war von Skorbut angegriffen, viele starben, auch der Kommandeur;

Титульный лист записок Л. Стейнегера

DER
GREBNITSKI-HAFEN
 AUF DER
BERING-INSEL.
 Nach seinen Aufnahmen im Jahre 1882
 gezeichnet von
LEONHARD STEJNEGER.

Карта гавани Гребницкого из записок Л. Стейнегера

И всё же тепла бывает достаточно, чтобы местные жители смогли обеспечить себя этими продуктами. Если бы они лучше разбирались в земледелии и вкладывали немного больше труда, урожай мог бы быть значительно богаче.

Картофельные огороды на острове есть в двух местах. Первый — около Старой Гавани, деревеньки на восточной стороне острова, расположенной прямо напротив Гавани Гребницкого, в прежние времена там находилось основное поселение, и приставали маленькие суда авантюристов — охотников за мехами, а теперь живут только во время сбора урожая картофеля и охоты на песцов. Место это довольно хорошее, с превосходной почвой, но находящееся далеко от основной деревни, так что ездить туда летом на собачьих упряжках слишком обременительно. Не живя там постоянно, невозможно присматривать за огородами должным образом. Кроме того, люди, похоже, отдают предпочтение общению, нежели возделыванию картофеля. Администрация также не приветствует долгого пребывания жителей вдали от деревни.

Второе место — Федоскино — то, которое мы только что миновали, расположено намного ближе: до него можно дойти пешком всего за несколько часов. Но и эти огороды остаются практически без присмотра, так как мужчины заняты охотой на тюленей, а женщины — ловлей лососёвых. К тому же почва там бедна и холодна, так как расположена западней²⁵, обработана примитивно, посев слишком плотный, и можно только диву даваться, каким образом средняя величина клубней картофеля иногда достигает четырёх сантиметров, а прочих корнеплодов — до восьми. Несомненно, можно было бы добиться лучших результатов, если бы огороды находились рядом с деревней. Однако сделать это невозможно из-за большого количества ездовых собак, проявляющих повышенный интерес к «садоводству». Так обстоит дело с «земледелием».

Что же касается «скотоводства» — отрасли «сельского хозяйства» (в словах Стейнегера прослеживается откровенная ирония. — *Н. Т.*) — с ним дело обстоит ничуть не лучше. Торговая компания приняла решение всячески поощрять разведение коров. Для этого в качестве наглядного примера она построила просторный хлев, завезла коров — во время моего визита их было не меньше восемнадцати — и давала на время то одному, то другому жителю по корове. Однако практика такого рода не может привести к успеху по ряду причин. Во-первых, во всей округе нет ни одного человека, имеющего хоть малейшее представление о разведении скота, ни один не был крестьянином в том смысле, в ко-

тором мы это понимаем. Если даже удастся научить их доить коров, никто ничего не сможет сделать с молоком, разве что выпить его и обеспечить свежим напитком остальных — не слишком ли грандиозная затея, требующая стольких усилий?

Компания прислала запатентованную машину для взбивания масла, но никто не знает, как с ней обращаться и никого это не заботит. Но если бы кто-нибудь что-то в этом и смыслил и этим занимался, всё равно молока было бы слишком мало, так как из восемнадцати коров, принадлежащих Компании, только четыре были молочными, к тому же, они были камчатской породы и переставали давать молоко, как только у них отнимали телёнка. Это наглядно показывает, что при наличии восемнадцати голов скота молока не хватило бы даже для небольшого хозяйства агентов Компании. Надо добавить, что местных жителей сложно принудить к однообразной работе: трудно найти женщину, готовую доить коров, работника, который бы чистил коровник, или детей, которые бы стерегли и пасли стадо.

Кормовых трав в долинах по всему острову, особенно вокруг деревни, растёт достаточно. Поздним летом сено косят, сушат, насколько это позволяет влажный климат, и складывают в большие стога, самое дальнее — в полутора немецких милях от деревни (немецкая, или географическая, миля составляет семь вёрст, или 7 420 метров. — *Н. Т.*). Сенокос, однако, история особая. Косари не просто утром уходят, а вечером возвращаются. Нет, Компания обязана ещё обеспечить их палаткой, не должен быть забыт самовар, а в пищу будут употребляться исключительно сухари. Лагерная жизнь и покос рассматриваются скорее как развлечение, а не как необходимая работа. Если погода хорошая, оставшиеся в деревне родственники и друзья устраивают «пикник», что далеко не всегда способствует работе. Один американский или европейский крестьянин делает за время уборки урожая столько же, сколько десять русских и алеутов, но дневной заработок на острове так же высок, а может даже выше, чем в некоторых сельскохозяйственных районах Германии.

Доставить сено домой можно только с наступлением зимы — по снегу на ездовых собаках, и тогда снова начинается веселье! В поездке принимают участие множество нарт с упряжками из девяти-тринадцати собак. Въезжающий в деревню кортеж из саней, вытянувшийся по льду в стройную линию, представляет собой действительно красочное зрелище. Остановившийся караван приветствуется воем и лаем оставшихся дома собак, в то время

как сидящие высоко на возах сена сияющие от радости алеуты направляют своих лающих питомцев налево или направо оглушительными окриками «кака!» или «ху!», или «хуги!»²⁶.

По окончании зимы самые дальние стога остаются всё ещё нетронутыми: кто же может заранее предвидеть, как долго будет длиться зима и сколько съест каждая корова? Стоит ли удивляться тому, что легче привезти тюки сена из Калифорнии? Во время своего путешествия Норденшельд делает пророческое замечание, что «остров Беринга может без труда прокормить большие стада коров, может быть, такие же большие, как стада морских коров, пасшихся в былые времена у его берегов». Но мне совершенно непонятно, зачем здесь разводить коров. Мне говорили, что один господин задумал расширить сферу деятельности Компании и развить эту индустрию на Алеутских островах. Я готов поверить, что несколько зажиточных работающих семей на Аляске и Алеутах смогли бы прокормить себя таким замысловатым способом, но как можно хоть на миг предположить, что Компания на этом сможет заработать? Учитывая, что землю в Америке и Сибири получить пока легко, идея эта остается более чем непонятной.

Высказывая своё мнение о том, что выгодное разведение скота в данном районе невозможно и что я действительно не рекомендовал бы заниматься им на Командорских островах, я не имел в виду любой вид скотоводства. Напротив, я считаю, что толковое разведение овец с лихвой компенсировало бы затраченный на него труд и вложенные деньги²⁷.

На упомянутых островах это принесло бы желаемый результат — именно то, к чему стремилась торговая Компания, предприняв нынешнюю попытку завезти коров. Пока на островах обитает и размножается достаточное количество морских котиков, местные жители не будут нуждаться в другом «скоте», при том условии, что цены мирового рынка на мех котика не снизятся. Но никто не может гарантировать, что сегодняшние благоприятные условия продлятся вечно. Может случиться всякое, например, количество животных сократится из-за эпидемии чумки, и промысел не обеспечит достойного существования населения.

Во-вторых, мода на меха может пройти или прибыль будет так невелика, что потеряет смысл везти меха из отдалённых районов. Уже случалось, что Компания была не в состоянии покрыть расходы на перевозку шкур в Лондон. Приди такая беда, жителей ждет голодная смерть, так как летней добычи лососёвых и морских птиц будет недостаточно, чтобы прокормить пятьсот человек.

Тогда хорошее стадо овец выручило бы, и жители этих островов были бы даже лучше подстрахованы, чем исландцы или жители Фарерских островов. То, что овцы могли бы прекрасно прижиться на Командорах, не вызывает сомнения.

В качестве примера я приведу историю, как три лошади, завезённые осенью 1862 г. на остров Беринга, оставались всю зиму под открытым небом. Ни одной ночи не провели они под крышей, их ни разу не кормили, однако они перенесли зиму так хорошо, что в апреле 1863 г. были в лучшей форме, чем в октябре, когда их только завезли²⁸.

Конечно, для этого необходимо выбрать подходящую породу, не калифорнийскую, а, например, выносливую северо-европейскую, или шотландских «черномордых». Однако, прежде чем начинать разведение овец, необходимо удалить ездовых собак. Одни они и виноваты в том, что разведение всё ещё не было предпринято. Даже при нынешних условиях использование собак вовсе необязательно. Было бы легче и дешевле проложить хорошую дорогу между деревней и северным котиковым лежбищем с ответвлением на Саранну, где находится самая большая рыболовная артель по добыче лосося, тогда хватило бы нескольких лошадей для доставки необходимой соли к лежбищам или для транспортировки сушёной рыбы с Саранного.

Сейчас собаки используются в основном для перевозки в деревню выброшенной на берег древесины, пригодной для растопки. Но местные жители отмечают, что с годами количество такой древесины уменьшается, и уже сейчас два-три раза в год пароход вынужден сгружать вывезенные с Камчатки берёзовые дрова. Кроме того, насколько я знаю, запасов горючего материала близлежащих обширных торфяных болот хватит на многие поколения. Сейчас на острове Беринга насчитывается более шестисот собак.

Шесть сотен овец смогли бы образовать хорошее стадо, положившее начало новой отрасли хозяйства на случай нужды (некоторые идеи Стейнегера, к примеру, прокладка дорог и содержание лошадей, были благополучно претворены в жизнь в XX в., но иные выглядят утопично. — *Н. Т.*).

До Китового мыса берег идёт плоский, дальше горы подходят вплотную к морю. Непосредственно вдоль воды тянется узкий пляж, за которым начинается отвесный обрыв высотой 75—100 футов, обнажающий попеременно коричневые и серые слои песчаника. Верхний край этой стены косо срезан, внизу у подножья лежат скатившиеся камни, выглядит это примерно так:

Благодаря набегающим волнам, подтачивающим скалы, обрывы в некоторых местах приобретают причудливые формы бастioned, башен и других укреплений и выглядят на редкость живописно. За обрывом обычно следует более пологий отрезок. С этого места склоны округлых, поросших мхом и лишайником гор поднимаются примерно под углом 45—50 градусов. Высота следующих варьирует от 900 до 1 200 английских футов. Вся внутренняя территория острова представляет собой переплетённую массу вершин, не связанных в хребты. Горы со всех сторон прорезаны глубокими долинами. Их усталые мелкой галькой, наполовину скрытые мхом и лишайником склоны равномерно поднимаются от медленно текущих ручьёв.

Steller's Triumphbogen, Bering-Insel.

Lithdruck von Künzler & Jonas, Dresden.

Pestschanaja Buchta, Kupfer-Insel,
nahe dem Dorf

В двенадцать часов мы причалили к мысу Толстому²⁹, там легко позавтракали, то есть вскипятили чай, который алеуты научились у русских пить в больших количествах, и насладились нашими славными сухарями. Характер побережья во время дальнейшего плаванья оставался практически неизменным, только в некоторых местах обрывы были несколько выше прочих — там, где горы ближе всего подходили к морю. В некоторых местах горизон-

тальное положение слоёв прерывалось, и они наклонялись, образуя угол примерно в сорок градусов. Узкий пляж исчезал, и отвесные скалы врезались прямо в море, не позволяя пройти на санях. Такие участки называются «непропусками».

Подобное место находится сразу за речкой Подутёсной, там на протяжении примерно в половину английской мили (английская сухопутная миля равна 1,6093 км. — *Н. Т.*) слои осадочных пород приходят в беспорядок, в то время как до и после расположены строго горизонтально. На Подутёсной стоит юрта — землянка, в которой зимой живут охотники на песцов. Отсюда начинается несложный переход на Буян — бухту, лежащую несколько севернее противоположной точки восточного побережья.

В устье следующей долины стояла вышеупомянутая полуденная одиночка³⁰. В этом месте горы немного отступают, берег становится более пологим и при этом ещё более причудливым, особенно южнее выдающегося в море выступа, носящего название «северный мыс Южного лежбища» (Южным называли бывшее Полуденное лежбище, прекратившее существование к началу XX в. — *Н. Т.*). Здесь скалы похожи на величественные руины средневекового укрепления. Подробные исследования убедили меня в том, что передо мной то самое место, которое Стеллер описал следующим образом³¹: «Под этими скалами я натолкнулся на редкостные по красоте виды — результат игры природы. Так, в названной мной пещере (Стеллерова пещера) горы образуют стены, подобные бастиянам и другим видам укреплений. За пещерой возвышается множество разбросанных по побережью утёсов, похожих на развалины стен, столбов, сводов или арок, под некоторыми из которых можно свободно пройти».

В четыре с четвертью я причалил к единственной из сохранившихся арок, под которой когда-то проходил Стеллер. Созданное природой величественное сооружение, похожее на парадные ворота и стоящее совершенно обособленно, я назвал в честь Стеллера «Стеллерова триумфальная арка»³². Его могилу в пустынной степи не почтили памятником (место захоронения Стеллера неизвестно вплоть до настоящего времени. — *Н. Т.*), Россия не простила ему прямодушия и критики несправедливости властей, но имя Стеллера не будет забыто и его триумфальная арка, украшенная милыми белыми златоглазыми цветами *Chrysanthemum arcticum* и жёлтым лишайником *Caloplaca murorum* и *crenulata*, станет памятником, достойным великого исследователя. Эскиз, который я имею честь представить читателям «Немецких географических страниц»,

покажет путь, проделанный мною пешком до нашего ночного лагеря, куда мои спутники отправились на шлюпке.

С южной стороны Стеллеровой Арки расположен водопад (Падун)³³ и «Южное лежбище» (лежбище Полуденное) — относительно небольшой участок обитания котиков. Их численность я оцениваю примерно в 20—25 тысяч голов, из которых ежегодно забивают около двух тысяч «холостяков» (молодых трёх-четырёх-годовалых самцов). Это единственное место на восточной стороне (южной по описанию Стеллера), где располагаются котики. Во время зимовки Стеллера их было значительно больше, о чём можно заключить из его записей. В числе прочего он пишет: «...в течение нескольких дней бесчисленные стада заполнили всё побережье настолько, что невозможно уже было пройти, не подвергая себя опасности. В некоторых местах, где они заняли весь пляж, нам приходилось обходить через горы... Эти животные выходили на берег только с южной стороны острова напротив Камчатки».

Из этой цитаты следует, что о существовании самого крупного на сегодняшний день «Северного лежбища» он не знал: западная сторона тогда была заселена (котиками) намного плотнее. Сейчас нет необходимости идти в обход через горы. Пробираясь через заросли *Archangelica*, *Picris* и *Spiraea*³⁴, я пригибался лишь ради того, чтобы остаться незамеченным и не тревожить ценных животных, сбившихся в вонючую, ворчащую, ревущую, блеющую массу, обмахивающую себя, как веером, задними лапами.

Между тем начало смеркаться, так что времени для дальнейших наблюдений не оставалось. Маленькую речушку под водопадом — одну из немногих такого рода на о. Беринга, где долины, как правило, глубоки — я перешёл вброд и, наконец, очутился у нашей палатки. Мои алеуты уже разделявали пятерых забитых котиков. Пока готовился наш ужин из котикового мяса, я ещё нашёл время для сбора растений, среди них был *Delphinium elatum*, который мне в других частях острова не попадался.

Для меня отложили язычки и сердечки котиков. Хотя я и не являюсь почитателем мяса этого зверя, должен, тем не менее, признать, что названные части становятся настоящим деликатесом, если их хорошо приготовить, пока они свежие. Хорошо прожаренные, они сильно напоминают говяжьи почки и ничем не уступают языкам северных оленей, но есть их надо сразу. Попробовав блюдо следующим утром в холодном виде, я заключил, что вкус его за ночь не улучшился. Тем не менее, завтрак можно было считать вполне сносным.

Сцена перед палаткой, где пылал большой лагерный костер, и мои алеуты выуживали из кипящей в котле воды большие куски мяса, была на редкость экзотичной. Погода по местным меркам стояла тёплая: 12,8 °C. Заходящее солнце бросало розовые и пурпурные лучи с затянутого облаками неба. Слабый южный ветерок не тревожил моря, волны замирали на пляже в пятидесяти шагах от наших ног. Вся природа излучала умиротворение. Не мудрено, что конец первого дня путешествия я посчитал счастливым.

Завернувшись в медвежью шкуру, я заснул в прекрасном настроении, полный радужных надежд. Один за другим забрались мои попутчики под наш старый парус, который мы нарекли громким именем «палатка», и вскоре мы все, монголы и кавказцы, погрузились в глубокий сон (Стейнегер в шутку причисляет алеутов к «монголам», а себя, как урожденного сына гор, — к «кавказцам». — Н. Т.).

Вылезая следующим утром из палатки, я застал попутчиков за литьём пуль, при этом вместо литьевой ложки они использовали кусочек берёзового корня. В нём было сделано небольшое углубление. В углубление клали свинец и насыпали сверху раскалённый уголь. Сегодня ожидалась встреча с нерпами — *Phoca vitulina*³⁵, поэтому был заранее надут «манщик», чтобы проверить, не пропускает ли он воздух. Манщик — это шкура нерпы, снятая с большой осторожностью, так, чтобы получалось как можно меньше прорех, которые потом аккуратно зашивают, оставляя только одно отверстие. В него вставляют деревянный мундштук, затыкающийся пробкой.

Надутая через это отверстие шкура приобретает форму нерпы. Её помещают на один из прибрежных камней. После охоты шкуру сдувают, а сам манщик сворачивают и укладывают в байдарку. Пока шли приготовления, я занялся метеорологическими наблюдениями и собрал несколько растений и окаменелостей. Со вчерашнего вечера показания барометра опустились на три миллиметра, и незначительно потеплело (13,8 °C), ветер совсем стих. Небо было полностью затянуто серыми дождевыми облаками, но они выглядели не слишком грозно.

Среди растений самыми интересными были *Ranunculus Eschscholtzii* и широко распространенная *Oxyria digyna*³⁶, растущие у холодного источника не более чем в сотне метров от моря, почти на уровне воды. Рядом с источником ещё лежал (22 августа) небольшой пятак прошлогоднего снега, и это при том, что лето считалось тёплым!³⁷ Несколько местных жителей, несущих охранную

вахту в маленьком домике близ лежбища, выступали в качестве группы «проводящих на берегу друзей», когда «имперская шлюпка» наконец стала медленно удаляться от берега.

К сожалению, охранники на котиковых лежбищах необходимы, поскольку в этих водах постоянно кружат шкуны, не упускающие возможности беспрепятственно грабить лежбища. Набеги совершают браконьеры, набирающие себе команды из японцев или жителей Сандвичевых островов (38), прикидываясь рыбаками или торговцами. Однако, напасть на Командорские острова им удаётся крайне редко или не удаётся вообще. Так, в 1881 г. команду шкуны «Диана», попытавшуюся высадиться на о. Медный, встретили градом пуль, убив одного и ранив четырёх человек. В 1883 г. была захвачена и конфискована другая шкуна, в 1884 г. — ещё две или три. Русское правительство каждый год направляет сюда один или несколько военных кораблей.

Стычки бывают и на Охотском море. Осенью 1883 г. там пристали шесть шкун, высадив шестьдесят вооружённых охотников на скалистом острове Тюлений, где располагалось небольшое стадо котиков. Казаку и шести алеутам, охранявшим стадо, пригрозили смертью и, чтобы сохранить себе жизнь, они вынуждены были сесть на проходящий мимо пароход, доставивший их на материк.

Мы прошли «Казарму» — беспорядочно нагромождённую массу скал, расположенную у северного входа в бухту Гладковскую, в которую мы не заходили, поскольку я запланировал посетить её позже, во время экспедиции по суше. На противоположную восточную сторону острова от Гладковской к Половине можно пройти по долинам. Этот отрезок настолько глубок и прям, что издали с моря кажется, что он делит остров пополам.

Горы с обеих сторон очень высоки, особенно в южной части, где расположена самая большая из них — «Сопка», или «Утёс», которую я назвал горой Стеллера. На этот раз, правда, чудесная гора была не видна из-за опустившегося тумана, скрывшего всё, что находилось выше ста метров. С половины десятого до десяти моросил мелкий дождик. Мы прошли мимо бухты Дикой и причалили к её южной стороне, где расположен Непропуск, и множество птиц ютится в бесчисленных пещерках, ущельях, на уступах. Здесь я подстрелил свою первую красноногую трёхпалую чайку (*Rissa brevirostris*)³⁹ и необычного молодого бородатого и косматого карликового чистика (*Simorhynchus pygmaeus*)⁴⁰, в это время мой спутник уложил нерпу.

Мы очень обрадовались добыче, поскольку мясо нерпы внесло приятное разнообразие в наш рацион, состоявший в течение всего лета исключительно из мяса морских котиков. С этого места берег высок и крут вплоть до самого Перешейка. Пляж представляет собой узкую кромку из песка или камней. Нас удивленно разглядывали многочисленные песцы. В море мы видели несколько больших финвалов, которых я определил как *Balaenoptera velifera*. Когда мы приблизились к «Перешейку», то обнаружили, что море покрыто огромным количеством листьев ламинарии, и нам потребовалось много усилий, чтобы через них пробиться. Подводные леса, чьи вершины достигают здесь поверхности воды, покрывают местами площади в целые мили. Здесь, видимо, и были когда-то излюбленные пастбища стеллеровой коровы (*Rytina gigas*)!

Перешеек представляет собой низкую узкую полоску суши, соединяющую скалистый островок, точнее, теперь уже полуостров (мыс Островной. — Н. Т.), населённый тысячами топорков (*Lunda cirrhata*), с основной частью суши. Под словом «перешеек» подразумевается не только полоска суши, но и бывшие острова, например, восточней данной бухты с местной юртой. Однако было бы ошибкой называть переход по низинам от Гладковской к Половине перешейком⁴¹. Как меня заверили, раньше островок стоял совершенно отдельно, но со временем постепенно образовалась перемычка, и теперь через узкий неглубокий канал можно пройти только по высокой воде на легкой байдарке.

Итак, мы вынуждены были обогнуть птичью гору, что меня нисколько не расстроило, так как наблюдать за топорками (*Lunda cirrhata*), и за тем, как они с любопытством наблюдали за нами, выглядывая из вырытых ими самими норок, было чрезвычайно увлекательно, а для меня, как орнитолога, интересно вдвойне. Они высовывали свои чёрные шеи из сочной зелени, покрывающей скалы: белая мордочка, над ушами — пучки перьев соломенного цвета, загибающиеся назад, как рога козерога, и большой клюв, окрашенный в великолепные алый и яблочно-зелёный цвета, придавали птицам совершенно особенный вид. Тысячи вертящихся головок походили на чудесные тропические цветы. Высокая, вся в пещерках, крутая скала была пронизана расщелинами, об её подножье с грохотом разбивались волны. Такая картина остается в памяти на всю жизнь!

Теперь мы могли идти под парусом и, после того, как обогнули островки, располагающиеся близ полуострова Перешейка, направились на восток. За полуостровом, восточнее него, расположены

три большие бухты, протянувшиеся в северном и северо-восточном направлениях. О первой мы уже упомянули выше, вторая называется Голодная, третья, самая большая — Лиссонковая⁴². Во внутренней части последней стоит юрта. Когда я узнал, что в этом месте находится устье большой реки, берущей начало в двух довольно крупных озёрах, то решил туда пойти и заночевать.

У северного входа возвышаются высокие отвесные скалы причудливой формы: борозды и расщелины сделали их похожими на гигантский орган. Дикие волны, пенясь, разбиваются о скалистые рифы, выдающиеся далеко в море. Зоркие глаза Бадаева обнаружили лежащий на пляже белый предмет, и он попросил меня посмотреть в бинокль, что там такое. Я сразу определил, что это останки выброшенного на берег кита. Шлюпка была немедленно спущена на воду, парус убран, и алеуты с победными криками «Кит! Кит!» поспешили к берегу.

Там лежал отвратительно смердящий, добела выцветший монстр пятидесяти футов длиной, которого я определил, как *Balaenoptera velifera*. У моих алеутов потекли слюнки, словно их ждало лакомство. Как только наша шлюпка коснулась дна, они попрыгали в воду, захватив топоры и ножи, и кинулись к берегу вброд. Набросившись на хвостовой плавник, они стали отрезать от него большие куски и сразу их заглатывать, вгрызаясь и растягивая отрезанное между зубами и пальцами. Ах, в кого в мгновение ока превратились мои цивилизованные алеуты!

Когда к ним снова вернулся дар речи, Бадаев подошёл ко мне с кусочком на пробу. Да простят меня мои читатели, но я не поддался такой попытке ради возможности рассказать вам, какой вкус имеет наполовину разложившееся китовое мясо. С меня хватило одного только запаха! Затем мои попутчики держали оживлённый военный совет на алеутском, яро жестикулируя и не переставая усердно жевать. В результате решили остаться ещё на один день, чтобы вырезать жилы и запасти сало для себя и своих друзей.

Против этого у меня не было возражений, тем более что я лелеял надежду задержаться здесь подольше, чтобы как следует обследовать животное и сделать подробные промеры. Не говоря уже о том, что жилы помогут окупить затраты на экспедицию, а сало подержит в моих людях хорошее настроение. Жилы высоко ценятся в качестве ниток для шитья камлеек — дождевиков, изготовляемых из кишок и жил тюленей, а также для шитья непромокаемых сапог, или мокасин (тарбасов), подошвы которых делаются

из шкуры морских львов (*Eumetopias Stelleri*). Если на одежду или обувь попадает вода, то нитки, сделанные из китовых жил, разбухают и плотно закупоривают отверстия швов, делая изделия непромокаемыми. Поэтому жилы на остров завозят, ведь нечасто случается, что такой крупный кит, как этот, оказывается на суше. Позже мне сказали, что добытые сегодня жилы могут быть оценены в 80—90 рублей.

Мы отчалили, захватив с собой небольшой запас сала, и направились к юрте в юго-восточной части бухты. Я осмотрел хижину и нашёл её состояние совершенно непригодным для проживания. Она представляла собой вырытую в песчаной дюне пещеру, стены и потолок которой были обшиты досками. Поскольку она, ко всему прочему, была ещё и очень сырая, я предпочёл поставить свою палатку вплотную к пляжу сразу за первой грядой дюн. Но алеуты захотели ночевать в юрте, что меня весьма порадовало в связи с обстоятельствами, связанными с ароматом, который издавало китовое сало. Лодку перетащили через песчаный вал и поставили на якорь в устье довольно глубокой речки, рядом с палаткой.

Неожиданно моё внимание привлёк радостный крик, и я, обернувшись на звук, к своему безграничному удивлению обнаружил Григория Старцова, который вёл себя так странно, что я обеспокоился, не сошёл ли он с ума. Совершенно голый, скакал он по воде и яростно фехтовал длинной палкой, целясь в речной поток; брызги летели во все стороны. В конце концов, он с силой метнул, как копьё, палку в сторону дна. Всё это время остальные в страшном возбуждении с криками бегали туда-сюда по берегу.

Представление заняло времени не больше, чем его описание, и раньше, чем я успел спросить, что происходит, Григорий с победным криком воздел палку с нацепленным на крюк роскошным серебрящимся лососем. Это был пятидесятифунтовый «кижуч» (*Oncorhynchus kisutsch*) — лучшая лососевая рыба острова после славящейся во всем северном Тихом океане «чевучи» (чавыча встречается на Командорах крайне редко, в единичных случаях. — Н. Т.). Старцов «загарпунил» еще двух, и мы насладились лакомством, которое мои спутники сделали ещё экзотичнее, сочетав с китовым салом. Моим единственным условием было — не класть сало в котёл!

Очень докучали москиты⁴³, мне удавалось держать их на почтительном расстоянии только маленьким костром, разведённым внутри палатки, на котором я вместо ладана жёг порошок от насекомых.

Следующим утром мы снова подошли к киту и провели день в обмерах, сборах всевозможных мелких морских животных, снятии шкурок белых куропаток для чучел, записях и заметках, ведении журнала и т. п.

Тем временем северо-восточный ветер усилился, и поскольку бухта с этой стороны была совершенно не защищена, море так разбушевалось, что на следующий день нам пришлось отказаться от попыток преодолеть грохочущий прибой. Утром ветер немного утих, и у нас появилась надежда выйти в море. Однако она оказалась преждевременной, так что пришлось провести в ожидании в Лиссонковой еще и 24 августа.

Лиссонковую бухту, так же, как и бухты Перешеек и Голодную, не найдёшь на официальной карте острова Беринга, несмотря на то, что они являются важнейшими для всего острова. На карте в атласе Тебенькова⁴⁴ немного севернее отмечено большое внутренне озеро, воды которого устремляются в море через маленькую речку, протекающую по выдающемуся участку суши. На самом деле это озеро — не что иное, как Лиссонковая бухта, скрытая в долине за грядами песчаных дюн.

Являющаяся продолжением бухты долина обрамлена горами со сглаженными вершинами и крутыми склонами высотой от 1 200 до 1 500 футов и связана перевалами высотой в 800—900 футов с долинами мыса Толстого и Командора — последнего места зимовки экспедиции Беринга. Сама долина широкая и низменная, часть её территории занимают три озера, одно из которых довольно большое. Озера имеют сток через вышеупомянутую речку. Пребывание в Лиссонковой бухте навело меня на мысль сопоставить данную местность с местом, обозначенным у Стеллера как «Пад Юшина» (Долина Юшина)⁴⁵ в честь штурмана экспедиции Беринга.

Стеллер писал: «Побережье южной (то есть западной) стороны острова выглядит совершенно иначе, чем северной (то есть восточной). Но, несмотря на то, что берег здесь значительно более каменистый и неровный, на нём есть два участка, по которым можно безопасно передвигаться и использовать их как пристань: заходить на небольших или плоскодонных судах, например, шерботах (шхербот, шкербот — небольшое плоскодонное судно для плавания между шхерами. — *Н. Т.*), вглубь острова через устья рек или по коротким каналам, соединяющим озёра с морем. Первое место находится в семи голландских милях⁴⁶ от юго-западного мыса Манати (Kap Manati)⁴⁷ в большой бухте, которую издале-

ка заметно с моря благодаря каменному столбу в западной части. Именно это место было названо нами долина Юшина в честь его первооткрывателя штурмана Юшина».

Сейчас устье реки занесено песком, и сама бухта слишком открыта, чтобы служить защитой для судов. Для пристани она годится ещё меньше, чем «Гавань».

Стоял густой туман, и только к вечеру 24-го стало немного проясняться, так что стали видны вершины гор. Я использовал этот момент для зарисовки долины Юшина.

25-го мы, наконец, отважились выйти в море. После череды попыток нам удалось протащить лодку по пляжу, на который с силой накатывали волны: два человека шли по дну, с обеих сторон придерживая лодку и направляя нос навстречу волнам, остальные сидели наготове с веслами. Как только волны подхватили лодку, двое быстро запрыгнули в неё, и гребцы, не теряя ни секунды, с силой налегли на вёсла, прорезая гребень второй волны, в то время как первая с мощным грохотом уже обрушивалась на песок.

В половине десятого мы пристали в бухте Бобровой в ещё более сложных условиях, так как эта «бухта» — не более чем лёгкий изгиб побережья. Начинаясь здесь долина по размерам меньше, чем Лиссонковая, но в целом имеет тот же характер. В её верховье расположено небольшое озеро, в котором берёт начало довольно глубокий ручей, как и все здешние речки, совершенно занесённый песком в устье.

С южной стороны скалы приобретают формы бастиона с одиноко стоящими башнями и столбами, самые крупные из которых напоминают «Перешеек» в миниатюре. Благодаря массе гнездящихся топорков (*Lunda cirrhata*) остров называли Топорковым Столбом⁴⁸. Там же на скальных террасах и у входа в довольно просторную пещеру, выточенную морем, выводит своих птенцов бесчисленное количество трехпалых чаек (*Rissa pollikaris*).

Многое говорило в пользу того, чтобы высадиться в этом месте: ходили слухи, что здесь можно найти кости морской коровы⁴⁹. И я отважился причалить, хотя это было далеко небезопасно: волны с силой разбивались о крутой берег, пляж которого был уже не песчаным, а каменистым. Кроме того, вокруг торчали не очень-то приветливые подводные камни, некоторые из которых становились заметны, только если о них разбивалась особо высокая волна.

Выйти на берег было можно, лишь встав на якорь до зоны прибоя. Один член команды в своей непромокаемой одежде из

горловин тюленя⁵⁰ стоял со стороны ахтерштевня⁵¹, теперь развёрнутого к берегу, держа наготове смотанный швартовой канат, тогда как другие гребли, направляя лодку перпендикулярно накату волн. Бадаев держал наготове якорный канат. Шипя, накатила большая волна и подняла нас на своих пухлых грудях. Бадаев потравил, так что мы верхом на ней подошли к берегу. Из лодки выпрыгнул Мальцов — парень со швартовым, волна подхватила его на полпути и вынесла к крутому берегу. Он достиг суши как раз в тот момент, когда Бадаев позволил якорному канату распрямиться на всю длину. Как только Мальцов прыгнул в воду, Бадаев вытравил якорный канат, а остальные стали грести изо всех сил и достигли суши, проскочив по высокой воде прежде, чем волна разбилась и отхлынула назад. Так канаты попеременно травили и выбирали, пока пятеро из нас не вышли на берег.

Результат не оправдал предпринятых усилий: всё, что нам удалось добыть — это обломок ребра морской коровы. Вдобавок, мои мокасины из тюленей шкуры оказались полны воды после того, как я выловил это ребро из речки. При посадке на лодку были проделаны всё те же манипуляции, но в обратном, чем при высадке, порядке, с той только разницей, что из воды в шлюпку с высокими бортами было намного труднее забираться, чем из неё выпрыгивать.

Полтора часа мы шли на вёслах вдоль высокого крутого берега, миновав одинокую колоннообразную скалу, служащую ориентиром и отмеченную на американских картах как «Pinnacle» (*англ.* вершина. — *Н. Т.*), и причалили в бухте Шипицына. Несмотря на то, что внешне она похожа на Бобровую, море здесь значительно спокойнее благодаря двум малоприметным рифам, окаймляющим её с обеих сторон. Место, хорошо узнаваемое благодаря деревянному кресту, установленному бывшей Российско-Американской Компанией более двадцати лет назад на краю примерно тридцатифутового берегового вала. Шипицынская, строго говоря, не является долиной — это лишь глубокий распадок с журчащим ручейком, пробившим себе дорогу среди высоких гор.

Было еще не поздно, но поскольку мы не успевали до темноты обогнуть юго-восточный мыс и достигнуть следующего места высадки на другой стороне острова, решили заночевать в бухте Шипицына. Я хотел использовать вечернее время для ботанических исследований, а молодые стрелки решили попытаться счастья в охоте на нерпу. Поскольку в Шипицына не было юрты — она относилась к песцовому промысловому ухажу⁵² на Бобровой — пришлось разбивать палатку на всех восьмерых.

Когда накрытое парусом сооружение из мачты и вёсел было готово, я сделал для себя философское заключение, что сходство между русским словом «палатка» и латинским *palatium* может быть неслучайным, хотя последнее и произошло от римского холма Палатин⁵³. Правда, сейчас я сознаю, что тогда эти мысли представлялись мне куда более значительными, чем теперь. Мне представлялся Атила, чей дворец был всего лишь палаткой, и гадал, благоухали ли его гунны точно так же, как сейчас мои алеуты, хотя и не мог припомнить, чтобы в тексте о гуннах упоминалось о необходимости есть протухшее китовое сало⁵⁴.

Но одно я понял точно: если когда-либо Атила выдерживал в своём дворце шестёрку подобных друзей, то был ещё большим героем, чем я его себе представлял. Для меня это было уже пустяком после того, как я обмерил, описал и зарисовал благоухающее чудовище, и тем более после сегодняшнего плаванья: получив половину моей соли, мои спутники засолили сало прямо на дне лодки! Я ведь не мог быть таким жестокосердным, чтобы запретить привезти домой друзьям и родственникам необычайный деликатес! Я же знал, что вся деревня будет меня благословлять по нашему возвращению. Но ещё ни разу в жизни не доводилось мне соглашаться на благодеяние с таким трудом.

Собирательство принесло свои плоды. Правда, из птиц я видел только снежных куропаток (*Lagopus lagopus*), лапландских подорожников (*Calcarius lapponicus*) и одного сибирского конька (*Anthus gustavi*), зато удалось собрать несколько доселе неизвестных мне видов растений, например, крупную, сильно пахнущую *Spiraea kamtschatica*, *Picris hieracioides* var. *japonica*, достигающую в высоту трёх-четырёх футов, а также одну из форм *Saxifraga punctata* — камнеломку, которую Эйса Грей определил как карликовую.

Охотники вернулись с желанной добычей — молодой нерпой (*Phoca vitulina*).

На следующее утро Бадаеву посчастливилось подстрелить двух молодых «белых» песцов. Как известно, *Vulpes lagopus*⁵⁵ двуххромные, то есть существуют два основных варианта окраса, или «фаз»: один — голубой, не переходящий зимой в белый; другой — бледный, становящийся зимой совершенно белым. Мы пока не можем объяснить причину существования этой двуххромности. Часто пытаются объяснить это тем, что белый окрас типичен для более северного типа, и что зимой песец меняет цвет своего меха на белый только там, где этого требует суровость зимы и количество выпавшего снега. Однако нужно заметить, что летний мех

тоже имеет разные оттенки, как, впрочем, и цвет молодняка. К тому же песцы, обитающие в районах со смешанным климатом, имеют смешанную расцветку. Белые в южном полушарии так же белы, как и в районе ледников. Наконец, этому выводу противоречат исследования, сделанные нами именно на этих островах.

Например, на острове Медном все песцы «голубые», не было найдено ни одного белого⁵⁶, в то время как на острове Беринга встречается данная разновидность, хотя теперь и в небольших количествах. Раньше их было больше, хотя и не настолько, как предполагалось. Стеллер о песцах пишет следующее: «За время моего пребывания на острове я подстрелил более двухсот животных. На третий день за три часа я уложил топором более семидесяти зверей, из шкур которых была изготовлена крыша нашей избышки... Хотя мы не обращали внимания на их красивые шкуры — *более трети которых имели голубой оттенок* — и даже не свеживали их, мы жили с ними в постоянной вражде».

Однако возникает сомнение, не опечатка или описка ли это, поскольку в другом месте он говорит: «Голубые песцы, коих мы встречали на этом острове в неописуемом количестве». Я также не нахожу у него ни одного слова о «белом» подвиде. Другое подтверждение правильности этой записи есть в «Mullers Sammlung Russischer Geschichte», т. III, с. 245 (напечатано в 1758 г.)⁵⁷, где сказано, что потерпевшие кораблекрушение участники экспедиции Беринга не встречали никаких других животных на суше, кроме вышеупомянутых песцов, а именно, больше голубых, чем белых. Но их мех был не таким нежным, как у сибирских...

Позже, зимой 1745/46 гг. на острове было поймано 2 000 голубых; в 1747/48 гг. — 3 000, о белых ничего не сказано; в 1751—1754 гг. было убито 6 844 голубых и 200 белых⁵⁸. Партия охотников из девяти человек подстрелила в 1756/57 гг. 700 голубых, другая группа в 1757 г. привезла на Камчатку 1 222 песцов (цвет не назван). Эти цифры не указывают на то, что голубых песцов встречается меньше. Более поздние записи показывают, что в 1783/84 гг. на острове Беринга водились в основном белые песцы.

Я не знаю, как относиться к этому утверждению, но можно с уверенностью сказать, что состояние популяции в этом столетии сильно изменилось. Белый подвид встречался довольно часто, однако, в конечном счёте, был почти полностью истреблён из-за того, что Компания стала хорошо платить за белых и одновременно распорядилась отстреливать их в любое время года. Теперь и местные жители поняли, почему необходимо отстреливать в пер-

вую очередь белых: чтобы они не ухудшали качество ценного меха голубых, производя смешанное потомство. Они стали убивать белых, где и когда только встретят. Представленная таблица убедительно демонстрирует, насколько ошибочными были утверждения Норденшельда, полагавшего, что песцы стали редкими, и в основном белого цвета:

Сезон	Голубые песцы	Белые песцы
1871/72	836	4
1872/73	580	28
1873/74	514	24
1874/75	0	0
1875/76	1 087	50
1876/77	573	19
1877/78	0	0
1878/79	789	0
1879/80	0	0
1880/81	0	0
1881/82	1 447	20
1882/83	872	13

Средний доход местных жителей от добычи ежегодно составляет примерно 1 600 рублей серебром (учтены и те годы, в которые добыча не велась). Это значит, что при населении в триста душ на одного человека старше восемнадцати лет приходится по восемнадцать рублей. Отсюда можно сделать вывод, какое важное значение имеет для местных жителей промысел песцов, тем более что он выпадает на сезон, удобный для сбора дров, и как раз на то время, когда у жителей нет других занятий. Поэтому не удивительно, что за промыслом ревностно следят. А поскольку промысел, кроме того, проводится по общей рациональной системе, небезынтересно проследить, как он организован.

Отлов голубых песцов приходится на период с 10 по 31 декабря по старому стилю и производится специальными ловушками, разрешёнными законом⁵⁹. Песцов не стреляют, чтобы не распугивать, поэтому они кажутся ручными. Я могу рассказать о множестве курьёзных случаев, когда они вели себя весьма вольно, хотя и не так доверчиво и нахально, как во времена Стеллера. Поскольку песцы держатся чаще всего вблизи побережья, после 1 сентября (по старому стилю) не разрешается ездить вдоль берега на собачьих упряжках. По этой же причине запрещено их стрелять.

Отлов производится не каждый год: как показал опыт, численность животных возрастает, если на год-два их оставлять в покое.

Как видно из вышеприведённой таблицы, промысел прекращался на один-два года — в зависимости от обстоятельств.

На период отлова песцов остров разделяют на девятнадцать участков (ухожей. — *Н. Т.*) различного размера. Размер зависит от количества и величины находящихся на участке изб (юрт⁶⁰ или одиночек). На самых больших участках — Гаванском (главный посёлок), Федоскинком, Северном, Саранном и Старой Гавани — расположены маленькие деревушки (в них, за исключением Гавани, люди живут только часть года). На всех остальных имеется только одна изба (исключая Ладыгинский, о нём речь пойдёт отдельно), которой пользуются только во время песцового промысла, охоты на тюленей и сбора дров. В зависимости от щедрости района и размера избы мужчин старше восемнадцати лет (к 1883 г. таких было примерно девяносто) распределяют таким образом, чтобы все имели равные шансы.

С целью справедливого распределения охотникам дают тянуть жребий, чтобы, в конечном счёте, любой смог провести промысел на каждом из участков. При этом самые удобные участки закрепляют за старыми промысловиками и одновременно следят за тем, чтобы в одном и том же месте не собирались одни только молодые неопытные ребята. После того, как участки распределены, люди договариваются между собой, будут ли они охотиться поодиночке, или все сообща. В последнем случае добычу делят на всех.

Причиной того, что Ладыгинская является исключением, стало следующее обстоятельство: согласно патриархально-общинному принципу управления земля является общей собственностью всех жителей острова, поэтому никто из них не имеет права использовать её в собственных интересах. Несмотря на это, несколькими особо работающим, запасливым или жадным до наживы удалось обосновать на Ладыгинской речке своего рода хутор⁶¹.

Здесь они вылавливают лосося, заготавливают для себя дрова, выполняют охотничьи обязанности по отлову песцов, короче говоря, ведут себя как полноправные хозяева самого богатого во всех отношениях участка. Одна из этих семей особенно предприимчива и, благодаря этому, самая влиятельная на острове. Остальные жители смотрят на эти злоупотребления весьма неодобрительно, и я часто слышу их недовольное бормотание. Однако вернемся к нашему путешествию!

Мы покинули бухту Шипицына в восемь часов утра и под всеми парусами направились к южной оконечности острова, вдоль всё более крутого и рваного берега, чьи отвесные скалы возвыша-

лись не меньше, чем на шестьсот футов. Сточной мыс — так местные жители называют обозначенный на карте Кап Манати⁶² — представляет собой длинный, острый, как нож, выдающийся в море участок суши со скалами причудливой формы. В этом месте берег неожиданно поворачивает на север и тянется так дальше, вплоть до мыса Перегребного. Эта часть острова совершенно неприступна как со стороны суши, так и с моря. Вода подходит вплотную к горной гряде, долины короткие, а склоны гор крутые, при этом нет подходящих для высадки бухт, а проход преграждают многочисленные «непропуски». Пристать можно только в нескольких местах. Местные высаживаются здесь очень редко, за исключением бухты Перегребной, в которой стоит одиночка.

В половине десятого, когда мы начали обходить мыс и лежащий перед ним длинный опасный риф, далеко выдающийся в море, то столкнулись с тем, что с противоположной стороны дует встречный ветер. На море было небольшое волнение, не заслуживающее особого внимания, но оно смутило моих спутников, и они хотели повернуть назад. Я попробовал маневрировать, шлюпка не слушалась. В результате нам всё же удалось продвинуться дальше в море, и мы увидели восточный берег. Когда я дал понять, что ничего даже слышать не хочу о том, чтобы повернуть назад и обещаю, к тому же, по случаю благополучного прибытия в Говорушечью выставить водку, гребцы налегли на вёсла, и мы без особых приключений добрались до упомянутого места. Здесь на нескольких больших поднимающихся из воды камнях лежала небольшая группа нерп *Phoca vitulina*, по которым мы стали стрелять, но не попали.

Говорушечья бухта вряд ли заслуживает названия «бухта» — береговая линия вдаётся очень неглубоко. В море впадает ручей. Подобие долины, точнее, котлообразный конец обычной долины, круто устремляется ввысь по склонам гор. пляж здесь несколько шире, чем те, что обычно встречаются на этой стороне, но расстояние между склонами гор и морем небольшое. Было нелегко найти подходящее место для лагеря. Вечер был холодный. Промозглый ветер вынуждал искать защищённый от непогоды уголок, но там нас подстерегала другая опасность — скатывающиеся со скалистого склона камни.

Испуганные нерпы, никогда не видевшие такой компании, естественно плавали вдоль берега. Одна из них, наблюдая за нами, так часто высовывала голову из воды, что пробудила в моих спутниках желание немедленно начать охоту, как только снова появится на

поверхности. Их метод охоты меня очень заинтересовал, и я его опишу. Как раз там, где мы устроили стоянку, пляж был довольно широким, примерно шестьсот метров. Его покрывали камни, размер которых увеличивался по мере удаления от воды. Самые маленькие были таких же размеров, как камни в долине, самые крупные — не меньше детской головы.

Наклон пляжа здесь довольно значителен, но образует не однородный откос, а как бы состоит из трёх, примерно одинаковых по ширине, резко разграниченных ярусов, подобных террасам. Как только тюлени снова нырнули, охотники схватили старые солдатские ружья, из которых только одно было берданкой, и, низко пригнувшись, быстро побежали к морю, на ходу подхватывая большие камни. Добежав до цели, они легли на живот, подложили захваченные камни в качестве подпорок под ружья и застыли в ожидании нового появления тюленей. Но произошло это раньше, чем они успели подойти достаточно близко, поэтому охотники замерли, ожидая, когда звери снова пропадут под водой. На этот раз первым выстрелил из своей берданки Мальцов: раненая в голову нерпа повернулась набок, и вода вокруг неё стала красной от крови. Теперь было нужно, не теряя ни секунды, вытащить её на берег прежде, чем она утонет⁶³.

Шлюпка лежала на берегу и не была готова к плаванию. Мальцов, словно цирковой артист, заранее подготовивший костюм для переодевания, в мгновение ока сбрасывает с себя одежду, отдаёт её подбежавшим товарищам, и прежде, чем я успеваю что-либо сообразить, ныряет в воду и плывёт, наподобие собаки, за нерпой. Он хватает зверя за передние ласты, но как же доставить его на землю? Мальцов знает как: зубами захватывает он щетину на подбородке тюленя и с большим трудом буксирует его таким способом к берегу, где мы приветствуем охотника аплодисментами и радостными возгласами, пока он выходит на берег, красный от крови добычи.

Пока мы ели, я заметил далеко в море быстро передвигающуюся черную точку. Я тут же спросил Бадаева: «Нерпа?» Он всматривался одно мгновение, а затем возбужденно закричал: «Бобр, бобр!» Всё общество стало, словно наэлектризованное: это был действительно «морской бобр» (*Latax lutris*) (64) — самый ценный пушной зверь, который вообще существует. Люди начали усердно свистеть и жестикулировать, чтобы привлечь внимание любопытного животного, поскольку с такого расстояния его было невозможно подстрелить. Но морской бобр, как его здесь называют,

не изменил своего курса и проплыл на спине дальше, приподнимаясь иногда из воды, чтобы посмотреть, что может означать поднятый шум, а затем скрылся от наших глаз за Непропуском.

Пуля, пущенная ему вслед, естественно, не достигла цели. Когда Стеллер со своими товарищами по несчастью зимовал на острове, морских бобров было так много, что он смог написать: «Собственно говоря, это животное заслужило с нашей стороны большое уважение: в течение более шести месяцев оно было почти единственной нашей пищей и, одновременно, лекарством от цинги». В «доказательство» этому они вернулись на Камчатку с более чем семьюстами шкурами.

В течение последующего времени было умерщвлено очень много морских бобров: в 1745 г. — 1 600 штук, в 1748 г. — примерно 1 350, экспедиция Толстых добыла зимой 1749/50 гг. только 47, тогда как Югов, посетивший также остров Медный, вернулся с 790. В 1754—1755 гг. люди Дружинина убили только пять бобров. В отчёте о второй экспедиции Толстых, зимовавшей в 1756/57 гг., однозначно сказано: «В этом году бобры не попадались». Возможно, бобры совсем покинули это место или только иногда приходили с острова Медного, но больше никогда не встречались на острове Беринга в больших количествах.

Так, например, во время экспедиции Трапезникова в 1762—1763 гг. было подстрелено «только двадцать морских бобров, кои покинули остров совсем или стали совсем редкими из-за того, что их часто беспокоили». Теперь морской бобр на Беринга истреблён полностью, но поскольку он регулярно выводит потомство на соседнем острове Медном, единичные особи появляются и у нас⁶⁵, также зимой море периодически выбрасывает погибших животных. Это всё, что сегодня напоминает о былом богатстве животного мира.

Следующим утром, 27 августа, незадолго до нашего отплытия я навестил колонию гнездящихся в большом количестве морских птиц. Отвесные скалистые стены были сверху донизу заселены — наверху ипатками и топорками (*Fratercula corniculata* и *Lunda cirrhata*), ниже кайрами (*Uria lomvia arra*), а в самом низу — красноногими говорушками (*Rissa brevirostris*), название которых произведено русскими от слова «говорливые». В их честь названа и бухта.

Птицы, чьи надёжно построенные гнезда лепятся на отвесных скалах, летали взад и вперёд,нося пищу своим птенцам. Красноногие птицы с голубоватым и беловатым оперением и клювом, слишком коротким для чайки, напоминали мне голубей, и в моей

памяти невольно всплыли воспоминания о площади Марка в Венеции. Я подстрелил нескольких для препарирования и, когда вскрыл одну, ко мне незаметно подошёл молодой голубой песец. Я вёл себя очень спокойно, и он приблизился вплотную, обнюхал то, во что я был обут, как если бы был собакой, выросшей среди людей, и попытался вырвать у меня из рук добычу. Тогда я шлёпнул его птицей.

Песец отскочил на шаг, удивленно смерил меня взглядом и, повернувшись ко мне спиной, стал, не спеша, удаляться. Затем он остановился ради того, чтобы бросить на меня свой последний, полумистический рассеянный взгляд. Он не мог постичь происшедшего! Эта история, как и многие другие, мной пережитые, убедительно доказывает, что песцы острова Беринга весьма дерзки, несмотря на то, что со времен Стеллера было немало сделано для поддержания в них «страха перед человеком».

В пять утра мы уже были на ногах, однако нам не удалось выйти в море вплоть до половины седьмого, так как много времени заняла подготовка к отплытию: сворачивание палатки, перенос багажа в лодку и другое. К тому же мы подстрелили нерпу, которую нужно было сразу освежевать. Погода стояла хорошая, наши паруса наполнял свежий южный ветер, и было похоже, что небо прояснится. Барометр со вчерашнего вечера упал на один миллиметр, термометр показывал +13 °С. Мы быстро преодолели путь до мыса Толстого. Берег здесь довольно однообразный, без глубоко врезающихся бухт и выдающихся в море мысов, как это выглядит на карте Тебенькова, составившего её по своему представлению.

То здесь, то там виднеются ручьи, и пляж делает плавный изгиб. Такие места жители называют «бухта», каждая из которых имеет своё название. Мы прошли Ханна-эта (по-алеутски это значит «Бухта с озером»⁶⁶), а затем бухту Маятник. Последняя бухта перед мысом Толстым называется Перегребной, она узка и врезается в сушу глубже прочих. Здесь, как уже упоминалось, стоит «одиночка» для охотников на песцов. Высокая и крутая скала между двумя бухтами — мыс Перегребный — образует непроходимый Непропуск. Это — юго-восточный выступ острова, и, следовательно, тот, который на картах обозначен как Кап Хитров. Ошибочно принято считать, что Хитров — это мыс Толстый, на самом деле последний лежит значительно западней, чем Перегребный — в том месте, где берег поворачивает к северо-западу (67).

Мы прошли последнюю, по-видимому, довольно глубоководную, залитую солнцем бухту, где берут начало две долины, простертые

меж отступающих гор. Долины и склоны гор были великолепного зелёного цвета, над ними склонилось ясное голубое небо, величественную картину завершали крутые скалы Перегребного и Толстого. За нами волновалось могучее море, а на горизонте грудились набежавшие тучи, скрывшие остров Медный. Мы торопились к намеченному месту стоянки. Толстый нельзя назвать раем, однако нам он казался заветной целью, несмотря на то, что представлял собой лишь унылый берег с голыми, крутыми, тонущими в тумане скалами. Бодрые, полные надежд, выруливали мы к юрте.

Мы высадились в половине девятого, и всё общество разбрелось кто куда. Каждый занялся своим делом. Одни отправились на охоту за нерпой, другие стали подкрадываться к живущему здесь старому орлу⁶⁸. Я собирал окаменелости, остатки растений и моллюсков. Иногда в мою бутылку отправлялись черви и ракообразные. Ближе к полудню мне сообщили о находке скелета морской коровы! Легко представить себе моё волнение и проворство, с которым я схватил лопату! До указанного места пришлось проделать небольшой путь. Сообщение подтвердилось: из левого борта текущего с юга ручья торчало несколько рёбер.

Ручей этот постепенно размывал песчаный холм, обнажая и унося с собой кости. Когда мы начали копать, то обнаружили недостающий конец хвоста. Расстояние от находки до береговой линии составляло примерно пятьсот футов, скелет находился на высоте около 10—12 футов над уровнем моря. Кости покоились внутри песчаного холма среди дюн внутреннего ряда. Холм был примерно двенадцать футов высотой и скелет, лежавший на спине головой на запад, был примерно равноудален от подошвы холма и от его поросшей травой поверхности. Мелкий влажный песок — такой, какой и по сей день выносит море на пляж — был разделён на коричневые и голубые слои. Рядом с костями песок немного почернел, что указывало на то, что они находятся в состоянии прогрессирующего разложения.

Я убедился в этом после первых взмахов лопатой. В действительности, скелет как таковой не представлял ценности. Кости не удержались бы рядом друг с другом, если бы скелет подняли: их собственный вес был слишком велик для этого. Даже рёбра, сохранившие еще свойства кости, во многих местах прогнили, и некоторые из них были настолько мягкими, что стали похожи на зелёное мыло. Но, чтобы изучить детали, я продолжал раскопки до тех пор, пока не извлёк на поверхность всё. Было найдено:

четырнадцать спинных позвонков с рёбрами, шейный отдел позвоночника, череп, грудина, две лопатки, два предплечья и одно плечо.

Все кости находились на своих местах за исключением грудины, лежащей в стороне, рядом с правой передней конечностью, тогда как левая конечность, состоящая только из лопатки и предплечья, покоилась внутри грудной клетки. Несмотря на то, что для коллекции кости не годились, я не счёл проделанную работу напрасной, так как благодаря ей я смог констатировать, во-первых, при каких обстоятельствах многие подобные скелеты оказывались на суше, во-вторых, что остров поднялся с тех пор, как останки попали на его песчаный пляж.

Бадаев торопил нас продолжить путешествие, поскольку ожидал скорого прилива. От мыса Толстого вплоть до самого «Командора» в море выдаётся широкий риф, огибающий побережье сплошной полосой с одним только разрывом. Он совершенно плоский и обсыхает во время отлива. На него открывается чудесный вид — словно на покрытую равномерными бороздами пашню. Каменные плиты здесь выходят на поверхность под углом сорок пять градусов. Вплотную к берегу подходит неглубокая впадина шириной в несколько метров. По ней мы могли продвигаться на шлюпке во время прилива. Штурман предупредил, что если мы хотим воспользоваться впадиной, сокращавшей многие мили пути, надо поторопиться с отплытием.

Я послал людей подготовить лодку и медленно двинулся вслед за ними. Около устья маленькой речушки, занимая обширный участок песчаного пляжа, сидела стая из тысяч и тысяч вплотную теснящихся друг к другу трёхпалых чаек. Как сверкала чистая белизна их тел! Как чудесно выглядела пепельно-голубая накидка! Как великолепно контрастировали жёлтые клювы и ярко-красные лапки! Однако у меня не оставалось времени на восторженное созерцание, кроме того, мои спутники предпочли бы чайкам вкусных снежных куропаток⁶⁹, и, наконец, мне ещё нужно было добыть несколько шкурок для моей коллекции. Один выстрел — и как снежный вихрь, пронзительно крича, поднялась и улетела крылатая масса. Собирая добычу, я обнаружил, что из восьми птиц, оставшихся лежать на песке, три, к моему великому удивлению, были черноногие. Это меня поразило потому, что пока они сидели на песке, я не заметил ни одной черноногой птицы, хотя очень внимательно наблюдал за ними.

Лодка была ещё не вполне готова, поэтому я сел на песок и начал в нём рыться. Так я наткнулся на *Amphipode*⁷⁰ семейства *Orchestia*,

которую раньше не встречал. Рачки были толстыми и широкими, гладкими и блестящими, как фарфор, и отличались яркой разнообразной окраской: некоторые экземпляры были голубовато-фиолетовыми с небольшими светлыми пятнами на внутренней стороне, другие — белые с большими коричневыми или оливковыми пятнами. Внешний членик второй пары гнатопод (первые две пары свободных грудных конечностей, приспособленные для хватания, нередко снабжены ложной клешней. — *Н. Т.*) был красивого розового цвета с фиолетовым крючком. Они лежали без движения в сухом песке на глубине два-три цоля (дюйма. — *Н. Т.*) и только через несколько мгновений после извлечения на поверхность начинали живо скакать, предпринимая попытки к бегству.

Наконец без четверти четыре мы двинулись в путь. Мы шли по узкому проходу и держались так близко к берегу, что во многих местах не могли пользоваться вёслами. Впрочем, они всё равно были лишними: свежий южный ветер гнал нас и без паруса так быстро, что приходилось даже притормаживать, поскольку нередко попадались отмели, и киль нашей шлюпки скрёб по дну. Таким образом, в скором времени мы обогнули мыс Толстый и надеялись через час достичь «Командора».

До сих пор мы были настолько избалованы удачей, что потеряли всякую осторожность. Особенно неприятно было столкнуться с неожиданно налетевшим встречным ветром и сильным туманом. Мы попробовали грести, но проход был слишком узким. Идти под парусом против ветра мы тоже не могли. Поэтому решили завести швартовый канат на берег и с его помощью тянуть лодку вдоль пляжа. Трое тянули канат, двое — по одному у каждого борта — толкали лодку вёслами, а Мальцов в своей камлейке⁷¹ шёл по дну, с левой стороны придерживая нос лодки, чтобы она всё время была на достаточном удалении от берега, и предупреждал нас о камнях, встречающихся на пути.

Первое время всё шло хорошо, но ветер стремительно крепчал, так что в итоге наше продвижение сильно замедлилось. Дуло с юга и со стороны суши. Мы думали, шторм не доставит нам много хлопот, когда будем проходить под высоким крутым берегом. Однако на деле оказалось, что ветер дул и вдоль побережья. В узких, глубоких, пролегающих с юга на север выходящих на эту сторону острова долинах он настолько спрессовывался, что когда вырывался из теснин, с силой разлетался в разные стороны⁷².

Поэтому южнее края долины он дул вдоль суши нам навстречу. Когда мы прошли утёс, шторм продолжал нас преследовать,

а в тумане стало ещё опаснее. С огромным трудом пробивались мы вперёд, и, когда начался шторм, нам пришлось облачиться в камлейки, чтобы защититься от брызжущих волн, превращающихся в проливной дождь. Люди держались мужественно. Особенно поражал Мальцов, который шёл по грудь в воде и не обращал никакого внимания на шторм, заливающий ему глаза солёной водой. Он уверенно направлял лодку в нужное русло, осторожно нащупывая дно. Я не мог удержаться и пообещал ему хорошую порцию водки по прибытии в «Командор». Поскольку остальные приняли это обещание и на свой счёт, принялись тянуть с новой силой. Но условия становились всё хуже и хуже. Ветер дул со скоростью не менее пятидесяти английских миль в час⁷³, туман становился всё гуще и гуще, начинался дождь. Волны океана в дикой ярости разбивались о внешнюю кромку рифа. Шипя и воя, скатывались с горных склонов и обрушивались на нашу беззащитную лодку порывы ветра. Морские и небесные воды разверзлись над нами; надвигающиеся сумерки окончательно скрыли от нас то, что ещё позволял увидеть туман.

Отовсюду хлестала вода, а нам ещё предстояло преодолеть немалый путь до «Командора» (расстояние от мыса Толстого до бухты Командор составляет приблизительно девять километров. — Н. Т.). Было ясно, что до наступления темноты последний мыс нам не обойти. В ходе недолгого военного совета было решено прекратить бессмысленную борьбу, вытащить лодку на берег прямо там, где мы стояли, и готовиться к ночлегу.

Сказано — сделано! Нигде нельзя было найти хоть мало-мальски защищённого местечка и нам пришлось довольствоваться пляжем. Последний был шириной в несколько сот метров, совершенно пологий, поросший на некотором расстоянии от моря высокой вымокшей травой. Параллельно морскому берегу шли неглубокие борозды, в одной из которых мы решили укрыться сами и укрыть нашу лодку. Сначала на пляж были перенесены все вещи, затем вытащена лодка. Пока двое из нас пытались разжечь костер из сырых дров, остальные занялись нелёгкой при таком шторме задачей разбить палатку позади перевёрнутой шлюпки.

Наконец удалось сделать и то, и другое, и вскоре наш верный самовар начал напевать уютную мелодию. Кто смог бы упрекнуть нас в том, что при подобных обстоятельствах чай мы заварили чересчур крепкий и заправили его ценнейшей жидкостью, конфискованной у предназначенных для коллекции морских

животных? Ведь только благодаря ей напиток можно превратить в сильнодействующий пунш «Тодди»! Прежде, чем отправиться спать, мы проверили и смазали все имеющиеся на лодке ружья и только в одиннадцать часов, смертельно уставшие и промокшие, заползли в свои спальные мешки.

Что за ночь была! Дождь лил как из ведра, и скоро в палатке стало так же сыро, как и снаружи. Жутко завывавший ураган грозился сорвать и унести прочь нашу палатку. Океан аккомпанировал ему мощным рычанием, заглушающим все остальные звуки. Нет необходимости объяснять, почему этой ночью мысли мои то и дело обращались к Берингу, Стеллеру и их братьям по несчастью, жившим и страдавшим в непосредственной близости от этого места! Что за причуда провидения, забросившая сюда самых разных людей, влекомых неутолимой жаждой знаний!

Затем я представил старания каждого, кто сто сорок лет назад впервые оказался на этой девственной земле, преодолевая несказанные сложности, и устыдился своего мелочного брюзжания. Я сравнивал их героизм и стойкость с собственным унынием и робостью. Сравнение было не в мою пользу, однако оно напомнило, что у меня нет причин жаловаться, и придало мужества. Во мне пробудилась гордость за то, что теперь я близок к месту, где зимовали Стеллер и его товарищи. Я успокоился и скоро, несмотря на шторм и дождь, укрепляющий сон окутал мои усталые члены. Всё же сбылась отчаянная мечта моей юности!

Следующий день я хочу пропустить. Погода не изменилась: дождь и шторм, шторм и дождь! Нам ничего не оставалось делать, как только отсиживаться в палатке и перекладывать вещи в поисках места, где меньше капало.

Винтовки пришлось чистить и без конца смазывать: каждый раз, когда мы их доставали, они были красны от ржавчины, поскольку во время прилива на них попадали солёные брызги. Несмотря ни на что, я ещё попытался заниматься собирательством. По пляжу мне приходилось пробираться ползком, поскольку ветер был настолько сильным, что не давал встать. Однако поиски были напрасны. Как сказано в моём дневнике, «даже морские обитатели не отваживались вылезти, и можно было увидеть только несколько обыкновенных береговых улиток, в основном *Litorina sithkana* (литорина. На острове их называют «чимиги», или «алеутские семечки» — обычный массовый вид в зоне отлива. — Н. Т.), носящих на себе свои домики. Ещё ни разу в жизни не возвращался я с экскурсии с таким бедным уловом!»

Остальным предметам коллекции пришлось совсем туго: собранные растения и птичьи шкурки выглядели плачевно. Только чудом удалось спасти некоторые из них. Промокший исследователь с сырой коллекцией (если это только не заспиртованные экземпляры) — жалкое зрелище!

К вечеру ветер почти улёгся, и наше существование стало более или менее сносным. Барометр поднялся на полмиллиметра, и мы стали строить разнообразные планы на следующий день.

Утро 29-го не оправдало надежд вчерашнего вечера. Показания барометра снова упали, и дождь с туманом скрыли от нас окрестности. Утро прошло в чистке и смазке ружей, проверке коллекций и тому подобном. Когда дождь ослаб, я отправился на разведку к «Командору» — так называлось место, где зимовала экспедиция командора Беринга. Во время похода я обдумывал свои планы и занимался коллекционным сбором. На песке у речки я нашёл маленького песчаного жука *Cicindela* (скакун, род жуков семейства жужелиц. — Н. Т.) — единственный встреченный мною на острове вид. Под небольшим поленом я добыл долгоносика и маленькую голую лёгочную улитку *Limax hyperboreus* (луговой слизень. — Н. Т.), обычную для всех стран Берингоморья.

Мою коллекцию пополнили несколько растений, такие, например, как *Nasturtium palustre* (жерушник болотный. — Н. Т.), *Ranunculus repens* и т. п. Ах, что за удовольствие — собирать растения в условиях, когда даже ремни гербарной папки позеленели от плесени!

У «Командора» начинается долина, ось которой протянулась в направлении *SSW—NNO*. Как в большинстве здешних долин, по её плоской пойме медленно змеится речка. Проходя через низкий ряд дюн северного борта, она впадает в бухту, неглубоко вдающуюся в сушу своей дугой. Береговой риф в этом месте прерывается, образуя своего рода гавань, надёжность которой наглядно иллюстрирует судьба экспедиции Беринга. Берег в этом месте пологий, покрытый мелким песком. Подводными скалами, о которые разбился корабль Беринга, скорее всего, были боковые рифы. В отчёте я прочитал, что «на расстоянии двадцати саженей левее или правее их курса из моря поднимались высокие базальтовые валуны и зубчатые вершины». Есть ли ещё хоть один подобный источник, описывающий эту сцену подобным образом? Если да, то в последующие сто сорок лет окрестности должны были странным образом измениться. Во всяком случае, описание, по крайней

мере, частично ошибочно, поскольку базальта во всех ближайших окрестностях нет.

Долина защищена от моря многочисленными рядами низких песчаных дюн. Все они заросли, за исключением первых двух: там береговая трава *Elymus* (колосняк мягкий, или волоснец, у Стейнегера — «Stradhafers». — Н. Т.) не образует сплошного покрова и растёт отдельными куртинами. Следом за вторым рядом, недалеко от речки, примерно в ста двадцати метрах от границы прилива и, по меньшей мере, в шести футах над уровнем самой высокой его отметки, было найдено множество вещей экспедиции Беринга. После обеда, вооружившись лопатами, мы отправились к этому месту. На многих участках земля была перекопана⁷⁴, и вокруг лежали рассыпанные крупинки бисера: здесь женское население пополняло свои запасы бесценных сокровищ. Я тоже набрал полный пакет. Это были совершенно обычные маленькие матовые бисеринки с крошечными отверстиями. Среди них оказалось несколько голубых прозрачных разноцветных бусин большего размера (большие бусины назывались «королевками». — Н. Т.).

Такие ценятся особенно высоко и обычно закрепляются в качестве украшения на шнуре из жил, которым зашнуровывается капюшон камлейки. Эти бусины, без сомнения, были взяты экспедицией для обмена с «дикими» жителями открываемых земель. Под слоем дерна толщиной примерно в шесть цоль я нашёл различные предметы из железа, латуни, дерева и кожи, осколки стекла, фарфоровых и глиняных изделий, а также большое количество тонких пластинок селенита, служивших меновым товаром. Особый интерес вызвали у меня обломки латунного российского герба с двуглавым имперским орлом, поскольку они доказывали, что находки имели отношение к экспедиции Беринга. Несколько ржавых шариков картечи тоже это подтверждали.

Повсюду виднелись следы пороха и остатки истертого в мельчайший порошок древесного угля. Большая часть найденных предметов являлась деталями выброшенного на берег корабля. То, что его деревянные части не сохранились, легко объяснялось отсутствием на острове деревьев: запас дров местные жители могли делать только из древесины, принесённой морем. Местоположение находки говорило о том, что со времени посещения острова Стеллером добавилось два новых ряда дюн. Это позволяет сделать вывод о тенденции к повышению уровня острова, подтверждённой и другими примерами (на самом деле динамика вертикального смещения островной суши намного сложнее, и специалисты

утверждают, что, по крайней мере, последние десятилетия зона в районе бухты Командор, скорее, понижалась. — *Н. Т.*).

К сожалению, вскоре снова пошёл дождь. На долину опустился густой туман, и вскоре мы были вынуждены упаковать найденные драгоценности и поспешили ретироваться в нашу палатку.

Придя домой, я объявил, что следующим утром намерен обследовать остальные места зимовки потерпевших кораблекрушение. Последовало ворчание и дебаты на алеутском. По жестам я определил, что мой план не получил одобрения. Бадаев нашёл множество аргументов, почему мне лучше отказаться от задуманного. Но абсолютно все они были надуманными и несерьёзными. Очень скоро мне стало ясно, что своими отговорками он лишь пытается прикрыть истинные мотивы. В конце концов, удалось выяснить, что люди связывали причину непогоды с моими раскопками на месте трагедии Беринга. Им нередко случалось убеждаться на собственном опыте, что такие попытки пресекал налетавший дождь и шторм, при этом в других местах острова стояла хорошая погода⁷⁵.

Но разве, когда мы покинули Толстый, погода уже не испортилась? Напрасно я уверял их, что шторм был намного сильнее до начала раскопок. Было ясно, что они испытывали суеверный страх перед этим местом и боялись, что будут наказаны за моё богопротивное любопытство. Уже с самого начала, когда я собирал птиц и другие никчемные вещи, люди решили, что я не вполне владею своим рассудком и не знаю, куда девать деньги, поскольку только очень богатый человек может позволить себе такие причуды. И уж совсем безумным показался я им, когда они узнали, что я использую спирт на то, чтобы хранить в нем самую разную живность, вместо того, чтобы пить благословенную «водку» день и ночь.

Когда же я установил странные метеорологические приборы, особенно когда начал вращаться анемометр с позолоченными полушариями и я по три раза в день спускался к нему — даже в одиннадцатый час вечера, вооружённый фонарём — чтобы посмотреть, сколько надул ветер и записать данные в блокнот, мои действия и вовсе перестали казаться безобидными. Но это перешло все границы, когда я дерзнул незаконно нарушить покой командора. Вот если бы я откопал хотя бы деньги! Но я старательно заворачивал в бумагу и упаковывал деревянные щепки, истлевшие куски кожи, ржавые гвозди и другой подобный хлам, предварительно разложив вдоль и поперек предметы с надписями.

Несколько потемневших кусков латуни, которые я пытался составить вместе, привели меня в экстаз — какую реакцию могло

это вызвать у моих спутников? Потом я стал задавать совсем уж странные вопросы: «Не знают ли они, где захоронены Беринг и другие члены экспедиции?» А не собрался ли я выкопать трупы? Лучше уж такому человеку не помогать в его поисках! Странно, что у такого милого, приветливого, производящего впечатление вполне разумного человека в голове такие сверчки! Так говорили и думали мои спутники, пришедшие к решению как можно меньше помогать мне в моих исследованиях «Командора» (имеется в виду бухта Командор. — *Н. Т.*). Я не мог на них за это сердиться и признавал их полную правоту, рассматривая ситуацию с их точки зрения. Ведь во всех остальных случаях они всегда выражали готовность помочь мне. Нет смысла говорить, что я, тем не менее, не отказался от своих планов.

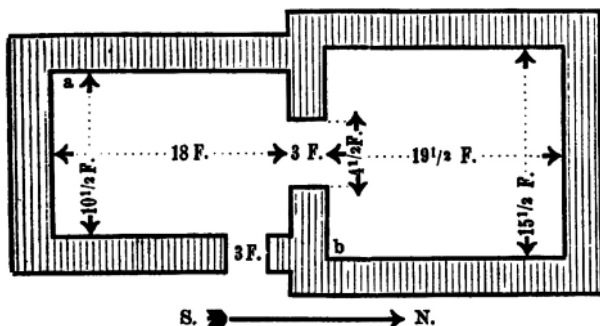
Тридцатого погода не улучшилась. Ветер не был сильным, но поскольку дул с юга, нанёс с собой столько тумана и дождя, что всерьёз помешал мне в моих исследованиях.

Мой первый поход состоялся к руинам жилищ, в которых жертвы кораблекрушения провели зиму сто сорок один год назад. На вершине выступающего вперед западного склона, там, где он обрамляет северную часть долины, стоял большой греческий крест. Традиционно считается, что под ним должен быть захоронен Беринг⁷⁶. Но крест, стоящий там — новый, поскольку старый, поставленный тогдашней русской Компанией⁷⁷ и обломок которого сейчас торчит из земли, был опрокинут ветром. Никому не приходило в голову его восстановить, пока это не сделал господин фон Гребницкий⁷⁸.

Точно на юго-восток от креста вплотную к краю обрыва около двадцати футов высотой находятся довольно хорошо сохранившиеся остатки жилища⁷⁹, состоящего из торфяных⁸⁰ стен трёх футов высоты и трёх футов толщины. Исследованиям мешали очень густые заросли травы и бесчисленное множество moskitov. Продольная ось дома была ориентирована по компасу строго с севера на юг. Дом состоял из двух частей: большой южной и малой северной, их пространственное расположение иллюстрирует приложенный рисунок.

Надо ещё добавить, что в середине северной стены имелся проём, напоминавший окно. Весь пол был скрыт под густым травяным покровом, который не было никакой возможности удалить. Я зондировал штыком всю площадь, но не нашёл ничего значительного. В отделе «а» под слоем дёрна был обнаружен древесный уголь и обгоревшая древесина, такая же, как в дверном проёме между

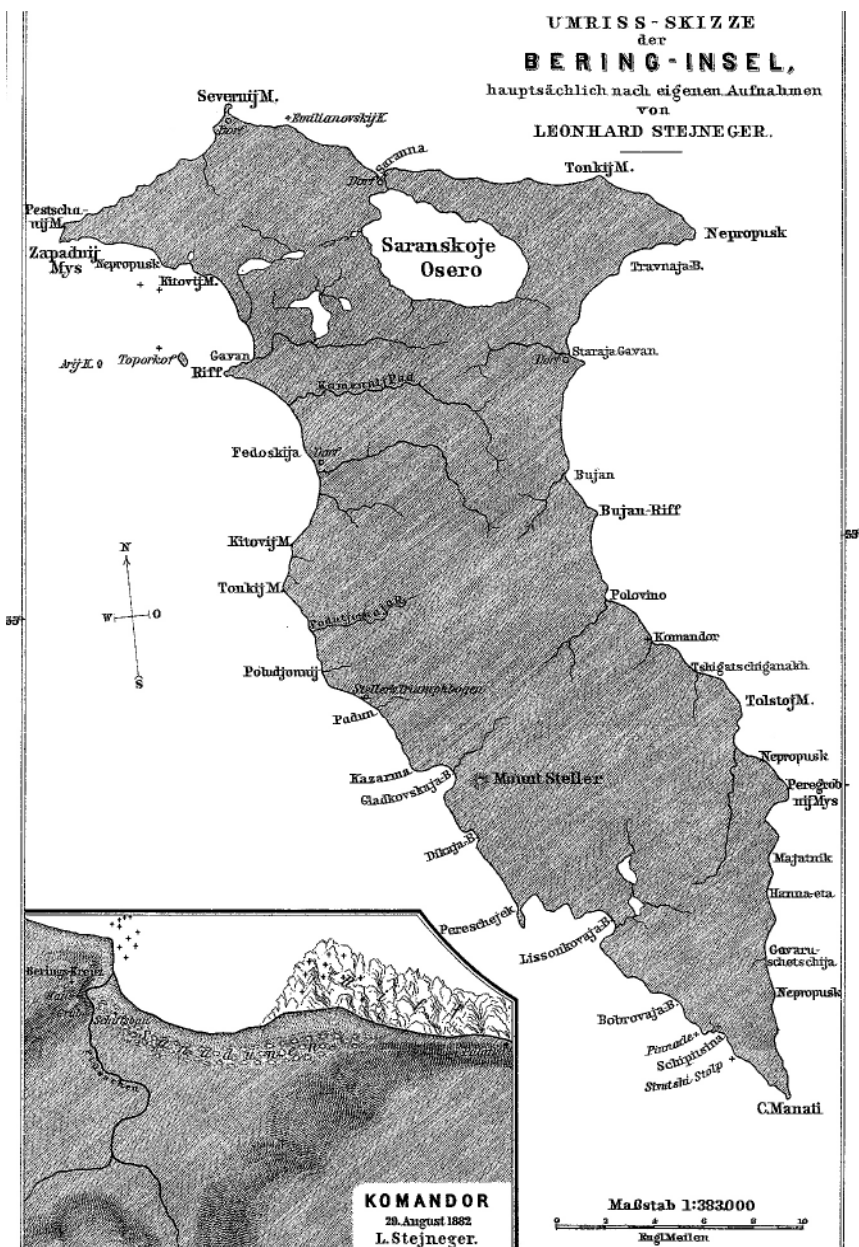
двумя помещениями. В отделе «b» лежало несколько камней, больше их нигде не было. Посреди прихожей, тоже под травяным покровом, лежало несколько ржавых гвоздей и болтов.

Зиму пережили сорок человек (если точнее, сорок шесть из семидесяти семи, оправившихся в морской поход. — *Н. Т.*), это означает, что не вся команда могла поместиться в доме. Должно быть, часть её ютилась в песчаных землянках у подножья холма, о которых писал Стеллер. И в самом деле, сохранились остатки таких землянок, потерявших, однако, всякую форму и так сильно заросших травой, что с ними уже ничего нельзя было сделать⁸¹. Несколько песцов вырыли свои норы в этом же месте, и теперь из любопытства весь выводок вылез наружу, чтобы разглядеть нас поближе.

Стеллера и его людей больше нет, а песцы, игравшие с ними злые шутки и так досаждавшие, здравствуют и поныне! Землянки, перекопанные теперь вдоль и поперек песцами, находятся рядом с речкой. В этом месте она делает крутой поворот к западу и ныряет под косогор, на котором было построено жилище.

Пошёл сильный дождь, помешавший мне составить подробный план окрестностей и сделать ряд зарисовок. Удалось набросать на бумаге только несколько линий. Этот эскиз представлен здесь с целью наглядно проиллюстрировать расположение объектов в бухте «Командор». Похоже, местные жители были правы: насколько можно было судить, с обеих сторон от нас погода была хорошей, и только Командорская долина тонула в густом тумане и тучах. Я понял, что ничего не смогу больше сделать, и согласился на немедленное отплытие. Мне тоже хотелось переодеться в сухую одежду и получить возможность перебраться и высушить свою коллекцию. Для родившегося в горах человека (родина Стейнегера — Норвегия, страна гор. — *Н. Т.*) погода была не совсем подходящей.

Карты острова Беринга и бухты Командор
из записок Л. Стейнегера

Я решил идти сразу в Старую Гавань, отказавшись от промежуточных остановок. Такое решение я принял по нескольким причинам. Встретить в этой части пути особенные зоологические объекты не было надежды. Здесь местные жители постоянно ездили на собачьих упряжках, поэтому вряд ли можно было обнаружить скелет морской коровы. И, наконец, я запланировал вторую экспедицию к «Командору», причем на такое время, когда растения ещё не успели сильно подрасти. Я хотел проехать на собачьей упряжке и обследовать весь берег до Толстого мыса. Вдобавок, мои попутчики начали тосковать по деревне. Сырость и неприятная погода последних дней деморализовали людей, в особенности потому, что в местах, по которым нам предстояло пройти, не водились нерпы.

Ветер дул очень слабо, так что мы продвигались крайне медленно — то под парусом, то на вёслах. Скорейшему продвижению препятствовало и то, что из-за низкой воды нам приходилось идти далеко от берега, огибая рифы. Несколько севернее «Командора» мы прошли большую открытую долину Половины, подпираемую сзади горой Стеллера. В следующей экспедиции я сделал зарисовку её расположения. На этот раз долина была затянута туманом, и мы не смогли увидеть самую высокую гору острова.

Примерно в двенадцать часов мы высадились около Буяна, чтобы пообедать. В близлежащей речке были пойманы гольцы — местное название речной форели (*Salvelinus malma*) — и несколько горбуш (*Oncorhynchus gorbuscha*, англ. Dog Salmon). Последние, однако, были выброшены: кто захочет кушать грубую горбатую горбушу, когда есть столько гольцов? Пока готовилась еда, я побродил по окрестностям в надежде подстрелить орла, сокола или, по крайней мере, утку, но никого не увидел. Неподалеку мною был найден небольшой пятачок с зарослями ежевики (*Rubus stellatus*)⁸², покрытый чудесными тёмно-красными ягодами, очень пришедшими нам по вкусу. Я собрал несколько растений, не отмеченных мной в других частях острова, таких как *Achillea multiflora* (чихотная трава камчатская. — *Н. Т.*) и роскошная цветущая *Epilobium latifolium* (иван-чай широколистный. — *Н. Т.*).

Наконец, в половине пятого мы достигли Старой Гавани — нашей сегодняшней цели. Как видно из самого названия, место это находится в районе гавани, от которой уже ничего не осталось, поскольку как раз напротив неё, на противоположной стороне острова обустроена новая Гавань Гребницкого (строго говоря, «Гавань Гребницкого» всегда была лучшей для зимовки и использовалась с 1745 г. — *Н. Т.*).

С южной стороны она защищена длинным (протяжённостью один километр в направлении с запада на восток), довольно скалистым рифом, а с северо-востока совсем открыта.

В лучшие времена на пляж высаживались охотники за мехами, заводившие свои шитики и лодки на берег, чтобы защититься от яростных волн. Под южным бортом долины раскинулась маленькая деревушка, окружённая ухоженными огородами картофеля и других корнеплодов. Она состоит из землянок, посещаемых только время от времени. Широкая и плоская долина изгибается между крутыми склонами сопки в западном направлении. Пойму её заполнили растения выше человеческого роста, среди которых я обнаружил *Archangelica officinalis*, *Artemisia vulgaris tilesii*, *Picris hieracioides japonica*, *Spiraea kamtschatica*, *Aconitum delphinifolium*, *Veratrum album*⁸³ и другие. По всей её длине извивается глубокая⁸⁴ река, медленно несущая свои воды к морю.

Мы завели шлюпку в реку и расположились в большом чистом доме Бадаева. Развели огонь, распаковали и выложили на просушку все вещи. Я пришёл в отчаяние, когда увидел, какой ущерб нанесла сырость. Пропало столько трудов! Удалось спасти лишь шкурку редкой *Simorhynchus pygmaeus* в ювенильном оперении, красноногую чайку и несколько снежных куропаток.

После этого я вместе с Бадаевым вышел из дома, чтобы осмотреть его огород. Почва здесь очень плодородная и огороды ориентированы на восток или на юг, так что условия лучше, чем в других частях острова. Картофель и другие корнеплоды удивили солидными размерами, особенно если учесть, что росли они слишком плотно друг к другу. Но такие результаты наблюдаются не каждый год. Иногда картофелины не достигают и размера ногтя (в данном случае мы видим явное преуменьшение. — Н. Т.). Учитывая это, говорить о земледелии просто смешно.

По сведениям «Nature» (том. 32, 4 июня 1885 г., с. 113), доктор Дыбовский послал Русскому Географическому обществу сообщение, в котором объявил, что он «уверен, что на нём возможно земледелие». Дыбовский провёл четыре года на Камчатке, но остров посещал обычно только раз в году, оставаясь всего на несколько дней⁸⁵. Я могу противопоставить его данным проведённые мной метеорологические наблюдения в течение восемнадцати месяцев по три раза на дню и подобные им ещё в течение двенадцати месяцев, результаты которых с большой степенью уверенности позволяют утверждать, что ведение сколь либо заслуживающего внимания земледелия на Командорских островах невозможно.

Характер приведенных записей раскрывает другая цитата, где сказано: «The explorer's (Dybowskis) experiments of planting forest-trees proved quite successful»⁸⁶.

То, что здесь не была по ошибке пропущена частица «не», доказывает следующее утверждение, что акклиматизация северных оленей «proved also quite successful» («тоже была очень успешной». — *прим. переводчика*)⁸⁷. В действительности же попытка высадить молодые деревья с Камчатки потерпела фиаско⁸⁸. Ни одно из них не выдержало эксперимента, и на острове не найти ни одного дерева. Как это можно совместить с приведённой выше цитатой? Не стану отрицать, что деревья, посаженные в защищённых местах, могли бы прижиться, но это потребовало бы много времени, денег и экспериментов. К тому же это должны быть более устойчивые сорта, чем может предоставить Камчатка. Вряд ли здесь условия лучше, чем на западных берегах Дании или Норвегии.

Мы знаем, скольких неудачных попыток и сколько денег и труда это стоило. Упомянутый источник повествует, что «Commodore Islands are situated 300 miles east of Kamtschatka»⁸⁹ и многое другое тому подобное. Что из этого можно приписать доктору Дыбовскому, а что редактору?

Вечер был приятней вчерашнего, и, несмотря на комариную напасть и мучения от отпугивающего их дыма, я впал в глубокую дремоту, радуясь возможности поспать под надёжной крышей.

Последний день августа, как и предыдущий, начался с тумана и дождя, правда, очень слабого. Двигаясь попеременно то под парусом, то на вёслах, к десяти часам мы обогнули восточный выступ ориентированного на северо-восток полуостровка (начинавшегося мысом Вакселя (Северо-Восточным) и заканчивавшегося мысом Тонким. — *Н. Т.*), известного под общим названием «Тонкий Мыс». Правильнее относить этот топоним только к северному выступу, поскольку, если смотреть со стороны Северного и Саранного, он выглядит как очень узкая полоска суши, выдающаяся в море. Означенный восточный выступ, образующий северо-восточную оконечность всего острова, представляет собой крутой скалистый мыс, не имеющий пляжа, по которому можно было бы обогнуть его пешком. Поэтому участок называют Непропуском. На карте он обозначен как «Кап Ваксель», или второй «Не обходимый утёс» (в транскрипции Стейнегера «Ne obchodimii Utos». — *прим. переводчика*) Стеллера, о котором тот писал, что он стоит «позади вытянувшегося к северу мыса, берега которого очень круты и покрыты обломками скал». В то же время для него мыс Тон-

кий — «Северный нос». Перед тем, как обойти Кап Ваксель, мы высадились в так называемой Травной⁹⁰ бухте в поисках костей морской коровы.

Каменистый берег и сильный морской прибой делали высадку весьма проблематичной. Поэтому мы намеревались применить тот же метод, что и при высадке в Бобровой, показавшийся нам удачным. Правда, здесь нам угрожали гораздо большие опасности, поскольку береговые камни были намного крупнее. Но мы так хотели получить желаемые кости! Благодаря каменистой местности, трава и грунт скрывали их только частично, при этом кости были довольно сильно повреждены, но это были в основном рёбра, которых на острове сохранилось так мало, поскольку местные жители издавна используют их в качестве полозьев для своих саней⁹¹.

Рёбра оказались тем более ценными, что являлись частью того же скелета, что и остальные кости. Также были найдены два сильно пострадавших черепа, — далеко не так много находок, сколько смогла бы вместить наша лодка. Погрузка хрупких предметов в подобных условиях была сопряжена со многими трудностями: люди с берега бросали самые легкие кости тем, кто стоял в лодке со стороны форштевня (в носовой части. — Н. Т.), а те ловко их ловили.

Дул лёгкий южный ветерок, но стоило нам обогнуть Тонкий Мыс, нас встретил сильный западный шквал с туманом и дождём. Борясь с волнами, мы продвигались очень медленно до тех пор, пока ветер не переменился на более северный. В два часа пополудни повернули к бухте Саранной, облака стали рассеиваться, на короткое время выглянуло голубое небо, и пролился тёплый солнечный свет. Всякий поймёт возникшее у нас состояние умиротворения. Мы единогласно решили остановиться здесь на ночёвку.

Поприветствовать нас на берегу собралось всё мужское население маленькой деревни. Мои попутчики разбрелись по знакомым и друзьям, а я остановился в просторной и чистой юрте семейства Бурдуковских.

Селение Саранна лежит у истока короткой речки Саранной, через неё несёт свои воды в море озеро Саранное — самое большое озеро острова, удалённое от берега всего на два километра. В это озеро, водное зеркало которого возвышается примерно на сорок футов над уровнем океана, летом заходят на нерест многие виды лососёвых. Большая часть рыбы, необходимой жителям на зиму, ежегодно вылавливается в установленном поперёк реки «запоре». Иногда в течение лета здесь вялится до 70 000 лососей, в основном это «красная рыба» (*Oncorhynchus nerka*), а также «кижуч».

Вылов рыбы обычно производится в то время, когда мужчины заняты забоем котиков⁹². На этот период женское население переезжает на Саранное, чтобы чистить и подготавливать рыбу к вяленью.

Вечер этого дня я использовал для того, чтобы подняться на сопку, к которой примыкает деревня, и заняться ботаническими исследованиями. Сопка высотой примерно триста футов была наверху скупо покрыта мхом и альпийскими травами. Однако именно здесь я сделал две чудесные находки, вознаградившие моё путешествие: исчезнувшую после её первого открытия *Bryanthus Gmelini*⁹³ и новую *Cassiope*⁹⁴, которая так похожа на брусничный росток, что я принял её за бруснику, и которую впоследствии профессор Аза Грей описал как новый вид *C. Oxycoccoides*. Из других растений я упомяну лишь *Artemisia richardsoniana*⁹⁵ и *Tofieldia calyculata*⁹⁶.

Следующим утром я приводил себя в порядок у реки и нашёл там много экземпляров большой пресноводной улитки *Limnaea ovata* (прудовик — брюхоногий моллюск с тонкой хрупкой раковиной, массовый обитатель солоноватоводного озера Саранного. — *Н. Т.*). Присутствие её на таком маленьком острове необычно.

Мой старый приятель Афанасий Нозиков (алеут Афанасий Васильевич Нозиков (Ножиков), 1840 г. р. — *Н. Т.*) был здесь старостой, в его обязанности помимо прочего входил приём гостей. Поэтому он вытащил из «запора»⁹⁷ роскошного кижуча, а я достал чай и сухари. После ужина красавица Катерина Иванова⁹⁸ предложила нам свежесобранные огненно-оранжевые ягоды морошки (*Rubus chamaemorus*), которые пришлось нам очень по душе, несмотря на то, что были далеко не так вкусны и ароматны, как норвежские. Чтобы не остаться в долгу, я сварил для своих алеутских друзей боул-пунш, сделавший наше сборище по-настоящему праздничным.

15 сентября⁹⁹ в половине восьмого утра мы покинули гостеприимную Саранну. Дул легкий юго-восточный ветер, небо закрывали облака. Вскоре опустился туман и начался дождь. Термометр показывал +10,2 °С. Мои спутники хотели добраться до Гавани до наступления ночи, поскольку была суббота, и все бани уже жарко натоплены. Они предложили мне на этот раз отказаться от обхода северо-западного островного мыса.

Лодку хотели доставить в Гавань следующим образом: сначала мы должны были пройти вверх по течению реки и войти в Саранное. Затем пересечь озеро и войти в речку, соединяющую с западной стороны Саранное с другим озерком поменьше (по всей види-

мости, подразумевается Песчанка. — Н. Т.). По их мнению, по таким речкам и озёрам мы смогли бы после небольшого волока через водораздел в конечном счёте дойти до Гавани. Однако, во-первых, я вбил себе в голову, что должен обойти на лодке *весь* остров, во-вторых, мне не представлялось возможным за один день успеть протащить нашу тяжёлую, до верха гружённую лодку через весь остров.

Я и по сей день убеждён, что был прав. Я бы ещё согласился, если мы имели дело с маленькой ладьей или байдаркой, тогда бы мы с лёгкостью преодолели это путь. Но со шлюпкой мы бы застряли наверняка, поэтому я решительно отверг это предложение, тем более что надеялся успеть обогнуть северо-западный мыс и дойти до Гавани до наступления темноты, если ветер будет хоть немного благоприятствовать.

В половине десятого мы миновали северную оконечность острова — мыс Северный (на карте — Кап Юшин), где расположено большое лежбище котиков. Туман окутал деревню, и мы, стараясь не терять времени, пробирались среди окружавших нас со всех сторон ревущих, прыгающих, ныряющих, блеющих котиков и оставились лишь тогда, когда к часу дня достигли Песчаного мыса, расположенного неподалеку от мыса Западного¹⁰⁰.

Я не буду подробно описывать путешествие вдоль берега и характер рельефа, скажу только, что примерно две трети пути от Сараны до Северного тянется невысокая, но опасная каменная гряда. Она расположена примерно к северо-востоку от Емельяновского мыса¹⁰¹ и называется Емельяновский камень.

Пока заваривали чай, я взобрался на береговой откос приблизительно тридцати пяти футов высотой и к своему великому удивлению обнаружил там отложение многочисленных костей песцов, морских бобров, тюленей и всевозможных птиц. Сначала я подумал, что передо мной гнездо орла, но скоро обнаружились факты, опровергающие такое предположение:

1) большая протяженность захоронения: при беглом осмотре площади примерно в шестьсот квадратных футов я обнаружил достаточно свидетельств тому, что раньше отложение было ещё обширнее, но часть была размыва океаном и обрушилась;

2) кости лежали в отдельных перемежающихся тонких слоях дёрна и песка общей толщиной в два фута;

3) на костях не было следов внешнего воздействия. Тончайшие птичьи ребрышки остались в совершенной сохранности, ни одна косточка черепа маленькой морской птицы не была повреждена;

4) невозможно было найти ни одной рыбьей кости, хотя я специально их искал;

5) наличие костей такого крупного зверя, как морской лев (*Eumetopias Stelleri*).

Для меня находка доказывала, что некогда терраса была морским пляжем — в те времена, когда фауна острова была в целом такая же, как сейчас, и что с момента образования отложения остров поднялся как минимум на тридцать футов. Хочу здесь отметить, что позже я нашёл остатки ещё одного подобного отложения на такой же высоте и на похожей береговой террасе совсем рядом с деревней — находка, убедившая меня в правильности моего толкования.

Некоторые из собранных мною костей представляли особый интерес. Надеюсь, я уже в ближайшее время смогу доложить об этом научному миру¹⁰².

Когда мы обогнули Западный мыс, вновь задул встречный ветер и, что того хуже, с каждым часом становился всё сильнее. Мы смело продолжали путь до тех пор, пока накрывшая нас волна наполовину не затопила шлюпку, что заставило нас призадуматься. Плыть дальше стало невозможно, поэтому мы решили искать пристанище. Лодку завели в маленькую бухточку между Китовым Непропуском и Китовым мысом (современные названия мысов — Забияка и Гаупт. То есть палатку поставили в бухте Китовой, ближе к мысу Забияка. — Н. Т.), и в последний раз была разбита палатка.

При помощи полевого бинокля я мог, сидя в палатке, заглянуть в окно моей комнаты в деревне! Слева от неё — баня, которую как раз старательно топят по случаю субботнего вечера. Справа — большой дом Компании, из трубы идёт дымок, стало быть, Иннокентий готовит ужин. Перспектива уже сегодня попариться, поесть в цивилизованных условиях, надеть чистую сухую одежду и лечь в нормальную постель была настолько соблазнительной, что я без долгих колебаний взял свою винтовку и записные книжки и, оставив всё остальное, отправился в долгий нелегкий путь к деревне по глубокому песку побережья. Не прошёл я и полпути, как меня настигла ночная темень. Когда же я очутился у противоположного деревне берега реки, она показалась мне намного глубже, чем я ожидал. Вода доходила мне до бёдер, но какое мне было до этого дело, если я собирался помыться в бане и переодеться.

В деревне нас никто не ждал, дверь дома была закрыта. Я сделал сигнальный выстрел из обоих стволов ружья, на который адским завыванием откликнулись лишь шестьсот деревенских собак.

Вскоре, правда, появился друг Черник, и я смог насладиться всеми вышеупомянутыми благами цивилизации.

На следующий день привели шлюпку.

Так закончилось моё плавание вокруг острова Беринга. Всю следующую неделю из-за разыгравшегося ревматизма я не мог ни стоять, ни ходить, ни лежать!

КОММЕНТАРИИ

Использованные сокращения:

АКМ — Алеутский краеведческий музей

ГАКК — Государственный архив Камчатского края

РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского Флота

РГИАДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

РГО — Русское географическое общество

¹ Томилин А. Г. Китообразные / Звери СССР и прилежащих стран. — Т. IX. — М., 1957. — С. 485.

² Токранов А. М. Некоторые черты биологии бычка Штейнегера *Stelgistrum stejnegeri* (Cottidae) в прикамчатских водах Охотского моря // Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей: Материалы VIII международной научн. конф. — Петропавловск-Камчатский, 2007. — С. 274—276.

³ Dall W. H. Report on the mollusca of the Commander Islands (Bering and Copper islands) collected by Leonarg Stejneger in 1882 and 1883 / Contribution to the Natural History of the Commander Islands. Proceedings U.S. National Museum. — Vol. VII. — 1884. Washington, 1885. — P. 340—349; Морские и солоноватоводные брюхоногие моллюски России. М., 2006. — С. 135, 202.

⁴ Kishinouye K. A new Species of Stalked Medusae *Haliclystus stejnegeri* / Contribution to the Natural History of the Commander Islands. Proceedings U.S. National Museum. — Vol. XXII. No. 1188. — Tokio, 1899. — P. 125—129.

⁵ Васильев В. Н. Флора и палеогеография Командорских островов. — М.: Л., 1957. — С. 242; Vasey G. Description of *Alopecurus stejnegeri*, a new species of grass from the Commander Islands / Contribution to the Natural History of the Commander Islands. Proceedings U.S. National Museum. — Vol. X. — 1887. — P. 153.

⁶ Топоним закрепился благодаря усилиям Стейнегера в конце XIX в. [Stejneger L. The Russian Fur-Seal Islands. U.S. Commission of Fish and Fisheries // U.S. Fish Commission Bulletin. — Washington, 1896]. Прежнее название горы — Гора Беглецов, или Чунохголохтах [Суворов Е. К. Командорские острова и пушной промысел на них. СПб., 1912. — С. 85].

⁷ Коллежский ассессор, с 25 февраля 1889 г. — начальник Командорской округи [ГАКК. Ф. 220. Оп. 1. Д. 10; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2757. Л. 81 об.—82].

⁸ Байдара — большая восьми или шестивесельная лодка с деревянным каркасом, обтянутым шкурами морских львов (прим. Стейнегера).

⁹ Бадаев Игнатий (1831 г. р., креол); Бурдуковский Денис (Дионисий) Степанович (1862/63 г. р., креол, в переписи 1867 г. отсутствует); Григорьев Евграф Григорьевич (1849/50 г. р., алеут, в 1888 г. — помощник старшины Никольского селения, в переписи 1867 г. отсутствует); Мальцов (Мальцев) Василий Никитович (1854/55 г. р., алеут, в переписи 1867 г. отсутствует, хотя его отец родился на о. Беринга в 1830 г.); Паньков Гавриил Михайлович (1863 г. р., алеут), Старцов (Старцев) Григорий Никанорович (1861 г. р., алеут). Данные взяты из переписи «Народонаселение на Острове Беринг за 1866 год по 1-е января 1867 года», оригинал записи хранится в отделе рукописей библиотеки Конгресса США в Вашингтоне, а также из метрических книг [ГАКК. Ф. 220. Оп. 1] и дневников Иакова Нецветова [The Journals of Iakov Netsvetov: the Atkha Years. 1828—1844. — Kingston, 1980].

¹⁰ Описание Стеллера в значительной мере подходит под описание речки Гаванской, с той оговоркой, что «отвесных скалистых стен» здесь всё же нет. Однако, стоит заметить, что удаление от мысов не является надёжным ориентиром: предполагаемая точка, скорее, является результатом неточной трактовки рукописи Стеллера Палласом. Примечательно, что те же самые величины мы встречаем у Крашенинникова: «Первое место (для отстоя судов) верстах в пятидесяти, а другое в ста пятнадцати от юго-восточной изголовы острова», но в данном случае указываются две различные бухты [Крашенинников С. П. Описание Земли Камчатки. — Т. 1. — Петропавловск-Камчатский. — 1994. — С. 136].

¹¹ Это ошибка. Гаванское озеро не самое большое: похоже, что Стеллер другого не видел. Даже если предположить, что в то время вся поверхность тундры вокруг озера стояла под водой, оно не было бы самым большим (прим. Стейнегера).

¹² Топорков (прим. Стейнегера). Остров Топорков расположен в западном направлении от устья реки.

¹³ Командорская микроплита, действительно, имеет положительную динамику поднятия. На протяжении второй половины четвертичного периода средняя скорость тектонического поднятия составляла 2,1—2,2 мм в год [Пономарева Е. О., Исаченкова Л. Б. Общая физико-географическая характеристика Командорских островов // Природные ресурсы Командорских островов. — М., 1991. — С. 19]. При этом интенсивному поднятию подвергается лишь северная часть о. Беринга.

¹⁴ В оригинальном тексте Стейнегера русские слова и топонимы написаны латинскими буквами и в ряде случаев взяты в кавычки. В переводе мы постарались сохранить авторские кавычки, в большинстве случаев они служат для усиления смыслового акцента.

¹⁵ Такое название селения, действительно, фигурирует на варианте карты Зандмана, переснятой и дополненной мичманом Беклемишевым и Н. А. Гребницким. Село подписано как Гребницкое/Никольское [Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. — Т. 3. — Вып. 1. — Иркутск, 1882]. Возможно, существовали иные карты, ныне утраченные.

¹⁶ Данное словосочетание встречается только в публикации Стейнегера. Селение длительное время называлось Гаванским (неофициально — вплоть до середины XX в.), приблизительно с 1884 г. оно получило официальное название Никольское [Татаренкова Н. А. Алеутский район: история административного устройства и геральдической символики // Крашенинниковские чтения. — Вып. XXVI. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — С. 233]. Что касается прилежащей акватории, мы можем наблюдать следующие метаморфозы: современный топоним «Никольский рейд» встречается на картах с 1895 г. [РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1602], но не исключено, что он появился несколько раньше. Прежде бухта называлась Гаванью. Еще раньше, в XVIII в., она сменила два названия: самое раннее — Басовская (предположительно, с 1745 г.) и с 1751 г. — Низовцева (Низовцова) [АГО. Р. 60. Оп. 1. № 1, 2].

¹⁷ На вешалах, расположенных близ селения, валялись пласты из нерки, котика и сивуча, которые впоследствии использовались для подкормки собак, а позже — песцов.

¹⁸ В рассматриваемый период действовала часовня. Новый храм был освящён только в 1892 г.

¹⁹ Иннокентия Иркутского-Чудотворца.

²⁰ «Заработков на каждую душу, не исключая и грудных детей, они получили: ...в 1881 г. — 70 руб. 92 коп. метал. Если сравнить количество зарабатываемых ими денег с ценами, по которым получают из складов компании все необходимые им предметы, и прибавить те припасы, которые компания раздаёт им бесплатно, а также даровую рыбу и котовое мясо, то положение их можно назвать удовлетворительным и без всякого сравнения лучшим положения жителей Камчатки» [Записка П. Г. Сулковского о плавании на клипере «Стрелок» в Ледовитый океан и на Командорские острова // Сб. главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. — Т. 3. — Вып. 2. — Иркутск, 1882. — С. 36].

²¹ Более подробное описание селения 1882 г. даёт П. Г. Сулковский: «В селении этом считается 27 домов, безвозмездно построенных компанией, и 24 юрты. Дома снаружи имеют довольно изящный вид и состоят из трёх и более комнат, смотря по численности обитающего в них семейства. Комнаты светлые и высокие; необходимая внутренняя обстановка их доставлена компанией из Америки также бесплатно. Каждый такой дом стоит от 600—1 000 долларов. В юртах, или правильнее, в землянках временно помещаются те жители, которым компания не успела ещё построить дома. Всех жителей на острове Беринг считается 310 душ обоёго пола (164 мужчин, 146 женщин). В этом же селении находятся:

казённый дом для управляющего островами, состоящий из четырёх комнат с кухней и при нём пристройка для помещения надзирателя о. Беринг; дом для служащих компании; два здания, в которых помещаются товары для продажи жителям; православная церковь, построенная жителями из выкидного леса и вновь строится компаниею весьма приличное здание для училища» [Записка П. Г. Сулковского, 1882. — С. 33].

²² В транскрипции Стейнегера: Fedoskija, Staraja Gavan, Saranna, Severnij. Сегодня названия селищ звучат как Федоскина, Старая Гавань, Саранное и Северное. Примечательно, что указано Федоскино, где были всего лишь распаханы участки под огороды, при этом не указано селище Полуденное.

²³ В транскрипции Стейнегера — Alinata. Жительница о. Беринга В. М. Кияйкина помнит старый топоним, произносит его «Алимхтанах» и трактует как «земля, лежащая посередине, появляющаяся во время отлива». Островок с аналогичным названием расположен у побережья о. Атка — «Ali(m)-tanaa» («Ili(m)-tanaa») [Aleut Dictionary com. by Knut Bergsland. Alaska Native Language Center & University of Alaska — Fairbanks, 1994. — Р. 631]. Е. В. Головки также склонен рассматривать топоним как притяжательное словосочетание «алим танаа» — «центральный остров», «остров посередине».

²⁴ Известно, что в конце XIX — начале XX в. на островах помимо картофеля в открытом грунте выращивались репа, редис, турнепс, изредка — редька, брюква, морковь (так как они более требовательны к теплу).

²⁵ Западная сторона острова более холодная, здесь чаще бывают туманы и выпадают осадки, чем на восточной стороне. Такое распределение можно объяснить западным переносом воздушных масс.

²⁶ У камчадалов и командорских алеутов: «Ка-ка» («ках») — «направо»; «хуг-хуг» («ху», «гу») — «налево» [Унтербергер П. Ф. Приамурский край 1906—1910 // Записки ИРГО по отделу статистики. — Т. XIII. — СПб., 1912. — С. 261; Браславец К. М., Шатунова Л. В. Словарь русского камчатского наречия. — Хабаровск, 1977].

²⁷ В данном случае Стейнегер ошибается: как показала полуторавевковая практика, наиболее рациональным является именно разведение молочных пород коров, в то время как овцы быстро разрушают хрупкие тундровые растительные сообщества.

²⁸ Острова помнят и более экзотический случай: в зиму 1994—1995 гг. бесхозными оказались две коровы прекратившей существование молочно-товарной фермы. От безысходности животные примкнули к оленьему стаду и кочевали по острову. Благодаря благоприятным климатическим условиям этого сезона им удалось пережить зиму. Однако зима без подкормки, какой бы мягкой она ни была (мягкая малоснежная зима на Командорах — скорее исключение, нежели правило) едва ли пойдёт на пользу какому бы то ни было скоту.

²⁹ Это — явная опечатка в оригинальном тексте. Далее и на современной карте, и на карте самого Стейнегера следует мыс Тонкий.

³⁰ В период действия Российско-Американской компании одиночками называли административные точки для торговли, фактории, зачастую состоявшие из одной избы, в которой жили управляющий и служащие. На Командорах понятие преобразовалось в одиночную промысловую избу, обычно небольшого размера. Одиночки (на алеутский манер слово звучит «удиначка») получали название по территориальному признаку. Так, данная находилась в бухте Полуденной.

³¹ Вероятнее всего, Стеллер описывал иной, более южный участок, но доподлинно определить его месторасположение не представляется возможным. Скорее всего, бухта находилась близ современной Лисинской. Возможно, речь идёт о бухте Бобровой — Л. М. Пасенюк описывал небольшую сквозную пещеру близ Бобровых камней на южной оконечности бухты [Пасенюк Л. М. В одиночку на о. Беринга. М., 1981. — С. 72—73].

³² Название, данное Стейнегером — Арка Стеллера — сохранилось и закреплено на картах. Прежнее название образования — Штаны Тетеринова [Гребницкий Н. А. Командорские острова. — СПб.: 1902. С. 40].

³³ Современное название — река Водопадная. «Падун» — порог на реке [Браславец К. М., Шатунова Л. В., 1977. — С. 123, со ссылкой на Головин В. М. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку 1807—1811 гг. — М., 1961. — С. 367].

³⁴ Речь идёт о дуднике Гмелина, далее указываются горчак камчатский и лабазник камчатский. Из перечня видов следует, что Стейнегер перемещался по самому склону, а не шёл вдоль подножья.

³⁵ Тюлень обыкновенный. Впоследствии антур, или островной тюлень, был выделен в самостоятельный подвид, иначе называемый тюленем Стейнегера (*Phoca vitulina stejnegeri* J. Allen).

³⁶ Указаны два обычных, часто встречающихся вида: лютик Эшшольца и кисличник двустолбчатый. Последний традиционно используется в пищу.

³⁷ На островах нет вечной мерзлоты, но снежники залеживаются до августа или даже сентября. В отдельные годы некоторые из них не сходят вовсе.

³⁸ Устаревшее название Гавайских островов. В то время — самая дешевая и непритязательная рабочая сила.

³⁹ Красноногая говорушка (красноногая моевка).

⁴⁰ Малая конюга (*Aethia pygmaea* Gm.).

⁴¹ Стейнегер упоминает часто использовавшуюся «дорогу» («собачью» тропу), пересекавшую остров. Её обычно называли Половинной, или Половиной. Остров также можно пересечь по маршруту Половина — Перешеек. Возможно, он имел в виду эту «перешейковскую» дорогу.

⁴² Даже в XIX в. бухта имела два названия — Лиссонковая [Стейнегер, Морозевич] и Лисинская [РГА ВМФ. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1602]. Последнее закрепилось на картах и дошло до наших дней. Примечательно, что на карте В. П. Хабарова указаны оба топонима, при этом бухта называется Лисинская, а «Лисенково» обозначает некое селище (или крупный ухаж) [Хабаров В. П. Котиковое хозяйство на Командорских островах. — Л., 1941].

⁴³ В своей монографии 1885 г. Дыбовский отмечает, что на островах комаров, слепней, гнуса и прочих кровососущих насекомых «нет» (фраза касалась оценки благоприятности условий для акклиматизации оленей, см. ниже). Вероятнее всего, комары присутствовали уже и в те годы, но их численность была относительно невысока. Впрочем, слово «Мьскеп» можно перевести и как «мошка», которая также присутствует на острове и досажает в безветрие.

⁴⁴ Действительно, в конце XIX в. многие исследователи и государственные чиновники, в том числе Гребницкий и Стейнегер пользовались картами И. Зандмана, составленными на базе карт капитана Российско-Американской компании М. Д. Тебенькова (в транскрипции Стейнегера — *Tebinkoff*). Капитан Российско-Американской компании, главный правитель (1845—1850), вице-адмирал (1860) М. Д. Тебеньков на базе многолетних гидрографических исследований составил Атлас северо-западных берегов Америки (СПб., 1852). При этом Зандман лично проводил астрономическую съёмку о. Медного, но очертания о. Беринга оставил практически без изменений. Южная часть острова была нанесена приблизительно, с большим количеством неточностей и откровенных ошибок, на одну из которых указывает Стейнегер. Корректировка очертаний береговой линии, выполненная Л. Стейнегером, была очень существенной и необходимой.

⁴⁵ В транскрипции Стейнегера — *Juschini Pad* (*Juschinis Thal*). Одновременно на карту Стейнегером нанесён *Kamennij Pad* — долина р. Каменки. Русский эквивалент слова «Пад» не вполне понятен.

⁴⁶ Если за ориентир брать указанное расстояние, то семь голландских миль составят немногим меньше тридцати девяти километров, и долина Юшина должна находиться севернее. Но, как и в прочих случаях, ориентиры ненадёжны.

⁴⁷ *Manati*, от *lat. manatus* — морская корова (прим. переводчика).

⁴⁸ В транскрипции Стейнегера *Toporkoff Stolp*. Современное название — мыс Птичий Остров (Шепитанский).

⁴⁹ Единичные кости морской коровы по сей день можно встретить вдоль береговой линии. В конце XIX в. подобные находки были обычными, а сама кость широко использовалась как заменитель железа или плотной древесины. Очевидно, в данном случае Стейнегер говорит о возможности найти полный или относительно полный скелет.

⁵⁰ Вплоть до начала XX в. алеуты Командорских островов носили одежды, сшитые из кишок и горловин сивуча (реже — котика): камлейки — подобие рубахи с капюшоном, ловташны (лафтасны) — штаны с высокой посадкой, бродни — штаны из сивучьих горл, к которым пришивались торбаса, и, собственно, торбаса — высокие сапоги из горловин сивуча и (или) нерпичьих шкур.

⁵¹ Ахтерштевень — задний вертикальный брус, идущий от киля и составляющий заднюю оконечность судна. Проще говоря, Мальцев стоял на корме, а Бадаев — на носу, был отдан носовой якорь. Аналогичный способ высадки используется алеутами по сей день.

⁵² Ухож (ухожь) — промысловый участок. В современном понимании — промысловый домик и прилегающая к нему хозяйственная территория.

⁵³ Палатин (*Mons Palatinus, Palatium*) — меньший из семи главных холмов Рима, на нем располагался императорский дворец, именовавшийся Палатинским. Слово «палата» употребляется в русском языке со времен князя Владимира и первоначально использовалось в значении «дворец». Слово «палатка» в значении «небольшой солдатский шатер» появилось во времена Петра I.

⁵⁴ Приведённое сравнение с королем гуннов Атиллой выглядит, по крайней мере, не вполне уместным — по легендам, варвар не отличался изысканными манерами. Кроме того, Атила так и не взял «вечный город».

⁵⁵ В современной таксономии — *Alopex lagopus*; в род *Vulpes* объединены лисицы. Впрочем, в оригинальном тексте Стейнегер постоянно называет песцов именно лисицами.

⁵⁶ Эти сведения неточны. Вот что пишет по этому поводу А. И. Черский: «На острове Медном на памяти старожилов известны лишь два случая внезапного появления белых песцов — в 1873 и 1892 гг.; добыто было их всего около тридцати штук» [Черский А. И. Командорский песец / Материалы по изучению рыболовства и пушного промысла на Дальнем Востоке. — Токио, 1920. — С. 63].

⁵⁷ Г. Ф. Миллер. Собрание российских историй.

⁵⁸ Приведённые цифры по промыслам середины XVIII в. варьируют в различных отчётах, поэтому следует говорить не об абсолютных величинах, а о просматривающихся тенденциях.

⁵⁹ В конце XIX в. за руководство при производстве промысла были взяты правила, утверждённые генерал-губернатором Восточной Сибири Анучиным в 1883 г. Дозволенные орудия лова: капканы, кулемки (запрещены с 1895 г.), оцепы, алеутские петли камчадах (запрещены после 1895 г.), ружья (винчестер и дробовик), а также разрешалась добыча из нор с помощью крючка, китового уса или расщеплённой палки (запрещено с 1894 г.) [Суворов Е. К. Командорские острова и пушной промысел на них. — СПб., 1912. — С. 218—220]. Очевидно, те же орудия использовались и в 1882 г. Большая часть использовавшихся методов привела к значительному повреждению шкур.

⁶⁰ В данном случае под словом «юрты» Стейнегер, скорее всего, подразумевал так называемые «казармы» — просторные избы полуземляного типа, либо «шайбы» — предположительно наземные срубы, большие избы, последние пришли на смену «казармам». В рассматриваемое время могли встречаться и первые, и вторые. Значение слова «одиночка» указывалось выше.

⁶¹ Известно, что в 1880-х гг. на месте селища проживала семья Прошевых — память о детских годах хранили Анна Макаровна (в замужестве Панькова 1884/85 г. р.), её сестра Евдокия Макаровна (в замужестве

Голодова 1888/89 г. р.), их брат Михаил Макарович (1888/89 г. р., охотник). Также, вероятно, проживала семья мужа Анны Макаровны — Александра Моисеевича Панькова (1878/79 г. р., охотник) [устное сообщение В. Т. Тимошенко; ГАКК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 2]. В то же время, известно, что с середины XIX в. на о. Беринга проживали Ладыгины: Григорий (1820 г. р.), Никита (1832 г. р.) и Игнатий (1836 г. р.) с семьями (предположительно, братья), а также их мать Екатерина (1790 г. р.). Топоним «Ладыгинская речка» впервые появляется в настоящей публикации (в монографии Дыбовского, изданной в 1885 г., речка названия не имеет, а озёра называются Марфа и Черныха).

⁶² Как отмечали Б. Дыбовский (1885) и Е. К. Суворов (1912), алеуты также называли мыс «Танам ангта» — «конец земли» и «Танамъ кгеганга» («танам к,ин,анаа» — «холодная земля», перевод Головки Е. В., 2011). Название «Сточной» (Stotschnoj Mys) приводится только Стейнегером, не вполне понятно, как именно возник этот топоним и что он обозначает.

⁶³ Охотиться на нерпу на воде значительно сложнее, чем на сивуча. В отличие от последнего, визуально сложно определить, в какой момент нерпа делает вдох, наполняя воздухом лёгкие, поэтому даже при точном попадании в голову вероятность того, что животное утонет, высока. На нерп на воде обычно охотились в начале осени, когда их плавучесть достаточно велика за счёт накопившегося подкожного жира [устное сообщение Г. М. Яковлева, 2012]. Именно такая охота описана у Стейнегера.

⁶⁴ Калан, или морская выдра (*Enhydra lutris* L.). В начале XIX в. шкура калана принималась Охотской конторой по цене, в пятьдесят раз превышающей цену на шкуру песца и, тем более, котика. Не удивительно, что за сто с лишним лет эксплуатации островов численность командорской популяции катастрофически упала. И хотя компания «Гутчинсон и Кооль» занималась преимущественно добычей северного морского котика, а промысел калана и песца в контракте вовсе не был прописан, промысловики не упускали случая подзаработать. Компания также получала с этого неплохой барыш.

⁶⁵ Вот что об этом писал в 1882 г. чиновник Главного управления Восточной Сибири П. Г. Сулковский, посетивший острова на клипере «Стрелок» (цифры относятся к о. Медному, где зверя было больше, и промыслы велись более активно): «...число бобров также увеличивается: в 1872 г. их было добыто только 9; каждый последующий год промысел увеличивался, и в 1880 г. добыто их уже 182, а в прошедшем году — 190» [Сб. главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. — Т. 3. — Вып. 2. — Иркутск, 1882. — С. 37]. Но на о. Беринга животные встречались крайне редко.

⁶⁶ В транскрипции Стейнегера Hanna-eta, что не вполне точно передает фонетический ряд. На беринговском диалекте эта фраза звучит «'аним удаа» [перевод Е. В. Головки, 2011]. Современное название бухты — Озерная.

⁶⁷ На старых картах мыс Хитров (Хитрово) соответствует мысу Толстому. Вероятно, благодаря такому «дублированию», топоним «Хитров»

со временем был утрачен. Из описания Стейнегера следует, что мысом Хитрово следует называть современную Пристань Байдарную.

⁶⁸ Очевидно, белоголовый орлан (*Haliaeetus leucocephalus alascanus* Towns.). При открытии островов был, по-видимому, обычен, так как члены экспедиции Беринга добывали его для употребления в пищу. В начале 1880-х гг. стал редким и встречался только в южной гористой части о. Беринга [Артюхин Ю. Б. Гнездовая авиафауна Командорских островов и влияние человека на её состояние // Природные ресурсы Командорских островов. — М., 1991. — С. 112, со ссылкой на *Stejneger L. Results of ornithological explorations in the Commander Islands and in Kamtschatka* // Bull. U.S. Nat. Mus. — 1885, № 29].

⁶⁹ Русское название — командорская тундряная куропатка (*Lagopus mutus ridgwayi* Stejn., 1884). Стейнегер сделал описание вида в 1884 г. наряду с тихоокеанской чайкой (*Larus schistisagus* Stejn., 1884).

⁷⁰ Вероятно, речь идёт о фоновом виде *Orchestia ditmari* семейства *Talitridae* отряда *Amphipoda*. Это небольшие рачки, иначе называемые бокоплавами за характерную манеру держаться на воде. Являются типичными и массовыми обитателями приливно-отливной зоны. Во время шторма закапываются в песок.

⁷¹ Водонепроницаемая одежда в виде рубахи с капюшоном, на Командорах шилась преимущественно из кишок сивуча. В свёрнутом виде имела объём сложенной в трубку салфетки. Командорские алеуты, отправляясь на промысел, обычно держали её в заплочном мешке и надевали поверх обычной привозной одежды в случае необходимости.

⁷² Стейнегер достаточно красочно описал эффект аэродинамической трубы, который часто можно наблюдать в южных районах о. Беринга. Действительно, мощные воздушные потоки, формирующиеся в узких долинах, могут растекаться от устья в противоположные стороны. Таким образом, при движении к реке ветер дует в лицо, но после перехода на противоположную сторону, он с той же силой будет дуть в спину. При этом сила ветра даже в летние месяцы бывает такова, что поднимающаяся на два и более метра галька может легко поранить незащищённые участки тела. В редких случаях скорость ветра достигает той величины, когда становится невозможным передвигаться в полный рост.

⁷³ Не менее 80 км/ч, или 22 м/с. Не слишком сильный ветер, хотя и ощутимый. Описываемый на следующий день ветер, очевидно, достигал 30—35 м/с. В период циклонов это обычное явление для Командорских островов.

⁷⁴ Бухта не пустовала и прежде заселения островов. Первыми её посетил Емельян Басов и команда шитика «Св. Петр» в 1745—1746 гг.: «...На берегу лежало судовое днище, а вблизи его анбар, построенный из боковых досок разбившагося судна, покрытый парусами, и в нём судовые припасы. По переписи Басовым (реестр в несколько страниц) оказалось много казённых вещей, которые имелись по близости морского берега и в магазине без покрытия, а многия вещи, разбросанные на расстоянии

версты от магазина до пристани, валялись на земле». На этом основании Басов ходатайствовал об официальном запрете на проведении промыслов на о. Беринга, соответствующий указ был издан Большерецкой канцелярией 5 августа 1747 г. [АГО. Р. 60. Оп. 1. № 2; *Полонский А.* Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год]. Однако, несмотря на запрет, бухта регулярно посещалась, а казённое имущество таяло год от года.

⁷⁵ Неоднозначное отношение к бухте и месту захоронения бытовало на острове ещё долгие годы. К примеру, одно из местных поверий гласило, что в бухте «зарыта цинга».

⁷⁶ Крест стоял не на самой могиле Беринга, а значительно выше. Уже к середине XIX в. сведения о подлинном месте захоронения были утрачены, и крест установили на возвышенном террасовом выступе мыса Судового.

⁷⁷ Стейнегер имел в виду Российско-Американскую компанию, прекратившую свое существование в 1867 г. в связи с продажей основных территорий Соединенным Штатам.

⁷⁸ Вот что писал в 1912 г. по этому поводу Е. К. Суворов: «Руководясь описанием Стеллера, Российско-Американская Компания поставила на предполагаемом месте погребения простой деревянный крест. Впоследствии Н. А. Гребницкий (1877) снова проверил по Стеллеру место могилы». Упомянутый Стейнегером деревянный крест был поставлен в 1880 г., на сохранившемся снимке из книги Суворова читается надпись: «Памяти Беринга. 19 декабря 1741. 1880».

⁷⁹ Дано описание так называемого «жилища № 4», или «летнего жилища», предположительно сооружённого для членов команды, занимавшихся постройкой нового судна [*Стеллер Г. В.* Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741—1742 / Под ред. А. К. Станюковича. — М., 1995; АКМ ГИ 1247 *Силантьев Г. Л.* Отчёт о полевых исследованиях в бухте Командор острова Беринга в 1979 г. — Владивосток, 1980. — С. 55—59].

⁸⁰ Речь идёт о суглинках, укрепленных истлевшими деревянными конструкциями. В некоторых участках суглинок был обожжён и имел бурый оттенок [АКМ ГИ 1247 *Силантьев Г. Л.* Отчет о полевых исследованиях в бухте Командор острова Беринга в 1979 г. — Владивосток, 1980. — С. 55—59].

⁸¹ В 1979—1981 гг. археологами были идентифицированы пять жилищ экспедиции Беринга. Все они представляли собой покрытые парусами полуземлянки, вырытые среди песчаных береговых валов морской террасы и расположенные вдоль левого борта р. Командор ближе к её устью. В результате проведенных исследований удалось отождествить крайнее с севера жилище (так называемое жилище № 6) с землянкой, в которой жил и умер В. Беринг, соседнее с ним (жилище № 5) — с «казармой», в которой размещалась большая часть больных, «жилище № 1» — с жилищем «артели» Стеллера [*Стеллер Г. В.* Дневник плавания с Берингом

к берегам Америки 1741—1742 / Под ред. А. К. Станюковича. — М., 1995; Белковский А. Н. и др. Русские морские экспедиции XVIII в. — М., 1996].

⁸² В оригинале — «Brombeeren», может быть переведено как «ежевика» или «малина», обобщающее название для ягод рода *Rubus*. В нашем случае речь идёт о княженике звездчатой. Куртины княженики нередко встречаются на зарастающих песчаных косах речки Буян.

⁸³ Дудник Гмелина (*Angelica gmelinii* (DC.) M.Pimen.); полынь пышная (*Artemisia opulenta* Ramp., *A. unalaskensis* Rydb.); горчак камчатский (*Picris kamtschatica* Ledeb.); лабазник камчатский (*Filipendula camtschatica* (Pall.) Maxim.); борец большой (*Aconitum maximum* Pall. ex DC.) — как *A. delphinifolium* DC. определен ошибочно, вид приводился позже рядом авторов, но на острове обнаружен не был; чемерица остроподольная (*Veratrum oxyssepalum* Turcz.).

⁸⁴ В наши дни река довольно мелководна, кроме сезона осенних дождей. Но, как следует из текста, во время похода Стейнегера она, действительно, была достаточно полноводна.

⁸⁵ Б. И. Дыбовский в течение своего пятилетнего пребывания на Камчатке не единожды посещал Командорские острова в 1879—1883 гг. в качестве окружного врача. За это время он провёл полное обследование состояния здоровья и быта населения, а также метеорологические, экономические, статистические и иные изыскания. Вне сомнения, мы являемся свидетелями некой конфронтации, о причинах которой можно лишь догадываться. При этом по одну сторону «баррикад» оказался Дыбовский, а по другую — Стейнегер и Гребницкий. Любопытна прослеживаемая закономерность: каждый из них прав в той области, в которой был профессионалом высокого уровня. Однако в отношении выращивания корнеплодов практика показала, что прав был всё же Дыбовский.

⁸⁶ «Эксперимент исследователя (Дыбовского) по посадке лесных деревьев оказался очень успешным», англ. (прим. переводчика). В русскоязычной версии относительно доклада Дыбовского звучит следующая фраза: «Но тот факт, что на острове Беринге растут только кустарниковые породы, ещё не служит доказательством того, что теперь там климат и почва не благоприятствуют произрастанию деревьев; напротив, опыт, произведённый г. Дыбовским, хотя и в небольших размерах, доказал возможность лесонасаждения» [Журнал общего собрания Императорского Русского Географического общества. 7 марта 1884 // Известия ИРГО. — Т. XX. — СПб., 1884. — С. 197].

⁸⁷ Первая группа северных оленей была завезена Бенедиктом Дыбовским в 1882 г., адаптация прошла успешно. Сам Дыбовский отмечал, что олени благополучно перезимовали и отёл начался уже в марте следующего года (на два месяца раньше, чем на Камчатке). Причину раннего отёла и гона он связывал с отсутствием на острове комаров, слепней и гнуса, досаждающих оленям на Камчатке. Всего было завезено пятнадцать

животных (одиннадцать самок и четыре самца), но весной 1883 г. островитяне забили восемь из них, аргументируя тем, что животные на них «напали» [Dybowski B. J., 1885. — С. 9—10]. Несмотря на несанкционированную охоту [Унтербергер П. Ф. Записки ИРГО по отделу статистики. — Т. XIII. — СПб., 1912. — С. 261] в 1910 г. оленям дали возможность плодиться на свободе, «и теперь уже образовалось там небольшое стадо». Суворов допускал, что количество животных могло достигать 500—1 000 голов на том основании, что «зимой 1906 г. в одной из падей найден целый табун трупов, до ста пятидесяти голов», но в то же время отмечал, что «последние два года оленей почти не видят, и охота на них бывает неудачна» [Суворов Е. К., 1912. — С. 128]. Считается, что популяция была полностью истреблена к 1917 г. Следующие две группы были завезены в 1927 и 1984 г.

⁸⁸ Неоднократные попытки высаживать деревья предпринимались также в XX в. Как показывает практика, деревья на островах не приживаются, даже если высажены в относительно защищённых от ветра местах. При этом они погибают не сразу, и некоторое время могут существовать в угнетённом состоянии. Зато кустарники, в частности чёрная смородина, чувствуют себя неплохо. Сегодня можно встретить одичавшее растения, в тёплые годы дающие заметный урожай.

⁸⁹ «Командорские острова расположены в трёхстах милях восточнее Камчатки». Если вести отсчёт от города Петропавловска, то приблизительно так и получается, если брать кратчайшее расстояние, то оно значительно меньше. Очевидно, отсчёт велся именно от города, ибо в русскоязычной версии далее следует фраза: «Пароход американской компании “Александр” делает этот переход в полутора-двое суток» [Известия ИРГО. — Т. XX. — СПб., 1884. — С. 197].

⁹⁰ В данной публикации бухта отмечена как «Travnaja», но в более поздних работах Стейнегера она фигурирует как «Dravianaya» [Stejneger L., 1896]. Современное название бухты — Дровяная Ближняя.

⁹¹ Командорские нарты предназначались для езды по склонам в любое время года и требовали повышенной прочности, поэтому деревянные полозья обивались костяными пластинами, или подполозками, вырезанными из ребра морской коровы. Ближе к 1920-м гг. кость была заменена железом [Татаренкова Н. А. Об использовании мяса, сала, кожи и костей морской коровы (*Hydrodamalis gigas*) // Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей. — Петропавловск-Камчатский, 2006. — С. 160—163].

⁹² Массовый заход нерки обычно начинается в конце мая, а кижуча — во второй половине августа. Забой котика производился в июне, июле и иногда первой половине августа, как раз в период нереста нерки.

⁹³ Мохоцветник Гмелина (*Bryanthus gmelinii* D. Don.) — обычный, массовый вид, один из доминантов в сухих щебнисто-кустарничковых и вороничных тундрах. На момент обнаружения Стейнегером прошёл пик цветения.

⁹⁴ Действительно редчайшая находка: арктерика карликовая (*Arcterica nana* (Makim) Makino; *Cassiope oxycoccoides* A. Gray). Встречается на о. Медном, для Беринга приводится Васильевым [Васильев В. Н., 1957] по Стейнегеру — «один экземпляр, собранный около озера Саранного, 22.08.1882» [Мочалова О. А., Якубов В. В. Флора Командорских островов. — Владивосток, 2004. — С. 91]. Речь, несомненно, идёт именно об этом сборе, по юлианскому календарю это получается 4 сентября. Другими коллекторами вид на о. Беринга не собирался.

⁹⁵ Полынь арктическая (*Artemisia arctica* Less.; *A. Richardsoniana* Stejn.) [Васильев В. Н., 1957. — С. 187]. Обычный вид.

⁹⁶ *Tofieldia calyculata* (L.) Wahlenb. — под *T. palustris* приводится Б. Федченко [1906] для Беринга и Медного [Комаров В.Л. Флора полуострова Камчатки. Т. 1. Л.: 1927. С. 290; Васильев В.Н., 1957. С.72]. В соответствии с современной систематикой следует трактовать как тофилдия ярко-красная (*Tofieldia coccinea* Richards).

⁹⁷ Подробно запор на речке Саранной описал Суворов: «...с апреля по октябрь месяц устанавливаются запоры. Сарановский запор... состоит из двух стенок, поставленных в расстоянии около трёх саженей одна от другой. Для устройства запорной стенки протягивают над водой поперек речки горизонтальное бревно, которое служит опорой наклонно прислонённых кольев; последние заваливаются у дна камнями... В нижней стене между такими же камнями остаётся небольшая щель, в которую и забирается рыба... Каменная гряда верхней стенки перегораживает промежуток наглухо и разбирается только с вечера субботы до вечера воскресенья для свободного прохода рыбы к нерестилищам. Из запора рыбу вылавливают, большую частью, два раза в день при помощи маленького бредня» [Суворов Е. К., 1912. — С. 137—138].

⁹⁸ Вторая жена Афанасия Ножикова (1848—1914); первая жена, Настасья, умерла в 1863 г. от чахотки [Народонаселение на Острове Беринг за 1866 г. по 1-е января 1867 г.; ГАКК. Ф. 220].

⁹⁹ 15 сентября 1882 г. по старому стилю, или 2 сентября по новому, действительно, было субботой. Таким образом, получается, что команда лодки гостила на Саранной почти две недели.

¹⁰⁰ Современное название Западного мыса — Северо-Западный. Во времена похода Стейнегера там ещё не было котикового лежбища, оно образовалось в середине XX в.

¹⁰¹ На современных картах мыс не обозначен, так как не имеет чётких очертаний, а название соответствующей бухты из Емельяновской трансформировалось в Яновскую.

¹⁰² Находка, действительно, оказалась уникальной. Стеллер обнаружил кости вымершего в первой половине XIX в. очкового (Стеллера) баклана (*Phalacrocorax perspicillatus* Pall.): «Во время моего морского обхода вокруг о. Беринга я пристал 1 сентября 1882 г. к мысу Песчаному близ северо-западной оконечности. Поднявшись на крутой береговой откос высотой около тридцати пяти футов, близ кромки террасы я нашёл

довольно мощное отложение костей различных млекопитающих и птиц из чередующихся тонких пластов песка и дёрна. Средняя толщина отложения составляла около двух футов. Оно занимало территорию площадью в шестьсот квадратных футов. Очевидно, некогда это было более обширное пространство, в которое со временем вторгся океан и разрушил большую часть террасы. Состояние костей было довольно приличным, сохранились даже самые мелкие и хрупкие, не было никаких признаков вторжения. Там были кости песцов, каланов, сивучей, других видов тюленей, равно как и разных видов водных птиц. Среди последних моё внимание привлек особенно крупный таз *Phalacrocorax*, и так как я со времени отъезда из Вашингтона всё время грезил Бакланом Палласа, я сразу предположил, что имею дело с костями именно этой птицы.

Если бы у меня было время провести раскопки всего отложения, я бы, наверное, нашёл ещё больше костей, но в связи с вышесказанным предположением я исследовал такую территорию и собрал столько костей, сколько мне позволили обстоятельства» [*Stejneger L., Lucas F. A. Contributions to the Natural History of the Commander Islands. A. Contributions to the History of Pallas' Cormorant. — Proceedings of the U.S. National Museum, 1889. — Vol. XII. — № 765. — P. 87—88*] (перевод Татаренковой). К сожалению, современные поиски пока не дали положительного результата — не удалось найти не только описанное отложение, но и террасу, подходящую под описание по всем параметрам.

Бенедикт Дыбовский известен миру как видный разноплановый учёный: географ, медик, зоолог, этнограф, лингвист. Но главной отличительной чертой Дыбовского был невероятный, всеобъемлющий гуманизм, находивший отражение во всех сферах его деятельности. Представленная ниже работа, напечатанная в 1885 г. в Львове, — яркое тому подтверждение. Краткое сообщение о ней было заслушано на заседании Императорского Русского Географического общества (ИРГО) в Петербурге 7 марта 1884 г.

Некоторые постулаты Дыбовского могут показаться наивными, а биологи найдут откровенные несоответствия, но при этом учёному нельзя не отдать должного — ещё в те давние годы он на удивление точно изложил парадигму гармоничного развития островного сообщества, впоследствии многие его идеи были претворены в жизнь. Излагая свои взгляды и позиции, Дыбовский неустанно полемизирует с «управляющим островами» — Николаем Александровичем Гребницким, однако ввиду сложных личностных взаимоотношений ни разу не произносит имени своего оппонента. Эта полемика, во многих деталях недоступная нам, живущим в XXI в., отражает классический спор «физиков» и «лириков», поэтому собственный вывод разумно делать, только выслушав обе стороны.

Идея перевести труд с польского языка возникла около семи лет назад у научного сотрудника Алеутского краеведческого музея Н. А. Татаренковой и с воодушевлением поддержана геоморфологом Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН Г. Н. Чуян. Неоценимую помощь в получении цифровой версии первоисточника оказали Мария Дыбовская и Алексей Пятковский. Первичный перевод с польского осуществил В. Н. Ширяев, а его правку и доработку — О. А. Куликова, правнучка Н. А. Гребницкого. Таким образом, настоящий перевод является плодом коллективного творчества и, хочется надеяться, это именно то, что мог бы пожелать сам автор.

Б. ДЫБОВСКИЙ

КОМАНДОРСКИЕ ОСТРОВА

Дыбовский Бенедикт (Бенедикт Иванович), учёный, географ, зоолог, врач, антрополог, лингвист. Родился 12 мая 1833 г. в имении Тонвы Минской губернии в семье помещика. Окончил гимназию, естественно-медицинский факультет Дерптского университета. В 1862 г. был избран

профессором зоологии и сравнительной анатомии Главной школы в Варшаве. За участие в противоправительственной деятельности приговорён к смертной казни, заменённой ссылкой в Сибирь. В период ссылки (1864—1876 гг.) при поддержке ИРГО изучал флору, фауну, ихтиологию Восточной Сибири, исследовал озеро Байкал, реку Амур, побережье Японского моря. В 1878 г. избран действительным членом ИРГО, награждён золотой медалью общества. С 1879 г. — врач Петропавловского округа. Исполняя профессиональный долг, пятикратно объехал Камчатку, трижды побывал на Командорах. Врачебную деятельность сочетал с исследованиями. Как врач боролся с эпидемиями, распространял среди населения гигиенические навыки, добился открытия в Петропавловске больницы. Как учёный собирал сведения о природе быте и хозяйственной деятельности населения. По его настоянию на Камчатке в 1880 г. были установлены сроки соболиной охоты, объявлены районы, запретные для промысла. За время работы на Камчатке и Командорах собрал уникальные коллекции растительного и животного мира, богатый этнографический материал и языковой материал. Результатом изучения диалектов местных народностей стал словарь, который в виде отдельных научных работ был опубликован в Польше в 1893—1895 гг. В 1883 г. покинул Камчатку, в 1884—1906 гг. заведовал кафедрой зоологии Львовского университета. Его творческое наследие составляет свыше трёхсот пятидесяти работ. В 1927 г. избран членом-корреспондентом АН СССР. Скончался 30 января 1930 г. в Львове [*Курохтина Н. И.* Камчатка: от открытия до наших дней. Популярный историко-краеведческий справочник. — Петропавловск-Камчатский, 2008. — С. 61—63].

...Говоря о Командорских островах, относящихся к Петропавловской округе, я, насколько это возможно, буду сравнивать их с полуостровом Камчатка. Мне жаль, что я не могу наглядно познакомить собрание с природой Камчатки и её простодушными жителями, вызывающими у всех путешественников искреннюю симпатию. Но несчастные люди! Как мифологический Тантал стоят они, испытывая муки голода, перед обильным угощением, не смея утолить его богатыми дарами природы своей страны!

Камчатка с камчадалами и коряками и Командоры с алеутами — две крайние противоположности. Первые погружены в нужду и находятся действительно в отчаянном экономическом положении, без всякого проблеска надежды на лучшее будущее. У вторых, напротив, мы находим достаток, прогресс в материальном и моральном отношении и обширное поле для будущего развития.

Острова эти лежат между 55°24' и 54°32,5' северной широты и 168°12' и 165°45' восточной долготы. Они были названы Командорскими в честь капитан-командора Беринга и открыты им случайно 5 ноября 1741 г., когда корабль «Св. Пётр» был выброшен

на берег острова. Команда опустила якорь у юго-западного побережья, в бухте, называемой сейчас Командорской, но сильная волна перебросила судно через узкий риф на спокойную воду, и только благодаря этому команда, почти вся без исключения страдавшая от цинги, уцелела.

Вот что записал об открытии этой земли в своём дневнике после длительного путешествия Стеллер: «С какой радостью 5 ноября мы, наконец, увидели землю. Сначала мы думали, что видим Камчатку, в действительности же это был необитаемый остров. Даже полуживые выползли на палубу, чтобы увидеть землю и возблагодарить Бога. Не подозревая, где они находятся, офицеры хвалились, что даже самые лучшие мореплаватели не пришли бы вернее к цели. “Не ошиблись ни на полмили!” — твердили они. Все считали, что мы находимся в Авачинском заливе, некоторым казалось, что они узнают отдельные сопки. Ошибка открылась, когда, обогнув мыс, они не увидели знакомых островков, но и это ещё не убедило их в том, что пред ними не Камчатка, и так как посчитали трудным достигнуть Авачинской губы вследствие дурной погоды и малого числа годных к работе людей, то решились войти в бухту и отсюда отправиться в Нижнекамчатск, чтобы выслать лошадей для перевозки экипажа».

Сначала путешественники были уверены, что корабль стоит у берегов полуострова. Но скоро Стеллер развеял заблуждение, сойдя на берег с капитаном Вакселем. Увидев местную фауну, как врач и естествоиспытатель он понял, что они оказались в безлюдном месте.

Смертельно больной датчанин Беринг, 9 ноября был перенесён с корабля на берег. Его поместили в песчаной яме и прикрыли парусиной, чтобы уберечь от песцов, которые не только обнюхивали, но и кусали больных. Ужас положения, в котором они оказались, Стеллер описывает следующим образом:

«Весь берег представлял собой страшное зрелище. Покойников, которых ещё не успели предать земле, обглаживали песцы, не боясь подходить и обнюхивать по-собачьи беспомощных больных, лежавших на берегу без всякого прикрытия. Одни жалуются на холод, другие — на голод и жажду, некоторые изуродованы цингой и из-за сильной боли не могут есть: дёсны почернели и разбухли так, что не было видно зубов.

На больного Беринга, лежащего в яме, сыпался песок. Он не позволял его удалять, полагая, что таким образом легче удержать тепло. 8 декабря Беринг скончался, будучи почти полностью

погребённым заживо под песком. Он похоронен недалеко от реки, названной Командорской. Где находятся могилы умерших, сейчас трудно определить: на том месте, где их, по всей вероятности, похоронили, стоит деревянный крест, а в Петропавловске рядом с новой церковью поставлен памятник в их честь.

Заслугой Стеллера является не только то, что благодаря его энергии, опыту и заботе из семидесяти шести участников экспедиции выжило сорок шесть, но и то, что он прекрасно описал флору и фауну острова. Всё, что мы знаем, мы знаем благодаря этому неутомимому труженику, который в экспедиции Беринга проявил себя и как человек, и как учёный, и как исследователь. К несчастью, он преждевременно умер на тридцать седьмом году жизни — замёрз в санях под Тюменью. С его смертью научный мир понёс невосполнимую утрату.

Изложенные далее биографические факты, дополняющие историю жизни этого знаменитого человека, взяты из краткой биографии Стеллера, написанной издателем его посмертного сочинения «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka» (1774).

Георг Вильгельм Стеллер родился в 1709 г. в г. Виндсхайме во Франкони. С ранних лет он отличался чрезвычайным трудолюбием и выдающимися способностями, которые постоянно развивал. Страсть, с которой он с детства отдавался занятиям естественными науками, заставила оставить университет и выбранную профессию, чтобы посвятить себя медицине. Эта же страсть побудила его выехать в Россию, бывшую тогда настоящим Эльдорадо для пытливых умов, стремящихся к путешествиям и новым открытиям.

Стеллер служил в должности врача в русской армии, осадившей Гданьск. После взятия города он отправился с больными и ранеными морем в Петербург и прибыл туда зимой 1734 г. В скором времени обратил на себя внимание своей образованностью и стал членом Академии наук, а в 1738 г. по распоряжению правительства отправился на Камчатку. О том, насколько серьёзно Стеллер отнёсся к поручению, свидетельствуют его труды и коллекции, отправленные им в Академию. Коллекции Стеллера были использованы Палласом для описания фауны Камчатки, а некоторые уникальные экземпляры сохранились до нашего времени. Завершив исследование Камчатки, Стеллер обратился к правительству с просьбой разрешить ему сопровождать капитана Шпанберга в Японию, но пока шёл ответ, подготавливавший на Камчатке вторую экспедицию Беринг убедил Стеллера принять участие в злополучном походе.

Приготовления к ней длились десять лет при участии местного населения. Жители Камчатки вынуждены были жертвовать своим здоровьем, имуществом и даже расставаться с собственной жизнью ради оснащения экспедиции. Целью экспедиции было установить, соединяются ли

Камчатка и Америка, и если да, то где и как. Первая экспедиция так и не дала ответ на этот вопрос. Уже в 1723 г. Пётр Великий намеревался испытать свой новый флот в морских походах и готовил экспедицию под командованием адмирала Вильстера на Мадагаскар. Снабжённый инструкциями и верительными грамотами к королю, адмирал уже был готов отправиться в путь, но оказалось, что на Мадагаскаре нет короля. Поэтому цель путешествия изменилась: решили искать дорогу в Америку через восточный океан. Насколько Пётр интересовался экспедицией, свидетельствует приказ, отданный за три недели до его смерти: «Идти с Камчатки на кораблях в виду земли на север, а если конца той земли не найдут, то считать её частью Америки и искать, где она сходится с Америкой».

Такое безапелляционное, не терпящее возражений постановление, исполнение которого в первую очередь поручалось экспедиции Беринга, а, следовательно, и всем другим, вызвало необыкновенное усердие исполнительной власти. Результатом этого было разорение населения Камчатки, которое с той поры быстрыми темпами стало приходить в полный упадок.

Несчастный конец второй экспедиции Беринга не оправдал цены принесённого ей в жертву благополучия населения, и если бы не участие Стеллера и его научные труды, она была бы полностью потеряна для науки.

После кораблекрушения оставшиеся в живых построили судно и доплыли до Камчатки. На Камчатке их ждали новые несчастья. Вот как описывает Стеллер первые впечатления по прибытии на полуостров: «Несмотря на весьма большую радость от спасения, — пишет он, — первое, что мы слышали из уст камчадала, ввергло нас в сильную печаль. Всех нас здесь считали погибшими, и все, что мы здесь оставили, попало в чужие руки, и по большей части было вывезено из Камчатки. После этого известия грусть сменила нашу радость, но нам, привыкшим к нищете и бедности нашего нынешнего положения, всё же казалось, что это сбывшийся сон».

Таким образом, Стеллер потерял все свои сборы и записи, которые, попав в чужие руки, были использованы другими для собственной выгоды.

В 1744 г. Стеллер получил приказ вернуться в Петербург. Независимость и прямолинейность характера создала ему много врагов. Опасение, что Стеллер сможет сообщить нелестные для местной администрации вещи, стало причиной поисков любых средств, способных помешать его возвращению в Петербург. Он добрался, наконец, до Новгорода и был уже на пороге цивилизованного мира, когда его настигла молва о том, что он, якобы, раздавал порох туземцам, подстрекая их против России. Из-за этого ему пришлось вернуться назад, в Сибирь, и пробыть там ещё один год, пока его не освободили судьи.

Снова Стеллер едет в Петербург, и уже под Москвой настигает его новый приказ незамедлительно явиться в Иркутскую управу. Путешествие по Сибири даже при самых благоприятных обстоятельствах является

обременительным, а Стеллер чувствовал себя как заключенный, который в дополнение к физическим терпел глубокие моральные страдания: вместо того, чтобы наслаждаться заслуженным отдыхом после стольких странствий и лишений, он вынужден был в четвертый раз проделать этот долгий путь, защищаясь от негодяев.

Однажды очень морозной ночью конвой остановился у придорожного почтового трактира. Казаки захотели согреться водкой, а Стеллер остался в санях, ожидая казаков, удовлетворяющих жажду. Он уснул и замёрз. Несчастный был похоронен близ Тюмени — над могилой исследователя дикой природы даже не возвели креста, который помог бы теперь найти место его захоронения.

Проезжая через Тюмень, я не смог ничего узнать о его могиле. Тогда я задумал поставить исследователю памятник Камчатке — месте его классического труда. Я получил соответствующее разрешение от генерал-губернатора Восточной Сибири и начал осуществлять своё намерение.

При посредничестве члена Восточно-Сибирского отделения Географического общества г. Вогля я получил от известного своей благотворительностью и духовной деятельностью купца Н. Д. Бутина обещание безвозмездно отлить на своих заводах железный памятник по проекту иркутского архитектора, нашего земляка г. Тамулевича. В 1881 г. памятник был готов и послан во Владивосток.

На следующий год начальнику Петропавловской округи было дано распоряжение выбрать вместе со мной подходящее место для памятника, однако памятник до сих пор не прибыл на место назначения, и я не могу проследить, по какой причине. Не теряю надежды, что он в один прекрасный день, как и другие памятники, украсит скромное поселение, именуемое на карте городом Петропавловском.

В гряде Алеутских островов, гигантской дугой протянувшихся между Азией и Америкой, только две небольшие группы пользуются особой привилегией быть домом для ценных пушных зверей. Эти звери приносят миллионные доходы американскому правительству и компании американских торговцев, арендующих эти острова.

Обе группы островов — Командорские и Прибылова, служащие морским котикам лежбищами (коты морские, иначе называемые котиками, *Callorhinus ursinus* L. — вид тюленей, характеризующийся наличием внешних ушей и поэтому называется *Otariidae*), состоят из двух больших и двух малых островов. Принадлежащая

России группа состоит из островов: Беринга, Медный, Топорковый и Арий Камень. Два последних совсем маленькие, необитаемые, лишённые воды, лежат в заливе у северо-западного берега острова Беринга, наибольшего из четырёх. Его длина доходит до восьмидесяти, а ширина в северной части — до сорока пяти вёрст.

Кроме преимущества, которое даёт острову Беринга его размер, он отличается просторными лугами, обилием озёр, крупнейшие из которых — Гаванское и Саранное, а также большим числом рек, в которых нерестится лососёвая рыба горбуша, нерка, кизюча (горбуша *Oncorhynchus tshawytscha*; красная рыба, *O. tshawytscha*; кизюча, *O. Sanguinolentus*). В озере Саранном ловится до сих пор не описанный вид рыбы, называемый местными «байдарками», я назвал её лососем Беринга, *Oncorhynchus Beringianus*. Указанные особенности острова Беринга дают право полагать, что он пригоден для сельского хозяйства. На острове Медном имеются только два маленьких озера и небольшие луга, его гористая поверхность не предоставляет возможным ведение сельского хозяйства в больших масштабах.

Командорские острова сложены слоями кристаллических и метаморфических пород, к которым примыкают третичные отложения, содержащие фракции ископаемых окаменелостей, я находил их по всему острову. По рассказам местных жителей, на восточном берегу острова встречаются угольные пласты, но они видны только во время отлива.

В северо-западной части острова Медного имеются залежи самородной меди, в моей коллекции есть самородок оттуда весом несколько фунтов. Кроме меди, в юго-западной части острова есть бурый уголь, представляющий собой отдельные глыбы, погружённые в пески, с прослойками кремнезёма. Среди жителей острова Беринга ходят слухи, что на острове есть золотоносные пески. Выяснить, отражают ли эти слухи реальность, невозможно, так как нельзя организовать систематические поиски, потому что компания, арендующая острова, этому препятствует, опасаясь, вероятно, того, что поиски золота негативно повлияют на добычу котики — основного промыслового объекта Компании. Это испытал на себе российский подданный г. Жаке, который в 1882 г. прибыл на остров Медный в поисках золота. Его изгнали оттуда без всякого стеснения.

Южные и центральные части острова Беринга гористы и своими очертаниями и буйной растительностью напоминают альпийские плоскогорья Камчатки. Деревьев там нет, только кусты —

такие, как альпийская роза (рододендрон), березняк, ивняк, рябина, шиповник и таволга. Но не следует полагать, что если на острове растёт только кустарник, то на этой земле и в этом климате не могут расти деревья. Напротив, все предпринятые попытки доказали, что сажать их там можно, и лесоводству ничего не препятствует, кроме самопасущихся коров, которые могли бы обглодать насаждения.

Поскольку это не требует больших усилий, то, по моему мнению, должно быть принято немедленное решение начать посадку деревьев, тем более, что их транспортировка с Камчатки не представляет никакой сложности. Для успеха потребуется лишь добрая воля и знание дела. Наиболее подходящими местами для посадки деревьев я считаю окрестности и долины озера Саранного и речки Саранной и старого порта на восточной стороне острова. Эти тихие долины защищены от северных ветров и имеют плодородную почву, о чём свидетельствует пышный растительный ковер.

Вершины холмов острова Беринга покрыты оленьим мхом (ягелем), поэтому идеально подходят для выпаса оленей. Уже во время моего первого пребывания на острове в 1879 г. я пришёл к выводу, что переселение этих животных возможно. Для осуществления этой задачи был предпринят ряд усилий. Цель была достигнута благодаря содействию капитана Нейбаума, одного из самых влиятельных членов компании-арендатора Командорских островов, и капитана Зандманна, командира парохода «Александр».

В 1882 г. на остров Беринга были перевезены пятнадцать оленей. Перезимовали они хорошо и в марте следующего года, то есть на два месяца раньше, чем на Камчатке, начали телиться. Возможно, это связано с тем, что они выпасаются на острове раньше и поэтому раньше готовы к гону. Главная же причина — отсутствие комаров, слепней, гнуса и вообще кровососущих насекомых, которые на Камчатке страшно досаждают оленям и заставляют их искать убежища в горах выше границы лесов, где пастбища не так обильны и менее питательны. Надеяться на то, что оленеводство на островах будет иметь успех, можно только в том случае, если будут преодолены препятствия, нарушающие условия этого проекта. Например, весной 1883 г. жители острова Беринга забили восемь оленей, объяснив это тем, что те на них напали, чему никто, знающий повадки оленей и их боязливость, поверить не может.

В долинах острова, в основном влажных, лежит довольно толстый слой торфа, который, на мой взгляд, мог бы заменить дрова, привозимые с Камчатки и задорого продаваемые обитателям обоих

островов, отдалённых друг от друга на сорок вёрст. Несмотря на столь малое расстояние, сообщение между ними осуществляется только на пароходе. Аборигены боятся пересекать пролив на вельботах или в своих кожаных лодках, зовущихся байдарами. За последние пять лет жители острова Медного только один раз, в ноябре месяце, отважились пересечь пролив и подойти к острову Беринга, и то только потому, что их к этому побудила необходимость уведомить управление о неслыханном для этих мест преступлении, варварски совершённом несколькими членами команды подплывшего к берегу корабля «Диана».

Остров Медный в четыре раза меньше острова Беринга. Протяжённый и неширокий, он представляет собой группу гор, протяжённостью в сорок две версты, и простирается, как и первый остров, с северо-запада на юго-восток. Долины, прорезающие этот горный край, по большей части тесны, земля их бедна и непригодна не только для садоводства, но даже для посева кормовых трав или ячменя.

На обоих островах нет хороших пристаней, поэтому подходящие к берегам суда должны находиться в постоянной готовности выйти в открытое море. Особенно опасно оставаться там осенью, когда ветры попеременно дуют с северо-запада и северо-востока, или с юго-востока и юга. Осенью 1879 г. мы потеряли целый месяц, ожидая возможности подойти к берегу, чтобы забрать шкуры котиков и переправить их в Петропавловск.

Расстояние между Командорскими островами и Петропавловском по прямой вдоль Шипунского мыса ровно триста тридцать миль. На пароходе «Александр», ходящем под российским флагом и являющимся собственностью компании, дорога занимает от двух до полутора суток. Всё лето «Александр» курсирует между Камчаткой и островами.

Когда путешественник приближается к ним, его поражает вид снегов, спускающихся с гор к самому морю даже в июле. Но вообразите удивление, когда, выйдя на берег, он в любой из прибрежных долин находит пышные травы и восхитительные ковры из цветов! Когда твоему восхищённому взору открывается то, чего никак не ожидал здесь увидеть, невольно проходит мысль, что, приложив усилия, эти пустынные земли легко можно было бы превратить в богатый, густонаселённый край.

Из-за очень небольшой площади территории Командорских островов, никак не влияющей на изменение климатических условий, климат, скорее всего, морской. Скоро у нас будет возможность

познакомиться с результатами метеорологических наблюдений, сделанных там командой Смитсоновского института под руководством доктора Стейнегера, сейчас же я ограничусь лишь определением основных характеристик климата. Погода зависит не столько от времени года, сколько от направления и силы ветра, который обуславливает частые и резкие перемены погоды, поэтому там нет привычной для Европы смены времён года.

Чтобы человек, незнакомый с особенностями местности, смог понять, каков её климат, он должен себе представить, будто там постоянно царит осень. Летом, в безветренную погоду, термометр в тени иногда показывает $+20^{\circ}\text{C}$ и даже $+25^{\circ}$, но как только подует ветер, неважно откуда, сразу становится сыро и холодно, температура понижается, и приходится тепло одеваться. Ветер утих — становится снова тепло; подул — возвращаются сырость и холод. Зима и лето одинаково переменчивы. Иногда после обильных снегопадов небо становится ясным, и температура падает до -10 , -15°C , оставаясь такой длительное время. Потом сильный дождь смывает снег, и снова пейзаж становится осенним. Таким образом, как я уже говорил, климат островов преимущественно зависит от моря. Хотя течения и их направления ещё не исследованы, можно предположить, что это те же самые течения, которые омывают юго-западные берега Камчатки.

Нам немного известно о течениях Берингова моря от американских учёных. У. Г. Даль во время своих новейших исследований обнаружил, что течение Курисио на 48° северной широты делится на два рукава — западный и восточный. Западный рукав Курисио Даль называет Камчатским течением и утверждает, что оно направляется на север вдоль восточного берега Камчатки, омывая Командоры. На восток от Камчатского течения, с севера движется течение холодной воды шириной двести морских миль. Где эти течения встречаются, Даль не указывает, но говорит, что на границе под Камчатским течением наблюдается противотечение. Восточный рукав течения Курисио течёт широкой полосой на восток и на широте 50° достигает берегов Америки, откуда поворачивает в основном на юг, и только малая ветвь идет на север и называется Аляскинским течением.

Температура Камчатского течения летом от $+13^{\circ}$ до $+18^{\circ}$.

Температура северного противотечения $+2^{\circ}$.

Температура Курисио на широте 48° примерно $+18^{\circ}$.

Температура Аляскинского течения в среднем $+7^{\circ}$.

Указанная у Даля температура Камчатского течения слишком высока, такой температуры я нигде не наблюдал, не только в открытом море, но и в заливах. Летняя температура воды у берегов Камчатки от $+7^{\circ}$ до

+10°, дальше к Командорам — от +6° до +8°. Под этим слоем тёплой воды, подогретой, по моему мнению, солнечными лучами, вода в более низких слоях холодная, уже на глубине десяти сажен в Авачинской губе температура воды летом в июле-августе равна +4—+5°, тогда как температура воды на поверхности равна +10°, на глубине же двадцати сажен недалеко от устья Авачинской губы температура воды имеет уже только +2—+8°, а температура воды на поверхности +8 °С.

Низкую температуру на глубине Даль считает доводом в пользу холодного противотечения. Если это верно, то противотечение доходит до берегов Камчатки и проникает во все заливы и бухты полуострова. Отсутствие таких низких температур в более глубоких слоях Берингова моря тут же у побережья Камчатки свидетельствует против гипотезы Даля, согласно которой глубинное противотечение с температурой +2° должно быть непреодолимой границей между азиатской и американской фауной. Также глубины Берингова моря до сих пор не исследованы. Между Камчаткой и Командорами наибольшая глубина превышает двести саженей, на широте 64° и 66°, средняя глубина едва достигает 19,5 сажен.

Один алеут с острова Беринга сделал по моей просьбе ряд более или менее точных наблюдений, которые дали следующий результат: ясных дней — 3 %; дней, то ясных, то пасмурных — 14 %; дней, то ясных, то с дождём, снегом или туманом — 52 %; дней с дождём, снегом и сильным туманом — 31 %.

Грома нет нигде: ни тут, ни на Камчатке.

Если верить рассказам старожилов Командорских островов, то в последнее время климат стал гораздо мягче и теперь намного лучше климата побережья Камчатки. В доказательство можно привести такой пример: когда в мае в окрестностях Петропавловска лежал снежный покров в два аршина толщиной, алеуты на острове Беринга сажали картошку. Осенние заморозки начинаются позднее, чем на Камчатке. Зима несравненно мягче, чем в самых тёплых поселениях Камчатки, снега намного меньше — так что лошади, которых я привёз на остров Беринга, всё зиму кормились в поле. Говоря о лошадях, я добавлю, что местный климат вообще способствует их разведению. Первая попытка их акклиматизации на островах была предпринята мной при любезном содействии командира крейсера «Африка» Алексеева, которому я позволю себе выразить здесь сердечную благодарность.

Возвращусь к климату и его изменчивости. Выше я уже говорил о том, что как на Камчатке, так и на островах, после относительно тёплого периода в течение нескольких лет наступают сильные морозы. Например, мне рассказывали, что на острове Беринга помнят зиму, когда насколько хватало глаз, океан был покрыт

льдом, в том числе даже в тех местах, куда обычно алеуты в это время года выходят на своих байдарках на ловлю рыбы для вяления или охоту на других морских животных, если погода безветреннее и позволяет им пуститься в длительное путешествие.

Рассказы островитян совпадают с рассказами камчадалов, которые помнят время, когда вся видимая с берега поверхность Берингова моря была покрыта льдом. Как рассказывали жители Петропавловска, несколько лет назад Авачинский залив, теперь никогда не замерзающий, был покрыт слоем льда, причём до того толстым, что даже в начале мая от города до бухты Тарьи, то есть до залива, расположенного на противоположном берегу, можно было добраться на собаках.

Неожиданное появление льда на большой площади поверхности обычно незамерзающего моря могло бы объяснить причину исчезновения морской коровы убедительней, чем другие гипотезы...

После этих кратких замечаний о климате Командорских островов, хочу упомянуть о флоре, представленной там большим разнообразием видов. Только отсутствие отдельных деревьев и лесов придаёт пейзажу печальный, безрадостный вид. На островах много цветов. Особенно впечатляют два вида лилии: одна — так называемая «сарана» (*Frittilaria sarana*), другая — «овсянка» (*Lilium avelinarium*); два вида альпийских роз, один бледно-жёлтого, почти белого цвета (*Rhododendron chrysanthum*), другой с розовым цветком (*Rh. kamtschaticum*). Из кустов встречаются: рябина, шиповник, берёзовый стланник, таволга, жимолость, ивняк. Из ягод: шикша (*Empetrum nigrum*), жимолость, морошка, а на острове Беринга в отдалённых от поселения местах встречаются брусника, черника и клюква. Вообще растительность островов ещё мало исследована, так как внутреннюю часть острова никто не посещал.

На протяжении многих лет все жители острова заняты добычей котиков, а приезжим из-за отсутствия средств передвижения и проводников приходится ограничиваться лишь короткими вылазками. Походам препятствует также недостаток продуктов, палаток и других необходимых предметов. Появление на острове Беринга лошадей позволит надеяться, что с их помощью можно будет посетить горные долины, расположенные в глубине и на юге острова.

Из млекопитающих сначала перечислю тех, которые являются важными для объяснения истории Командорских островов и причины заселения их людьми, а затем кратко опишу других животных, чтобы дать общее представление о местной фауне.

Первое место среди млекопитающих занимает вымершая морская корова (*Rhytina Stelleri*). Никто из нынешних островитян её не помнит. То, что о ней сообщают Норденшёльд, а за ним Стейнер со слов туземцев, по моему мнению, не заслуживает доверия. Впервые европейцы увидели морскую корову 8 ноября 1741 г., то есть через несколько дней после прибытия корабля к берегам острова Беринга, а спустя двадцать семь лет после её открытия она полностью исчезла. Местные алеуты говорят, что когда на остров прибыли переселенцы, животные ещё встречались. В таком случае, исчезновение последних особей этого вида должно было бы произойти спустя шестьдесят лет после 1768 г. (В 1812 г. острова ещё не были заселены, население появилось только около 1830 г.) Недостоверные истории, относящие приблизительную дату исчезновения морских коров к нашему времени, на самом деле не имеют ценности для научного изучения этого животного, так как не объясняют причины его исчезновения, лишь добавляя новые детали к описанию, известному только со слов Вильгельма Стеллера.

Морская корова, гигантское животное длиной от 28 до 35 английских футов, несёт на себе от 200 до 250 пудов мяса и жира. Поскольку оно травоядное, мясо его намного вкуснее мяса котиков и морских выдр, поэтому для пропитания на него охотились чаще, чем на других животных, сделавших берега Командорских островов своим домом. Но я не думаю, что это было причиной её исчезновения. Насколько можно судить по их костям, разбросанным по всему острову Беринга, они держались не в одном месте. Как известно, берега острова большей частью недоступны и неудобны для подхода судов, поэтому охотиться на коров возможно было лишь в некоторых местах, где была бы пристань, то есть на западном побережье, рядом с Новым портом или на восточном, у Старого порта.

Легко можно объяснить исчезновение неуклюжих, доверчивых морских коров в таких местах, но могло ли оно произойти по той же причине в местах, труднодоступных для кораблей? Мне кажется, что из всех предположений о причинах исчезновения морских коров, скорее всего, верным является появление ледяного покрова в тех областях моря, где они обитали. Живых экземпляров у острова Беринга уже не встретишь, зато их кости можно найти по всему побережью. На острове Медном и на Камчатке кости морской коровы найдены не были. Чаще всего их находили на окраине деревни Гаванской, откуда кости легко было доставить на санях в порт. Но теперь их следует искать и в других местах.

Поиски следует проводить под руководством опытного геолога и остеолога, в противном случае не удастся добыть цельного скелета животного, и мы не узнаем обстоятельств его смерти, что помогло бы, по крайней мере, частично, объяснить тайну его исчезновения. Поэтому я считаю необходимым, пока есть время, создать экспедицию, которая смогла бы умело провести поиски и собрать драгоценные останки.

Кости лежат не на самом берегу, а немного выше нынешнего уровня моря (на две-три сажени), где поверхность земли покрывает пышный ковёр высокой травы, поэтому целесообразно проводить поиски поздней осенью, когда трава уже пожухла и полегла, или, ещё лучше, ранней весной, когда растительности, которая мешала бы поискам, ещё нет.

После морской коровы первое место по важности для Командорских островов принадлежит морскому котик, проводящему в море большую часть года. Морскими котиками обычно называют несколько видов животных, даже, в зависимости от различных подходов, два разных рода. Наука отличает обитающих на побережьях северного полушария около островов Командорских и Прибылова морских котиков от родственных им видов, число которых доходит до восьми: одни известны под названием *Callorhinus*, другие — *Arctocephalus*. Некогда и в южном полушарии котики жили огромными стадами, но безрассудная человеческая жадность уничтожила животных на этих лежбищах, и они остались только в трёх местах, а именно: на островах Прибылова, на Командорских островах (Беринга и Медный), на острове Тюлений близ Сахалина.

Все лежбища располагаются только на западных берегах островов, что даёт основания полагать, что необходимые условия для морского котика есть только там. Это может объяснить то, что на берегах Камчатки, где, казалось бы, есть благоприятные условия для лежбищ, они вообще отсутствуют. Правда, по-прежнему осенью можно встретить котиков в бухтах Камчатки. Лежбища котиков доходили даже до острова Карагинского, о чём свидетельствует один котик, забитый там в 1882 г., но на всём побережье вы не найдёте ни одного места, где бы котики оставались на всё лето для выведения потомства. Тюлений остров тоже не предоставляет соответствующих удобств, поэтому туда заходят только молодые котики, не занятые воспитанием малышей.

Общее количество котиков в Петропавловской округе достигает 1 200 000 шт., что составляет четверть числа котиков, находящихся на островах Прибылова. На Командорских островах в год забивают

50 000 шт., на островах Прибылова только 100 000, то есть в два раза меньше, чем здесь. Так как на Прибылова американцы забивают в год 100 000 котиков, на Командорских островах разрешено забивать максимум 25 000.

Кто хочет досконально изучить образ жизни морского котика, должен наблюдать лежбище на западном побережье острова Медного — там оно достигает огромных размеров, а скалистый берег и дикий ландшафт ещё больше усиливают впечатление от животных. Спустившись здесь с отвесных скал на покрытый огромными валунами, о которые разбиваются волны, берег путешественник оказывается среди оглушительного шума моря и не менее оглушительного блеяния сотен тысяч животных причудливой формы, движущихся как тени в тумане.

Это неожиданное зрелище сильно впечатляет человека, оказавшегося там впервые. Поражённый, он сначала застывает на месте, озираясь по сторонам, и только спустя некоторое время осмеливается сделать шаг вперёд, следуя за проводником. Невозможно отделаться от мысли об опасности: человек окружён со всех сторон зияющими пастьми диких чудовищ — и он среди них совершенно беззащитен! Но проводник смело идёт вперёд, не обращая внимания на угрожающие выпады зверей. Котики расступаются перед идущими и, пропустив их, смыкаются позади.

Эти перемещения котиков, должно быть, хитрый манёвр, призванный напугать до смерти незваных гостей. И действительно, сначала это пугает, но постепенно привыкаешь и идёшь смело вперёд до тех пор, пока прогулка не наскучит. Мы возвращаемся тем же путём, которым пришли, не переставая удивляться кротости зверей, на вид опасных и грозных. Сотни тысяч их лежат на берегу и на близлежащих скалах, плавают, ныряя, около берега, выползают на рифы. Постоянное движение котиков, их блеянье и прибрежный ландшафт на фоне бурлящего моря производит незабываемое впечатление.

В первые дни мая на лежбище прибывают самцы, называемые секачами, ещё через пару недель появляются самки, или матки. В начале летнего сезона самец весит около десяти пудов, его длина — шесть-семь футов, самка весит только два пуда, её длина — четыре фута. В эту пору самцы не кормятся. Котики покидают остров в конце октября, но иногда и в середине ноября. Всю зиму, до самой весны, котики не выходят на берег, проводя всё время в открытом море. Говорят, что командорские котики плавают у берегов Японии и Кореи. Котики с островов Прибылова зимуют

в бухтах у скалистых северо-западных берегов Америки, двигаясь на юг до устья реки Колумбия.

Закончим рассказ о котиках. Теперь надо вспомнить о морских выдрах (*Enhydra marina*). Стеллер застал их на острове Беринга в большом количестве. Участники экспедиции добыли 900 шт. в течение нескольких месяцев. Сейчас это редкий зверь. Встретить его можно только на северо-западной оконечности острова Медного, но и там всё реже, и я уверен, что если не будут приняты меры по защите, он без следа исчезнет и с места своего последнего убежища. Ежегодно алеуты на Медном забивают от 100 до 190 шт. Меры по защите морских выдр от полного вымирания будут рассмотрены ниже.

Пока на Командорских островах в значительном количестве водится голубой песец, а на острове Беринга — и белый. Хотя их и стало меньше, чем во времена Стеллера, но они, тем не менее, остаются на острове наиболее распространёнными животными. В 1883 г. их было забито по тысяче штук на каждом острове.

Кроме двух видов полёвок (*Arvicola*) и одного вида мыши, на Командорских островах больше нет сухопутных млекопитающих. Есть несколько видов морских млекопитающих, таких, как сивуч, или морской лев *Eumetopias Stelleri*, нерпа *Phoca foetida*, нерпа седлатая *Phoca groenlandica* и нерпа антур *Phoca vitulina*. Зайцев, горностаев, соболей, лис на островах нет. Нет также и моржей, хотя на Камчатке они встречаются к югу от Авачинской бухты. Иногда на берега Берингова моря выбрасывает их туши. Я насчитал здесь около сотни видов птиц: самые важные из них — белоголовый орлан, канадский гусь и несколько других видов, относящихся к американской фауне и не встречающихся на Камчатке.

Теперь, обрисовав фауну и флору Командор, опишу их обитателей — алеутов. Алеуты называют себя «унанган», кроме общего названия существуют специфические названия для определения групп жителей разных островов. Алеуты делятся на восточных и западных, первые называются «тайагингин», вторые — «намигъйун». Последние, от которых происходят командорские алеуты, заселяют следующие островные группы: а) Ближние, б) Крысьи и в) Андреяновские. В первой группе самый большой остров — Атту, он ближе всех к Командорским островам, однако расстояние от него до острова Медного в два раза больше, чем от острова Беринга до Камчатки. Из группы Крысьих самые большие — Кирка (вероятно, опечатка, должно записываться «Kyska» — Киска. — Н. Т.) и Амчитка. Из Андреяновских самый большой —

Атха. За Андреяновскими простирается гряда Лисьих островов, которые тянутся до Аляски. Среди Лисьих наибольшие острова: Умнак, Уналашка и Унимак. Все эти острова называются Алеутскими и являются родиной алеутов.

Почему русские называли народ алеутами, неизвестно. Учёный Шамиссо и митрополит Вельяминов, чей труд об алеутах считается одним из лучших, предполагают, что слово происходит от выражения «алик-йуая», что означает вопрос «что?», «что это?», которым алеуты часто пользуются в разговорах между собой и которым реагируют на любой непонятный вопрос. Произнесённый быстро, он звучит, как «алиуайя» откуда могло произойти «алиут», а потом и «алеут» — другого истолкования найти невозможно. Возникновение этнонимов из часто повторяемых непонятных фраз не является исключением, например, камчадалы называли русских попов «бохбох» от слова «бог», ими часто произносимого, а сибиряки называли нас, поляков, «панпан», потому что часто слышали от нас слово «пан».

Алеуты причисляются к гиперборейской или арктической расе, к которой относятся также эскимосы, айны, чукчи, коряки и камчадалы. На вид алеуты с камчадалами имеют мало общего. В какой степени родства алеуты состоят с камчадалами, коряками и чукчами, покажут исследования доктора Коперницкого, которому я отдал привезённую коллекцию черепов и скелетов.

По внешности алеуты напоминают северных японцев. С точки зрения европейца их нельзя назвать привлекательными: когда их видишь впервые, они не производят приятного впечатления. Зато метисы часто довольно красивы, а креолки зачастую довольно милые и среди них встречаются даже красавицы. Выражение лиц у алеутов вечно настороженное, оно не бывает ни открытым, ни весёлым — таким, какое наблюдается у многих камчадалов и коряков. Лица смуглые, без румянца, который обычно присущ камчадалам, скулы выдаются сильнее, глаза маленькие, чёрные, волосы тоже чёрные, борода редкая. У женщин на верхней губе чёрный пушок, который к старости нередко превращается в густой волос. Телосложение у алеутов сильное, крепкое, стопа и ладонь маленькие, ноги короткие, в результате чего развилась своеобразная походка, по которой их можно распознать издали. У мужчин, и особенно у женщин, широкий таз и хорошо развитые бёдра. Что особенно поражает в лице алеутов — это низко заросший волосами лоб и на нём глубокие морщины. Эта особенность наследуется из поколения в поколение и придаёт особое выражение их лицам.

Выговор алеута всегда поражает ухо европейца и одинаково тяжёл, независимо от того, говорит ли он на своём языке или по-русски. Чтобы дать некоторое представление о звуках алеутской речи, привожу здесь несколько алеутских слов: утка — ахрекх; гусь — лаггер; лебедь — кокингхех; корова — танам аглей (земной зверь); выдра морская — чахтох; песец — укучин (остров Беринга); мисичех (остров Медный); сивуч — кабах или кагуух; котик-секач — канкуш, кангитах; дом — уллах; землянка — уларах; шалаш — уллашуш; гром — чимдаех; дождь — киндух; снег — канигих; лёд — кдух; вода — таангах; шапка — шалигу; нож — укинех; человек — каган; женщина — аелех; девушка — ашудгех; юноша — таеху; один — аттакен; два — аллах; три — канкус; четыре — сичин; пять — чаан; шесть — аттун; девять — аттих; одиннадцать — аттух шинахта.

Лингвистические исследования показали, что язык кадьяхских коноков (коняг, конягмиутов, кадьяхских эскимосов. — *Н. Т.*) близок наречию гренландских эскимосов и что язык западных и восточных алеутов родствен языку «кадьяхков», откуда легко сделать вывод, что язык алеутов связан с языком эскимосов. Наречье командорских алеутов немного отличается от типичных диалектов из-за того, что в их речь вошло много русских слов: например, «окно» будет «укушке», «стол» — «столух», «собака» — «чубака», «кулик» — «чуллике». В общем, язык их несложен, если практиковаться в нём в процессе общения с местными жителями. Мой товарищ Ян Калиновский, проведя зиму на острове Беринга, уже через два месяца мог разговаривать с алеутами на их диалекте.

Самое сложное в их языке — это склонения и спряжения. Каждое существительное может иметь до тридцати двух окончаний. Например: «адак» по-алеутски «отец», «аданы» — «мой отец», «адан» — «твой отец», «аданинг» — «мои отцы» и т. д. То же самое с глаголами. Каждый глагол имеет сотни окончаний, и, кроме того, различные вставки для обозначения различных состояний и степени действия, например: камгалик — молюсь; камгасигалик — молюсь искренне; камгасигатлттик — молюсь искренне, много раз; камгасигасиадалик — молюсь искренне, многократно и горячо; камгасигатасиадалик — молюсь искренне, многократно, горячо и эффективно.

Этот агглютинативный способ образования слов очень затрудняет понимание говорящего алеута. Другие особенности языка алеутов — это единственное, двойственное и множественное число.

Из родов только мужской род, поэтому, говоря по-русски, смешивают рода или пользуются только мужским родом. Например, говорят: «Твой жена и мой сын» или «лысый корова», или «ребёнок больной».

Звука «л» совсем не произносят. «Ы» произносят как «и», «о» — как «у», «ш» и «ч» — как «с» и «ц», иногда шепеляво. Вместо «слышишь» говорят «слисись», вместо «шипяточок» (мотылёк) — «сипятоцок». «С» и «ц» выговаривают как «ш» и «ч», например, «средний» — «шредний», «целый» — «челий».

Русский язык коверкают ужасно, как это мог бы делать лишь свежеприбывший немец. А о том, как они выражаются письменно, лучше всего свидетельствует воспроизведённое здесь письмо алеута: «Ныне у нас на Северно наше алеуты вziali ат шкуна адна амерыканес и два шлюбки, это дело было ночью в потмах на бериг щастие темно была не вziali все три шлюбки, если бы светло, то вzialiбы все командо, а то ани скрелис в травы, в потьмах таки аднаво вziali шторману а не аднаво японца не вziali и некаво не стрелили, без уроде можно было взать, притомже нашы алеуты мало было на Северном, а эти каторые скрелис в травы ты папали на шкуне и на завтра утром Алекс паракход приехал на Северном и долго был Управляющей на шкуны и аднаво настаятеля вziali ат шкуна на паракход па том атправиле в Петропавловск».

В общем можно сказать, что алеуты добродушны, довольно сметливы, разумны, набожны и привязаны к своей нынешней православной вере, способны к ремёслам и любой физической работе. Из такого материала можно было бы многое сделать, но, к сожалению, подобно другим народам, находящимся на низкой ступени цивилизованности, они подвержены пьянству. Для удовлетворения этой страсти алеут готов пожертвовать всем, за поставку водки готов считать сердечным другом любого подонка, человека же, понуждающего его бросить пить, считает за личного врага. Несмотря на то, что ввоз спиртного запрещён, местные находят возможность обойти этот запрет и напиваются до озверения, потому что пьют чистый спирт, от которого и европеец бы заболел. Чтобы заменить водку чем-нибудь другим, на острове Медном разрешено варить пиво из сахара, пшеничной муки и риса. Но именно это, предпринимаемое в гуманитарных целях, производство пива вогнало местных жителей в долги.

Алеуты — как мужчины, так и женщины — большие любители танцев, прекрасно двигаются, девушки и женщины полны природной грации и даже кокетства; они знают все европейские танцы,

которые там исполняются под звуки фисгармонии, шарманки, гармонии и т. д., так как собственных инструментов, за исключением бубна, не имеют.

Кроме алеутов на островах живут другие народности, всё население (514 чел.) официально подразделяется на следующие категории:

- чистокровные алеуты (168);
- креолы — потомки алеутов и европейцев, и их дети (332);
- европейцы и американцы, служащие в компании (5);
- жители Камчатки, находящиеся на островах временно (9).

Командорские алеуты, в зависимости от происхождения их родителей, делятся на следующие группы:

- выходцы с Андреяновских остров (Атха и других) — 24 семьи;
- выходцы с Ближних островов (Атту) — девять семей;
- выходцы с Лисьих островов (Уналашки и других) — две семьи;
- выходцы с Ситки, островов Прибылова и из Калифорнии — четыре семьи.

Всего на Командорских островах 39 семей алеутского происхождения и четыре семьи, где отец — русский выходец из Европы. Таким образом, основная часть населения происходит от западных алеут, однако в жилах командорских алеутов течёт уже не чисто алеутская кровь, так же, как и не течёт она в жилах алеутов, живущих в других местах, поэтому их деление администрацией на «чистокровных» и «креолов» ничем не оправдано. Также не имеет смысла деления креолов, имеющих смешанную кровь в первой, второй, третьей и т. д. степени. И совершенно нелепо основывать на таком произвольном разделении какие-либо выводы, связанные с физиологией или патологией (Дыбовский имеет в виду публикацию Гребницкого 1882 г. — *Н. Т.*).

Каждому, кто близко знаком с азиатами, и в частности алеутами, известно, что их мораль, нравы и обычаи не предписывают девушкам или замужним женщинам заботиться о недопущении примеси чужой крови. Всем известно, что приезжие моряки, купцы и чиновники уже более ста лет усердно работают над улучшением алеутской расы, поэтому смешно говорить сегодня о чистокровных алеутах или частичных метисах, и особенно абсурдно и смешно слышать таковое из уст тех, кто из собственного опыта знает о половой морали алеутов. Изучая типы, невозможно определить, насколько больше или меньше в тех или иных алеутах или алеутках элементов местной или чужой расы. Более того, часто в одной семье мы видим детей, похожих на креолов, тогда

как их братья выглядят как «чистокровные» алеуты. По отношению к другим, алеутская раса проявляет себя неодинаково.

Например, еврейская, немецкая или цыганская кровь в потомках вытесняет алеутскую, а русская раса, несмотря на сильную примесь русской крови в жителях Командорских островов, не проявляется вообще. Алеутки, живущие с русскими, либо совсем бесплодны, либо рожают мало детей. Эта особенность, на которую раньше мало обращали внимания, побудила меня проверить этот факт в отношении русских и японок.

В Нагасаки я убедился, что бесплодность японок в отношениях с русскими — известный факт, который подтверждает мои наблюдения на Командорских островах, поэтому я считаю совершенно нерациональным завозить русских колонистов на Командорские острова с целью увеличения плодovitости алеутов, как это было запланировано местной администрацией. Недавно появившиеся на свет креолы, дети алеуток, которых я наблюдал, зачатые от европейцев, имеют больше европейских черт, чем дети от креолов: такие обычно возвращаются к алеутскому типу. Атавизм по материнской линии проявляется очень часто. Внуки же, напротив, никогда не возвращаются к типу деда-европейца. Креолов, рождённых от алеута и европейки, я никогда ещё не встречал.

Алеуты, проживающие в настоящее время на Командорских островах, были поселены там примерно в 1830 г. Российско-Американской компанией. До этого на острова приезжали только охотники, которых присылали разные купеческие компании. Один из таких эпизодов описан штурманом Васильевым. Из-за оригинальности, трагического колорита и возможности получить представление о работниках компании, это описание в познавательных целях стоит привести полностью.

Вот что писал штурман Васильев (взято из работы «Путешествие вокруг света по повелению Государя Императора, совершенное на военном шлюпе “Камчатка” в 1817, 1819 и 1820 годах флота капитаном Головинным», ч. 1, с. 161—167, СПб., 1822): «При тихом восточном ветре подошел я (в мае 1812 г.) к юго-восточной оконечности острова Медного, намереваясь начать отсюда поиски высаженных в 1805 г. штурманом Потаповым одиннадцати человек русских. Я пошёл в параллель берега и беспрестанно смотрел в зрительную трубу; уже под вечер, к величайшей радости, увидел в одном заливе строение, велел выпалить из пушки и поднять флаг, а сам продолжал идти к берегу.

Скоро усмотрел я лодку, которая плыла из того залива прямо к судну. На лодке находился промышленный Шипицын и ещё шестеро русских. Лишь только они взошли к нам на судно, то, перекрестясь, со слезами вскричали: “Слава Богу, есть еще на свете люди!” Невозможно описать их восторга, когда они увидели своих знакомых: обнимались, целовались, плакали, крестились! Потом стали упрекать, что их бросили на острове, и целые семь лет о них забыли. Сперва они никак не хотели оставаться долее на острове, а требовали, чтоб отвезти их в Охотск; но после, когда первый ропот прошёл, и они посоветовались между собою, то один за другим и все решились остаться здесь еще на год; один только из них за болезнь просил меня взять его с собою в Охотск, на место же его выискался охотник из наших промышленников.

Помянутый промышленный Шипицын — человек высокого роста, здоровый и сильный. Он более двадцати лет находится в службе Американской компании. Усердие и ревность его к пользам компании примерные. По малой мере целую треть всего промысла он добыл один со своею женою. Из его книги усмотрел я, что он восемьсот котов промыслил в один год, а иной в это время и двухсот не добудет.

“Много вытерпел я, — говорил он мне, — на сем острове от непослушания, буйства и несогласия моих подчиненных, а особливо в последние годы. Когда, бывало, посылал кого на промысел, то никто итти не хотел, а требовал от меня платья и привозной пищи. Я всячески их уговаривал, обнадеживая, что, верно, скоро приедет судно и привезёт нам всё нужное. Но когда последний наш провиант вышел, и другие нужные вещи все издержались, то ропот умножился. Может быть, они посягнули бы на мою жизнь, если бы не опасались того, что я очень силен.

Когда привезли нас сюда, то строжайше запретили, чтоб никто не смел ничего из промысла употреблять для себя. Суровость климата и глубокие снега принудили нас помыслить об одежде. Тогда все приступили ко мне и просили дозволить им употребить из промысла, сколько нужно на платье и обувь. Я принужден был согласиться и скоро увидел их одетых с головы до ног в меха морских котов и песцов. Не проходило дня, в который бы мы, собравшись за стол, не говорили о присылке к нам судна и о нашей участи. Разные об этом были мнения. Напоследок мы все согласны заключили, что о нас вовсе забыли.

Так жили мы, бедные, как брошенные люди, на сем пустом острове семь лет, без всякой помощи и надежды. Иногда приходило

нам на мысль пуститься на волю Божию в Камчатку, но, не имея карты, не отважились. Итак, решились подождать ещё нынешнюю весну, а летом, оставя весь промысел здесь, переехать на Берингов остров и там поселиться, в надежде, что там скорее нас найдут. Недостаток в зверях и в жизненных потребностях понуждал нас оставить остров Медный. На Беринговом же острове зверей, рыбы, птиц, птичьих яиц, кореньев и других потребностей жизни очень довольно, да и климат там гораздо лучше здешнего. Каждое воскресенье и каждый праздник мы собирались на молитву; двое из нас, знающие грамоте, читали часы и другие молитвы”.

Так рассказывал мне промышленный Шипицын. С ним была тут же жена его русская и трое детей. Впрочем, я нашёл всех сих людей здоровыми и весёлыми, кроме одного, о котором выше упомянул. У них были скрипки, и я часто слышал музыку их, песни и пляски. Если когда-либо музыка прогоняла грусть и скуку и вселяла бодрость в сердца унылые, то, верно, у сих бедных людей. Они просили дать им священных книг и азбук, и я охотно снабдил их оными».

После сего Васильев навестил товарища сих людей, Якова Мынькова, который один оставался на Беринговом острове для караула наловленного ими промысла. Вот что говорит он о сем человеке: «Окончивши сие дело, пошли мы 6 июня в полдень, при попутном ветре, мимо небольшого, но высокого острова, называемого промышленниками Яичным островом. В шесть часов вечера прошли влево от сего острова мимо подводного камня, который полною водою покрывается в одной версте. Потом велел я выпалить из трёх пушек и поднять флаг. Ввечеру, часу в осьмом, увидел человека на северо-восточном берегу острова Берингова. Тотчас приказал я спустить лодку и итти за ним.

Через час посланные привезли того человека на судно. Надобно быть свидетелем его удивления, восторга и благодарности, чтоб описать сие! Долго он не мог промолвить ни слова и только проливал слезу, стоя на коленях, подняв руки к небу. Первые его слова были: “Слава Богу, что ты до меня милостив! Я думал, что меня совсем здесь бросили и забыли навсегда!” Потом, увидевши своего товарища с Медного острова, которого (как выше упомянуто) я взял с собою, он стал ему выговаривать, что его оставили на острове без всего.

Долго он горько жаловался на свою судьбу. “Надобно было, — говорил, — достать себе пищу и одежду. Несколько дней я совсем ничего не ел; в реке рыбы много, но чем её ловить? Нужда научила

меня сделать из гвоздя уду, и я наловил себе рыбы. Тут надлежало подумать, как достать огня, в котором я имел нужду и для варения пищи и для согревания себя от стужи. Долго не придумывал я способа. Наконец, вспомнил, что у меня, к счастью, была бритва. Нашёл камень, древесную губку от тальника, растущего на острове, и мне удалось высечь огонь. В жизнь мою ничему так не радовался, как тогда! На том месте, где меня высадили, мало было способов для пропитания, и для того я перешёл на другую сторону острова и расположился жить при реке, в которой было много рыбы. На зиму опять возвратился на прежнее место, где нашёл весь промысел песцов, оставленный мною в юрте и уже испортившийся. Я об этом не жалел, а думал только о своём спасении.

Настала зима, юрту занесло снегом, платье и обувь — всё износилось. Всего нужнее был для меня огонь, и я с трудом мог добывать его. Тут-то я горько плакался о своей бедной участи; оставленный всем светом на пустом острове, без пищи, без платья, без всякой помощи! Что было бы со мною, если бы я сделался болен? Пришлось бы умереть бедственною смертью! Тщетно я ждал своих товарищей, которые обещали за мною приехать, но не бывали. Я боялся, не потонули ли они, переезжая через пролив, или, может быть, приехало за ними судно и взяло их, а меня, бедного, оставило здесь без милосердия. Разные мысли приходили мне в голову и иногда доводили меня до отчаяния”.

Он часто со слезами умиления взирал на небо и благодарил Бога, что он прислал ему судно. На нём было платье и обувь из звериных шкур, так же как и на товарище его, взятом с Медного острова».

Общее количество алеутов на Командорских островах составляет не более пятисот человек. Хотя нам удалось сохранить их так мало, всё же это пятая часть всей численности ныне живущих на планете алеутов, если прибавить к ним ещё горстку из восьмидесяти человек, вернувшихся с Курильских островов после того, как их отпустило японское правительство.

Алеуты, которые вернулись с Курил, были временно поселены на Камчатке. Я не сомневаюсь, что рано или поздно администрация будет вынуждена переселить их на Командорские острова, где среди своих соотечественников, в условиях, подходящих для их образа жизни, они смогут выжить. Коротко замечу, что положение курильских алеутов на Камчатке прискорбно.

Российско-Американская компания, учреждая свои фактории на Курильских островах, привезла туда несколько алеутских се-

мей. После ликвидации компании алеуты остались там вплоть до того времени, пока острова не перешли во владение японцев. Лишь при обмене Курильских островов на Сахалин, алеутов спросили, хотят ли они оставить российское подданство или принять японское. Они согласились на первое, и за ними был послан военный корабль из Владивостока, который привёз их вместо Командорских островов на Камчатку.

Они были брошены в Петропавловске в ту пору, когда не могли заготовить себе запасов на зиму, без средств и без возможности зарабатывать себе на жизнь, вдобавок к этому ещё с трактиром под боком, в котором они тут же утопили всё ценное, что при себе имели. Поселенные на зиму в старом гнилом доме без надлежащего отопления, они начали болеть, и уже по истечении одного года умерло несколько человек.

Попытки исправить зло переселением их в Сероглазку, поселок в трёх верстах от Петропавловска, оказались тщетными. Бедность шла за ними по пятам. Там они жили в ямах, похожих больше на волчьи норы, а не на человеческое жильё, одевались в нищенские лохмотья, не защищающие от стужи, питались нездоровой пищей: тухлой (кислой) рыбой, собачьей юколой. Но даже и такой еды не удавалось им выпросить в достаточном количестве, поэтому не удивительно, что ко второй весне со времени их прибытия (в 1879 г.) среди них началась эпидемия тифа, грозя смертью несчастным людям.

Доктор Юлиан Вимут представил в своём рапорте местным органам ужас положения умирающих от голода людей и вынудил их прийти на помощь. Хотя помощь была далеко не достаточной, она защитила алеутов от голодной смерти. Такое положение дел продолжалось до 1880 г., но, несмотря на предпринятые меры, последствий такого состояния предвидеть было невозможно.

Несмотря на неоднократные предложения со стороны администрации перевезти алеутов из Камчатки на Командорские острова, где сейчас нет недостатка в работе, особенно на острове Медном, и где они смогут стать полезными членами общества, алеутов оставили на месте, поскольку агент кампании не хотел принять их на острова. Чтобы дать представление, с каким отвращением агент относился к курильским алеутам, достаточно упомянуть тот факт, что он не только препятствовал их общему подселению, но и запретил одному алеуту с острова Беринга взять в жёны пришлую алеутку.

Причины своего нежелания он не объяснял, вместо этого он нашёл официального истолкователя в лице управляющего островами. В качестве официальной причины было указан низкий уровень нравственности курильских алеутов. Кто бы мог ожидать, что в качестве законного основания будет приведена безнравственность курильских алеутов, ведь каждому было известно, как низко оценивает автор надуманной причины моральность алеутов командорских.

Вот как он описывает характер алеутов в официальном рапорте генерал-губернатору, помещённому в «Сборнике главнейших официальных документов по управлению восточной Сибирью», т. 3, с. 73: «Неподвижность и лень, качества присущие всему населению острова Беринг»; с. 74: «Вообще надо сказать, как это ни больно для европейца, что примесь русской крови расу не улучшила, но во многих случаях ухудшила. Креолы обладают всеми недостатками, присущими алеутам и русским и не обнаруживают ни одной хорошей черты, свойственной той или другой расе»; с. 76: «Полнейшее смешение полов существует и в настоящее время. Сожительство брата с сестрою, дяди с племянницей, отца с дочерью — явления не исключительные... Жители называют себя христианами, но добродетели христианские отсутствуют, — любви и милосердия к ближнему не существует»; с. 78: «Отношения между мужем и женою, благодаря влиянию русских, не носят такого миролюбиваго и дружескаго характера, как у бывших алеут. Ссоры и даже битье жены мужем — явления обыденные... Девушка пользуется тем большим уважением, чем у неё больше любовников...» (Текст цитат взят из оригинала. — О. К.).

Слово «любовник» употребляется здесь в более приземлённом смысле, чем под ним обычно подразумевают, но другого термина для этого мы в нашем языке не имеем. Этот описанный в рапорте краткий перечень характеристик алеутов Командорских островов доказывает, что абсурдно объявлять причиной недопущения курильских алеутов их безнравственность, это противоречит всем красноречивым доводам о благих намерениях. Но, несмотря на это, причина, которую выдвинуло управление, была признана законной, и курильские алеуты всё ещё остаются на Камчатке.

Новый администратор Камчатки, который прибыл в Петропавловск осенью 1880 г., привёз с собой распоряжение: не выдавать больше никакой государственной помощи курильским алеутам. Не зная, что с ними делать, он решил собрать частные пожертвования и, кроме того, выделить им под свою ответственность, в виде

займа, помощь из сумм на камчатских аборигенов. Он отправил их на восточный берег полуострова к югу от Петропавловска, чтобы они выбрали там себе место для временного поселения.

Эта экспедиция принесла успех алеутам. К счастью, они нашли там несколько морских выдр, и это дало им возможность получить кредит у петропавловского купца. Так они и прозябают в этом пустынном месте, ожидая, что судьба смиростивится над ними. Чтобы получить представление об условиях, в которых они находятся, достаточно отметить, что весь добытый мех они обязаны сдавать купцу по тем ценам, которые он сам им назначит. В течение двух лет они задолжали купцу несколько тысяч серебром. Отданные в руки жесточайших эксплуататоров, они не могут надеяться когда-либо вообще выйти из тяжёлого положения, если с побережья Камчатки исчезнут каланы.

В конечном итоге, если охота прекратится, они окажутся без какой-либо помощи и погрязнут в долгах. Представляется невозможным организовать их обеспечение так далеко от Петропавловска, в местах, недоступных из-за высоких гор, без каких-либо дорог, куда не сможет попасть ни врач, ни священник. Дети их остаются некрещёными, брачные узы не благословляемыми, больных никто не лечит, и в случае эпидемии или голода они не могут рассчитывать на какую-либо помощь, потому что совершенно отрезаны от остальной территории Камчатки. В такой-то нужде живут эти люди, не захотевшие из религиозных и патриотических соображений сменить подданство.

В конце хочу сказать несколько слов о процитированных выше суждениях управляющего, которые так негативно представляют мораль командорских алеутов. Суждения эти следует по меньшей мере назвать преувеличенными. Если алеуты когда-либо и совершали преступления, то только под воздействием алкоголя. Алкоголь был и остаётся причиной безнравственности. Без него и курильские, и командорские алеуты будут моральными, более даже, чем амурские и южно-уссурийские народы.

Это пятая часть всего алеутского населения, которое в настоящее время живёт на земном шаре. По последним статистическим данным, население Алеутских островов (включая острова Прибылова) составляет 2 600 чел. обоих полов, причём указан тот факт, что население не только не растёт, но находится на грани вымирания. Итак, мы видим, что люди крепки, умны и, казалось бы, имеют все данные для умственного и физического развития, но, тем не менее, вымирают. Невозможно узнать точно, сколько было

алеутов до их первого контакта с европейцами. По некоторым данным, их было 50 000, а согласно представленным митрополитом Вениаминовым — только 25 000. Если считать, что последнее число наиболее достоверно, то получается, что спустя сто тридцать лет осталось только 12 %, то есть каждые два года население уменьшалось на 1 %.

И тому были причины. Митрополит Вениаминов представил целый ряд таковых, а именно: внутренние распри, войны с соседями, варварство приезжих купцов, административные распоряжения руководящих алеутами компаний (принудительное переселение алеутов в новые колонии), оспа, голод и сифилис. Из всех этих факторов самым разрушительным было варварство сибирских купцов и их сообщников. Некто Соловьёв убил триста алеутов. О двух таких случаях не мог умолчать даже Берх в своей «Истории открытия Лисьевских островов».

А что можно предположить по поводу других событий, в которых принимал участие Соловьёв и его преемники? Согласно данным митрополита Вениаминова, общее число погибших, ставших жертвами жадности и варварства, превышает пять тысяч. Вениаминов в своей книге «Записки об островах Уналашкинского отдела» даёт подробное описание всех зверств, совершённых на Алеутских островах. Будет не лишним привести здесь короткую выдержку из этих записок, чтобы показать, в каких условиях вырабатывался характер алеутов. Митрополит не мог знать наверняка, кто первый на островах дал повод применить жёсткие меры: то ли русские насилием разного рода, творимым над местными жителями, то ли алеуты, которые неохотно шли под ярмо неволи. Первое митрополит считает более правдоподобным, но и другого не исключает. Хотя причина распрей неизвестна, известно, по крайней мере, что алеуты развязали войну первыми и в течение зимы уничтожили три судна русских купцов, чем дали повод для мести. Глотов и Соловьёв взяли на себя роль мстителей. Глотов прибыл с острова Кадык на остров Умнак и уничтожил всех жителей и их деревни на южном берегу острова.

Та же участь постигла жителей островов Самалги и Четырёхсопочных. Соловьёв приплыл с Камчатки на Уналашку и под видом жестокой мести издевался над бедными безоружными алеутами. Он наслаждался процессом убийства, приказав связать алеутов по двенадцать в ряд, одного за другим, и, стреляя в них из карабина, любопытствовал, в котором увязнет пуля (говорят, пуля увязла в девятом).

Этот же Соловьёв убил алеутов, которые приплыли на двух байдарках в гости к знакомым, и завершил расправу, убив стариков, женщин и детей, бежавших от преследований на остров Яичный. Натрубин, товарищ Соловьёва, вырезал алеутов на острове Аватанак. Двое других, имена их неизвестны, вероятно, капитаны кораблей Бечевин и Протасов, убили огромное количество людей.

Одного из них отлично характеризует следующий рассказ митрополита. Уничтожив три посёлка, русские под командованием этого же командира и его наложницы, направились к четвёртому. Но в дороге их застигла пурга, и они, не одетые в камлеи, так сильно промокли и озябли, что были не в состоянии нападать. Алеуты приняли их как гостей, внесли каждого в юрту, так как у них не было сил спуститься вниз по лестнице, обогрели и накормили. Но бедные алеуты — так пишет митрополит — не ведали, кого они у себя пригрели. Когда пришельцы набрались сил, то приказали собраться всем в юрту и начали их убивать.

Действия этой банды мстителей митрополит считал хотя и жестокими, и варварскими, но менее достойными осуждения, чем позднейшие деяния такого рода, так как первыми двигала жажда мести. Позднее алеутов убивали без повода и цели. Здесь митрополит перечисляет имена, среди которых упоминает Илью Лазарева, отличившегося особой жестокостью и варварством. Этот человек не считал алеутов за людей, сбрасывал их со скал, убивал ножом, который всегда носил с собой, или забивал обухом топора. Повод к этому мог быть самым незначительным, например то, что алеут посмел посмотреть на его наложницу. Один из таких «героев» вспорол живот алеутской девушке только за то, что она решилась без позволения съесть кусочек китового сала.

Адмирал Сарычев насчитал пять тысяч алеутов, убитых таким способом, но митрополит Вениаминов считает, что цифра эта занижена. Таков краткий счёт нашего долга, который мы должны возместить потомкам этого несправедливо пострадавшего народа.

И только экспедиция Биллингса в 1790 г. положила конец этим злодеяниям, но, к сожалению, не ликвидировала рабства алеутов, которые не выходили из этого состояния до распада Российско-Американской компании. Сейчас алеуты живут несравненно лучше, но всё же условия, в которых они живут сегодня, невольно вынуждают задать вопрос: свободны ли алеуты?

Алеут не является господином ни своего времени, ни своего труда. Он прикован к точке принудительной деятельности и всё ещё находится под постоянным контролем стоящих над ним стражей,

следящих за каждым его шагом. Он играет роль рабочего инвентаря, поэтому должен считать за везение, если его нынешний, арендующий его хозяин понимает, что рабочий инвентарь нужно хорошо кормить, чтобы он хорошо выполнял свою работу.

Вернуть прошлое невозможно, как и невозможно стереть позор, лежащий на именах тех выроdkов разных национальностей, которые принимали участие в варварском истреблении аборигенов. Вот несколько примеров страшного варварского поведения цивилизованных народов из труда Оскара Пешла «Этнология»: «Испанцы обильно проливали кровь индейцев, однако то, что они творили во время своих заморских походов, не идёт ни в какое сравнение с преступлениями португальцев в Бразилии. Они подбрасывали одежду больных скарлатиной и оспой в деревнях, населённых индейцами, чтобы искусственно вызвать эпидемию. Жители Соединённых Штатов отравляли стрихнином колодцы в пустыне Юта, откуда индейцы черпали воду. Во время голода жены англичан в Австралии добавляли в муку мышьак и раздавали побирающимся местным. В Тасмании английские колонисты стреляли туземцев ради развлечения, если не могли найти лучшего корма для своих собак».

Но обязанностью цивилизованного общества должно быть хотя бы частичное возмещение потомкам ущерба, который был причинён их предкам. И если правительства тратят большие средства на сохранение, по крайней мере, части вымирающих животных, избежавших полного уничтожения, то тем больше усилий они должны прилагать к сохранению вымирающих человеческих племён.

Процесс уничтожения и денационализации с прогрессом цивилизации должен уступить место ясному пониманию необходимости существования многообразия каждого вида для всестороннего и гармоничного развития и прогресса человечества. И только близорукие невежды могут полагать, что, намеренно уничтожив несколько букв алфавита, им будет легче расшифровать незнакомую рукопись. Всякая рукопись, над которой работают самые гениальные представители человечества, — это наука о жизни, а слогами этой рукописи являются формы органического мира, будь то племена, народы или виды животных и растений. Если грустно и больно наблюдать человека в расцвете лет, безвинно приговорённого к смертной казни, то стократно больней видеть целые племена, которые приговорены к смерти неблагоприятными условиями жизни.

Когда я познакомился с племенами, населяющими Камчатку и Командорские острова, моим желанием стало исследовать эти условия и найти способы их улучшить. То, что мне удалось сделать для алеутов, я имею честь представить ниже. Собранные цифры и факты уже потому заслуживают внимания, что касаются народа, который с современной точки зрения не имеет никакого будущего.

Алеуты, живущие на Командорских островах, в разное время были привезены с Алеутских островов Российско-Американской компанией. Их заселение на необитаемые острова началось, вероятно, с 1830 г. В рапорте управляющего Командорскими островами как дата заселения островов указан 1812 г. Причём сказано, что адмирал Головнин уже в 1811 г. нашёл на островах четырнадцать мужчин и одну женщину. Оба утверждения ошибочны. Головнин проплывал мимо Медного только в июне 1818 г., он не сходил на берег и о жителях островов ничего не упоминает. Читая описание его путешествия, можно прийти к выводу, что он сомневался в том, что остров обитаем. Что касается четырнадцати мужчин и одной женщины, то их видел на островах не Головнин, а штурман Васильев.

Жителями островов, как было сказано выше, являются в основном алеуты. Я настаиваю на своём заявлении, основывая его на официальном списке жителей Командорских островов, копия которого приложена даже к рапорту управляющего островами. Я делаю так потому, что в том же рапорте на 45-й странице высказано другое мнение. Там написано, что алеутов на островах не больше 23,9 %. Автор этого рапорта не только занижает цифры, отражающие их численность, но ещё и добавляет, что и эта малая часть жителей не может называться алеутами, потому что они чужеродцы, происходящие от браков с якутами, татарами или колошами. Поэтому он считает более уместным назвать их местными жителями, или «иногородцами». По мнению управляющего Командорскими островами, алеутов на острове нет.

Процитированный рапорт управляющего наполнен парадоксами и противоречиями, такая работа направлена не на этнологию, а лишь бы представить различные умозаключения, не имеющие ничего общего с научными исследованиями. Так, например, чтобы ввести на островах постоянную церковную службу, было необходимо выставить мораль алеутов в самом чёрном цвете (с. 77).

Как было сказано выше, чтобы изменить внутренний порядок на островах, было необходимо лишить людей права называться алеутами. Я не отрицаю, что в жилах алеутов, как командорских,

так и других, течёт и посторонняя кровь, но нельзя на этом основании отказывать им в праве называться алеутами. Ни администрация и американские учёные, ни администрация Камчатки к такому выводу не пришли, хотя, тем не менее, им приходится иметь дело с теми же самыми алеутами, только живущими на Командорских островах.

Уровень культуры алеутов не позволяет заменить патриархальное «иностранческое» управление на муниципальные органы власти, которые существуют в европейской России. Эти, казалось бы, незначительные изменения управления «иностранческого» на «сельско-земский» имеют для островитян очень серьёзные последствия. Теперь они преследуются по всем статьям закона, о которых не имеют никакого понятия, и которые должны регулировать их отношения в семье и браке. От упрощённой патриархальной судебной системы, которая принимает во внимание обычаи малообразованных народов, они вынуждены перейти к усложнённому процессу суда с судьями, присяжными и т. д. За каждую малейшую провинность, совершенную в быту, они обязаны, независимо от пола и возраста, предстать перед покрытым алой скатертью судебным столом с «зеркалом» и театрально одетым, погружённым в свои мысли, мудрёным прокурором. Вооружённый фолиантами «Свода законов», он наводит на туземцев панический страх. Вконец их добивают сотни «бумаг», написанных на совершенно непонятном для них официальном языке и предписывающих даже форму одежды, в которой следует ходить в церковь.

Журнал «Русская старина» приводит как курьёз официальные распоряжения, которые были написаны для повара и прочих дворовых слуг неким российским обывателем. Для подобной публикации можно было бы собрать поучительные материалы и в архивах Командорских островов. Сельско-земская комиссия по управлению алеутами была бы просто смешна, если бы от этого не страдали люди, которые уже столько перенесли.

Во времена правления старых компаний все поселенцы жили в землянках, построенных из выброшенного на берег морскими волнами леса. Теперь в таких жилищах находит убежище едва ли не треть населения. На практикующемся там русском языке они называются «барабарами». Это название, вероятно, происходит от камчатского «базабаз», что значит землянка, по-алеутски она называется «уларак».

Землянки, или хижины, наполовину скрыты в земле, невысокие, без потолка, крытые невысокой двускатной крышей. Внутри

они обиты досками или ошкуренными бревнами. Пол тоже деревянный. Снаружи покрыты толстым слоем земли и укрыты дерном, который благодаря влажному климату разрастается в высокую густую траву и защищает барабару от бурь и дождей. Вход в барабару находится в одном из углов на уровне поверхности земли. Окна, пропускающие мало света, всегда помещаются перпендикулярно полу в более или менее глубоких нишах. Жилая комната всегда отделена от кухни, которая вместе с кладовкой находится рядом с сенями.

Пища готовится в кухне на огне, который разводится попросту на земле. Жилая часть избы обогревается теперь дровами, сжигаемыми в железных печах. С тех пор, как новая компания («Гутчинсон, Кооль и К^о». — *Н. Т.*) взяла в аренду Командорские острова, она стремится обеспечить людей жилыми домами, строит их за свой счёт и отдаёт населению.

Дощатые домики строят из леса, привезённого из Америки. До сегодняшнего дня, то есть до 1880 г., на острове Медном построено двадцать четыре домика, в них проживает всё население острова, а на острове Беринга — двадцать три домика, в них живёт примерно половина населения. Все они построены по единому плану и выглядят довольно красиво. Выкрашенные в красный цвет, с широкими окнами, высокой, островерхой двухскатной крышей, они производят гораздо более приятное впечатление на тех, кто в состоянии сравнить их с неуклюжими камчатскими домами, построенными без учёта каких-либо архитектурных требований и симметрии, покрытых соломой, с окнами, проёмы которых затянuty животной брюшиной или кишками медведя.

Внешность камчатских домов настолько непривлекательна, что, сидя в них, с сожалением думаешь о заброшенных островных барабах. Внутри каждый алеутский домик делится деревянными перегородками на несколько небольших помещений: сени, светлицу, спальню и кухню, расположение которых почти везде одинаковое, а если различия и имеются, то только в размерах отдельных домов, часто довольно тесных и недостаточно больших для того количества людей, которое их населяет. Устройство дома и обеспечение мебелью не является делом компании и предоставлено стараниям жителей.

У жителей острова Медного, которые по сравнению с жителями острова Беринга считаются более богатыми и более цивилизованными, стены домиков изнутри оклеены обоями, потолок обит белёным полотном, имеются кровати, разная мебель и даже настенные

и настольные часы, а также другие предметы, призванные для украшения жилища, например, картины. Всё это создаёт впечатление комфорта, что в восточной Сибири встречается очень редко. На острове Беринга происходит обратное: никто не заботится об обустройстве своего жилища и большая часть жителей, почти три четверти, по старой привычке спит на полу.

Вообще у алеутов нет стремления к чистоте и порядку, касается ли то их самих, или их жилища. В число добродетелей алеутов это никогда не войдёт. Однако жители Командорских островов, с тех пор, как ими стала управлять нынешняя компания, сделали огромный шаг к лучшему. Тем не менее, и сегодня можно во многом упрекнуть даже жителей острова Медного, не говоря уже о жителях острова Беринга, где все, за небольшим исключением, живут, утопая в грязи. При посещении домов и барабар очень неприятное чувство вызывает их вид и запах.

Дома и барабары отапливаются приобретаемыми у компании дровами, которая завозит их с Камчатки до четырёхсот кортов ежегодно (корт — местная мера камчатского леса: 28 четвертей в длину по 7 четвертей в ширину и высоту). Сейчас море выбрасывает на берег мало леса. Всё лето население занято делом, и нет времени на то, чтобы собрать его в достаточном количестве, поэтому жители вынуждены переплачивать компании, покупая корт за 12 руб., в то время как на Камчатке компания платит по 3,5 руб. за корт. Из-за нехватки топлива в домах стоит низкая температура. Окна для проветривания почти никогда не открываются, пища готовится в жилом помещении, поэтому воздух пропитан невыносимой вонью от мяса котиков, солёной рыбы и подгоревшего разлитого жира.

В дополнение к неприятным запахам, возникающим из-за неряшливости жителей, чадят вызывающие постоянные перепады температуры печки, вредя здоровью человека обоими своими качествами, всем хорошо известными. Островитяне проводят в этих домах и барабарах только часть года — после окончания охоты и завершения путины. Летом, во время промысла котиков и ловли рыбы (последняя исключительно на острове Беринга), и зимой, когда охотятся на песцов и каланов (только на острове Медном), живут в маленьких, низких, сырых и грязных барабарах — там, куда их приводит работа. Печи есть не везде, пищу готовят на костре, наполняющем всю барабару дымом. Эти жилища очень вредны для здоровья, и их как можно скорее следует заменить другими, более удобными.

Одежда алеутов, особенно на острове Медном, ни покроём, ни материалом не отличается от одежды городских рабочих цивилизованного мира. Мужчины покупают готовую одежду, привезённую из Сан-Франциско. Они носят шерстяные или хлопковые чулки, сапоги, фланелевые или ситцевые кальсоны, штаны бумажные, суконные или диагональные, фланелевые кафтаны, жилеты, пиджаки, рубашки, сюртуки, галстуки, майки, шапки и шляпы. С уверенностью можно сказать, что в одной семье алеута больше одежды, чем в целой деревне убогих камчадалов. Я не знал ни одного камчадала, чью одежду по стоимости можно было бы сравнить с одеждой самого бедного алеута. Во время охоты и работы на пристани используется непромокаемая обувь, которую русские называют «бродни». Это своего рода сапоги с длинными голенищами из шкур котиков и подошвами из шкур морских львов. Есть и другой вид водонепроницаемой обуви, которую надевают, чтобы ходить по глубокой воде. Её сшивают вместе с кожаными штанами, по-алеутски она называется «худовойех».

Одежду, защищающую от дождя и воды во время плавания в байдарках (маленьких лодках из шкур морских львов), алеуты называют «камлейки», или «чигидах». Это своего рода рубашки с капюшоном из кишок морских котиков. Такие рубашки, смазанные жиром тех же котиков, замечательно отталкивают воду, а по лёгкости превосходят плащи и другую непромокаемую одежду. Алеутки научились, наконец, шить себе платья, и теперь помимо верхней одежды они не покупают себе ничего, кроме материалов для шитья. Их одежда состоит из чулков, башмаков или туфель, фланелевых или ситцевых маек (мужского покроя), хлопчатобумажных или шерстяных платьев, иногда даже шелковых или муслиновых.

На плечах носят большие платки, по-алеутски — «шалитых». Иногда одеваются в покупную одежду и часто надевают на себя новомодные, элегантные украшения. Голову покрывают хлопчатобумажными или шёлковыми платками, которые завязывают под подбородком. Замужние женщины носят чепчики. Некоторые из них, выходя на улицу или в церковь, надевают модные шляпы.

Как вы можете видеть из приведенного выше описания, местная одежда всё больше уступает место безвкусной космополитичной одежде мещанского типа, не подходящей для местных условий. На острове Беринга почти все мужчины и некоторые женщины носят так называемые «парки» — это верхняя одежда, сшитая из птичьих шкурок топорков, похожая на длинную камлейку с узким

воротом, но без капюшона. Вообще мужчины и женщины острова Беринга одеваются почти так же, как на острове Медном, но менее элегантно и более неряшливо.

Каждый год агентом компании по согласованию с представителем российского правительства устанавливаются твёрдые цены на определённую часть товаров. Прейскурант вывешивается в магазинах. У каждого домохозяина есть книжечка, в которую записываются все взятые им товары, рядом с которыми, с правой стороны, проставлены цены. Поскольку большинство алеутов умеют писать, читать и считать, им нетрудно самим контролировать свои расходы. Поэтому торговля здесь гораздо более упорядочена, чем на Камчатке, где купец, а за ним и его человек, самовольно повышает цены на товары, иногда до баснословных 1 000 %, кроме того, он сам оценивает стоимость мехов, которые дают ему в обмен на товар.

Органы местной административной власти никоим образом не могут защитить аборигенов от произвола торговцев. Даже если поднять плату за меха, то купцы, в свою очередь, поднимут цены на товары. Нет такого закона, который бы охранял интересы камчадалов. Как я понял, ни один из существующих законов не направлен на их защиту. Они являются невольниками торговцев в полном смысле этого слова, как когда-то алеуты были в рабстве у купцов во времена свободной торговли на островах, когда их нагло обманывали на каждом шагу. Неудивительно, что сейчас камчадалы завидуют алеутам и мечтают о том, чтобы попасть под опеку американской компании. В качестве примера я привожу здесь цены, назначенные в 1880 г., и для сравнения цены в Петропавловске и других местах Камчатки. Цены на Командорских островах, по сравнению с рыночными ценами в Петропавловске, невысокие. На самом деле, начисляют меньший процент прибыли, а на Камчатке, по моим расчётам, берут 400 за 100. К тому же следует заметить, что алеуты платят за товар серебряными рублями. Цены на товары на складах торгового дома «Гутчинсон, Кооль и К^о» устанавливаются в соответствии с их курсом.

В десятом параграфе контракта с компанией российское правительство обеспечивает защиту алеутов от возможности эксплуатации со стороны купцов следующим положением: «Торговому дому «Гутчинсон, Кооль и К^о» не воспрещается продавать жителям островов необходимые товары, но только по ценам, определённым в особом прейскуранте, подтвержденном администрацией по согласованию с представителями компании».

Цены на продовольственные и прочие товары на складах торгового дома «Гутчинсон, Кооль и К^о» на Командорских островах:

**Cennik artykułów żywności i innych towarów w składach Domu handlowego:
Hutchinson Cohl & Comp. na wyspach Komandorskich.**

Wyszczególnienie towarów	C e n a									
	na wyspach Komandor- skich		w Pietropa- wiewsku		w Kluczach		w Tigilu		w Obłukowej, Pallanie, Kolpa- kowskiej	
	rsr.	kop.	rer.	kop.	rsr.	kop.	rsr.	kop.	rsr.	kop.
Mąka pszenna biała, za wo- rek „kul“ = 55 fantom	3	50	4	50	8	—			9—12	—
Mąka pszenna biała	4	—			{ niema w handlu					
Kasza rozmaitego rodz. pud	2	25			{ niema w handlu					
Ryżu fant	—	15	—	15	{ niema w handlu					
Sucharów marynarskich „	—	15	—	25	{ niema w handlu					
Grochu i fasoli „	4	—			{ niema w handlu					
Słoniny amerykańskiej „	—	18			{ niema w handlu					
Wieprzowiny „	—	22			{ niema w handlu					
Masła solonego „	—	75	—	—	1	—	1	—	—	—
Smalcu wieprzowego „	—	30	—	60	—	60	—	—	—	—
Octu gallon	—	75	1	60	1	50	1	50	—	—
Pieprzu fant	—	90	—	—	—	—	—	—	—	—
Gorzycy „	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Soli „	1	—	1	20	2	—	niema w handlu			
Herbaty czarnej „	1	25	1	75	1	60	2	—	2	25
Cukru białego „	—	80	—	60	—	60	—	60—75	—	75
Melasy gallon	—	90			{ niema w handlu					
Tytoniu krajanego fant	—	60			{ niema w handlu					
Mydła oślinka „	—	15	—	25—30 fant	50	—	50	—	50—60	—
Perkaliki amerykańskie jard	—	20	—	35—40 arszyn	45—50 arszyn	50	—	50	—	75
Szarytyng „Mitkalsiony“ „	—	25	—	50	—	60	—	60	—	75
Szarytyng biały „	—	35	—	—	—	—	—	—	—	—
Podczochy męskie para	—	60	—	—	—	—	—	—	—	—
„ kobiece „	—	60	—	—	—	—	—	—	—	—
Koszule wełniane męskie „	3—10	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Spodnie męskie „	3—15	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Czapka „	2	50	3	50	8	75	—	—	—	—
Chustki bawełniane rozma- itego gatunku	—	45—60	1	—	1	—	1	—	1	—
Trzewiki męskie para	3	75	—	—	—	—	—	—	—	—
„ kobiece „	3	50	—	—	—	—	—	—	—	—
Buty męskie „	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Żelazo sztabowe fant	—	13			{ niema w handlu					
„ na obręcz „	—	16—18			{ niema w handlu					
Blacha żelazna „	—	36			{ niema w handlu					
Noże myśliwskie „	od 2	do 75			{ niema w handlu					
Pily „	2	75			{ niema w handlu					
„ „	3	50			{ niema w handlu					
Topory do rąbania drzewa „	4	—	4	—	4	—	4	—	4—6	—
Łopaty żelazne „	2	50			{ niema w handlu					
Nożyczki stalowe „	1	50			{ niema w handlu					
Lgry papierek „	—	15	—	25	—	30	—	30	—	30—50
Szkiełko do lampy „	—	30	—	75	1	—	1	—	—	—
Zapalki 1200 sztuk „	—	50	—	50	1—1	20	1	20	1	50
Prochu fant	1	—	1	20	1	20	1	20	—	—
Ołowiu „	—	15	—	—	—	—	—	—	—	—
Śrótu „	—	30	—	—	—	50	—	60	—	—
Śrucer „	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Strzelba myśliwska „	27	—	50	—	60—70	—	—	—	—	—
Kapieszonów paczka	—	30	—	50	1	—	1	—	1	—

Исходя из этого положения, администрация, если только пожелает, всегда может сама установить цены. Тот же договор запрещает ввоз спиртных напитков. Именно благодаря двум этим пунктам, алеуты находятся в гораздо лучшем положении, чем камчадалы. По этой главной причине, не говоря уже о других благоприятных обстоятельствах, у них прекрасные перспективы на будущее. На Камчатке не слышно о подобных распоряжениях, поэтому ничем не ограниченная жадность купцов вместе с кабаками довели аборигенов до крайней нищеты. До тех пор, пока они не будут защищены законом так же, как жители Командорских островов, они не смогут даже мечтать о лучшей доле.

Поэтому, с экономической точки зрения, положение командорцев несравненно лучше положения камчадал. Камчадалы все в долгах, которые не в состоянии выплатить — долги эти превышают их доход всей жизни. У алеутов долги сейчас небольшие, поскольку компания выкупила их долги у купцов, аннулировала их, и сейчас внимательно следит за бюджетом каждого алеута. Не побуждает она их и к тратам ввозом безделушек и ненужных предметов, которые до этого вместе с горячительными напитками в изобилии поставляли купцы, продавая втридорога наивным по своей неопытности островитянам. Раньше купцы привозили дорогой атлас, из которого алеуты шили себе штаны — они им дорого обходились, поскольку иногда стоили двух шкур калана. Продавали зеркала и элегантную мебель, которой алеуты должны были обставлять грязные, вонючие землянки, золотые и серебряные часы, которые они носили по две штуки сразу. Зато зимой умирали с голоду и погрязали в долгах, из которых не смогли бы никогда выбраться, если бы компания не освободила их настоящим соглашением.

Важную роль в питании алеутов играет мясо и жир морских котиков. Летом, с июня до середины августа, едят свежее мясо, а зимой — засоленное. Топлёный жир держат в желудках и мочевых пузырях морских котиков, на нём жарится вся пища. Следующее место занимает рыба. На острове Беринга это лососёвые, на острове Медном — треска. Рыбу солят или сушат. На острове Беринга делают «юколу» (сушёную рыбу) для себя и собак, также заготавливают квашеное мясо, которое хранится в ямах. Алеуты круглый год ездят на собаках. Правда, на острове Медном на собаках ездить невозможно из-за высоких и крутых гор.

Также значительную часть пищевого рациона составляют гнездящиеся или постоянно живущие на островах птицы. К ним относятся: на острове Беринга — топорок (*Lunda cirhata*), баклан

(*Phalacrocorax*), белая куропатка. На острове Медном водятся те же самые виды, исключая топорков, а кроме этого глупыши *Procellaria pelagica*.

Если жители острова находят время, то собирают яйца бакланов, чаек и глупышей. Огородничество находится здесь в зачаточном состоянии, и, как показывает опыт, время, на него затраченное, не окупается. На обоих островах сеют репу, редис и картошку. В 1879 г. на острове Медном было посажено 59 вёдер картофеля, а в 1880 г. только 12,5, из которых уродилось 39 вёдер (точных данных о том, сколько было посажено на острове Беринга и сколько выросло, я собрать не смог, но заметил, что там огородничество развито лучше, чем на Медном).

С животноводством на островах дело обстоит плохо из-за отсутствия запаса кормов на зиму, как утверждают жители, им не хватает времени на заготовку кормов, и что на острове Медном существуют трудности в доставке сена до бухты. Количество голов крупного рогатого скота невелико, до сих пор держали только коров и свиней, последних лишь на острове Медном. На острове Беринга было шестнадцать голов крупного рогатого скота, на Медном — шесть.

Весной 1880 г. из Сан-Франциско на Медный привезли несколько коз, а в 1883 г. я лично привёз трёх на остров Беринга. На оба острова завезли несколько кроликов, и я надеюсь, они там приживутся. Домашнюю птицу представляют куры, которых в 1880 г. на Медном насчитывалось 165 шт., на острове Беринга — 40. Со временем островитяне постепенно привыкли и к привозным продуктам: сахару, пшеничной муке, пшеничным сухарям, чаю, солонине и т. д...

Все алеуты, за очень редким исключением, готовят пищу весьма небрежно и неаккуратно, их кухонная утварь, такая, как котлы, всегда грязная, и чистится редко. Так убирают и в домах, где они проживают постоянно. А вне дома, во время охоты, всё в сто крат хуже. Невозможно смотреть без отвращения на котлы, в которых готовится еда во время охоты — хоть на одном, хоть на другом острове, не говоря уже о том, чтобы преодолеть брезгливость к пище, в них сваренной. Даже в самом запахе свежего мяса котиков есть что-то неприятное, хотя мясо и терпимо на вкус. Но засоленное и подквашенное мясо не способен проглотить ни один европеец. Любая пища, жареная на жире морских котиков, действовала на меня как рвотное, поэтому я не могу судить по собственному опыту о её вкусе и качестве. Местные уверяют, что очень вкусно.

Об алеутской кулинарии могу сказать только, что и приготовление пищи, и соление рыбы и мяса морских котиков, безусловно, требуют различных усовершенствований. Несомненно, со временем это будет сделано с помощью работников компании, влияние которой медленно, но верно ведёт к образованию и просвещению людей, о которых многие годы никто не заботился.

В море или речках они не моются из-за низкой температуры воды, зато две бани на острове Беринга и восемь на Медном, (по данным 1880 г.) предоставляют возможность держать тело в чистоте. Волосы почти у всех без исключения чёрные и густые, у мужчин — коротко остриженные, у женщин заплетённые в косы, содержатся в чистоте. Неряшливость в этом отношении я встречал только в редких случаях, последствием которой всегда были паразиты, чётко видимые на чёрном фоне волос. Этих паразитов я видел на рубашках и майках жителей острове Беринга, других паразитов на островах нет. Блохи, клопы и тараканы (прусаки), которых на Камчатке развелось ужасающее количество, на Командорских островах не прижились, несмотря на постоянные контакты между населением Камчатки и алеутами.

Но всё же, как мне сообщили летом 1883 г., все эти твари добрались до острова Медного.

Уход за грудными детьми и воспитание детей оставляет желать лучшего. Перечислю главные источники бед.

1. Для грудных детей не делают колыбели. Поскольку спят алеуты очень крепко, а детей кладут рядом с собой, то это часто приводит к печальным последствиям. В течение последних тринадцати лет трое детей были «заспаны» родителями. К этому числу следует прибавить другие случаи смерти, приписываемые конвульсиям или столбняку (так называемая смерть «от родимчика» и «от младенчества»), причиной которой является тот же самый обычай.

2. Приучают младенцев к сосанию сосок — смеси, приготовленной из сухарей, воды и сахара, иногда с добавлением молока и жира. Как только ребёнок беспокоится или плачет, ему засовывают в рот эту массу, завернув её в тряпку. Употребление сосок виновно во всех смертях от поноса.

3. Кладут детей рядом с печкой, где температура слишком высокая, что влияет так же плохо, как и холод в избе, а потом подносят их к окну или даже выносят во двор. Резкая смена температуры приводит к смерти «из-за кашля», «горла» и «коло-тья». Треть всех детских смертей происходит по этой причине.

При воспитании детей не обращается внимание на гигиену, не учитываются их потребности при мебелировке, не нормируются работа и занятия. Также здесь не думают о защите от возможных эпидемий. Чтобы проиллюстрировать вышесказанное, приведу несколько примеров. Несмотря на то, что здесь дуют чрезвычайно сильные ветра, которые за зиму так отшлифовывают стекла, что те становятся матовыми, никто из местных жителей не пытается заслонить вход в дом сеньями и не вставляет двойные оконные рамы. До сих пор не подумали об устройстве отхожих мест, об общих заграждениях от разрушительных ветров, о силе которых европеец имеет лишь слабое представление. Поэтому люди здесь часто простывают, хотя и должны бы быть привычными к холоду.

Раньше всё было иначе. Алеуты имели одежду и жилища, приспособленные к местным условиям, сейчас дощатые домики, европейская одежда в целом и женская в частности, совсем не подходят к климату. Летом на Медном из-за нехватки рабочих рук выполнять тяжёлую работу обязаны все, независимо от возраста или состояния здоровья. Больные обоёго пола, беременные женщины и дети работают сверх силы. Жители этого острова вынуждены брать с собой в вонючие летние барабары даже таких слабых, которые сами не в состоянии держаться на ногах — с ними некого оставить.

В доказательство халатного отношения к здоровью констатирую тот факт, что до 1879 г., несмотря на постоянную угрозу эпидемии, почти половине населения не была сделана прививка от оспы. Приведу несколько примеров, выбрав из сотни подобных, чтобы показать, как несправедливо обвинять аборигенов в различных патологиях, и что в таких условиях жизни виновата не их национальность, а ненормальное развитие общества. В цитируемой выше работе управляющего Командорскими островами, в качестве объяснения причин бесплодия некоторых алеуток приводятся искусственные теории, но на самом деле причины совсем другие, а именно — ненормальные условия жизни, насильственные аборт, выкидыши и заболевания матки из-за непосильной работы и простуд. На мой взгляд, народ сам по себе вынослив, и если бы ему удалось не нарушать правила гигиены, он бы развивался вполне нормально.

О лекарственных растениях, которыми пользуются на островах, я скажу ниже, а сейчас опишу в нескольких словах виды заболеваний, которые встречаются на островах, заодно упомянув о таких, которые ещё до сих пор никем не описаны, хотя они

свиристывают на Камчатке и угрожают алеутам, так как те находятся в постоянном контакте с её жителями. К последним относится проказа (лепра), хотя на островах случаев заболевания ещё не было. Наблюдая это заболевание на полуострове, я заметил, что оно развивается только в тех семьях, где мать или бабушка русские.

К этой же категории можно отнести сифилис. До сей поры на Командорских островах от этой болезни пострадал только один человек, но его уже нет в живых, поэтому сифилис дальше не распространился. Двое детей упомянутой особы в настоящее время здоровы.

Управляющий Командорскими островами указывает несколько семей, якобы больных сифилисом, но не для того, чтобы их вылечить, а чтобы изгнать с Командорских островов. По каким симптомам он ставит диагноз — неизвестно. По-моему, сифилис только повод, причина же изгнания кроется не в болезни.

Чаще всего на островах встречаются следующие болезни: воспаление легких, фарингит, бронхит, плеврит, тифоидальная горячка. Из хронических: болезни дыхательных путей, матки, рак, глазные заболевания. Сыпь, кожные и ушные заболевания редки. Скарлатины, кори и дифтерита нет. Хромых и страдающих врожденными болезнями очень мало. Из этой категории есть только двое глухонемых и несколько горбатых.

После краткого описания заболеваний алеутов на Командорских островах, я должен отметить один факт, а именно, что прибытие парохода каждую весну вызывает среди островитян эпидемию различных заболеваний органов дыхательных путей.

Разделения труда между отдельными членами общества на Командорских островах ещё не произошло. Там нет специалистов в какой-либо профессии, а условия жизни требуют универсального образования во всех областях деятельности. Каждый должен уметь делать всё сам. Поэтому совершенно нет времени и возможности посвятить себя отдельной профессии, даже мужские занятия не отделены полностью от женских: нередко можно видеть топор и весло в руках женщины и иглу в руках мужчины. Но, в общем, по поводу существующего разделения труда между мужчинами и женщинами, можно сказать, что женщины работают на земле, в то время как мужчины — в море; женщины этим никогда не занимаются.

Занятия алеутов делятся на несколько категорий. Первая — промысел котиков и охрана их стад. Работы начинаются весной с прибытием зверя и ведутся до их ухода, то есть с мая по ноябрь.

Промысел является наиважнейшим и наименее продуктивным занятием алеутов. Он даёт самый значительный доход государству, ещё больший — компании и является одним из основных доходов местного населения. К второй категории относится занятие, которое даёт доход только компании и жителям: это охота на песца и морскую выдру. И, наконец, к третьей категории относится сельскохозяйственная деятельность, которая обеспечивает существование жителей островов: без неё не может прожить ни одна алеутская семья. Денег на жизнь не хватает даже при относительно больших доходах, таких, как на острове Медном, где на каждого человека в год приходится по 133 руб. серебром.

Коротко перечислю виды деятельности: огородничество, разведение крупного рогатого скота и собак (на острове Беринга), заготовка сена, сбор выбрасываемой на берег древесины, сбор ягод, выкапывание сараны, лов рыбы в море и в реках, весной — охота на перелетных птиц, зимой — на куропаток. Лов топорков, из шкурок которых шьют парки; охота на тюленей и морских львов, шкурами которых обтягивают байдарки; засолка рыбы и мяса котиков для себя и собак; выделка шкур и кишок котиков и морских львов на камлейки (на год работнику требуется, по крайней мере, две камлейки); сбор морской травы (*Elymus arenaria*), из которой плетут корзинки, мешки, скатерти и коврики (мешки — ишкаты, скатерти — чиреты), и, наконец, выделка ниток и драгвы из сухожилий китов и других зверей, которыми прошивают обувь, парки и камлейки.

Всем этим алеуты занимаются в течение года поочерёдно. Три четверти года алеуты заняты работами первых двух категорий, и только одну треть могут посвятить хозяйству. Летом рабочий день начинается до восхода солнца и кончается на закате. Что касается распорядка основных работ в разное время года, то он выглядит следующим образом. Весной алеуты начинают свою деятельность с того, что обходят по морю все острова с целью их осмотра. В экспедиции принимают участие несколько сильных и стойких мореходов.

В апреле и мае, а иногда ещё и осенью, на острове Медном охотятся на морскую выдру. Когда на лежбищах появляются котики, выставляют охранников для наблюдения и защиты от возможных набегов авантюристов разных национальностей, плавающих в течение всего лета на небольших судах вдоль берегов Камчатки. Наблюдают за территорией по очереди. Выбранные в сторожа люди живут на лежбищах постоянно. Мужчины, свободные от этой

обязанности, охотятся на пролетающих птиц, ловят рыбу и готовятся к долгому пребыванию на лежбищах. Женщины заняты огородом (землю не удобряют ни навозом, ни водорослями), шьют камлейки и обувь. В начале июня начинается охота на котиков.

Дюжина выбранных старшиной острова Беринга работников идёт на принадлежащем Компании малом парусном судне на лежащий к северо-востоку от Сахалина Тюлений остров и там занимается промыслом котиков до осени. Остальные трудоспособные мужчины острова Беринга делятся на две группы: более многочисленная идёт на северное лежбище, менее многочисленная — на южное. Женщины отправляются на ездовых собаках на восточный берег, где вместе со стариками ловят рыбу с помощью запоров, построенных близ устья реки Саранной. Там же рыбу солят и сушат.

Количество выловленных в реке Саранной лососёвых рыб прежде за год достигало десятков тысяч и удовлетворяло потребности жителей обоих островов. Теперь там добывают только пару тысяч. Причину этого явления следует искать в системе заграждения. Осматривая в 1882 г. запор, я удивился, что такой способ ведения рыбного хозяйства до сих пор всё ещё не привёл к полному исчезновению рыбы. Загородка построена так, что ни одна рыба не может пройти вверх по реке к месту нерестилища, и каждая рыба, попавшая из моря в реку, будет поймана.

Кроме этого, они в течение всего лета заняты доставкой с северного лежбища корма собакам и надзором за ними. На острове Медном все жители уходят из посёлка на промысел морских котиков и живут в летних жилищах, построенных на берегах бухт Глинка и Корабельная. В середине августа работы на лежбищах заканчиваются, но охранники продолжают посменно дежурить вплоть до ноября. По возвращении в посёлок начинается заготовка сена, сбор ягод (в основном морошки), выкапывание сараны, лов морской рыбы (обозначена как «sztokfisz», что можно перевести как «рыба для вяления», в первую очередь подразумевается треска. — *Н. Т.*), продолжающийся до поздней осени, сбор древесины на топливо, охота на птиц и уборка картофеля.

В ноябре и декабре охотятся на песца. В январе и феврале занимаются байдарками и выделывают шкуры, а на Медном строят шлюпки из купленного у компании леса. На этом острове несколько алеутов преуспели в столярном и токарном деле. Несколько лет назад значительный вклад в повышение образования алеутов и овладение ими ремёслами сделал агент компании господин Кребс

вместе со своей женой-креолкой. В честь этого скромного труженика названа гора, лежащая справа и к северу от поселка. В эти месяцы на Беринге занятия иногда перемежаются с разного рода развлечениями — танцами и театральными представлениями, а на Медном — только танцами. В последние месяцы зимы, особенно на острове Беринга, не хватает продовольствия и дров. Но, несмотря на то, что приходится жить в холоде и брать кредит, январь, февраль и март для них самые приятные. Это время отдыха, дружеского общения и мирных домашних хлопот... на это время приходится наименьший процент смертей и наибольший процент зачатий.

Прежде чем приступить к описанию главного занятия жителей, почти единственного, дающего им средства к существованию, я сопоставлю количество работников на обоих островах и объём работы, выпадающей на каждого в отдельности. С этой целью я разделил население на четыре группы в зависимости от возраста: первая группа включает детей до пятнадцати лет, вторая — юношей от пятнадцати до двадцати лет, третья — зрелые люди от двадцати до пятидесяти, и, наконец, четвёртая — старики старше пятидесяти. Реальной рабочей силой я считаю людей, относящихся к двум средним группам: молодёжи и взрослых.

Весь объём работ, проводимых ежегодно во время промысла морских котиков, я делю между ними... Число работников мужского пола на острове Беринга более чем в два раза превышает число таковых на острове Медном. На первом их 90, на втором — только 41. Если сравнить работников обоего пола, соотношение будет таким же. На Медном их в два раза меньше, чем на Беринге: на первом 83, на втором 151... (Далее следуют статистические таблицы «Таблица жителей Командорских островов, распределённых по полу и возрасту», «Процентное соотношение числа жителей по возрасту», с. 54—58 оригинала, которые мы не смогли воспроизвести ввиду ограниченного формата издания. — *Ред.*)

...Можно было бы предположить, что если на острове Беринга в два раза больше рабочих рук, то они выполняют в два раза больше работы. Между тем на самом деле соотношение совсем другое, а именно такое, что жители острова Медного поставляют компании 25 000 шкур котиков, а жители Беринга — едва лишь 15 000 шкур, что вместе с добываемыми на Тюленьем острове 4 000 шкурами составляет 19 000, то есть 43 % от общей добычи. Для большей наглядности приведу процентное соотношение числа работников к объёму выполненной работы. Оказалось, что на

острове Беринга 69 % всех работников выполняют 43 % всей работы. На острове Медном 31 % работников выполняют 57 % работы, иначе говоря, один работник острова Медного делает столько же, сколько трое на острове Беринга.

Чтобы заработать как можно больше, на острове Медном работают не только мужчины, но также женщины и дети. Последним такая работа наносит особенный вред — они ещё слишком малы. Местные условия чрезмерно затрудняют выполнение любой работы, такую нагрузку может выдержать только сильный организм взрослого. Для того чтобы читатель получил представление обо всех здешних трудностях, связанных с работой, постараюсь в нескольких словах описать процесс загона морских котиков.

Жители Командор обязаны ежегодно добывать столько шкур, сколько назначит компания. Это число меняется каждый год. Агент компании оговаривает лимит с представителем российской администрации. Изменение количества добытого зверя зависит не столько от соотношения сил, сколько от численности находящихся на островах котиков. Во время свободной торговли мехами на Беринге извели почти всех котиков, теперь же, желая дать им возможность размножиться, к отлову в течение одного года назначают значительно меньшее количество, чем раньше.

В первых числах июня алеуты отправляются на лежбища, где они в течение всего периода котикового промысла живут в тесных, грязных, нездоровых землянках, о которых я упоминал выше. Выбрав время и подходящую погоду, вооружённые дубинками, которые здесь называют «дрыгалками», все жители под руководством старого и опытного промысловика идут цепью вдоль обрывистого скалистого берега, называемого «лайда», где на камнях или высоких скалах спокойно лежат тысячи котиков. Люди стремятся отрезать животным путь отступления к морю, а затем гонят их на берег, стараясь захватить стадо из двух-четырёхлетних самцов-«холостяков» без самок. Их и забивают для компании, щадя молодых «сегодков» — в былые времена царствования свободной торговли таких забивали наравне с другими.

Отогнав с лайды и изолировав стадо таким способом, люди останавливаются, чтобы отделить попавшихся самок, годовиков и старых, непригодных самцов. После избавления от нежелательных животных, стадо делят на мелкие группы и гонят их к месту забоя. Там, согнав их в кучу, животным дают некоторое время на отдых. После отдыха их забивают ударами дубинки по голове и по носу, сразу свежуют и сдают шкуры компании на хранение (для засола).

Так выглядит промысел котиков в общих чертах. Наблюдаемые при этом различия обусловлены топографическими особенностями местности, где происходит отлов. На острове Беринга берег, на который выходят котики, низкий, полого спускающийся к морю широкими террасами от двух до шести сажен. При таких условиях загон котиков не представляет труда: по ровной поверхности стадо гнать легко. Место забоя удалено от берега на сто — двести саженей. Рядом с ним стоят склады, куда сдают шкуры. Поскольку действие происходит на обширной равнине, ничто не мешает жителям выбрать для забоя место на большом отдалении от жилья, куда ветер не доносит смрада гниющих трупов.

На Медном всё иначе. На обоих лежбищах (Корабельное и Глинка) берег скалистый, крутые скалы возвышаются более чем на пятьдесят саженей над побережьем, поэтому для отгона котиков пришлось высечь ступени. Их вынуждены гнать по горному хребту с крутыми подъёмами и спусками, где много зверей падают (загорают) от усталости (строго говоря, животные погибали от перегрева, «сгорали». — *Н. Т.*), их по дороге добивают. Вследствие этого, не имея определённого места для забоя, забивают и ошкуривают котиков повсюду, по большей части поблизости от жилья. Трупы разлагаются, наполняя воздух зловонием. Это, несомненно, влияет на здоровье населения. Рано или поздно это приведёт к эпидемии, с которой будет бесполезно бороться медицинскими препаратами.

Во время моего пребывания на лежбищах острова Медного я не мог дойти до жилья, плотно не прикрыв нос платком. А ведь я был там в августе, ближе к осеннему сезону, когда уже дуют холодные и сильные ветра. Можно себе представить, какая вонь стоит здесь в июне и июле, в тёплую безветренную погоду.

Хотелось бы, чтобы компания не в корыстных целях, а ради жителей и соблюдения гигиены занялась переработкой во что-нибудь полезное гниющего, пропадающего без пользы материала, уничтожив источник эпидемий. Я считаю, что отсутствие достаточного количества рабочих рук ни в коей мере не может служить оправданием бездействия: достаточно привезти из Камчатки алеутов, переселённых туда с Курильских островов и ставших жертвами беспощадных эксплуататоров.

Шкуры зверей, забитых далеко от складов, приходится нести по хребту около двух вёрст.

На острове Медном вышеуказанные условия промысла котиков для работников очень тяжелы, но, тем не менее, если разделить

общее количество забитых котиков 25 000 на 83 работника обоего пола, на каждого придётся по 301 шт., в то время как на острове Беринга на одного работника приходится только 117 котиков, при том, что добываются они в гораздо более благоприятных условиях. К этому следует добавить, что сам способ деления заработка на Медном побуждает работника к большему усердию во время промысла. На Беринге общий заработок делится на определенное количество частей, которые староста вместе с управляющим островами раздаёт на общем собрании. Деньги достаются, в том числе, людям, совсем не принимавшим участие в работе. Такие доли получают 90-летняя Анна Будакова, 60-летняя Анна Березина, 59-летняя Соломония Каурова и другие.

На острове Медном каждый работает для себя, прилагая все усилия, часто в ущерб здоровью своих детей, только бы добыть как можно больше шкур и заработать как можно больше денег. Возьмём, к примеру, семью Бадаевых: мужу тридцать пять лет, жене тридцать семь, трое детей в возрасте от десяти до тринадцати лет, все болезненного телосложения — вместе сдали 862 шкуры. Николай Хабаров тридцати четырёх лет, жена тридцати восьми лет и девятилетний ребенок сдали 723 шкуры.

В лихорадочной погоне за небольшим увеличением заработка надрывают силы, которых потом не вернуть. Так, вся семья Бадаевых, здесь упомянутая, покоится уже в могиле. При этом пропадает много ценного материала — шкур зверей, забитых и потертых во время перегона. Я сам наткнулся на связку уже снятых шкур, гниющих на дороге. Содрав их, работники либо не смогли, либо в спешке забыли отнести на склад. Находил в других местах гниющие трупы котиков: они были забиты, но шкуры с них не сняли (шкуры падших во время перегона зверей негодны для дальнейшего использования. — *Н. Т.*)

Тяжёлая работа, а также другие обстоятельства, о которых я уже упоминал, очень вредно влияют на состояние здоровья жителей Медного. Доказательством может служить количество больных, которых я обследовал во время моего пребывания на Командорских островах. В течение года, с августа 1879 г. по июнь 1880 г., на Медном было 165 больных, а на острове Беринга в тот же самый период только 59, то есть на первом — 80, а на втором — всего 20 %.

Чтобы прояснить причины такого плохого состояния здоровья, следует заметить, что осенью 1879 г. там была эпидемия, сопровождавшаяся симптомами тифоидальной горячки, бронхита, острого катара дыхательных путей. Но в следующие годы — 1880, 1881

и 1882 — количество больных на острове Медном, несмотря на меньшую численность населения, тоже было значительно больше, чем на острове Беринга. Проанализировав свои наблюдения, касающиеся этого вопроса, я пришёл к выводу, что причинами бед являются перегруженность работой и антисанитарные условия, в которых вынуждено жить население острова Медного, о чём уже говорилось ранее.

Всё лето алеуты заняты промыслом котиков, в зимнее время их занятие — охота на песца, а весной — на бобра. На острове Медном водятся только голубые песцы, на острове Беринга встречается также белые, которых стараются полностью истребить ради умножения голубых. Кроме того, шкуры белого песца компания не принимает вообще. На голубого песца охотятся не каждый год: в так называемые годы «запусков» им дают возможность размножиться. В 1880 г. на Медном было добыто 503 песца, в 1883 г. по 1 000 штук на каждом из двух островов. В основном алеуты ставят на песца ловушки с приманкой.

«Бобры камчатские», или, как их иначе называют, морские выдры, есть теперь только на бобровом лежбище острова Медного, на северной и северо-западной его оконечности. Это последнее прибежище, где ещё можно встретить бобров, но и там им угрожает скорый конец, который легко предвидеть, если полное истребление животных не будет предотвращено жёсткими предписаниями.

Алеуты ловят бобров на залежках в сети, а также убивают стрелами, преследуя их в байдарках. В других местах, около берегов, по ним стреляют из ружей. Ловля бобров в сети должна быть запрещена, так как в сети попадают детёныши и молодые звери, не имеющие промысловой ценности. Также необходимо запретить охоту на самок, при которой забивают, в том числе, молодых самок, называемых «медвежатками» (медведками называют детёнышей обоего пола. — Н. Т.).

Число ежегодно добываемых на Камандорских островах котиков, выдр и песцов я привожу согласно официальным данным в нижеследующей таблице:

Год	Количество		
	морские котики	морские выдры	песцы
1872	29 318	9	1 030
1873	30 396	14	1 065
1874	31 272	54	985
1875	36 274	48	—
1876	26 960	33	1 833
1877	21 533	68	592

Год	Количество		
	морские котики	морские выдры	песцы
1878	31 340	94	—
1879	42 750	20	1 390
1880	48 504	128	503
1881	43 522	190	—
1882	48 000	200	2 500
Итого:	389 871	858	9 898
В среднем:	35 442	78	899

Эти цифры взяты из рапорта старосты острова Медного. Другие — из рапорта управляющего островами. Их цифры часто не совпадают, то же самое можно сказать и о цифрах, приведённых в разных таблицах одного и того же рапорта. Например, на с. 91 рапорта управляющего островами указано, что в 1878 г. добыто 31 340, в 1879 г. — 42 752, в 1880 г. — 48 504 котиков. Но в таблице на с. 67—68 указано, что в сезоне 1878/79 г. уплачено алеутам за 31 824 шкуры котика, в сезоне 1879/80 г. — за 41 666, в сезоне 1880/81 г. — за 48 504 шкуры. В том же докладе на с. 91 указано, что в 1878 г. добыто 94, в 1879 г. — 2, в 1880 г. — 128, в 1881 г. — 190 выдр. А в другой таблице, на с. 78, сказано: в сезоне 1878/79 г. уплачено за одну выдру, в 1879/80 г. — за 183, в 1880/81 г. — за 164 выдры.

Рыбная ловля ведётся разными способами. Рыбу для вяления ловят в море с байдар удочками, лососёвых — нерку и кижучи — загородками, которыми перегорожена речка Саранная. В 1880 г. на Медном заготовлено сушёной рыбы 2 397 и солёной — 1 905 шт. В 1882 г. на острове Беринга выловлено несколько тысяч лососёвых.

Ловля топорков (*Lunda cirrhata*) ведётся, главным образом, на острове Топорковом, названном так в честь этих птиц (по-алеутски птицы называются «ухчо»). Этих птиц ловят в гнездах, которые они строят в норах или на лету. В полёте их ловят с помощью специально приспособленной для этого сети. Ячей в ней крупная, сеть натянута на тонкий круглый обруч, укреплённый на шесте. Сетку внезапно поднимают перед летящими птицами, и если они не успевают уклониться, то запутываются в ней, или, наткнувшись на неё, падают к ногам ловца. Глупышей (*Procellaria glacialis pacifica*), ар (*Uria ara*) и бакланов (*Graculus*) ловят другой сеткой. (Бакланы, гнездившиеся в огромных количествах на скалах Командорских островов, почти полностью исчезли в результате эпидемии, разразившейся в 1877 г.)

К сети, о которой идёт речь — длина её несколько сажений, ширина около двух сажений — с одного края привязывают грузила, а с противоположного — длинный шнур, концы которого держит охотник. Вооружённый таким устройством ловец осторожно поднимается с подветренной стороны на вершины крутых прибрежных скал, где на обращенном к морю склоне в щелях, углублениях или на уступах сидит громадное количество птиц. Охотник кидает расправленную сеть вниз, птицы, испугавшись, пытаются спастись, запутываются в ней и становятся его добычей, затем он подтягивает сеть вместе с птицами вверх.

Как по способу ловли птиц, так и по используемым для этого снастям алеуты во многом схожи с камчадалами. И у тех, и у других в первую очередь изумляет превосходное знание природы, повадок животных и очень практичное и остроумное использование простейших средств для достижения задуманной цели. Уже Стеллер, описывая одежду, упряжь, сани и инструменты камчадалов, заметил, что ни один даже самый хитроумный и талантливый европеец не смог бы так досконально продумать, разработать и приспособить инструменты к своим нуждам и условиям жизни, как это делают камчадалы. То же самое можно сказать и об алеутах. Поэтому мне сдаётся, что любой чужак, попав на Камчатку или на Командоры, вместо того чтобы учить чему-либо туземцев, мог бы сам поучиться у них и в короткий срок усвоить множество способов приспособления к местным условиям.

С одной стороны впечатляют оригинальные идеи и умение использовать наиболее простые и эффективные средства для достижения намеченных целей. С другой стороны поражает простота охотничьих снастей, свидетельствующая о совершенном знании повадок зверей, обитающих на севере Азии. Местные животные сильно отличаются от наших: они менее пугливы и более доверчивы. Где теперь можно найти в Европе таких наглых и смелых ворон, воронов, сорок, лис и волков, как на Камчатке? Однако с развитием цивилизации птицы и звери, как и люди, совершенствуются в способах самозащиты почти наравне с человеком.

Скорость усвоения опыта зверями, а также время, необходимое для того, чтобы накопленный родительский опыт перешёл в наследственные качества потомства, можно приблизительно оценить, сравнивая изложенное ниже повествование Стеллера, который описывает наивную доверчивость песцов, впервые соприкоснувшихся с человеком. К осторожности их приучил лишь горький опыт: «Из наземных четвероногих животных на острове Беринга, —

пишет Стеллер, — есть только песцы, или лисы, называемые каменными или полярными. Их занесло на острова на плавающих льдинах. Питаясь тем, что выбрасывает на берег море, они чрезвычайно размножились. Во время моего несчастного пребывания на острове у меня было более чем достаточно возможностей для изучения натуры этого зверя. Наглостью, коварством и хитростью он превосходит обычного лиса. Рассказы о бесчисленных неприятностях, которые они нам причинили, можно сравнить с анекдотами Альберта Юлиуса об обезьянах острова Заренбург. И днём, и ночью они пробирались в наши жилища и тащили всё, что можно унести, даже такие вещи, которые им были совершенно не нужны, например, ножи, палки, обувь, носки, шапки и т. д.

Каким-то непонятным способом умудрялись они сбросить многопудовый груз с бочек с запасами еды и выкрасть оттуда мясо — так, что мы даже этого не замечали. Снимая шкуру со зверей, иногда случалось убить ножом двух-трёх песцов, пытавшихся вырвать мясо у нас из рук. Если что-то было зарыто, они не только находили закопанное, но, подобно людям, сдвигали камни спиной, подлезая под них и изо всех сил помогая друг другу. Если от них что-нибудь прятали, вешая на шест, они его подкапывали, и он опрокидывался. Или же один из песцов, словно обезьяна или кошка, взбирался на такой столб и с неописуемой ловкостью и хитростью сбрасывал наземь хранившееся на нём добро.

Они наблюдали за всеми нашими действиями и были везде, куда бы мы только ни направились. Если море выкидывало на берег какого-нибудь зверя, песцы пожирали его с большим ущербом для нас. А если не могли съесть всё сразу, то утаскивали наверх и зарывали под камнями. При этом одни бегали туда-сюда, другие стояли на страже, наблюдая, не идёт ли кто. Если издали замечали идущего, то всей кучей бросались закапывать свою добычу в песок, и останки морской выдры или котика скрывались под землёй так глубоко, что от них не оставалось и следа. Ночью, когда мы спали, они стаскивали с наших голов колпаки, вытаскивали из-под подушек рукавицы, брововые шкуры, стягивали с нас одеяла. Мы ложились спать на свежезабитого бобра в надежде сберечь мясо от жадности песцов, но это не помогало, так как они выедали из-под спящего человека мясо и внутренности убитых зверей. Поэтому спали с нагайками в руках, чтобы отгонять их ударами, в случае, если они нас разбудят.

Когда садились отдохнуть в дороге, они ожидали нас, выкидывая на наших глазах разные фортели, а потом становились всё

более нахальными, и если мы сидели спокойно, то подходили настолько близко, что начинали жевать не только ремни наших новомодных ботинок, но и сами ботинки. Если мы лежали, делая вид, что спим, они обнюхивали нас около носа, чтобы проверить, живы ли мы или мертвы, и стоило задержать дыхание, покусывали нам носы, едва не отгрызая их.

Вначале нашего пребывания на острове, пока мы готовили могилы для умерших товарищей, песцы отгрызали у них носы и пальцы рук и ног, нападали на слабых и больных, от которых их с трудом удавалось отогнать. Матроса, который ночью встал перед дверью на колени, чтобы помочиться, песец схватил за обнажённую часть тела и, несмотря на крик, не сразу её выпустил. Без палки никто не мог сходить по нужде, а экскременты они сразу пожирали как свиньи или голодные псы. Каждое утро мы видели, как эти отвратительные животные кружили около лежбищ морских львов и котилов и обнюхивали их: не найдётся ли мёртвых среди спящих? Наткнувшись на труп, они сразу разрывали его на части, и в скором времени их можно было застать за перетаскиванием добычи.

Довольно часто по ночам во время сна котики задавливают своих детёнышей, и песцы, будто зная об этом, каждое утро прочёсывали стада и уносили мёртвых, словно исполнители приговора.

Ни днём, ни ночью не оставляли они нас в покое. Наконец наше терпение иссякло, и мы начали без разбора убивать и молодых, и старых, преследуя их, где только можно и мучая всевозможными способами. Проснувшись утром, мы всегда находили у наших ног два или три убитых песца. Я с уверенностью могу сказать, что сам лично убил более двухсот песцов. На третий день по прибытию, за три часа я убил топором более семидесяти песцов и из их шкур сделал крышу для нашей землянки.

Они до того жадны до еды, что можно было одной рукой протягивать им мясо, а другой настичь палкой или топором. Подложив тушу тюленя, мы стояли с палками лишь в двух шагах от него, закрыв глаза и притворившись, будто ничего не видим. Вскоре появлялись песцы и начинали его пожирать. Пока мы убивали одних, другие никак на это не реагировали и не убегали. Мы выкопали яму и стали бросать в неё мясо и их мёртвых товарищей. Не успели мы оглянуться, как песцы заполнили всю яму доверху: мы и их забили дубинками.

Несмотря на то, что нам совершенно не нужен был их прекрасный мех, хотя более трети их имели голубоватый оттенок, мы

вели себя по отношению к ним так, словно они были нашими заклятыми врагами. Каждое утро тащили мы наших, пойманных живьём, грабителей за хвосты на экзекуцию на судную площадь перед нашими казармами, где некоторым отрубали голову, другим разбивали ноги или отрезали то, что под хвостом. Одним выкалывали глаза, других живьём подвешивали парами за ноги так, что они могли закусать друг друга до смерти. Нескольких подпалили или забили насмерть плёткой.

Забавнее всего, когда их поначалу крепко держишь за хвост, и они тянут изо всей силы, а потом хвост отрубает. После этого они делают несколько шагов вперёд, а потом, не обнаружив своего хвоста, раз двадцать прокручиваются на одном месте. Несмотря на это нам не удавалось их отпугнуть и приучить держаться подальше от наших хижин. Если эти неугомонные животные не могли унести какую-нибудь вещь, например, одежду, которую мы с себя снимали, то гадили на неё: редко оказывался среди них такой, который бы этого не делал. Из всего этого можно было сделать вывод, что они никогда не видели людей, и что страх перед человеком у животных не врождённый, а основан на долгом опыте».

Это впечатляющее повествование Стеллера о навязчивости песцов глубоко врезалось в мою память, а во время моего посещения Командорских островов я имел возможность получить наглядный пример того, какое влияние оказал на привычки животных тесный контакт с человеком. Натуралистская школа такого влияния не признаёт и учитывает только врождённые способности и качества животных. Например, Брем в своём труде о жизни животных, цитируя то же самое место из Стеллера о том, что страх животных перед человеком не является врождённым, а приобретённым долголетним опытом, пишет, что мнение Стеллера совершенно неправильно. Если бы песцы руководствовались только опытом, то в Норвегии они вели бы себя совершенно по-другому, чем на острове Беринга. Но и там, и там они ведут себя одинаково. Потом Брем добавляет, что в тех же областях, где водятся песцы, живут и лисы, и проживающий в Лапландии приятель Рейнеке (поэма «*Reinke de Vos*», 1498. — *Н. Т.*), столь же хитёр и коварен, как и у нас.

Мои наблюдения за песцами на Камчатке и Командорских островах убедительно доказывают, что Брем не прав, а обратное утверждение Стеллера верно, и наилучшим доказательством является нынешнее поведение командорских песцов в присутствии человека. Я неоднократно специально наблюдал песцов на обоих

островах Командор и убедился, что теперь они также осторожны, как и наши лисы и гораздо более осторожны, чем лисы камчатские, особенно те, которые приходят на полуостров с севера. Сейчас песцы на островах стараются избегать встреч с человеком, и как только замечают его приближение, тут же убегают, и лишь, добравшись до безопасного места где-нибудь на вершине скал или среди прибрежных камней, лают по-собачьи.

Когда я встречал песцов на равнине, где не было высокой травы или зарослей, они убегали с такой скоростью, что их едва ли могла бы догнать и гончая. Услышав выстрел, песцы острова Медного, не чувствуя себя достаточно защищёнными, выскакивали из нор и искали убежища на малодоступных для человека скалах. Щенки песцов, извлечённые из нор, очень дичатся, не дают себя приручить и при первой возможности убегают. Только мучимые голодом, приближаются они к жилищам. Я лично видел, как щенок песца залез под дом и умер от голода, не дав себя выманить поставленной снаружи пищи. Сравнивая нынешнюю степень дикости командорских песцов с той, которую описал Стеллер, можно определить, насколько сильно повлияло на них запугивание, и как изменилось поведение животных в течение одного столетия.

Учитывая эти факты, не стоит удивляться тому, что людские племена, живущие в атмосфере преследований и несправедливости, утрачивают свой оригинальный характер, который сможет возродиться только в том случае, если справедливость и человечность сменяют насилие и беззаконие.

Рассмотрев поочерёдно основные категории занятий алеутов, перейдём к показателям доходов на Командорских островах. Я беру среднегодовой доход (руб.) жителей обоих островов:

- шкуры котиков — 34 855;
- шкуры песцов — 2 244;
- шкуры выдр — 2 340;
- работы на компанию — 2 611;
- алеуты получают от компании бесплатно продуктов на сумму 925, общий доход 42 975 руб.

Поделив сумму среднего дохода на число жителей, то есть 42 975 руб. на 500, получаем средний доход на человека — 84 руб. 90 коп., или округлённо 85 руб. серебром.

Доход на островах неодинаков. Жители острова Беринга зарабатывают гораздо меньше жителей Медного:

- за шкуры котиков — 14 247;
- за шкуры песцов — 1 122;

— работа для компании — 1 517;

— бесплатные продукты на сумму 543, общий доход 17 429 руб.

Поскольку на острове Беринга проживает 309 чел., то если поделить общий доход 17 429 руб. на 309, получится 56 руб. 40 коп., округлённо 56 руб. серебром на человека.

Среднегодовой доход жителей острова Медного:

— за шкуры котиков 20 608;

— за шкуры песцов — 1 122;

— за шкуры выдры — 2 340;

— работа для компании — 1 094;

— бесплатные продукты на сумму 383, общий доход 25 546 руб.

На острове Медном проживает 191 чел. При расчёте среднегодового дохода на каждого жителя приходится округлённо 133 руб. серебром. В дополнение к показанному доходу было бы целесообразно представить сумму расходов, поскольку, только сравнив две эти величины, можно будет судить об относительном благосостоянии населения. Для определения расходов я не нашёл необходимого статистического материала, и всё, что смог собрать, свёл ниже. Могу только сказать, что доход не покрывает расходов, и многие алеуты, особенно на острове Беринга, по меньшей мере, целый квартал живут в кредит, поэтому о сбережениях и речи быть не может. Это на островах ещё никогда не обсуждалось.

Некоторые данные среднегодовых расходов жителей Командорских островов (руб.): привозное питание — 15 600; 6 100 фунтов мыла — 915; 880 фунтов стеариновых свечей — 264; 890 галлонов керосина — 890; 620 фунтов свинца — 93; 550 фунтов пороку — 550; 760 коробок капсулей — 228; 11 727 ярдов бумазеи (легкого ситца) — 2 345; 3 670 ярдов серого ситца — 917; 400 кортов дров — 4 800. Итого 26 602 руб.

Эти данные охватывают лишь три пятых всех необходимых расходов алеутов. Здесь не указаны многие данные по важнейшим продуктам, таким как соль, солонина, сливочное масло, паточка, обувь, одежда, доски для лыж и шлюпок, железо для обивки полозьев нарт, цепи для собак, шпагат для сетей и т. д. Хотя мы и не знаем всех данных, можно утверждать, что вся сумма дохода 42 975 руб. серебром возвращается каждый год в кассу компании, и даже деньги, которые жители платят священникам, остаются на месте и вымениваются на товары компании.

Сравнивая алеутов с другими родственными им народностями, занимающимися охотой и рыболовством, можно оценить зажи-

точность командорских алеутов. Сопоставляя современные условия жизни с условиями быта во времена правления Российско-Американской компании, можно оценить, изменились ли эти условия к лучшему. Несмотря на некоторые расхождения в деталях нижеприведённых данных и нехватку информации, тех данных, которые мне удалось собрать, для сравнения достаточно.

1. Я начну с жителей островов Прибылова во времена правления Российско-Американской компании. Лучшие работники зарабатывали от 200 до 250 руб. серебром; средние работники — 120—200 руб., старики и женщины — 40—100 руб. Общий доход на каждого жителя получался в среднем 50 руб. серебром, количество жителей на островах Прибылова было около 140 чел. Цены товаров на складах компании могли превышать цены тех же товаров в России только на 30—50 %.

2. Алеутские острова при Российско-Американской компании: наёмные работники получали в год 100—200 руб. и, кроме того, дневной паёк; другим работникам платили только поштучно за добытого ими зверя. В среднем они зарабатывали в год 30 руб. серебром. Общая сумма дохода каждого охотника составляла в среднем 8 руб. серебром в год. Количество жителей составляло около 1 347 лиц обоего пола. Цены на товары — такие же, как на островах Прибылова при современном управлении.

3. Острова Прибылова во времена управления американской компании: работники — мужчины и мальчики — получают в год 400 долларов каждый, на каждого жителя приходится 150 долларов. Число жителей — 270 лиц обоего пола. Цены товаров на складах компании не должны превышать оптовые цены тех же товаров в Сан-Франциско: дрова компания обязана доставлять бесплатно, компания обязана содержать вдов, сирот, инвалидов, содержать врачей, фельдшеров, священников, учителей, аптеку и больницу. Компания обязана строить дома для всех жителей.

4. Жители полуострова Камчатка: лучший охотник может заработать в год до 100 руб., общего дохода на каждого жителя приходится 9 руб. серебром. Цены на сырьевые товары очень высокие, средняя сумма процента, взимаемого за продажу товара на Камчатке, доходит до 397 %, при этом алкогольные напитки отрицательно влияют на запрашиваемую цену на меха и точность торговых расчётов. Общая численность населения 6 300 лиц обоего пола, жители Камчатки платят налоги государству, церкви и т. д., а также обязаны выполнять различные повинности, которые не распространяются на алеутов.

Чтобы показать, насколько отличается финансовая ситуация камчадалов, приведу соответствующие данные, касающиеся Командорских островов. Достаточно лишь сравнить заработок алеута и камчадала, чтобы убедиться в зажиточности первого и бедности второго. Однако сначала я хочу перечислить источники доходов жителей полуострова, чтобы потом сделать комментарии, необходимые для понимания приведённых ниже цифр.

Количество добытых на Камчатке зверей взято за 1879 г., то есть такое, которое в будущем вряд ли будет достигнуто. В моих списках, например, отмечено, что в 1879 г. добыто 3 000 соболей, в 1880 г. — 2 883, а в 1881 г. — около 2 300. То же самое можно сказать о лисах, большое количество которых пало зимой 1881 г. от бешенства, поэтому в ближайшие годы их добыча будет сильно ограничена. Одним словом, источники дохода иссякают, и надо быть готовыми к тому, что с каждым годом их будет становиться всё меньше.

Таким образом, не имеет под собой почвы предположение купцов, что якобы причина уменьшения добычи соболя кроется не в том, что этого зверя стало гораздо меньше, а в сокращении числа охотников, которые из-за недостатков запасов сушёной рыбы (юколы) для собак не могут предпринимать охотничьи походы. Согласиться с этим предположением решительно невозможно: к такому выводу привели меня мои поиски и полученная на месте информация.

Во время посещения полуострова я объехал его несколько раз и убедился, что поголовье соболя действительно значительно сократилось, и сейчас он обитает только в удалённых от населённых пунктов, малодоступных местах, куда летом не приходят ламуты, а зимой трудно добраться охотнику. Я также убедился в том, что увеличилось количество охотников, а вместе с ними и самоловов, называемых «кулемами», которые в значительной мере способствовали искоренению соболя (моё предложение запретить на некоторое время охоту на соболя кулёмами было принято. Также были оглашены права охотников касательно охоты на соболя. Помогут ли предпринятые меры спасти этого зверя от окончательного истребления, покажет время).

По вышеуказанным причинам вместо того, чтобы уповать на лучшие времена, я хотел бы рассмотреть полезные, и даже необходимые меры по улучшению положения несчастных туземцев, которым 1881—1882 гг. в дополнение к голоду и неудачам в охоте принесло повышение, а не снижение цен на товары.

Повышение цен объяснялось низким курсом русского рубля за границей. Это было бы верно только в том случае, если бы туземцы платили за товары деньгами, но так как деньги заменены мехами, цены на которые на европейских рынках не снижались, представленная здесь причина повышения цен остаётся для нас неубедительной.

Доход жителей полуострова Камчатка (руб.):

- 3 000 соболей по 15 руб. за штуку — 45 000;
- 700 выдр по 4 руб. за штуку — 2 800;
- 1 000 лис по 2 руб. за штуку — 2 000;
- 1 300 горностаев по 10 коп. за штуку — 130;
- 1 300 медведей по 3 руб. за штуку — 3 900;
- 50 волков по 3 руб. за штуку — 150;
- 22 росомахи по 6 руб. за штуку — 132;
- 1 900 лахтаков и нерп по 1 руб. за штуку — 1 900;
- 19 моржей по 3 руб. за штуку — 57;
- 500 зайцев по 10 коп. за штуку — 50;
- 100 голов крупного рогатого скота по 30 руб. за штуку — 3 000 руб., итого 59 119 руб.

Из этого списка следует исключить медведя, лахтакка и нерпу, шкуры которых используются местными для изготовления ремней, подошв, постельных принадлежностей и т. д. — то есть всех необходимых предметов домашнего обихода. Тогда от общей суммы 59 119 руб. остается 53 319 руб., из которых надо вычесть 10 000, утолщенных в водке, и, наконец, 3 685 руб. налогов, после чего сумма дохода составит 39 634 руб., то есть на каждого жителя — по 6 руб. 32 коп. Но чтобы знать реальный доход, следует знать реальную стоимость денег на Камчатке. Стоимость рубля может быть рассчитана из процентов, взимаемых с продажи товаров. Рассчитывая общий показатель, я обнаружил, что он составляет 397 %, иными словами, рубль обесценился здесь до 25 коп. серебром. Не следует забывать и о том, что — первое: почти все камчадалы имеют долги, из ежегодного их заработка купцы забирают определенную сумму на покрытие задолженностей.

Второе: они должны оплачивать строение церквей и часовен, содержание сторожей при домах духовенства и при церквях, подводы для почты и проезжающих должностных лиц, так называемая «каюрная гоньба», и исполнять иные обязанности, которые отнимают значительную часть рабочей силы.

В-третьих, почти всё население болеет наследственным сифилисом, вследствие чего не в состоянии выполнять тяжёлую работу.

Можно себе представить, в каком тяжёлом положении находятся камчатские туземцы. Та же участь могла бы ожидать и алеутов, если бы острова не попали в аренду к Американской компании. Помимо этого компания на протяжении двенадцати лет делала для жителей то, что она вовсе не обязана была делать. Остается ещё улучшить условия санитарии и школьного обучения. Что касается первого, то даёт о себе знать отсутствие врачей, госпиталя, больницы. Например, тяжелобольные алеуты вынуждены ждать, когда их отвезут на Камчатку в Петропавловск, где они должны сами оплачивать лечение и проживание. Другим приходится ждать петропавловского врача, который бывает на острове лишь по несколько дней.

Отсутствие медицинской помощи и невозможность госпитализировать больных очень негативно влияет на состояние здоровья жителей и является причиной увеличения процента смертности. Аптеки, имеющиеся на обоих островах, сами по себе, без врачей и фельдшеров, не могут быть полезными для жителей, несмотря на регулярные поставки обычных лекарств и универсальных американских препаратов.

Положение школ не лучше, чем санитарное состояние. Школы существуют лишь номинально из-за отсутствия специалистов и учителей-педагогов. Несмотря на горячее стремление к знаниям, которое отличает алеутов, обучение продвигается очень медленно, и до сих пор ограничивалось лишь азбукой. Чтобы устранить эти отрицательно влияющие на развитие недостатки, не нужно обращаться за дотациями к правительству или компании, так как деньги на строительство школы и наём квалифицированных учителей найдутся на месте. Достаточно продавать за наличные деньги шкуры каланов и песцов на европейском рынке, вместо того чтобы продавать их компании за бесценок (компания монополизировала охоту на морскую выдру и песца, на что не имеет законного права).

Таким образом, за год можно выручить 28 тыс. руб. серебром. Эту сумму полезно было бы направить непосредственно на поддержку образования и улучшение санитарных условий, сейчас же эта сумма, как капля в море, растворяется без следа в миллионных доходах компании.

Далее я приведу ряд важнейших цифр, касающихся жителей Командорских островов... и сопроводив соответствующими замечаниями. Материалы... я черпал из метрических книг, записи в которых, к сожалению, велись в Петропавловске только с 1868 г. Было сказано, что более ранние книги отосланы в Сан-Франциско...

...Если сравнить данные, составленные по отдельности для островов Беринга и Медного, то мы обнаружим, что:

1. Количество жителей в возрасте до пятнадцати лет и от пятнадцати до двадцати лет намного меньше на острове Беринга, чем на Медном, а именно на первом их 38 и 9, на втором — 49 и 11 % соответственно.

2. Жителей от двадцати до пятидесяти и от пятидесяти до ста лет на острове Беринга больше, чем на Медном: на первом — 42 и 9, а на втором — 31 и 6 %.

Это сравнение приводит нас к выводу, что в общих чертах условия жизни для взрослого человека — работника на острове Беринга более благоприятны, чем на Медном. Если всё количество людей разделить на возрастные группы с разницей в десять лет, и вычислить процентное соотношение каждой группы с общим числом, то получатся следующие результаты. На Командорских островах жителей в возрасте (в %): до 10 лет — 37,7, от 10 до 20 — 19,5, от 20 до 30 — 19,5, от 30 до 40 — 12,1, от 40 до 50 — 4,9, от 50 до 60 — 6,3, от 60 до 70 — 1,1, от 70 до 80 — 0,19, от 80 до 100 — 0,57.

Если сопоставить представленные в таблице цифры соотношения количества годных к работе к количеству слабых и не годных к работе, то получим следующие цифры (не годны к работе дети до пятнадцати лет и люди старше пятидесяти, потому что в этом возрасте охотники редко могут участвовать в тяжёлых работах):

	О. Беринга	О. Медный	На обоих островах
Нетрудоспособные	47,8 %	56,6 %	51,3 %
Трудоспособные	52,2 %	43,4 %	48,7 %

...На протяжении последних тринадцати лет на Командорских островах родилось людей больше, чем умерло, а именно:

	О. Беринга	О. Медный	На обоих островах
Мужчины	40	13	53
Женщины	15	33	48
Итого:	55	46	101

На основе этих общих данных можно подсчитать, каков ежегодный прирост населения:

	О. Беринга	О. Медный	На обоих островах
В среднем в год умирает	9 — 2,91 %	4 — 2,08 %	13 (6 муж., 7 жен.) — 2,59 %
Рождается	13 — 4,20 %	7 — 3,64 %	20 (10 муж., 10 жен.) — 3,99 %

Годовой прирост населения можно указать в округлённых данных: на острове Беринга — 4 чел., или 1,3 на 100 чел.; на острове Медном — 3 чел., или 1,8 на 100 чел.; на обоих островах — 7 чел., или 1,6 на 100 чел.

...Сколько людей каждого возраста (в %) умерло в 1868—1881 гг. На 100 смертей: на первом году жизни — 17, от двух до пяти лет — 15, от рождения до пяти лет — 32, от пяти до 10 — 6, от 10 до 15 — 5, от 15 до 20 — 5, от 20 до 25 — 9, от 25 до 30 — 10, от 30 до 35 — 5, от 35 до 40 — 4, от 40 до 45 — 4, от 45 до 50 — 4, от 50 до 55 — 2, от 55 до 60 — 2, от 60 до 65 — 3, от 65 до 70 — 3, от 70 до 75 — 2, от 75 до 80 — 2, от 80 до 90 — 1.

Можно рассчитать, что из ста новорожденных умирают в первый год жизни одиннадцать — почти такое же количество, как в Голландии.

Материал, по которому я составлял таблицу смертности, послужил мне также для расчёта средней продолжительности жизни островитян, для этого я сложил возрасты умерших и разделил полученную сумму на число этих умерших.

Средняя продолжительность жизни на Командорских островах составляет 25,5 лет. Средняя продолжительность жизни на острове Беринга — 27,5 лет: мужчин — 24,7, женщин — 29,6. Средняя продолжительность жизни на острове Медном — 20,6 лет: мужчин — 22,3, женщин — 18,1.

Средний возраст людей, живущих на Командорских островах, составляет 21,668 лет. Средний возраст жителей острова Беринга — 22,668 лет: мужчин — 22,414, женщин — 23,993. Средний возраст жителей острова Медный — 20,031 лет: мужчин — 19,516, женщин — 20,485...

...Когда начинаются дискуссии о том, на самом ли деле население Командорских островов не увеличивается или оно уменьшается, а может, остаётся прежним, то всегда повторяют как аксиому широко распространённое мнение, что алеуты повсеместно медленно вымирают. В действительности дело обстоит иначе. Мы убедились, что на Командорских островах население растёт... Цифры свидетельствуют, что, начиная с 1870 г., население неуклонно растёт, и этот процесс продолжается по сей день. До этого оно, на самом деле, сократилось (в 1868 и 1869 г.). Мы можем только пожалеть, что у нас нет списков, составленных до 1868 г., которые позволили бы получить данные о смертности в прошлые времена, поэтому мы не можем судить, повлияли ли новые условия быта на прирост алеутского населения.

Итак, за одиннадцать лет с 1870 г. количество жителей увеличилось на сто двадцать человек, то есть прирост составил по одиннадцать в год.

Факт увеличения численности алеутов утешителен, тем не менее, он не может заглушить тревогу, вызванную показателями смертности на Командорских островах. Чтобы облегчить сравнение смертности на Командорских островах с цифрами, касающимися других мест, я рассчитал, сколько смертей приходилось бы на каждую тысячу человек в 1868—1870 гг. Результат получился следующий... На протяжении последних тринадцати лет в год приходилось по тридцать смертей на тысячу человек... Мы видим, что самая высокая смертность приходится на июнь, август и сентябрь, более чем в два раза превышая смертность в январе, феврале, марте, апреле, мае и июле; в течение остальных трёх месяцев — октябре, ноябре и декабре — смертей в два раза меньше, чем в первом указанном периоде.

Ответить на вопрос, почему в самых, казалось бы, здоровых месяцах, когда жители имеют возможность питаться свежим мясом, умирает наибольшее количество людей, по крайней мере, сейчас, не имея достаточных данных, невозможно. Стоит упомянуть, что на это время года выпадает самая тяжёлая работа.

Так же, как и количество умерших, было подсчитано количество рождённых в каждом месяце в 1868—1881 гг... Число рождений распределяется равномерно за исключением октября, на долю которого приходится 13 % общей суммы рождений, то есть на 5 % больше, чем в любом другом месяце...

На острове Медном семью имеют 76 человек (39 %), на острове Беринга — 136, что составляет 44 % населения. Из-за несчастных случаев в последние тринадцать лет умерло семь человек: на острове Беринга — пять, на Медном — двое. Трое младенцев случайно задушены родителями во время сна, десятилетний ребёнок разбился, двухлетний ребёнок умер от ожогов; двадцативосьмилетний — угорел, парень восемнадцати лет умер в результате обморожения.

Принимая в расчёт приведённые цифры, получим следующий результат: 4 % смертей являются следствием несчастных случаев.

В заключение моего труда я предлагаю ряд мер, реализация которых поможет улучшить нынешнее состояние алеутского населения и, безусловно, окажет положительное влияние на увеличение продолжительности жизни и снижение смертности на Командорских островах. Эти меры следует проводить не только

в исключительных случаях, они должны затронуть все области жизни алеутов.

1. Изменения, которые нужно сделать в помещениях:

а) железные печи заменить кирпичными. В построенных из досок современных домах из-за непрерывных сильных ветров железными печами невозможно поддерживать необходимую температуру;

б) доставлять больше топлива — об этом уже шла речь выше, и использовать залегающий на островах торф;

в) построить удобные, сухие жилища для так называемых «промысловиков», то есть охотников.

2. Что касается питания:

а) следить за чистой медной посуды и содержать в чистоте всю кухонную утварь;

б) ввести надзор за засолом мяса котиков и рыбы;

в) поставить пекарни на обоих островах;

г) снизить цены на муку, крупы и сухари;

д) ввести обязательную посадку овощей и картофеля;

е) поддержать разведение крупного рогатого скота и выращивание кормовых культур;

ж) организовать разведение оленей и лошадей на обоих островах.

3. Изменение режима работ:

а) запретить принимать участие в работах детям до пятнадцати лет, беременным женщинам и больным;

б) ввести на острове Медном систему паёв, обязательную на острове Беринга;

в) на острове Медном увеличить количество работников или уменьшить объём работы;

г) на острове Медном доставляемые на склады шкуры перевозить на лошадях.

4. Здравоохранение:

а) построить больницы и в каждую нанять по одарённому фельдшеру;

б) требовать от беременных наблюдаться у фельдшера, а от фельдшера — присутствия при родах.

5. Другие меры по гигиене:

а) с помощью фельдшера повлиять на родителей и научить правильному уходу за младенцами, запретить родителям спать вместе с грудными детьми;

б) построить большие бани с отапливаемыми тёплыми сениями, которые также могут служить прачечными;

в) учредить постоянный надзор за поддержанием порядка в речках, на подворьях и в жилищах;

г) устроить выгребные ямы и установить строгий контроль за ними;

д) удалить ездовых собак от жилищ;

е) приложить возможные усилия для уничтожения смрада от гниющих трупов морских котиков, и, что ещё более важно, убрать падала подальше от домов.

Наконец, следовало бы подумать о повышении уровня образования. Необходимо построить школу, в которой учили бы не только азбуке, но старались познакомить учеников с тем, что может пригодиться в жизни. Кроме обучения чтению и письму, обязательному для детей обоего пола (до сих пор в школе учатся только мальчики), желательно устроить ремесленную школу и публичные чтения долгими зимними вечерами — для того, чтобы дать пищу разуму и организовать досуг, в особенности для молодёжи, которая, будучи не занятой, чаще всего ведёт распутную жизнь, плохо влияющую на моральное и физическое развитие подрастающего поколения.

Хотя, казалось бы, выдвинутые здесь требования реализовать слишком трудно, тем не менее, для Командорских островов они не являются неосуществимыми, так как компания, получающая огромные доходы, имеет неограниченные возможности.

Сейчас мы ознакомимся с доходами американской компании, арендующей Командорские острова, и российского правительства, которое их сдало в аренду в 1871 г.

Так как сумма годового дохода российского правительства и Компании в большой степени зависит от количества добытых котиков, а количество это ежегодно в значительной степени колеблется, то для расчётов мне пришлось взять среднее число забитых животных, которое уже было представлено выше. Другие данные, использованные мной для расчётов, я взял из печатных донесений и устных отчётов. В любом случае, я должен сделать оговорку, что не могу ручаться за их полную достоверность и точность, так как эти отчёты имеют своей целью представить доходы компании искажённо, греша главным образом в сторону преуменьшения.

Прежде, чем перейти к перечислению доходов от Командорских островов, я укажу доходы, которые американское правительство вытягивает из островов Прибылова, сдаваемых той же компании, но на совершенно иных условиях, нежели российскому правительству.

I. Доход американского правительства от островов Прибылова:

1. За 100 000 шкур котиков компания платит 250 000 \$. Дополнение к этой сумме, называемой «бонус», составляет 50 000 \$.

2. Иные доходы, не определённые точно в сопроводительных докладах, полностью покрывают издержки американского правительства и приносят ему чистый доход в 300 000 \$ или 600 000 руб. серебром.

3. С каждой шкуры котика американское правительство получает 6 руб. серебром, за вычетом всех расходов, которые они обязаны покрывать из собственных фондов.

Условия контракта, касающиеся аборигенов... обеспечивают быт туземцев и уменьшают суммы расходов американского правительства.

После перечисления доходов американского правительства перейдём к рассмотрению доходов правительства российского.

II. Доходы российского правительства:

1. Сумма аренды — 5 000 руб. серебром.

2. За шкуры котиков (35 442 штуки) — 63 384 руб. серебром.

Итого 68 384 руб. серебром.

По другим сведениям:

1. Согласно доклада чиновника особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири пана Сулковского, посланного в 1881 г. для изучения вопроса об аренде Командорских островов, доход русского правительства составляет: в году 1872 г. за 29 318 котиков заплачено 58 635 руб. серебром, в 1873 г. за 30 396 — 60 792 руб., в 1874 г. за 31 272 — 62 544 руб., в 1875 г. за 36 274 — 72 548 руб., в 1876 г. за 26 960 — 53 920 руб., в 1877 г. за 31 340 — 54 845 руб., в 1878 г. за 42 752 — 78 004 руб., в 1879 г. за 48 054 — 89 508 руб., в 1880 г. за 43 522 — 84 544 руб. Итого за 319 888 — 615 341 руб. серебром. В среднем за 35 543 шкур в год заплачено 68 371 руб. плюс 5 000 руб. за аренду = 73 371 руб. серебром.

2. Согласно официальному отчёту управляющего Командорскими островами, в 1872—1881 гг. добыто 298 347 котиков, то есть в среднем по 33 149 в год. Таким образом, согласно этому отчёту доход русского правительства представлен в меньшем объёме, чем у господина Сулковского, и составляет в среднем 63 798 руб. серебром в год.

III. Расходы российского правительства:

1. Жалованье управляющего островами — 3 000 руб. серебром.

2. Жалованье двух старост на островах — 1 000 руб. серебром.

3. Содержание казаков и охраны — 1 000 руб. серебром.

4. Содержание в течение лета двух кораблей в Беринговом море — 50 000 руб. серебром.

Итого 55 000 руб. серебром.

Чистый доход русского правительства составляет 13 384 руб. серебром. Доход этот сильно сократится, если будут осуществлены следующие проекты: привлечение духовенства на постоянную службу на островах; строительство домов для духовенства; строительство больниц и жилья для врачей; содержание постоянного медицинского персонала; строительство школ; наём штатных учителей; содержание роты солдат с офицерами для защиты берегов от нападения браконьерских шхун; строительство казарм для солдат и жилых домов для офицеров.

Осуществление этих проектов не только поглотит все доходы, но и потребует дополнительных вложений.

IV. Доходы компании, арендующей Командорские острова:

1. За 35 442 шкуры в среднем по 15 долларов за штуку, получают 531 630 долларов, или 1 063 260 руб. серебром. Согласно докладу управляющего Командорскими островами стоимость шкуры колеблется от 10 до 18 долларов. Цена выделанной и окрашенной шкуры доходит до 40 долларов и выше.

2. За 78 шкур каланов, в среднем 150 долларов за штуку. Всего — 11 700 долларов, или 23 400 руб. серебром.

3. За 899 шкуры песцов — в среднем по 6 долларов за штуку. Всего — 5 394 долларов или 10 788 руб. серебром.

4. Доход от продажи товаров — около 25 000 руб. серебром.

5. Доход от продажи дров — 4 000 руб. серебром.

Общая сумма составляет 1 126 448 руб. серебром.

V. Расходы компании:

1. Сумма, выплачиваемая алеутам за шкуры котиков — 32 711 руб. серебром.

2. Сумма, выплачиваемая русскому правительству за шкуры котиков: а) за 30 000 штук по 1 руб. и по 1 руб.75 коп. — всего 52 500 руб. серебром; б) за 5 442 штук по 2 руб. — всего 10 884 руб. серебром.

3. Сумма, выплачиваемая русскому правительству за аренду — 5 000 руб. серебром.

4. Содержание парохода и парусной шхуны согласно расчётам управляющего Командорскими островами — 72 000 руб. серебром.

5. Содержание агентов компании в Петропавловске и на Командорских островах — 32 000 руб. серебром.

6. Компания бесплатно выдаёт алеутам продукты на сумму 925 руб. серебром.

7. Компания платит алеутам за работу 2 340 руб. серебром.

8. Издержки на перевозку шкур до Лондона и их продажу должны составлять 40 тыс. руб. Общая сумма: 248 360 руб. серебром.

Управляющий островами считает, что издержки составляют 106 тыс. руб. серебром, при этом беря для расчётов за основу 54 тыс. шкур котиков. Цифра эта совершенно невозможна, если её сравнить с цифрами... его отчёта, где перечислено год за годом количество котиков, добытых на Командорских островах... Наибольшее количество котиков падает на 1880 г. и составляет 48 504 штук. Откуда может взяться цифра 54 тыс.? Понятно, что в докладе, где на каждом шагу наталкиваешься на кричащие противоречия, число забитых котиков завышено.

Управляющий островами... хочет указать, какие большие расходы несёт компания, и для этого увеличивает количество добытых котиков, чтобы тем самым увеличить сумму аренды, забывая при этом, что тем же самым увеличивает доход компании, о чём всячески замалчивается. Если бы в действительности в год забивали 54 тыс. котиков, то доход компании был бы не 1 063 260, а 1 620 000 руб. серебром.

Чистый доход компании 878 088 руб. серебром. Управляющий островами указывает расходы компании в целом от 540 тыс. до 648 тыс., что уменьшало бы доход компании до 982 тыс. руб. серебром.

Сравнивая условия аренды, господин Сулковский, автор доклада в вышеуказанном сборнике, подсчитал убытки, которые несёт вследствие этого контракта российское правительство.

Условия контракта, убыточные для русского правительства, совершенно непонятны жителям Восточной Сибири, вследствие чего пошли разные слухи. Одни объясняли вынужденность заключения такого контракта тем обстоятельством, что после продажи американскому правительству Алеутских островов Командоры были тоже причислены к Алеутской гряде. Компания взяла на себя обязательство убедить американское правительство в ошибочности решения этого географического вопроса, и за эту услугу получила такой выгодный для себя контракт. Другие утверждали, что контракт стоил компании 500 тыс. руб. серебром, и нашлись люди, которые за эту сумму продали и свою совесть, и интересы правительства.

Согласно Сулковскому, расходы достигают трёх миллионов рублей серебром за всё время аренды, то есть за двадцать лет, а по

моим расчётам они ещё выше, а именно 4 253 040 руб. серебром, то есть на каждый год приходится 212 652 руб. серебром. Так что если в будущем российское правительство заключит новый контракт с компанией, то должно будет принять за основу условия, которые выставляет американское правительство, и увеличить сумму дохода до вышеуказанной цифры, при этом взяв на себя те же обязательства по отношению к командорским аборигенам, которые были предложены компанией, арендующей острова Прибылова.

Уже в 1880 г. я докладывал государственному секретарю, бывшему министру просвещения Головнёву, о плачевном состоянии камчадалов, которое становится ещё более отчётливым при сравнении с благосостоянием алеутов. Для улучшения условий жизни несчастных жителей полуострова достаточно было бы предпринять те же меры, которые были проведены на Командорских островах, если бы только решили заключить с компанией контракт на тех же условиях, что и американское правительство.

Я не ожидал, что могли найтись люди, готовые заключить с компанией новый договор на значительно худших условиях, чем предыдущий, над которым иронизировали сами американцы. В прошлом году, ещё до истечения срока текущего контракта, хотели заключить новый, который противоречит логике и здравому смыслу и является оскорбительным для арендодателя.

Условия этого контракта следующие:

1. Русское правительство отдаёт компании монополию на добычу котиков не только на Командорских островах и Тюленьем острове, но и на побережье всех своих северо-азиатских владений.

2. Предоставляет компании монополию на отлов морских выдр и песцов на побережье своих северных владений, якобы для того, чтобы сохранить их от полного уничтожения.

3. Контракт заключается на двадцать лет, по истечению настоящего контракта в 1891 г.

4. По истечении контракта в 1911 г., компания будет иметь преимущество перед остальными для получения аренды.

Компания обязуется:

1. Увеличить сумму аренды с 5 тыс. до 25 тыс. руб. в год.

2. Платить за каждую шкуру 2 руб. серебром.

3. Платить около 20 тыс. руб. за все шкуры каланов и песцов под видом пошлины.

4. Взять на себя содержание попа, медицинского персонала и учителей, и достроить дома для аборигенов.

5. Платить алеутам за шкуры котиков и за работу серебром, цена за шкуру должна быть повышена до 75 коп. серебром.

Таким образом, доход правительства повысится на 35 тыс. руб. серебром. Для удовлетворения «престижа государства» на островах содержали бы по па и двух учителей, а за счёт правительства — пару военных судов, роту солдат и управляющего островами, который бы назывался губернатором с соответствующим ему чином, мундиром и служебным штатом. Что больше всего удивляет в этом контракте, это очевидность того, что компания добивалась полной монополии на добычу котиков и пошла бы ради монополии на любые жертвы. Вместо того чтобы воспользоваться этим, компании сделаны уступки из опасения, что она может отказаться от аренды.

Редактор журнала «Русь» (№ 2 за 15 января 1884 г., с. 7) выступил со справедливым протестом против этого проекта, критикуя в пространной статье его инициаторов и указывая на смехотворность причин заключения нового контракта и отсутствия какого бы то ни было обоснования его необходимости и преимуществ. Затем, однако, автор статьи, предупреждая об угрозе от Сциллы, сам стал Харибдой, поскольку советует отдать дальнейшую судьбу аборигенов Командорских островов в руки тех, кто причинил больше всех страданий жителям Камчатки и способствовал их окончательному вырождению. То, что от этого не выиграет ни правительство, ни народ, ясно и убедительно доказывает весь прошлый опыт.

Наиболее опасным обстоятельством для Командорских островов является патриотизм американцев, старающихся избавиться от иностранной конкуренции. Не станет ли это причиной уничтожения лежбищ котиков и морских выдр на островах из-за полного отсутствия патриотизма противоположной стороны, покажет недалёкое будущее.

Карта Командорских островов

В заголовке карты упомянем, что она рисована по оригинальной карте капитана Зандманна (главный агент арендующей Командорские острова компании и капитан парохода «Александр»). Добавлю, директивные точки для неё были астрономически определены либо лично капитаном Зандманном, а именно все точки, относящиеся к острову Медному, либо несколькими другими капитанами, в основном для острова Беринга.

У капитана Зандманна две карты Командорских островов: одна — в меньшем масштабе — обоих островов, другая — в большем — только острова Медного. Обе карты он охотно давал копировать каждому, кто

хотел ознакомиться с географией Командорских островов. Ими пользовались также офицеры российского военного флота — они сняли несколько копий.

Первую копию снял мичман Беклемишев (офицер военного корабля «Стрелок»), он увеличил размер островов вдвое (на его карте английский дюйм равен пяти верстам) и добавил некоторые детали, которые предоставил ему управляющий островами. Эту карту напечатали в издательстве под управлением генерал-губернатор Восточной Сибири («Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью», т. 3, «Камчатка и Командорские острова», 1882 г.). Вторую копию сняли офицеры военного корабля «Вестник». Третью — офицеры военного корабля «Африка». Эти две последние копии, насколько я знаю, нигде не опубликованы.

При составлении своей карты я пользовался всеми вышеперечисленными, в основном, картами Зандмана и Беклемишева. И кроме взятых оттуда названий поместил на ней всё остальное, о чём смог узнать от жителей. На этих картах не были отмечены горы и их направление, на моей карте я указал и то, и другое по рассказам местных жителей. Указав источники, по которым я составлял карту, я даю здесь подробный список указанных на ней названий. Я делю их на следующие категории:

1. Названия, которые публикуются в печати впервые — они звёздочкой не помечены.

2. Названия, уже указанные на картах Зандмана и Беклемишева, они помечены в моём списке двумя звёздочками.

3. Названия, приведённые только Беклемишевым — помечены одной звёздочкой.

Остров Беринга

Западное побережье

Лежбищный мыс. По Беклемишеву мыс Юшина. Лежбище котиков, называемое северным. **Северное лежбище.

Бухта Кишочная (алеуты полощут в ней кишки котиков).

Тижиковская бухта.

Морошечная бухта (целое поле морошки лежит над бухтой).

Бухта Фонталка (от водопада, в котором речка Фонталка с небольшо-го обрыва падает в бухту).

3-я Песчаная бухта (третья бухта с таким названием, если считать от деревни Гаванской по направлению на север).

Бухта Кастак.

Мыс Кастак. Мыс Северозападный, или Норд-Вест-Кэп.

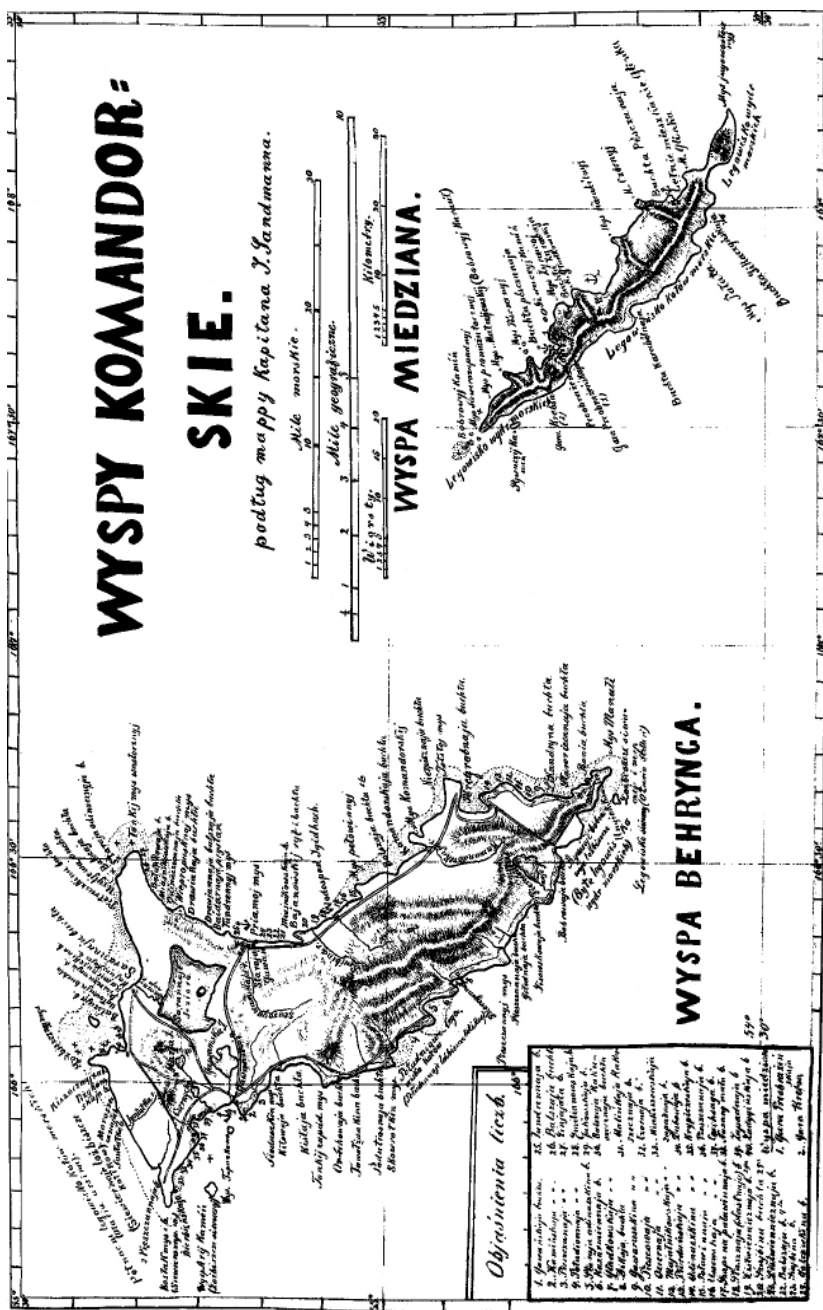
2-я Песчаная бухта.

Дербеньская бухта.

Чёрная бухта.

Мякишевская бухта.

Дубовая бухта (якобы тут на берегу находят дуб).

Карта Командорских островов капитана И. Зандманна

Крипичевская бухта.

1-я Песчаная бухта.

Хехсага бухта.

Низанг бухта.

Западная бухта.

Ладыгинская бухта (в неё впадает Ладыгинская речка, на берегу которой недалеко от моря стоят алеутские юрты, где несколько семей занимаются ловом лососёвых).

Гаванская бухта, или **Гавань, или Новая Гавань (в эту бухту впадает речка **Гаванская, или Гаванка. Над бухтой, на поднятом побережье, заложена деревня). Гаванская, единственная на острове, тут находятся склады компаний, дом её арендаторов и управляющего островами. В бухте Гаванской есть два островка: **островок Топоркова — от названия птиц топорков *Lunda cirrhata*, которые здесь гнездятся в большом количестве.

Островок **Арий Камень — от названия птицы ара, *Lomvia arra*, которая гнездится на этом скалистом островке.

Есть ещё и скала Орловый Камень, на плоских уступах которой якобы гнездились орлы. В бухте есть риф, под названием **Риф, обозначен крестиком.

Бухта Каменская (в неё впадает речка Каменская).

Песчаная бухта, или Песчаная южная бухта.

Федюшкин мыс (рядом с ним находятся огороды жителей деревни Гаванской, и поэтому речку, текущую рядом, называют Огородная).

Китовая бухта (десять лет назад здесь выбросило труп кита *Physeter macrocephalus*).

Кислая бухта (Кислая, значит гнилая, бухта названа так из-за запаха гниющей органической материи, выбрасываемой волнами).

**Тонкий Западный мыс (чтобы отличить от Тонкого восточного).

Ореховая бухта (называется так из-за мелких камешков, покрывающих берег, которые похожи на орехи).

Таволжанкина бухта (от названия таволга *Spirea*)

Подутёсная бухта.

Сковородкин мыс.

Полуденная бухта (в неё впадают две речки — Перегонная, через которую гонят котиков на бойню, и Лежбищная, которая падает водопадом, каскадом с Полуденного лежбища).

Старая Одиначкина бухта (одиначкина — значит «обособленная»).

Казарменная бухта (тут были казармы для работников).

Дикая бухта (дикий — значит «безумный, бешеный, яростный». Бухта названа так из-за слишком сложного доступа к берегу из-за отвесных скал. Тут первый «Непропуск». Это значит, что дороги по берегу нет).

Песчаный мыс.

Песчаная бухта.

Голодная бухта (когда-то голодала целая бригада алеутов, ожидая окончания бури).

Лисонкова, или Лисовская бухта.

Серебрянникова бухта.

**Бобровая бухта (тут было лежище бобров или морских выдр).

Шипицынская бухта (лежит пониже Бобровой, не обозначена на карте).

Надбрежная скала Унгех Камень.

Мыс Кап Манати (по-алеутски называется «Танам-анг-та», что значит «Край земли»).

Восточное побережье (с севера на юг)

Маленькая Ракушечная бухта.

Большая Ракушечная бухта.

Яковская бухта.

Емельяновская бухта.

Большая бухта.

Угловая, или Угловская бухта (по-алеутски Утки-уда).

Песчаная бухта.

Каменушкина бухта (от утки, называемой каменушка *Harelda histrionica*).

Каюрская бухта (от птицы, называемой каюрка *Uria columba*, гнездящейся на прибрежных скалах).

**Саранная бухта (от лилии сарана *Frittilaria sarana*, обильно растущей тут). В бухту впадает речка Саранная, которая вытекает из самого большого озера Саранного. У устья этой речки построены алеутские юрты, где женщины из деревни Гаванской проводят лето, заготавливая на зиму лососёвых, которых ловят с помощью ограждения «запор». Здесь всё лето держат упряжных собак.

Петрушкина бухта.

Урильева (названа из-за бакланов, по-русски «урилы», от камчадальского «уриле», по-алеутски — «киллитаках»).

Большая 2-я бухта.

Старая Одиночкина бухта.

**Тонкий восточный мыс, или мыс Ваксея.

Линийайата бухта, по-алеутски Чмулилах. Тут тюлени находятся во время линьки.

Большая 3-я бухта.

Булунковая бухта.

Мясниковская бухта.

Одиночечная бухта.

Непропускной мыс.

Дровяная бухта.

Дровяная Большая бухта (здесь море выбрасывает много древесины, в основном из лесов Камчатки).

Байдарная пристань.

Тундренный мыс.

Тундренная бухта.

Старая гавань (в эту бухту впадает речка Старогаванская. Раньше здесь была деревня, а сейчас только летные жилища алеутов и овощные огороды, принадлежащие нескольким алеутским семьям).

Прямой мыс.

Гольцовкина бухта (от рыбы голец *Salmo malma*).

Шайбина бухта (шайба — значит «сруб»).

Большая 4-я бухта.

Лиственничная бухта (от лиственниц, найденных там среди деревьев, выброшенных на берег).

Бояновская бухта.

Мякишевская бухта.

Бояновский мыс (на карте Беклемишева ошибочно обозначен как мыс Буян), одноименный риф и малая бухточка.

Шайбина бухта (в неё впадает речка Шайбина).

Лиственничная 2-я бухта.

Сластная бухта, или Слашная.

*Сластный мыс.

Шапина половинная бухта.

Уссовская бухта.

Половинный мыс.

Большая 5-я бухта.

Командорская бухта (с речкой Командоркой, в устье которой стоит крест над могилой Беринга и его товарищей).

**Командорский мыс.

Нерпичная бухта.

**Толстой мыс.

Одиначкина бухта.

*Перегрёбная (здесь переплывают через пролив на остров Медный).

Маятниковская бухта.

Озерная бухта.

Песцовая, или Песцовая Казарменная бухта.

Говорушкина (от местного названия чаек — говорушки — *Rissa tridactyla* и *R. brachy-rhyncha*).

Ликандрина бухта.

Староречная бухта.

Баня бухточка.

Скалы: **Лежбище сивучей.

Озера: **Саранное (самое большое).

Гаванское.

Черныха.

Марфы, или Марфиное.

**Перешеечное.

Наряду с этим надо упомянуть о следующих населенных пунктах, отмеченных на карте Беклемишева:

1. Рядом с бухтами Бояновской и Мякишевской когда-то были найдены золотоносные пески.

2. У мыса Толстой якобы находятся залежи угля.

Вдоль острова означены дороги, по которым зимой ездят алеуты. В северной части острова, между деревней Гаванской и юртами, построенными на северном лежбище у устья реки Саранной, и далее — на побережье залива Старая Гавань и, наконец, над речкой Ладыгинской алеуты ездят на собаках даже летом.

Беневский в своей работе «История путешествия... графа Беневского» рассказывает, что был со своим экипажем на острове Беринга и что залив, в котором стоял его корабль, назван в его честь заливом Святого Маврикия(?). Залив, о котором говорит Беневский, вероятно, тот, который теперь называется Гаванским.

Остров Медный

Западное побережье

Северозападный мыс (перед ним находится несколько скал, одна называется Бобровый Камень, несколько других вместе — Кораблём, потому что со стороны Берингова моря в тумане они напоминают мачты парусника).

Побережье называется Лежбищем морских выдр.

Отдельная скала — Сивучий камень.

****Корабельная бухта** (от Корабельной до мыса Палаты побережье занято лежбищем котиков).

****Мыс Палаты** (названы в честь отдельно стоящих скал, которые в тумане имеют некоторое сходство с шатрами).

****Секачинская бухта** (от слова «секач», обозначающего старого самца котика); лежбище морских выдр.

**** Юговосточный мыс.**

Восточное побережье

****Промежуточный мыс.**

****Матвеевский мыс** (летом здесь осуществляется вооружённая охрана залежки каланов, место носит название «Бобровый караул»).

****Песчаный мыс.**

****Песчаная бухта, или Песчаная 1-я.**

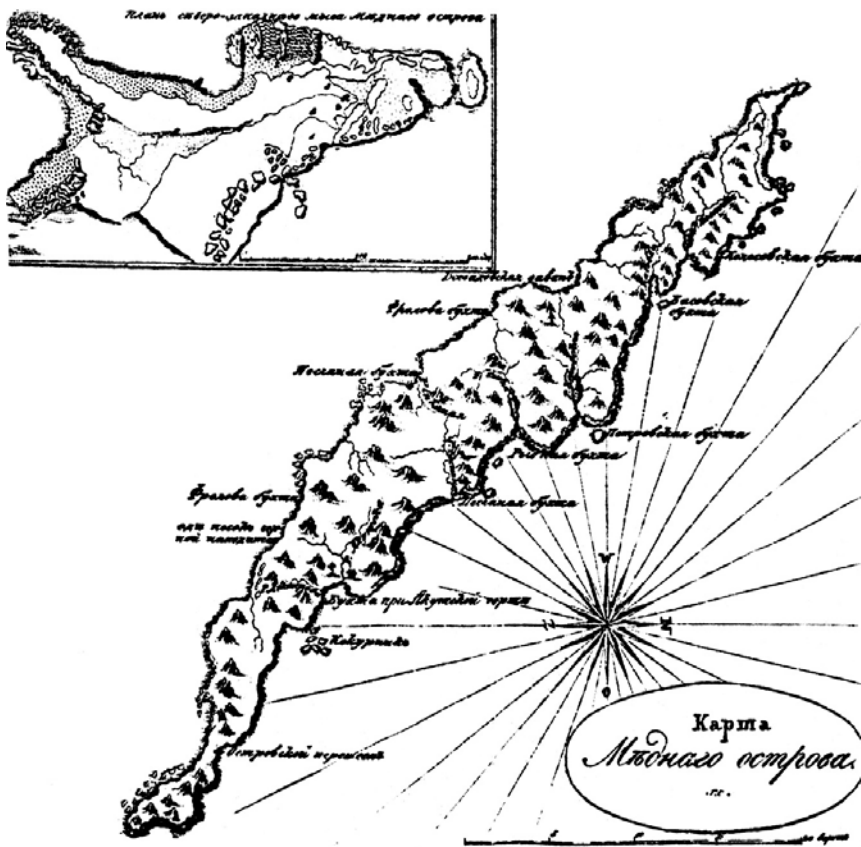
Цифрой 2 на карте обозначена гора Кребса, которая лежит напротив горы Преображенской, обозначенной цифрой 1. Обе горы образуют вход в узкую долину, где лежит деревня Гаванская. Перед деревней лежит небольшая бухта Гаванская.

****Жировой мыс.**

****Жировая бухта.**

****Гладковский мыс.**

****Корабельная бухта** (тут стоят летние юрты и склады компании, где солят шкуры котиков).

Карта о. Медный. [Спасский Г. И. Описание острова Медного/
Сибирский вестник. № 18. — 1822]

**Корабельный мыс.

**Чёрный мыс.

Песчаная бухта.

Бухта Глинка (тут летние юрты и склады компании).

Мыс Глинка.

Сужение острова за мысом Глинка называется «Перешеек».

Речки острова Медного очень маленькие, в них заходит только мелкие виды лососёвых рыб.

Небольшое озеро, лежащее в бухте Жирова, видимо, имеет очень интересную фауну ракообразных, которых, однако, я не смог наблюдать.

На северо-западном побережье острова Медного скрываются богатые медные жилы.

Угля на Медном нет, находят только куски обугленного дерева.

ТОПОНИМЫ КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ

*Посвящается светлой памяти
Галины Николаевны Чуял*

Первые русские промышленники, занимавшиеся освоением Алеутских островов во второй половине XVIII в., пользовались картой Камчатского (Берингова) моря, составленной знаменитым российским гидрографом адмиралом Алексеем Ивановичем Нагаевым. Карта базировалась на материалах Второй Камчатской экспедиции и содержала более поздние правки и дополнения, внесённые на основании рапортов сибирского казака Емельяна Басова. В конце 1730-х гг. Емельян Софронович Басов (ок. 1700—1765) выступал одним из первых инициаторов промысловых походов «на Курильские и прочие неизвестные острова», однако, волею случая, его имя прочно связано с Командорами.

Ввиду финансовых затруднений, свой первый поход на шитике (небольшом плоскодонном судне) «Святой Пётр» он совершил в 1743 г. — в составе собранного им же отряда «вольногожелающих» из Нижнекамчатска. Второй поход был предпринят летом 1745 г., официально завершив открытие Командорского архипелага описанием береговых линий острова Беринга и высадкой с возведением креста на острове Медном. Во время следующего похода с одноименного острова была вывезена самородная медь. По утверждению В. Н. Берха, вслед за подачей в Правительствующий сенат рапорта о походе 1747—1748 гг., в Адмиралтейств-коллегию последовал указ о необходимости учёта полученных сведений при составлении сводной карты. Коллегия возложила исполнение работ на А. И. Нагаева, и тот «составил из всех прежних сведений выписку, приложив к оной карту, коею и руководствовались промышленники». По всей видимости, со временем оригинальная карта была утрачена. Не исключено, что дошедшие до наших дней копии представляют собой не что иное, как фрагменты труда Нагаева.

В Российском Государственном архиве Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург) сохранились две близкие копийные карты рассматриваемого периода: «Карта меркаторская от Охотска до лопатки и до Чукоцкого носу, положением прежним описанием 1725 года на боту Гавриле под командою бывшего господина капитана командора Беринга, и приобщенных острова, и часть земли против того носу по журналу бывшего подштурмана Ивана

Федорова 1732 году на том же боту, а между рекой Камчаткой и Лопаткой к востоку до длины $35^{\circ}00'$ приобщённое с карты сочинённой на пакетботе Св. Петре под командой помянутого господина капитана командора, видимы места 1741 году подленной за рукой капитана Шпанберха». Одна из них переснята в январе 1754 г. Фёдором Трапезниковым (родственником или однофамильцем известного организатора промысловых экспедиций на Алеутские острова Никифора Трапезникова). На картах указан остров Беринга (Берингов), южнее нанесена нечёткая фрагментарная береговая линия острова Медного (сам остров не обозначен) и ещё четыре маленьких островка, в одном из которых узнаётся Арий Камень. Также обозначены острова Алеутской дуги: Св. Аврама, Св. Стефана и Св. Маркиена (названия не укоренились).

Довольно точные контуры главного острова и искажённая, но узнаваемая северная часть Медного склоняют к мысли, что при составлении оригинала учитывались описания, сделанные Емельяном Басовым. Примечательно, что более поздняя карта, составленная по рассказам русских промышленников в 1755—1764 гг., хотя и содержит оба острова, Командорский и Медный (в середине XVIII в. остров Беринга зачастую называли Командорским, а весь архипелаг — Беринговым), имеет куда более существенные неточности. Береговые линии нанесены произвольно, а ориентация Медного по сторонам света не выдерживает никакой критики.

Это тем более странно, что достаточно точная и подробная карта Медного была составлена проводившим на острове геологические изыскания обергиттенфервальтером (маркшейдером) Петром Яковлевым. Первая самородная медь была собрана Емельяном Басовым в количестве пятидесяти фунтов в конце лета 1747 г. Ещё девятнадцать фунтов привёз из следующего похода мореход Дмитрий Наквасин. В связи открытием нового месторождения и по причине использования казённого имущества из бухты Командор, в августе 1751 г. Басов был отправлен из Большерецка в Охотск. Помимо прочего он получил там инструкцию и прилагающиеся копии с указов Берг-коллегии, в соответствии с которыми «поручалось ему описать и положить на карту островов, где находится самородная медь и исследовать месторождение ея». В помощь «при освидетельствовании меди» было разрешено взять трёх казаков, из них одного кузнеца. В 1752 г. поступило подтверждение поручения, но малограмотный Басов был не в состоянии справиться с поставленной задачей, и осенью 1753 г. на Камчатку прибыл посланный от горного ведомства маркшейдер Яковлев.

Яковлев отправился на судне «Капитон» с мореходом Наква-
синым летом следующего года, Басов из-за разыгравшегося конфлик-
та в поход взят не был. По возвращении в 1755 г. маркшейдер
предоставил рапорт, а в 1758 г., находясь в г. Якутске, составил
карту острова Медного, которая в скором времени была передана
с оказией в Санкт-Петербург. Достаточно подробный отчёт о походе
приводится в публикации П. П. Пекарского (1867 г.). Карта
дошла до наших дней в опубликованном варианте — она идёт
как приложение к статье Г. И. Спасского (1822 г.) «Описание
острова Медного». Сама статья основана на отчётах Яковлева
и штурманского ученика Потапа Зайкова (поход бота «Св. Влади-
мир» компании Ореховых 1773—1774 гг.). Гипотетически Яковлев
был в состоянии составить карту острова Беринга, так как провёл
на нём основную часть времени, но, очевидно, придерживаясь
инструкции, ограничился одним островом, содержащим запасы
медной руды.

Согласно рукописи А. Полонского, карту-схему обоих остро-
вов составлял штурманский ученик Василий Софьин после вы-
нужденного пребывания на Командорах в 1766—1768 гг.: 24 июня
(здесь и далее дореволюционные даты приводятся по Юлианско-
му календарю, то есть как в первоисточнике) 1766 г. шитик
«Св. Авраам» «коснулся земли» и в результате полученных повреж-
дений был полностью разобран и перестроен. В течение двух лет
часть команды была задействована в промысловых и судоремонт-
ных работах на острове Медном, в то время как группа из четыр-
надцати человек была отправлена на остров Беринга. К сожалени-
ю, обнаружить карту так и не удалось, вероятно, со временем
она была утрачена. Таким образом, при проведении анализа само-
го раннего этапа освоения островов приходится основываться на
карте Петра Яковлева и словесных описаниях, приведённых в руко-
писях Александра Полонского (на 1868 г. — 28 лет, участник
Польского восстания 1863—1864 гг., сослан в Западную Сибирь,
с 1864 г. находился в Мариинском округе, семьи не имел). Третьим
важным источником являются записи членов команды Второй
Камчатской экспедиции.

Карт с изображением Командорских островов первой половины
XIX в. также сохранилось немного. В настоящей публикации анали-
зируются четыре основные: 1) карты «островов Командорских, Атту,
Ситхинак, Унимак и других близ лежащих с показанием пути кораб-
лей Биллингса в 1791 и Головнина в 1818» сочинения Ф. П. Литке
(предположительно, составленных непосредственно после кругосвет-

ной экспедиции на шлюпе «Камчатка» 1817—1819 гг.); 2) «Плоская карта части острова Беринга 1827» сочинения лейтенанта Заваилишина; 3) «План гавани и бухты при острове Медном», сочинённая во время плавания на боте «Сивуч» мореходом Андреем Ингестромом (1830—1832); 4) «Меркаторская карта Восточного океана и Берингова моря. С Алеутскими и Командорскими островами», составленная из разных журналов и карт и отпечатанная в Гидрографическом департаменте Морского министерства в 1848 г.

В середине и второй половине XIX в. появляются более качественные, постоянно уточняющиеся, детализированные карты островов с указанием высот и промерами глубин. Значительный вклад в развитие картографии внёс бывший главный правитель Русской Америки (1845—1850) капитан 1-го ранга Михаил Дмитриевич Тебеньков, организовавший в годы своего правления несколько исследовательских экспедиций. В 1852 г. на базе многолетних гидрографических исследований им был составлен знаменитый «Атлас северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриентес и островов Алеутских. С присовокуплением некоторых мест северо-восточного берега Азии».

Многие исследователи и государственные чиновники конца XIX в. пользовались картами Зандманна. Являясь агентом торгового дома «Гутчинсон, Кооль, Филиппеус и К^о» и капитаном ходившего под российским флагом компании парохода «Александр II», гражданин Соединённых Штатов Иван Зандманн (Sandmann) сам лично проводил астрономическую съёмку координат острова Медного, в то время как большая часть директивных точек для острова Беринга была определена ранее служащими Российско-Американской компании (РАК). Анализ очертаний береговой линии острова Беринга даёт основание утверждать, что в основу карты Зандманна легли промеры из «Атласа...» Тебенькова, хотя контуры не идентичны. Иван Зандманн составил всего две карты Командор: одну — меньшего масштаба, включающую оба острова, и другую — большего, только для острова Медного. Обе карты он охотно давал копировать.

Первую копию снял мичман клипера «Стрелок» Н. Н. Беклемишев, увеличив её таким образом, что английский дюйм стал равен пяти верстам, и добавив некоторые подробности, которые сообщил ему управляющий Командорскими островами Н. А. Гребницкий. Карта была опубликована в «Сборнике главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью» в 1882 г. Вторую копию сняли офицеры клипера «Вестник», третью — крейсера «Африка». На базе карты Зандманна составлял свои отчёты

доктор Бенедикт Дыбовский — ещё одна дополненная версия приведена в его монографии «Командорский острова» в 1885 г. Дыбовский стал первым исследователем, посвятившим топонимике отдельный раздел своего доклада. Существенные уточнения береговой линии сделал Леонард Стейнегер, он также нанёс на карту ряд топонимов. Первая публикация Стейнегера вышла в 1885 г., одновременно с докладом Дыбовского. Трудясь автономно, они являлись скорее оппонентами, нежели соратниками. Тем ценнее высокий уровень соответствий на составленных независимо друг от друга картах.

Некоторые интересные дополнения внёс в карту Стейнегера изучавший в 1903 г. геологические формации островов Юзеф Морозевич. К сожалению, в настоящий момент в нашем распоряжении имеется лишь одна читаемая карта — острова Беринга, а также несколько страниц из монографии «Komandory. Studium geograficzno-przyrodnicze», выпущенной в 1925 г. В архиве ВМФ хранится несколько карт конца XIX — начала XX в. Наибольший интерес представляют «Карта Командорских островов» 1895 г. (берег и рифы взяты с карты издания 1883 г., а глубины — по промеру, произведённому крейсером «Забияка» и транспортом «Якут» в 1893 г.) и «Командорские острова» 1914 г. (составлена в 1898 г. по морской съёмке крейсера «Забияка» в 1894 г.). Последняя малоотличима от современных. Довольно точные карты использовали Е. К. Суворов и В. К. Арсеньев, они практически идентичны. В настоящее время на Командорских островах пользуются главным образом километровыми картами Генштаба, составленными на базе съёмки 1951 г. и обновлёнными в 1986 г. (система координат 1942 г., издание 1988 г.).

Анализ бытовавших в различное время топонимов и мотиваций нанесения их на карту позволяют отследить как некоторые исторические приоритеты, так и особенности природопользования на островах. Настоящая публикация не ставит своей задачей охватить все существовавшие и существующие на сегодняшний момент названия. Речь пойдёт, скорее, о выявлении основных тенденций и попытке воссоздать общую историческую картину.

Ранние топонимы второй половины XVIII в.

Остров Беринга. Настоящий подраздел основан, главным образом, на материалах дневников Георга Вильгельма Стеллера. Ввиду того, что детальное изучение темы проводилось многими специа-

листами в прошлом и даже позапрошлом веках и увенчалось изданием русскоязычной версии «Георг Вильгельм Стеллер. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741—1742», эта часть в большинстве случаев повторяет уже опубликованные трактовки, приведённые Андреем Кирилловичем Станюковичем. Однако без анализа самых ранних топонимов статья выглядела бы неполной.

Члены команды разбившегося пакетбота «Святой Пётр» были вынуждены зимовать в бухте, получившей впоследствии название бухты Беринга, а позже — бухты Командор. Здесь нашли последнее пристанище четырнадцать членов экипажа, в числе которых был капитан-командор Витус Йонассен Беринг. В связи с этим в середине XVIII в. острова архипелага зачастую называли Беринговыми, в то время как сам остров Беринга записывали Командорским. Впоследствии названия поменялись местами и приобрели современное звучание.

Для точного определения местности Георг Стеллер использовал собственные обозначения, из которых на острове закрепились только два — Усы и Манати (Монати). Все прочие так и остались на бумаге и до сих пор заставляют гадать о месте своего расположения.

«13 ноября мы продолжали строительство... Таскали домой за четыре версты от Лесной речки большие брёвна», — пишет учёный. Простые математические расчёты указывают на то, что речка находилась приблизительно в 4,3 км от бухты Командор. Большинство исследователей, начиная со Стейнегера, сходятся во мнении, что речь идёт о расположенной в северо-западном направлении реке Половина, однако Половина лежит приблизительно в пяти с половиной верстах. Немногим ближе четырёх верст расположена речка Кислая Капуста, получившая название благодаря тому, что в бухту часто прибывает морскую капусту, в дальнейшем «киснущую» (перегнивающую) на берегу, здесь также скапливается выбросной плавник. Речка находится в юго-восточном направлении, идти до неё ближе, но не быстрее, виною тому — сыпучий грунт. Еще одна «подходящая» речка — это расположенная близ Половины Уюм, расстояние до неё составляет 4,3 версты. Очевидно, Половина и Уюм подходят гораздо больше, чем Кислая, тем более что собирать большие бревна могли не в непосредственной близости от устья, а более обширной зоне заплеска, между речками.

«Дубинками мы забили четырёх выдр, половину спрятали в речке, получившей название Бобровой речки; поле, где мы их убили, стало Бобровым полем» (речь идёт о каланах, или морских бобрах, они же — морские выдры). Станюкович считает, что это может

быть река Передовая, находящаяся в юго-восточном направлении от лагеря, правда, не в семи, как указано в сноске, а в девяти километрах. Мыс Толстый было бы вполне логично назвать Бобровым полем, но смущает расстояние: как следует из приведённой ниже цитаты, Бобровое поле расположено не далее, чем в четырёх верстах, следовательно, речка ещё ближе. Кроме того, Бобровая, похоже, является своего рода антиподом Козловой: Стеллер указывает, что первые два месяца ходили на небольшие расстояния в разные стороны от лагеря. Вероятнее всего, это и есть река Кислая Капуста.

«В ноябре и декабре мы убивали морских выдр на Бобровом поле и у Козловой речки, в трёх-четырёх верстах от наших жилищ; в январе — у Китовой речки, в шести-восьми верстах; в феврале — у Усов и Большой Лайды, в двадцати-тридцати верстах. В марте, апреле и последующие месяцы морские выдры полностью исчезли к северу от наших жилищ, мы переходили на южную сторону земли и приносили выдр за двенадцать, двадцать, тридцать и даже сорок вёрст». Станюкович считает, что Козловой могла быть речка Уюм, расположенная несколько южнее и ближе, чем река Половина. Это вполне вероятно. На Козловое поле в пяти верстах к западу от жилищ был выброшен свежий кит, мясом которого питалась команда. Следовательно, на этом участке следует искать речку Китовую, ею может быть любой ручей близ реки Половины. Странное название «Козловое» Станюкович ассоциирует с козлами для распилки леса, которые могли стоять близ речки, однако козлы едва ли стояли бы по всему «полю», не исключено, что топоним был связан с дурным запахом. К примеру, Ваксель сравнивал запах мяса котиков с запахом старого козла. Относительно происхождения данного топонима остается только гадать, давая волю своему воображению.

Топоним Большая Лайда — единственный, не вызывающий сомнений. Устаревшее архангельско-сибирское понятие «лайда» до сих пор широко распространено на Командорах и обозначает относительно ровную проходимую часть морского берега, как правило, песчаного или каменистого. Большая Лайда протянулась от мыса Толстого до бухты Старогаванской и севернее, но у Стеллера она пространственно ограничена Буяном или Шайбой.

Усы — один из двух топонимов, дошедших до наших дней. Одноименная бухта расположена приблизительно в восьми с половиной верстах от лагеря Беринга. Едва ли столь странное название могло возникнуть вторично. Хотя не исключено, что топоним несколько сместился — южнее или севернее. Стеллер видел

в Усах некую пространственную границу: то, что находилось за ними, считалось удалённым. Станюкович не комментирует происхождение топонима, но можно включить фантазию и представить, что в бухте были найдены китовые пластины — такие «усы» были по тем временам довольно востребованным материалом. Либо это как-то связано с усами такелажными — изогнутыми наделками в виде рогов, крепящимися к пятке гафеля и охватывающими с двух сторон мачту. Также усами называли концы веревки, на которую посажена сеть. Какого рода «усы» были в бухте и почему топоним сохранился до наших дней, остаётся загадкой.

В рассматриваемой версии «Дневника» Стеллера мыс Манати не описывается, между тем, это название было дано именно командой Беринга: «...а от южного мыса, который от нас назван кап Манат, то есть морских коров», — писал в своём журнале Софрон Хитрово. Мыс обозначен как Камень Манати на «Генеральной карте» 1746 г.

Ещё один несохранившийся топоним — это бухта Стеллера: «5 апреля... отправились на промысел на юг... Набрёл на очень широкую, просторную пещеру в скале... не страдая от дыма, который уходил вверх в узкую расселину над нами... Впоследствии пещера и бухта были названы моим именем, потому что были открыты моей артелью». Загадка уже много лет будоражит умы островитян. Очевидно, указанная пещера была разрушена землетрясением — облик береговой линии меняется постоянно и довольно ощутимо благодаря подвижкам Командорской микроплиты. Вне сомнения, бухта находится близ современной Лисинской. Возможно, речь идёт о бухте Бобровой — Л. М. Пасенюк описывал небольшую сквозную пещеру близ Бобровых камней на южной оконечности бухты. Исторический парадокс заключается в том, что впоследствии именем Стеллера была названа самая высокая гора острова, природная арка, и даже речку Гаванскую, самую полноводную на острове, записывали как Стеллеровскую. Но бухта, непосредственно связанная с именем натуралиста, так и не была выявлена. Последним специалистом, ведшим поиски в данном направлении, была Г. Н. Чуян.

Во второй половине XVIII в. возникли ещё два топонима, представляющих несомненный исторический интерес — бухта Басова и бухта Низовцова (Низовцева). Оба указывают на места стоянок промысловых партий и оба в скором времени были утрачены. Сложность определения местоположения объектов в данном случае заключается в том, что бухты переименовывались в зависимости

от социального статуса и благополучия их эксплуататоров. В отчёте Емельяна Басова о походе 1745—1746 гг. мы находим следующие строки: «...в трети его [Беринга] от западного края обыскали постоянную гавань; там судно ввели в речку, а на берегу построили юрту». По указанному расстоянию до Северо-Западного мыса и другим приведённым в отчёте описаниям в гавани легко узнаётся современный Никольский рейд. Эту версию подтвердили изыскания Г. Н. Чуян, изучавшей «План Гавани басовской западной стороны командорского острова». На рисунке-схеме, скопированной с подлинника штурманом Михайло Кулаковым (год не указан), хорошо узнаваемы современный Входной риф, устье реки Гаванской, острова Топорков и Арий Камень, а также кекур Орлов Камень. Подобных береговых очертаний на острове больше нигде не найти.

В то же время во второй рукописи А. Полоносского приводятся следующие строки: «На юго-западе два места удобныя только для плоскодонных судов, какия были промысловыя, одно, Низовцова гавань, в двенадцати милях от северо-западного конца острова и другое, недалеко от юго-восточного мыса, Басовская гавань; в обеих гаванях промысловыя суда вводились для отстоя на зиму в речки. Низовцова гавань (с 1751 г.) удобнее Басовской по безопасности отстоя судов в озере, из которого выходит самая большая на острове речка, протекающая до полутора версты, и устье которой заметно с моря по Топоркову островку, находящемуся на юге от него в двух с половиной милях». Из описания следует, что с 1751 г. гавань Басовская (современный Никольский рейд) была переименована в гавань Низовцова. Этот факт легко объясним. Положение Басова пошатнулось после похода 1745—1746 гг. С этого момента в компании начались раздоры: Басов жаловался на команду, промышленники обвиняли Басова в произвольном распоряжении добычей.

По возвращении на Камчатку недовольные отказались от участия в компании и продали свои паи. Скандал был настолько громким, что бывшие компаньоны пригрозили Басову «в отмщенье за прежния обиды, притеснения и обманы, изгнанием его с островов, где только его застанут». Не увенчались успехом и усилия Басова в описании обнаруженного в 1747 г. месторождения меди. Положение с каждым годом ухудшалось. Пытаясь исправить сложившуюся ситуацию, Басов не пошёл в поход 1749—1750 гг. и передал полномочия своему доверенному, мореходу Дмитрию Наквасину. К лету 1750 г. шитик «Св. Пётр» полностью перешёл во владение Н. М. Трапезникова, и мнение Басова перестало играть

ведущую роль. Последние надежды рухнули с крушением суденышка возле берегов острова Атту. К 1755 г. Басов дошёл до такой крайней степени нищеты, что незадолго до Рождества Христова собрал имевшиеся медные и оловянные обломки и отлил четыре фальшивых рубля и восемь полтинников. Обман в скором времени был раскрыт, и жизнь сибирского казака закончилась в кандалах на Нерчинских заводах.

Однако причиной переименования самой удобной на острове Беринга бухты послужила отнюдь не судимость первопроходца. В 1749—1750 гг. одновременно с шитиком «Св. Пётр» компании Басова на Командорах зимовал «Св. Борис и Глеб» купца Никифора Трапезникова. Возглавляемый Наквасиным «Св. Пётр» промышлял на Медном, а «Св. Борис и Глеб» какое-то время отстаивался на Беринга. Принимал ли казак Григорий Низовцев личное участие в данном походе неизвестно — в отчётах он указан как один из компаньонов. По возвращении на Камчатку Низовцев перешёл в компанию Югова и занял должность морехода отстроенного в 1750 г. бота «Св. Иоанн».

Компания иркутского купца Емельяна Югова была на особом счету: в отличие от всех остальных с 28 января 1748 г. она имела официальное разрешение Сената на ведение промыслов на обоих Командорских островах. Дело в том, что с подачи Басова 5 августа 1747 г. вышел запрет Большерецкой канцелярии производить промыслы на острове Беринга, а с 11 августа 1751 г. запрет распространился и на остров Медный. Но так как во время похода 1751—1754 гг. Югов умер, старшим остался Низовцев. Легко догадаться, что в качестве базы мореход избрал самую удобную бухту острова. Именно поэтому с 1751 г. бухта стала носить его имя.

Куда же «переместилась» Басовская гавань? Мы знаем, что бухту следует искать недалеко от мыса Манати на юго-западной стороне острова, и что в неё впадает речка, в которую можно завести плоскодонное судно. Ещё одно описание двух удобных бухт дано у С. П. Крашенинникова: «...есть два места, которыми в плоскодонных судах, каковы щерботы, нетокмо к берегу, но и в озера истоками их заходить можно. Первое место верстах в пятидесяти, а другое во ста пятнадцати от южно-восточной изголови острова».

«Другое» место — современный Никольский рейд, ниже в тексте приводится более точное его описание. А вот «первым» может быть только Перешеек — хотя расстояния указаны неточно, можно рассчитать пропорциональные соотношения, и мы выходим на эти координаты. Другое указание на Перешеек дано в журнале

Софрона Хитрово: «Судну такому, которое ходит глубиною фут пять или шесть... Только в одном месте против жилья нашего на другой стороне найдено одно озеро, из которого в море есть устье, и по глубине того устья и озера, как мы видели, можно б такому судну в полную воду войти в него и стоять чрез зиму спокойно, только весьма того опасно, понеже всякой год устье того озера замыкает песком и делает весною в том же или в другом месте устья».

Таким образом, два свидетельства указывают на бухту Перешеек. Однако сильно смущают три момента: во-первых, на старых картах побережье близ указанного озера прописано слишком неточно, во-вторых, короткую протоку, соединяющую озеро с океаном с трудом можно назвать речкой, в-третьих, привлекательная для промысловиков бобровая залежка находилась значительно южнее. В то же время почти на всех картах указано озеро Лисинское, в которое также можно было ввести судно, где есть речка, к тому же мощные залежки ценного пушного зверя располагались совсем недалеко (на карте Дыбовского озеро подписано как Перешеек, но изображено на месте Лисинского или Серебренникова). Таким образом, на бухту Басовскую остаются два кандидата: Перешеек и Лисинская.

Третья популярная бухточка, известная сейчас как Старая Гавань, очевидно, была востребована в меньшей степени, по крайней мере, в зимнее время. Не имея в наличии ранних схем острова, сложно проследить, как именно она эксплуатировалась и имела ли другие названия. Единственное, что можно утверждать наверняка, топоним появился не позднее конца XVIII в: «Из них старая гавань промышленных — на восточной стороне острова, небольшое, сажень на восемьдесят, углубление, от которого в обе стороны тянутся мили на полторы в море обсыхающие лайды».

Остров Медный. Главным источником при анализе ранних топонимов острова Медного служит карта Петра Яковлева, составленная в 1758 г. в Якутске. При составлении маркшейдер руководствовался путевыми заметками похода 1754—1755 гг., и всё же она получилась неточной. Общие очертания береговой линии острова весьма недурны для тех лет, но при ближайшем рассмотрении видно, что одни бухты легко узнаваемы, несмотря на искаженные пропорции, а другие не узнаваемы вовсе. То же самое касается топонимов. Создается ощущение, что автор-составитель посещал далеко не все указанные точки и многие участки наносил на основании опросной, весьма сомнительной информации. Это легко объяснимо, так как из рапорта следует, что зимовку, то

есть большую часть времени, Яковлев провел на острове Беринга, в гавани Низовцева. Оправданием для подобного решения послужил предлог, что на Медном не осталось «коров (морских. — *Н. Т.*) для пропитания», на деле же, по всей видимости, интерес похода заключался не столько в изучении месторождения меди и составлении карты, сколько в добыче пушнины. Найти пропитание на Медном не составило бы труда, а вот популяция морских бобров к тому времени, действительно, изрядно поредела.

В результате краткосрочного пребывания на Медном Яковлев детально обследовал северо-западную оконечность острова, а также довольно точно нанес контуры северной и центральной части северо-восточного побережья. Бухта Колесовская соответствует современному топониму Песчаная (на карте надпись расположена несколько выше (севернее) мыса Песчаного). В бухту впадает речка Колесовка, современная Песчанка. Колесов был одним из соучредителей (пайщиков) похода шитика «Св. Симеон и Анна» компании купца Рыбинского, промышлявшего в 1747—1749 гг. на острове Медном. 21 августа 1750 г., во время следующего похода (1750—1752 гг.), шитик разбился у берегов того же острова. В первом случае передовщиком (ответственным за промыслы) был Даниил Соснин, во втором — Андрей Всевидов, мореходы — Бутин и Воробьёв; принимал ли Колесов непосредственное участие в походах, неизвестно, по всей видимости, да. Можно предположить, что судно промышляло или имело зимовье на этом участке, вероятнее всего, это был промысловый участок Колесова. Не исключено, что с бухтой связано крушение шитика и строительство нового.

Бухта Басовская соответствует современной гавани Преображенской, в неё впадает речка Басовка. Этот топоним требует дополнительного пояснения, оно будет приведено ниже. Петровская бухта соответствует современной Жировой (Жировской): её легко узнать по озеру, в которое впадает речка Петровская. Современное название речки — Быстрая. Рыбная бухта соответствует современной Гладковской. В озеро впадает речка Рыбка, сегодня — Озерная. Надо отдать должное, первоначальные название гораздо больше подходит участку, изобилующему рыбой, нежели обезличенные «Гладковская» и «Озерная». Дальше начинаются несоответствия: бухта Песчаная может соответствовать современной бухте Корабельной, хотя не исключено, что это Никольская или даже бухта Ожидания. В пользу последней говорит обозначенное близ устья озеро.

Бухта при Якутской юрте — вероятнее всего, современная бухта Глинка. Она узнаваема по речке, имеющей V-образное разветвление

в среднем течении. Кроме того, было бы очень странно, если этот удобный во всех отношениях промысловый участок оказался неосвоенным. На карте Яковлева речка называется Якутска(я). Близ устья по правому борту установлен православный крест. Несколько южнее в ту же бухту впадает речка Дектерева — это может быть безымянный ручей, протекающий через приметную неширокую долину с голубыми глинистыми бортами.

Не совсем понятно, почему на карте Яковлева неясно выражен мыс Чёрный и что подразумевается под «Кекурником» — группе из шести островков-останцов (кекуров).

Единственное, что не вызывает сомнений в южной части острова, это Островской перешеек — самая узкая часть острова. Это один из немногих топонимов, сохранивших старое название: сегодня из участка, как и прежде, называется Перешеек Островной.

Труднодоступное западное побережье острова Медного изображено настолько недостоверно, что остается только теряться в догадках. Участок, «где песок серной находится», может соответствовать бухте Собачья Дыра, или тому, что в народе называют Запалата; первая (южная) Фролова бухта — бухте Западной; Песчаная бухта с впадающей речкой Дикой — бухте Серёдка; вторая (северная) Фролова бухта — бухте Сенькина, а Всевидовская Гавань (надпись напечатана неразборчиво) — Первой Солдатской бухте. Топонимы вызывают много вопросов. Довольно странно, что указано сразу две бухты Фролова. Известно об одном монастырском, имевшем паи во второй компании Басова (поход 1745—1746 гг.). Большую часть времени шитик провел на острове Беринга, но дважды подходил к Медному, во время первой высадки «в верхнем конце к изголовью» был установлен крест. Ходил ли Фролов в другие походы, неизвестно.

Этот же или другой, однофамилец Фролов (устюжанин) участвовал в злополучной компании Ивана Красильникова 1754—1758 гг. История отстроенного в 1753 г. гукора «Св. Пётр» настолько трагична, что вполне заслуживает быть увековеченной на карте. Другой вопрос, знал о ней маркшейдер? Яковлев мог слышать о неудачном начале похода и крушении гукора у берегов Медного 14 октября 1754 г. Не исключено, что весной 1755 г. он лично встречался с членами команды — такая возможность была. С другой стороны, до него могли дойти слухи о дальнейшей судьбе «Св. Петра»: исправив судно, команда отправилась к Алеутским островам, но «из-за многолюдства» побоялась на них высаживаться. На обратном пути 2 ноября 1755 г. гукор выбросило во время шторма на

берег того же острова и разбило до основания. На этом злоключении не закончились: 29 декабря «полной водой» смыло весь спасённый скарб, собранный непосильным трудом выбросной лес и даже барабору (землянку). За время работ трое членов экипажа утонули, один умер от голода, остальные вернулись на Камчатку в 1756—1757 гг. на судах других компаний.

Отличительной чертой западного побережья является то, что на нём нет ни одной удобной бухты, тем более такой, которую можно было бы назвать гаванью. В связи с этим удивляет наличие «Всеvidовской гавани» в трети от северо-западной оконечности острова. В разделе рукописи Полонского, касающейся похода шитика «Св. Симеон и Анна» компании Ивана Рыбинского (1747—1749 гг.), даётся очень точное описание промыслового участка: «Шитик введён в гавань на северо-восточной стороне острова, где он простоял спокойно два года», далее следует примечание: «Гавань с того времени носит название Всеvidова, от имени Тотемскаго купца Андрея Всеvidова, прикащика Рыбинскаго, который за отсутствием хозяина, правил его делами в Сибири и отправлял суда на промысла. Самая компания обыкновенно называлась Всеvidовскою».

В данном случае передовщиком был Даниил Соснин, мореходом — шкипер Иван Бутин; Всеvidов исполнял обязанности приказчика и не принимал непосредственного участия в походе. Зато в следующем походе «Св. Сименона и Анны» (1750—1752 гг.) он был передовщиком. После двухнедельного плавания к Алеутским островам шитик подошёл к Медному, где потерпел крушение. Из описания видно, что речь идёт о современной Преображенской гавани, обозначенной на карте Яковлева как бухта Басовская. Если предположить, что Басовская — на самом деле Всеvidовская, становится понятным, почему рядом расположена бухта Колесовская. Второе исчерпывающее описание гавани приводится в другой рукописи Полонского: «На северо-западной стороне, в десяти милях от северо-восточной оконечности острова залив, лучшим указателем котораго служит Снежная гора и в нём Всеvidова Гавань (1747 г.) в широте $54^{\circ}47'5''$ ». В тексте допущена неточность — на острове нет северо-западного побережья, есть северо-восточное и юго-западное, но ориентир «Снежная гора» (ныне гора Гаванская) вполне узнаваем, а указанная широта полностью развеивает сомнения.

Возникает вопрос: при чем тут Басов? Проблема имеет как минимум два аспекта: с одной стороны, первооткрыватель бухты всё же Басов, а не Всеvidов. Во время похода 1745—1746 гг. команда

Басова ещё не знала об этом участке и «по неимению гавани, [стояла] на якоре»; зато в 1747 г. во время поисков меди «прибылою водою шитик выбросило на берег и повредило... Рабочие построили прежде елбот и отправились на нём собирать по берегу приносимый морем лес на исправление шитика. Исправленное судно поставлено в найденной на *N* стороне острова гавани». Очевидно, речь идёт именно об этой. С другой стороны, Яковлев не мог не чувствовать угрызений совести за то, что так жестоко обошёлся с Басовым, не взяв его в поход и по сути тем самым подписав ему смертный приговор: чтобы накормить семью отставной сержант был вынужден стать фальшивомонетчиком, за что в 1756 г. и был осуждён. По всей видимости, на момент составления карты скандал получил широкую огласку.

Таким образом, из всей насыщенной событиями истории XVIII в. до нас дошло всего лишь три топонима: Островной перешеек (остров Медный), Усы и мыс Манати (остров Беринга). Прочие названия, связанные с именами русских промышленников, были утрачены.

Топонимы времён Российско-Американской компании

Первая половина и середина XIX в. дополнили картографические материалы замечательными топографическими и гидрографическими съёмками, но образование топонимов для не имевших аборигенного населения Командорских островов было минимальным. На самой ранней карте Ф. П. Литке, составленной, предположительно, непосредственно после кругосветной экспедиции на шлюпе «Камчатка» 1817—1819 гг., не обозначено ни одного. И это совершенно естественно, так как на тот момент на островах в лучшем случае робинзонила небольшая группа промысловиков. Не слишком уверенно Суворов пишет: «По-видимому, уже с 1819 г. существовали на островах временные поселения промышленников — пятнадцать человек на Медном (на Палате) и тридцать на Беринге (в Старой Гавани, близ современного Никольского и на Саранной. — *Н. Т.*)». На те же сорок пять человек указывает Литке: «В 1825 г. на острове Беринга было сорок пять жителей, а остров Медный был ещё безлюден».

На заверенной Литке «Плоской карте части острова Беринга 1827» сочинения лейтенанта Завалишина появляются первые названия. Отмечена Гавань, точнее место небольшого поселения при гавани, в настоящее время этот участок называют «Нижним

посёлком» села Никольского. В течение более полувека понятие «Гавань» выступало в роли самостоятельного топонима; расположенное на берегу селение также называлось Гаванью, или Гаванским — своё официальное название Никольское получило только в 1883—1885 гг.; Гаванскими остались река и озеро. Напротив селения изображён один из двух остров — Сивучей камень (в скобках — Новый), его легко распознать по двум обозначенным вершинам. Современное название острова — Арий Камень, впервые топоним встречается на карте Тебенькова (1852 г.), с этого момента и до конца XIX в. на картах нередко присутствуют оба названия (см. ниже). Современный мыс Юшина (Северное лежбище) обозначен как мыс Тонкий. По левому борту речки Саранной близ устья имеются жилища, но ни речка, ни бухта не подписаны, а на месте крупнейшего озера возвышается двуглавая сопка.

Сохранился «План гавани и бухты при острове Медном», составленный мореходом бота «Сивуч» Ингестромом, прочие карты были утрачены (существовал также план бухты при острове Беринга). Штурман Андрей Иванович Ингрстром (Eric Anders Johansson) посещал Командорские острова в начале лета 1830 г., подробнее поход описан в «Записках» священника Иакова Нецветова. На плане изображена Преображенская гавань: группа скал перед входом в бухту подписаны «Брек ватер», а протекающая через селение речка (совр. Гаванская) — «ручей Стикс». Очевидно, столь экзотическое название дали реке не жители селища, среди которых подавляющее большинство составляли вывезенные недавно с острова Атту алеуты, и не их начальник — иркутский мещанин Иван Курмачев, а некто на судне. Дело в том, что по левому борту речушки располагалось селение, по правому — кладбище. Таким образом, чтобы попасть в «царство мертвых» было достаточно перейти ручей. Больше этот топоним не встречается нигде, а название «Брек ватер» со временем перешло в разряд нарицательных.

На составленной в 1848 г. «Меркаторской карте Восточного океана и Берингова моря» обозначено два селения РАК: одно — на месте современного Никольского, второе — в районе бухты Гладковской (остров Медный). Расположение второго на общей карте, вероятнее всего, ошибочно: здесь же приведён «План бухты на *N* стороне» с селением по Ингестрему, то есть будущее Преображенское. Кроме селения, для острова Медного отмечена только группа скал «Брек ватер», других обозначений нет. На Беринге обозначены: мыс Юшин (находится на «своём» месте) и мыс Ваксель (первые); вместо озера Саранного по-прежнему

возвышается сопка. Напротив селения лежат острова Топорков и Сивучий.

Наиболее информативным, вне всякого сомнения, является «План Командорских островов» Тебенкова (1852 г.):

Остров Беринга нанесён на карту более детально и содержит большее число топонимов. Современным названиям соответствуют: намывной песчаный мыс Северо-Западный, обозначенный у Тебенкова как *NW* (Низменный); мыс Юшина — Юшин (*N*); мыс Вакселя — *NO* (Вакселя); мыс Манати — Южный Край (Кап Манати); не изменился топоним Старая Гавань. Мыс Риф соответствует современному Входному Рифу. Мыс Толстый, обозначенный как Толстый (Хитрова), со временем утратил второе название. Не вполне понятно, что именно на карте Тебенкова подразумевается под мысом Перешеечным — территориально обозначение соответствует современному Перешейку (в широком смысле), в то же время, мыс Островной имеет собственное название (на копии слабо читаем, по всей видимости, «Столб»).

Несколько географических объектов утратили прежние названия. Бухта Дровяная стала называться Перегребной, появлением нового топонима остров обязан публикации Гребницкого (1882 г.). Саранное обозначено у Тебенкова как озеро Федосьи, такое же название приводится на карте 1893 г., на всех остальных, в том числе у Гребницкого (1882 г.) и Дыбовского (1885 г.) озеро называется Саранным. Примечательно, что бухта Саранная упоминается ещё в 1834 г. в записках Иакова Нецветова. В окрестностях озера в достаточном количестве произрастает рябчик камчатский, или саранка (*Fritillaria camschatcensis*), клубнями которого питалось население. Если учесть, что изобилующее рыбой озеро было обнаружено еще в 1745 г. казаком Расторгуевым, логично предположить, что имелись и другие названия. В то же время топоним «Саранное» был очень распространен на территории Русской Америки: островок у берегов Аляски, бухты на островах Акутан, Атка, Атту.

Мыс Лежбищный территориально соответствует современному Казарменному, топоним был утрачен в связи с деградацией и последующим исчезновением некогда крупного котикового лежбища.

Остров Медный на карте Тебенкова изображён менее точно и содержит только несколько топонимов. «*NW* Конец» сегодня называется мысом Сулковского. Селение Гавань с сентября 1881 г. официально переименовано в село Преображенское. Не изменили названия: мыс Южный Камень (совр. Южный) и мыс Чёрный.

Таким образом, в период РАК на картах появились сохранившиеся до настоящего времени топонимы, посвященные в первую очередь членам команды Второй Камчатской экспедиции: Юшин, Ваксель, Хитров. При этом размещение объектов носит спонтанный, чисто символический характер и никак не связано с особенностями освоения острова в 1741—1742 гг. К примеру, из дневников Стеллера следует, что мыс Вакселя открыл Юшин, а к мысу Юшина ходил Алексей Иванов (60). Остальные топонимы середины XIX в. отражают в основном геофизические особенности местности (Риф, Северо-Западный, Перешеек, камень Подводный, камень Половинчатый) или характер эксплуатации (Камень Арий (Сивучий), Топорков, Дровяная, Старая Гавань).

Формирование современных топонимов

Основная часть современных топонимов сформировалась в конце XIX в., последующие дополнения были незначительными. Проведенный анализ показал, что подавляющее большинство укоренившихся названий было впервые нанесено на карту острова Медного управляющим Командорскими островами Николаем Гребницким (1882 г.), в то время как на карту острова Беринга — окружным врачом Бенедиктом Дыбовским (1885 г.). Одновременно с Дыбовским некоторые топонимы опубликовал в публицистической статье «Под парусом вокруг острова Беринга» Леонард Стейнегер. Примечательно, что оба автора впервые использовали не только русские, но и алеутские названия, но лишь один из них — Б. Дыбовский — посвятил топонимике отдельный раздел своей монографии.

Учитывая исследовательскую скрупулезность обоих приезжих учёных, работавших не столько с чиновниками, сколько с алеутским населением, а также высокий уровень соответствия опубликованным ранее данным управляющего, можно сделать вывод, что большая часть приведённых топонимов, действительно, бытовала на островах в указанный период и не была сочинена искусственно. В то же время малый процент алеутских слов может свидетельствовать либо об укоренившейся традиции (первые переселенцы были русские), либо, что более вероятно, о существовании множественных параллельных обозначений на русском и алеутском языках. Такой разброс является нормальным и ожидаемым для недавно освоенной территории: первая группа алеутов была завезена на Командоры всего лишь за шестьдесят лет до составления

рассматриваемых карт (около 1823 г.). Ранее на островах робинзонили различные артели русских промышленников. Однозначное доминирование русскоязычных версий обусловлено также и тем, что с первых дней заселения официальным языком являлся русский (приказом 7 сентября 1897 г. запрещено говорить на местных диалектах в лавке и других общественных местах).

К сожалению, в ряде случаев сопоставление географического расположения рассматриваемых объектов было затруднено существенными неточностями в изображении береговых линий. Гребницкий и Дыбовский пользовались картой капитана Зандманна, переснятой и дополненной мичманом Беклемишевым. Стейнегер внес значительные топографические уточнения, но зачастую и этого было недостаточно. Поэтому при рассмотрении редкопосещаемых и труднопроходимых участков речь пойдёт не о полном соответствии современным топонимам, а о просматриваемой тенденции, где в роли географической привязки выступают не координаты, а порядок чередования бухт или мысов.

Островные топонимы можно условно разделить на пять групп:

- отражающие географические и геоморфологические особенности местности;
- указывающие массовые скопления того или иного биологического объекта;
- исторические посвящения;
- обозначающие промысловые участки или место сезонного проживания промысловой семьи;
- названия, отражающие особенности эксплуатации природных ресурсов, а также связанные с конкретными событиями, легендами или несущие некий прикладной смысл.

К *первой группе* будут относиться многочисленные Песчанки (на алеутский манер — Писаных) и Непропуски, имеющиеся на обоих островах. Песчанками (Песчаными) обычно называли песчаные бухты и впадающие в них речки (ручьи). Непропусками — безымянные мысы, венчающие непроходимые или труднопроходимые участки скалистого берега. К этой же категории следует отнести мысы: Тонкий, Толстый, Островной, Северо-Западный, Юго-Восточный; бухты: Большая, Тундровая (Тундряная), Столбовая, Озерная и т. д. Не перечисляя все, остановимся на некоторых наиболее интересных.

Две сопки северной части острова Беринга, долгое время служившие морякам неизменным ориентиром, известны сегодня как Столовые горы. Но в прежние годы они ассоциировались с лодка-

ми: «...среди тундры поднимаются две группы оригинально сложенных невысоких гор, именуемых “Лодками”, действительно напоминающих очертаниями опрокинутые лодки. Три более восточных Лодки, часто называемые Сарановскими, несколько выше, зато две Северновские Лодки обладают столь правильными очертаниями, что представляют типичные Столовые горы». («Сарановскими Лодками» Суворов называет современные Свинные горы). В качестве самостоятельного топонима географическое понятие «столовые горы» было впервые использовано в монографии Дыбовского. Одновременно с этим автор упоминает местное название — «Байдары».

Расположенная неподалеку менее высокая плоская сопка Наковальня, вероятнее всего, получила своё название ещё в период РАК. В пользу этой версии говорит наличие её «тёзки» на карте острова Атка (Алеутские острова) — там до сих пор сохранилось русское название «Naakuvalinax».

К категории ассоциативных также будет отнесён мыс Палата на острове Медном: согласно трактовке Дыбовского, мыс получил своё название благодаря тому, что близлежащие сопки по форме напоминают шатры.

Название одного из мысков на острове Беринга произошло от слова «кондерок» — так по свидетельству местного жителя, уроженца острова Медного, Геннадия Михайловича Яковлева на Командорах называли козырёк у кепки. Действительно, в словаре Даля наряду с прочими приводится следующее толкование: «кондырь» (кур., арх.) — козырёк у фуражки. Более точную и любопытную трактовку мы находим у Дыбовского: «На голову, на капюшон камлеи, алеут надевает тонкий, вырезанный из дерева козырёк, украшенный перьями и усами морских львов, он защищает глаза от солнца, волн и дождя. Козырёк по-алеутски называется “та-ныкйугх” или “чахудах”, русские его называют “кандырок”». Таким образом, на Командорах «кондерком» называли алеутские открытые деревянные шапки, именно это значение имеет слово «chagudax».

Бухта Полуденная приобрела название благодаря простиравшемуся неподалеку некогда многочисленному лежбищу морских котиков. Просуществовавшее до конца XIX в. лежбище называлось Полуденным, или Южным — в противовес Северному, расположенному окрест мыса Юшина. Слово «полуденный» — не что иное, как устаревший синоним понятия «южный», оно нередко встречалось в отчётах о походах первых промысловых партий

второй половины XVIII в. и сохранилось в некоторых языках славянской группы, в частности, польском.

Как указывалось выше, на картах Стейнегера и Дыбовского встречаются топонимы, имеющие алеутские корни. Один из них — Чигачиганакх (Tchigatchiganakh). На современных картах бухта обозначена как Непропусксовая, у Дыбовского — Нерпичная. Местные жители, как правило, называют её по имени впадающей речки — Кислая Капуста: в этом месте на берегу моря часто скапливается гниющая («кислая») морская капуста. «Чиг'анакх» переводится как «речка, ручей, протока». Местная жительница В. Т. Тимошенко, одна из немногих носителей алеутского языка, трактует слово как «бурная речка, во что-то впадающая». Стоит отметить, что близкие топонимы встречаются и на других островах бывшего Атхинского отдела РАК: бухта Chig'anagix' на Атке и Chig'anax'six' — на Атту.

На картах Стейнегера, а вслед за ним и Морозевича появляется ещё один алеутский топоним — бухта Ханна-Эта (Hanna-Eta). Современное обозначение бухты — Озерная, под этим же названием она фигурирует у Дыбовского (Oziernaja). «Ханна-Эта», а точнее «'аним удаа», дословно переводится как «озерная бухта». Такую же трактовку — «бухта с внутренним озером» (Bucht mit Insee) — даёт сам Стейнегер.

В бухту Сладкую, расположенную севернее мыса Пасенюк (совр.), ранее называемого Сладким (1882, 1885 г.), а затем Водопадским (1912 г.), впадает речка с водопадом. У Дыбовского она обозначена как «wodospad Igidhuch». Слово «игидгух» переводится с алеутского как «водопад». Интересно, что близкое по звучанию слово «идигах» переводится как «сладость». Не исключено, что происхождение топонима «Сладкой» связано с неверным переводом алеутского слова.

Бухта Ореховая не связана с орешником — Дыбовский пишет, что берег покрывают мелкие, похожие на орехи, камешки. Топоним впервые встречается на карте Гребницкого (мыс Ореховый).

Во вторую группу войдут различные бухты, мысы и островки, содержащие названия животных: Бобровые, Нерпичьи, Секачиные, Сивучиные, а также Гольцовки, Урильи, Орловые, Глупышинные, Арьи, Говорушечьи, Старичковские и т. д. Бобрами на островах называли морских выдр, или каланов; секач — это взрослый, имеющий собственный гарем, самец морского котика; «урилами» до сих пор называют бакланов, «арами» — кайр; говоря «орёл», подразумевают гнездившихся в прежние годы белоголо-

вых орланов; также обычным и многочисленным был ранее старик обыкновенный.

К этой же группе мы отнесём бухту Мяконькую, названную благодаря обилию в весенние месяцы рыбы-прилипалы — разновидности пинагора (*Aptocyclus ventricosus*). Несколько смущает, что название появилось относительно недавно, прежде бухта называлась Мясниковская (1885 г.).

Старое название одного из участков бухты Большой на острове Беринга — бухта Каюрская (Kajurskaja). Согласно трактовке Дыбовского оно произошло «от птицы, называемой каюрка *Uria columba*, гнездящейся на прибрежных скалах» (совр. чистик тихоокеанский, *Serphus columba kaiurka*). Другое значение слова — проводник при езде на собачьих упряжках. По Берингу передвигались главным образом на упряжках, и самым большим оскорблением было назвать алеута «неграмотным каюром». Название бухты не связано с каюром-погонщиком, а вот птицы — да: «свищут оне как извощики». У слова есть и третье значение. Так в XIX в. называли низшую бесправную категорию работников РАК: калгов (рабов), а позднее — лиц, совершивших проступки. В алеутском языке также есть слово «кауулах'», обозначающее работника РАК.

На острове имеется еще один близкий по звучанию топоним — бухта Каюльская (близ мыса Катерного, южнее бухты Гладковской). Название могло явиться результатом неправильного написания слова «каюр», но более вероятно, это производная алеутского «кайулах'» (см. ниже). С птицами участок едва ли связан — по своим геоморфологическим признакам берег малопригоден для гнездования тихоокеанского чистика.

Если все прочие названия достаточно романтичны, то мыс Сихтын Яры близ бухты Жировой (остров Медный) подчёркивает одну не слишком приятную особенность птичьего базара. Медновскому «сихтис» соответствует беринговского «ситхис» и подразумевает любые экскременты, а также птичье гуано. На медновском диалекте словосочетание звучит «сихтин' йааг,ии» («Дерьмовый мыс», перевод и транскрипция Е. В. Головкин, 2013 г.). Действительно, скалы мыса белы от птичьего помёта. Параллельно с алеутским бытовало русскоязычное название — мыс Говённый (у Морозевича — Gawnaowj). На острове Беринга словом Шутхину (Ситхину) по сей день обозначают один из рыболовных участков в долине Гаванского озера (см. ниже).

Название бухты Таблажанка (ранее также записывалась как Таволжанкина, Тавалажанка, Таблазанка), по мнению Дыбовского,

произошло от слова «таволга». Таволгой, или лабазником, называют растение семейства розоцветных, в нашем случае полутораметровую *Filipendula camtschatica*. Правда, остаётся загадкой, почему Дыбовский относил растение к кустарникам (в то же время указание латинского названия рода — *Spirea* — не оставляет сомнений, что речь идёт именно о лабазнике).

К третьей группе будут относиться в первую очередь топонимы, связанные с историей Второй Камчатской экспедиции. Как было сказано выше, названия мысов Вакселя и Юшина (а также мыса Хитрово, ныне Толстого) появились на картах ещё в период РАК, в то время как бухта Командорская и мыс Командор — в 1885 и 1882 г. соответственно (прежде участок назывался бухтой Беринга, или просто символично отмечалось место крушения и захоронения). Но ни один не был посвящён главному исследователю острова, Георгу Вильгельму Стеллеру. Это упущение с лихвой исправил в конце XIX в. Леонард Стейнегер. Будучи страстным поклонником немецкого натуралиста, Стейнегер наградил именем Стеллера не только самую высокую гору острова Беринга, но также природную арку и даже одну из рек.

Всем, кто посещал остров Беринга, известна протекающая близ села Никольского река Гаванская (Гаванка). Это самая полноводная река Командорских островов, впадающая в наиболее удобную для захода судов бухту. Впервые топоним «Гаванская» встречается в отчёте о походе 1772—1778 гг. бота «Св. Архангел Михаил» компании Холодилова (прежде речка могла называться так же, как и гавань — Басовской, а затем Низовцева). Однако спустя сто лет Гаванка чуть не лишилась своего привычного имени — Стейнегер, вслед за ним Суворов и даже уроженец острова Медного Хабаров называли речку Стеллеровской. Несмотря на приложенные усилия, новый топоним не прижился.

Огибая в 1882 г. остров Беринга на парусной лодке, Стейнегер много рассуждал о невзгодах, выпавших на долю российских мореплавателей. Но больше всего его волновала судьба Георга Стеллера — он не раз представлял себя на месте отважного путешественника. Именно в эти дни исследователя осенила мысль увековечить имя своего кумира. С тех пор самая высокая вершина острова называется горой Стеллера, а самое живописное место, природная арка — Триумфальной аркой Стеллера (Steller's Triumphbogen), сегодня просто Аркой Стеллера. Примечательно, что оба объекта не были в полном смысле безымянными. Старое название арки — Штаны Тетеринова. Унтер-офицер Тетерин испол-

нял должность надзирателя в период межвластия 1868—1871 гг. и был единственным государственным чиновником, препятствовавшим разграблению котиковых лежбищ (со временем старое название трансформировалось в «Тетерины Штаны»). В советское время богатая фантазия жителей «женила» Штаны на горе Беглецов. Горой Беглецов, или Чунохголохтах, раньше называли гору Стеллера (см. ниже).

Со временем на карте появилось имя самого Стейнегера — сегодня так называется вторая по высоте вершина острова Медного (предполагалось назвать самую высокую, но впоследствии оказалось, что соседняя на четырнадцать метров выше).

Как уже говорилось ранее, мыс Манати получил своё название ещё в 1742 г. в честь теперь уже вымершей морской коровы. Морская корова (*Hydrodamalis gigas*) была отнесена Георгом Стеллером к роду *Manates* (ламантины. Слово сохранилось в видовом названии ламантина американского — *Trichechus manatus*), по этой причине члены команды называли животных манатами: «Мы ежедневно могли наблюдать, как прямо против места нашей стоянки в море ходили довольно большие косяки морских коров или манатов». (Среди латинских названий вида, более известного *Rhytina borealis*, приводился также *Manatus Stelleri*). Название южной оконечности острова оказалось настолько экзотичным, что было не понятно не только алеутскому населению, но даже некоторым именитым учёным. Поэтому наряду с официальным бытовали местные. Вот что писал по этому поводу Е. К. Суворов: «Название этого мыса — Манати — совершенно непонятно; такого алеутского слова не существует. Быть может, в этом названии следует видеть искаженное выражение: Танам ангта — конец земли; сами алеуты называют его Танам ктеганга». Дыбовский повторяет алеутскую транскрипцию «танам-анг-та» — «конец земли» как один из вариантов. «Танах'» переводится как «земля, суша, остров», «анг'таа» — конец чего-либо, таким образом, словосочетание могло звучать как «танам ан'таа» (перевод и транскрипция Е. В. Головкин, 2013 г.). Упомянутое Суворовым «танам к'ин'анаа» можно перевести как «холодная земля». Четвёртое название — мыс Сточной — приводится у Стейнегера с единственным пояснением: «Так местные жители называют обозначенный на карте Кап Манати».

Северо-западный мыс острова Медного был переименован в мыс Сулковского в конце XIX в. На карте, прилагающейся к отчёту 1893 г., указано старое название; на карте 1895 г. присутствуют оба;

на карте 1914 г. — только мыс Сулковского. Впрочем, это мало о чём говорит, так как старое название бытует до сих пор, его в своё время приводили и Стейнегер (1896 г.), и Суворов (1912 г.), и даже И. И. Барабаш-Никифоров (1934 г.). В то же время А. И. Черский (1919 г.) указывает мыс Сулковского. Единственный Сулковский, чьё имя связано с Командорами — чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Главного управления Восточной Сибири П. Г. Сулковский, ходивший на клипере «Стрелок» в 1881—1882 гг. в Ледовитый океан и на Командорские острова. Поход в Ледовитый океан был связан с поисками оказавшейся в ледовом плену американской яхты «Жаннетта» экспедиции Д. У. Де-Лонга, которые успехом не увенчались.

Вероятно, десятилетием позже получил своё название один из кекуров близ мыса Жирового на Медном — Камень Ваксмута. Коллежский ассессор Николай Сергеевич служил помощником начальника Командорской округи в 1896 и 1897 г., возможно, и дольше.

Топоним «гора Крепса» фигурирует только на карте Дыбовского, и очень жаль. Торговый агент компании «Гутчинсон Кооль и К°» немец Кребс вместе со своею супругой-креолкой внёс значительный вклад в повышение образования алеутов и овладение ими ремёслами. В частности, он успешно выучил нескольких местных жителей столярному и токарному мастерству. «В честь этого скромного труженика» Дыбовский назвал гору, расположенную севернее поселка (совр. Галечная).

Мыс Гаупта (Китовый) связан с именем Николая Александровича Гаупта, командира канонерской лодки «Отважный» (1890—1893 гг.) и крейсера «Забияка» (1894 г.). В 1894 г. под руководством Гаупта была выполнена съёмка северо-западной части острова Беринга, шлюпочным промером обследован Никольский рейд и акватория севернее и западнее острова Топорка, а также составлен глазомерный план котикового лежбища. Мыс впервые назван именем Гаупта на «Карте северо-западной части острова Беринга» 1896 г. Впрочем, в обиходе мыс и по сей день чаще называют Китовым, в то же время на карте Суворова (1912 г.) указан ещё один топоним — Ворота.

По соседству с мысом Гаупта, несколько севернее, расположен мыс Забияка. Парусно-винтовой крейсер 2-го ранга «Забияка», спущенный на воду в 1878 г., в 1890-х гг. охранял территориальные воды в северо-западной части Тихого океана и погиб под огнем японской артиллерии в Порт-Артуре 12 октября 1904 г.

Топоним впервые встречается на той же карте 1896 г. Прежде мыс называли Хехсага (Дыбовский), или просто Непропуском (Стейнегер, Суворов). В алеутском языке есть два близкие по звучанию слова: «'ихсхал» — что значит горелый и «чах'саг'их'» (chah'sag'ix) — риф, обнажающийся во время отлива, мелководье. Фонетический ряд первого ближе к транскрипции, указанной Дыбовским. В то же время смысловая нагрузка не исключает возможности второго варианта, правда, с оговоркой, что топоним мог относиться не только к мысу Забияка, но и расположенному по соседству мысу Гаупта.

Это не является противоречием, так как дробной разбивки могло попросту не существовать. К примеру, сегодня жители не производят «мыс Гаупта» или «мыс Забияка» — весь этот участок обозначают одним словом «Китовая», нечто подобное могло иметь место и ранее. Дело в том, что мыски расположены рядом и очень популярны у местного населения: риф мыса Гаупта — плоский, легкодоступный, «удобно» обнажающийся, безопасный даже для младенца; риф мыса Забияка — более каменистый, при этом оба изобилуют морскими гидробионтами. Сегодня это основное место сбора мидий, изредка можно найти даже морских ежей. В прежние годы видовое разнообразие и обилие было значительно выше, а объектов сбора было несколько. «Китовый риф» не менее привлекателен, чем риф близ села, это могло найти отражение в устной топонимике.

В 1986 г. на карту острова Беринга южнее бухты Старой Сластной был нанесён мыс Пасенюк в честь писателя и публициста Леонида Михайловича Пасенюка. Леонид Михайлович посвятил Командорам много лет своего творчества. Он автор книг «Берег скупого солнца», «В одиночку на острове Беринга», «Командоры мои и твои», «Иду по Командорам» и других. Предыстория рождения топонима такова: в 1985 г. на заседании секции «История географических знаний» К. А. Шопотов уделил большое внимание роли Л. М. Пасенюка в проведении исторических исследований Командорских островов и предложил назвать безымянный мыс на тот момент мыс на пути в бухту Командор именем «патриота Командор». Руководитель секции Б. П. Полевой поддержал инициативу, и решение заседания было передано в президиум Географического общества СССР. Сам Леонид Михайлович в письме от 21 марта 2011 г. отмечает, что его деятельность никак не связана с означенным мыском, своим открытием он считает проход через грот между бухтами Перешеек и Дикая.

Четвёртая группа. Единично на картах островов встречаются такие понятия, как «шайба» и «одиночка». Оба устаревших термина обозначают дом промыслового ухоя. В XIX в. на территории Русской Америки одиночками называли административные торговые точки, фактории, состоявшие зачастую из одной избы, в которой жил управляющий и служащие. На Командорах понятие трансформировалось в одиночную промысловую избу, обычно небольшого размера. В то же время «шайба» — значит сруб, большая изба. Вероятнее всего, шайбы пришли на смену более ранним полуземляным «казармам». Впервые «шайбу» как составную часть топонима нанёс на карту Дыбовский, там же представлены первые «одиночки» (одиночечные, одиначки).

Шайбы и одиночки приводились исключительно для острова. Беринга: речка Товарищеская Шайба впадает в безымянную бухту, прежде — Шайбу Старогаванскую, или просто Шайбину; другая Шайбовская река впадает в бухту Гольцовку; бухта Старая Одиночка (Буяновская) в конце XIX в. называлась Шайбиной; бухта Старцевская — Шайбой Старцевской; кроме того, стояла Половинная шайба (Шапина Половинная). На карте Дыбовского одиночки встречаются: близ мыса Вакселя, в бухте Передовой, близ речки Водопадной бывшего Полуденного лежбища, Старая Одиночка — близ мыса Тонкого (топоним сохранился). Первоначальные значения слов давно стерлись из памяти, и современные жители могут объяснить название «Товарищеская Шайба» тем, что на открытом участке между ухоями Старогаванским и Буяновским устраивали «каток» и «соревнования».

Топоним Казарма (Казарменный) также появился в связи с ведением пушного промысла. По свидетельству Дыбовского, на границе бывшего Полуденного лежбища между бухтами Гладковская и Старая Одиночка стояла «казарма» — большая полуземлянка (барабора), предназначенная для сезонного проживания промысловой бригады. Другая барабора, Песцовая Казарма (Piescowa kazarmiennaја) располагалась южнее бухты Озерной (совр. Казарма). Термин давно вышел из употребления, и спустя четверть века Суворов для бухты Казарменной близ бывшего лежбища предлагает совершенно иную трактовку: «Высокий утёс, поднимающейся из воды возле берега, издали представляет точную копию гигантской землянки, или юрты, как их там называют; сходство увеличивается тем более, что верх утёса густо зарос травой и кажется наваленным сверху дёрном. Название утёса — Казарма — перешло и к лежащему возле мысу». С утра-

той промыслового участка изменилась и смысловая нагрузка топонима.

Промысловые участки располагались во всех основных бухтах, но связанные с ними имена промысловиков сохранились в единичных случаях. Дело в том, что изба не закреплялась пожизненно и не передавалась в пользование следующему поколению, обычно уходи распределялись на сходе путем жеребьёвки. Тем не менее, на карте можно найти бухты Старцевскую, Мякишевские, Шипицинскую (Шипичинскую, Шепитанскую), Серебрянникова; озера Шангинские, реку и озеро Ладыгинские. Всё это — фамилии местных жителей. Кроме того, на карте можно встретить имена: бухты Ликандровская (Никандрина), Емельяновская, Никитинская, Николка, Марьинская, Васильевская, Гавриловская (устар.), Федоскина (устар. мыс Федюшкин), озеро Федосьи (устар.), мыс Матвея (Матвеевский).

Бухта Серебрянникова, вероятнее всего, связана с именем байдарщика Ивана Серебрен(н)икова, управлявшего островами с 1821 по 1826 г., или его сыновьями, Иваном и Александром, служившими поочередно байдарщиками на Беринга с 1839 по 1841 г., возможно, кем-то из их потомков. О них сведений нет.

Семья Старцевых была очень большой и проживала на Беринге со времен РАК. Также на острове промышляли Шипицыны, в частности, Степан Мефодиевич Шипицын (ок. 1869 г. р.). Суворов утверждал, что последний представитель фамилии умер «совсем недавно», что очень странно, так как на момент написания монографии Степан здравствовал и даже женился в третий раз. В 1817 г. вся семья переселилась на Камчатку в селение Малый Ваям (копия «Посемейного списка № 9 алеутов острова Беринга, переселяющихся в Уку и малый Ваям — 31 марта 1917 г. с. Никольскаго на острове Беринга»). Приходился ли Степану родственником байдарщик Фёдор Шипицын, робинзонивший в 1805—1813 гг. с женой и группой из девяти промышленников (по разным данным число членов группы меняется от десяти до пятнадцати, что объяснимо наличием как минимум одной женщины и детей), сказать сложно. Но об этой колоритной личности стоит упомянуть отдельно: Фёдор был не только видным мужчиной и успешным промысловиком, его по праву можно считать «патриархом» островов, ведь именно он в своё время «требовал от Охотской конторы алеутов для промысла (бобров)». Пожелание было выполнено не позднее 1825 г. Уехала ли семья Шипицына с Командорских островов или осталась — вопрос открытый. Известно лишь, что

история промысла 1805—1813 гг. связана главным образом с островом Медным.

На северном побережье острова Беринга имеется бухта Мякишевская и речка Мякишевская — между бухтами Старогаванской и Буян (на карте Дыбовского расположенная поблизости бухточка называется не Мякишевской, а Мясниковской, сама бухта — Лиственничная). Л. М. Пасенюк считает, что топоним посвящен Николаю Ивановичу Мякишеву по прозвищу Дутр (1994 г. р.). Всё может быть, вот только первая Мякишевская бухта — Мякишевская западная на месте современной Западной — фигурирует на карте уже в 1885 г. Строго говоря, речь может идти о любом из потомков бывшего матроса РАК тюменского крестьянина Георгия Даниловича Мякишева, проживавшего на Беринге с 1840-х по 1855 г. и имевшего детей: Ивана (1835—1859), Андрея (1838 г. р.), вероятно, Александра (ок. 1824—1867), Захара (1829 г. р.), а также дочерей.

Топоним «Ладыгинская» впервые появляется в публикациях Дыбовского и Стейнегера. Интересно замечание Стейнегера о Ладыгинском промысловом ухоже: «В зависимости от щедрости района и размера избы мужчин старше восемнадцати лет... распределяют таким образом, чтобы все имели равные шансы. С целью справедливого распределения охотникам дают тянуть жребий... Причиной того, что Ладыгинская является исключением, стало следующее обстоятельство: согласно патриархально-общинному принципу управления земля является общей собственностью всех жителей острова, поэтому никто из них не имеет права использовать её в собственных интересах. Несмотря на это, несколько особо работающим, запасливым или жадным до наживы удалось обосновать на Ладыгинской речке своего рода хутор. Здесь они вылавливают лосося, заготавливают для себя дрова, выполняют охотничьи обязанности по отлову песцов, короче говоря, ведут себя как полноправные хозяева самого богатого во всех отношениях участка».

Известно, что в 1880-х гг. на месте селища проживала семья Прошевых — память о детских годах сохранили Анна Макаровна (в замужестве Панькова, ок. 1884 г. р.), её сестра Евдокия Макаровна (в замужестве Голодова, ок. 1888 г. р.), их брат Михаил Макарович (ок. 1888 г. р.). Вероятно, здесь же жила семья мужа Анны Макаровны, Александра Моисеевича Панькова (ок. 1878 г. р.). Ранее это должен был быть кто-то из многочисленного семейства Ладыгиных. Известно, что с середины XIX в. на острове Берин-

га проживали: Григорий (1820 г. р.), Никита (1832 г. р.) и Игнатий (1836 г. р.) с семьями, а также их мать Екатерина (1790 г. р.).

Сложнее обстоит дело с бухтой Лисинской. Её прежние названия: Лисенкова (Суворов), Лиссонковая (Стейнегер), Лисонковая или Лисовская (Дыбовский). Очевидно, что топоним никак не связан с лисицами или лесом. В связи с этим можно вспомнить несколько исторических персонажей, чья деятельность могла так или иначе быть связана с Командорами. Прокопий Лисенков (Лисенко) принимал участие в экспедиции М. Д. Левашова — П. К. Креницына, а затем ходил передовщиком на боте «Св. Иоанн Предтеча» (1779—1785 гг.), промышлявшем на Ближних островах. Афанасий Лисенков участвовал в экспедиции Шелихова 1783 г. Вероятно, были и иные Лисенковы — родственники или крестники. Носители созвучной фамилии — Лестенковы — служили в Атхинском отделе РАК и посещали Командоры. Доподлинно известно, например, что Анастасия Михайловна Лестенкова вышла замуж за командорского креола Алексея Сушкова.

Интересен также топоним Свинные (Свиные) горы. Легко догадаться, что он никак не связан с известными парнокопытными. Речь может идти либо о передовщике Иване Свиньине, промышлявшем на судне «Св. Изосим и Савватий» в 1792—1793 гг. (судно останавливалось на Медном), либо, что более вероятно, о ком-то из рода Свиньинских, служивших в Атхинском отделе в период РАК. Так, известно, что сын Ефима Свиньинского (1831 г. р.) Матфей родился на острове Беринга в 1864 г., и некий Свиньинский «с острова Атхи», очевидно, сам Ефим, проживал на острове в 1882 г. Со временем звучание топонима могло упроститься.

Замещения и искажения в названиях — явление обычное. К примеру, бухта Яковская (от довольно распространённого имени Яков) на острове Беринга, сегодня пишется как Яновская.

Интересна и неоднозначна в плане топонимики труднопроходимая южная оконечность острова Беринга. На данном участке бухты «блуждают», меняясь местами у различных авторов: с восточной стороны это бухточки Эканах (Ikanakh) и Ликандровская (Никандрина, Лекандрина), с западной — Серебрянникова и Голодная. «Ikanakh» впервые появляется на карте Стейнегера (1896 г.). Не вызывает сомнения, что топоним имеет алеутские корни. Самое близкое, практически идентичное по звучанию слово «ик'анах'» переводится как «старуха». На карте Дыбовского бухта подписана «Староречная». Но столь сложное и длинное слово могло фигурировать разве что в отчётах российских чиновников,

в быту должен был использоваться упрощённый вариант. Возможно, с полуофициальным топонимом «Староречная» произошло то же самое, что сегодня происходит с названием бухты Старая Гавань и речки Старогаванской: жители называют оба географических объекта коротко и лаконично — Старуха. Возможно, в конце XIX в. «Старухой» ласково величали обветшавшую промысловую юрташку на юге острова. Что касается Ликандровской, она должна была соответствовать промысловому участку некоего Никандра (к примеру, на Беринге жил Никандр Иванович Степнов (1848 г. р.). Обе бухточки настолько малы и труднодоступны, что перестановка названий неудивительна, тем более что это могут быть части одной истории.

Пятая группа является наиболее интересной и показательной. В неё входят как весьма прозаичные названия, так и интригующие.

Бухты Дубовые (совр. Первая Дровенская на о. Беринга раньше называлась Дубовой) и Сосновые (одна из них — в прошлом Лиственничная) относятся к разряду «Дровяных». В них чаще, чем в других, собирали выбросной лес, плавник. Согласно примечанию Дыбовского, по слухам в районе современной бухты Сивучей близ Первой Дровенской (остров Беринга) на берегу находили дуб. То же самое касается других пород древесины.

Бухта Кишочная (на современных картах — река Кишечная) названа так потому, что раньше алеуты полоскали здесь кишки котиков и сивучей. В дальнейшем очищенный материал использовался для пошива одежды.

Речка Запорная и Ивановский запор близ села Никольского напоминают о популярном в XIX в. способе вылова рыбы: на реке ставился запор — поперечное ограждение из кольев и брёвен, реже — камней. Запоры были одностенные (на небольших речках) и двустенные (на озере Саранном).

Название бухты Линялой впервые фигурирует на карте Дыбовского. Он также приводит алеутский аналог — Чмулилах. «Чн'улил» — значит, «линять». Дыбовский поясняет, что в этом месте «тюлени находятся во время линьки».

В Лощалых (Лощавых) ручьях во время нереста стоит «лощавая» нерка в брачном наряде.

Старое название одного из участков бухты Большой на острове Беринга — бухта Угловая (Ugiowaja, Ugiowskaja). Вероятнее всего, запись сделана ошибочно, правильное писать — Uglowaja (Углёвая), тем более что сам Дыбовский тут же приводит алеутский вариант: «Utki-uda». «Утких'» переводится как «уголь, зола»,

«удаа» — залив, «утхим удаа» — бухта Угольная. Аналогичный топоним — Utxis Udaa — имеется на острове Атка.

По долине речки Перегонной гнали котиков с Полуденного лежбища к забойным площадкам.

Топоним Перегребная впервые появился на карте Гребницкого (1882 г.). С этой точки осуществлялся перегреб через пролив на остров Медный и обратно. Обычно на территории Русской Америки перегребом называли пройденный на гребях (вёслах) морской маршрут длиной в тридцать вёрст. В нашем случае это не тридцать, а более сорока пяти вёрст. Рядом с бухтой расположена Байдарная Пристань.

Г. М. Яковлев считает, что название «мыс Саклов» (Сакал) на Медном может брать начало от русского слова «сак», «сачок»: сачками или чиручами на скалах мыса и прилежащей территории ловили птиц, главным образом глупышей. С другой стороны, близкое по звучанию алеутское слово «саакутил» переводится как «переворачиваться вверх дном» (о лодке). Сказать что-либо определённое в данном случае затруднительно. По-всей видимости, должны быть и другие объяснения.

Мыс Каламак (остров Медный) звучит у Стейнегера как «Куломакх» (Kulomakh). В раннем произношении прослеживается произнесённое на алеутский манер слово «кулёма» — популярная в XVIII—XIX вв. примитивная ловушка давящего типа. Вот что пишет о кулёмах Вениаминов: «Кулемка — называют ловушку, похожую на маленькой шалаш, с трёх сторон загороженный кольями, а сверху, вместо крыши, кладётся бревно или доска, с тяжестию, поддерживаемая небольшими палочками-насторожками; внутрь шалаша кладут наживку, то есть мясо сивучье. Лишь только песец всунет голову внутрь ловушки и начнёт трогать мясо, как тотчас обрушатся на него вся крыша и придавить его». Первое упоминание об использовании кулёмы встречается ещё в отчёте Емельяна Басова о походе 1743—1744 гг. В 1895 г. кулёмы и пасти были официально запрещены как нецелесообразные, портящие шкуру и наносящие урон популяции зверя. С другой стороны, в алеутском языке имеется собственное слово для обозначения орудия промысла — «kulumkix'» (произошедшее от русского «кулёмка»). И есть «kulamaх» (kulamak) — кит; этим словом обозначали гренландского кита *Balaena mysticetus*, а также южного кита *Balaena glacialis* (совр. *Eubalaena japonica*). Оба вида встречаются в акватории Командорских островов. По всей видимости, мы имеем дело ещё с одним «Китовым» мысом.

Топоним Наюшка на острове Беринга произошёл, вероятнее всего, от алеутского слова «найух'» (науух'). Это плавательная конструкция (воздушная подушка) из надутой шкуры котика или мочевого пузыря, горловины или кишок сивуча, крепилась к обоим бортам байдарки или обвивалась (если надувались кишки) вокруг лодки. Найух выполнял функцию швартовых кранцев.

Топонимы Корабельная, Подъёмные, Горелые и т. д. говорят сами за себя, но иные требуют дополнительного пояснения. Современный безымянный подъём в бухте Полуденной (остров Медный) обозначен на карте Суворова как Подъём Погибший, а у Стейнегера — Igitchishaynlakh (у Морозевича — Igacziszajulach, Igaczu-Szajulach). Вот как Суворов описывает его: «От лайды предстояло подняться по крутизне, градусов до семидесяти, футов на сто пятьдесят вверх по ровной скале, чуть изъеденной текущим ручейком, все время придерживаясь его русла. Мокрые сапоги скользят по скале, нет никакого уступа, на который можно было бы опереться ногой...» Это очень сложный, «гиблый» подъём. Е. В. Головкин считает, что топоним связан с алеутским корнем «игит-», обозначающим падение сверху, например, со скалы. В транскрипции Морозевича узнается алеутское слово «игах'хисхайулах», перевести которое можно как «место, где легко упасть». Почти наверняка ка топоним имеет именно эти корни.

Другой близкий топоним — Maczulach — встречается только на карте Морозевича (1903 г.). Современное название мыса — Скальный (северная оконечность острова Медного). С меньшей уверенностью можно утверждать, что это «'мач'хуулах'» — «место, где легко застрять» (между камнями, скалами и т. п.).

Бухта Бабичья на острове Медном, напротив, имеет «бабий», несложный подъём. Именно в таком виде записан топоним немого южнее указанной бухты на карте 1893 г., близ современного мыса Каламак.

В бухте Голодной, по словам Дыбовского, когда-то во время бури голодала целая бригада алеутов.

Бухта, расположенная южнее мыса Федоскина (устар. Федюшкина), получила название в первой половине 1870-х гг., когда на берег выбросило труп кашалота *Physeter macrocephalus*. На современных картах речка сохранила название, а бухта утратила.

Медновский топоним «Венидикт Упал», по словам Г. М. Яковлева, увековечил историю, когда по рассказам стариков, некий Венедикт, собиравший на скале птичьи яйца, сорвался вниз вместе с крупной дерновиной, на которой стоял. По счастливой слу-

чайности насыпь была из мелких камней, а дерновина оказалась крепкой — он упал с большой высоты, но остался цел. Другие подобные случаи заканчивались плачевно. На алеутском языке мыс назывался «Венедикт игаал» (словосочетание записано Г. М. Яковлевым по просьбе автора статьи в 2011 г. Он долго перебирал варианты и остановился на этом), рассказчик переводит фразу как «Венедикт взлетел» (как птица). Единственный Венедикт, запечатленный в метрических книгах — Венедикт (Винидикт) Игнатьевич Бадаев, 1844 г. р., уроженец Беринга, но его дети жили на Медном.

По словам того же Г. Я. Яковлева, южнее мыса Трофимовского расположен «камень», «где Ипат(ий) какого-то зверя застрелил». Этот участок местные жители называли «Ипат калууг,ил» — «Ипат выстрелил». Южнее расположена бухта Стрельбовая, происхождение топонима неясно.

Сохранились и более загадочные топонимы. Согласно местному преданию, на острове Медном в бухте Челяковской близ бывшего Корабельного селища «жили», мистические карлики-челакакан. Челакаках (чалакучах, чалакучинах) — низкорослые человечки, живущие в пещерах и исчезающие при виде людей. По рассказу Кирилла Терентиевича Ладыгина, родившегося и промышлявшего на Корабельной, бухта Чалакусках' расположена севернее современной бухты Водопадной, в том месте, где ниспадает высокий заметный водопад (54°40'44" северной широты). В скалах южнее мыса Корабельного находится скрытая пещерка — «прибежище чалакучах», эту пещерку показывал ему в детстве отец вместе с другими «стариками». То же самое подтверждает на свой манер Г. М. Яковлев: если двигаться по берегу, без учёта непроходимости мест, за Корабельной идёт первая бухточка с небольшим водопадиком, а следом — Чалакусках' с водопадом. В этом месте в 1950-х гг. брала воду китобойная флотилия «Алеут».

Старое название Стеллеровой горы — Чунохголохтах — переводится Суворовым как «гора Беглецов». «Беглецами» на островах называли незнакомых таинственных людей, внезапно возникающих из тумана и исчезающих в никуда. Этих «беглецов» очень боялись, особенно женщины. «Чунуг'улах'» (Chungug'ulax') переводится как «чёрт, нечистая сила», «чунуг'улах'тах'» — «чёртова». На склонах горы берут начало две реки, впадающие в одноименные бухты: Чакаулахтах и Каюльская (немного севернее).

Г. М. Яковлев называет первую речку так же, как и гору «Чунуг'улах'тах'» — «Дьявольская речка». Перевести или каким-то

образом интерпретировать название «Чакаулахтах» никто из старожилов не смог.

Речка Каюльская могла получить название от алеутского «каулах» — так в период РАК называли низшую категорию работников (см. выше), в том числе понесших наказание преступников (правонарушителей). Интересно замечание Е. В. Головки, что слово «кайулах» буквально означает «бессильный», «слабак», «доходяга». Если предположить, что топоним подразумевает именно эту неблагополучную и неблагонадёжную социальную группу, становится понятна почти полностью утраченная к началу XX в. легенда о «беглецах». Но так как на Командорах ни настоящих кайулов, ни «беглецов» не было, а были они на соседних островах бывшего Атхинского промыслового отдела, речь может идти только о привнесённом вместе с переселенцами поверье. Расположенная неподалеку от Полуденного селища, существовавшего до тех пор, пока вёлся промысел на Полуденном (южном) лежбище котиков, высокая, постоянно окутанная туманом гора как нельзя лучше подходила для «прибежища» воображаемых чужаков.

Существует целый ряд топонимов, о происхождении которых остается только догадываться. К примеру, бухта Китовая близ мыса Гаупта у Дыбовского называется Назанимала (Nazanumaia, Nizang). Озеро Шангинское было озером Марфы (Марфиным), а Ладыгинское — Черныхой. Озеро Саранное — озером Федосьи (см. выше). Первая и Вторая Солдатские бухты появились на карте Медного в 1896 г. и не связаны с военными действиями, как того можно было бы ожидать.

Остаётся загадкой происхождение топонима Буян. Он никак не связан с буйством стихий — Дыбовский делает замечание, что на карте Беклемишева мыс записан ошибочно, его правильное название — Боян, мыс Бояновский. В самом деле, алеутский акцент мог легко трансформировать «Боян» в «Буян». Вероятнее всего, название связано с деятельностью корвета «Боян», охранявшего в эти годы межтерриториальные воды.

Острова и кекуры. Официально считается, что Командорский архипелаг насчитывает около пятнадцати островов, среди которых два крупных и два маленьких, остальные представляют собой обнажающиеся во время отлива вершины подводных скал. Также имеются кекуры — небольшие отдельно стоящие высокие скалы и останцы, обычно абразионного происхождения.

О происхождении названий островов Беринга и Медного уже было сказано выше. Прямо напротив села Никольского лежат

два небольших заселённых колониями птиц островка: плоский Топорков (Топорок) и скалистый Арий Камень. Они получили названия в период РАК: Топорков — благодаря крупнейшей монодоминантной колонии топорков (*Lunda cirrhata*), Арий Камень — многоярусному птичьему базару, изобилующими нарядными белогрудыми кайрами (местное название кайры — ара). Судя по сохранившейся информации, Топорков не менял названий, а Арий Камень имел и другие: Новый (1827 г.), Яичный (1827 г.) и Сивучий (с 1827 г. и далее). Такой разброс связан с особенностями природопользования: остров Топорков представляет собой изрытое топорковыми норами невысокое плато — основное место добычи птиц. Топорки употреблялись местными алеутами не только в пищу: из их шкурок шилась одежда — парки, а клювики использовались как декоративный элемент. Неплохо сохранившиеся командорские птичьи парки находятся в фондовых коллекциях Музея антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге и Музея этнографии в Кракове. И хотя на островке также собирали яйца серокрылой чайки и промышленяли тюленей, основным объектом добычи оставался топорок.

На Арьем Камне видовое разнообразие значительно выше. Помимо птиц, больше промысловое значение имела крупная залёжка сивучей, находившаяся здесь же. При этом особенности эксплуатации острова носили чётко выраженный сезонный характер. Вот как это объясняет журналист Галина Санько (1935 г.): «...летом его алеуты зовут Арий-кемень... зимой же Сивучий... смотря по обитателям острова». После образования заповедника «Командорский» в 1993 г. местным жителям было практически полностью запрещено добывать морзверя и собирать яйца на обоих островах. Выделенные участки оказались малопригодны для этих целей, и разрешения выдавались нерегулярно. В результате потребовалось менее десятилетия, чтобы визуальный образ стал доминировать над прикладным аспектом. Официально остров по-прежнему называют Арьим Камнем, хотя молодёжь, как правило, не имеет ни малейшего представления, кто такие «ары». Зато теперь среди местного населения бытует новое название — Задница Великана. Негативный окрас отчасти обусловлен обидой за отчуждение исконно промысловой территории.

Камень Половинный (Половинчатый, Половинка), расположенный между Арьим Камнем и Топорковым, не менял названия с конца XIX в. Он лежит строго посреди пути, и алеутское слово «Алита-на» (Алим танаа) дословно можно перевести как «суша (остров),

лежащая посредине». Аналогичным образом — Ali(m) Tanaa (Ili(m)-tanaa) — ранее назывался остров Яичный (Egg Island) у берегов Атки.

Камень Подводный напротив речки Емельяновской со временем стал Надводным (на карте Стейнегера он указан как Емельяновский камень).

Кекур Орлов Камень близ села Никольского назван так потому, что, согласно легенде, в XIX в. на нём гнездились орлы (белоголовый орлан).

К старым топонимам острова Беринга относится Унгих Камень — это прибрежная скала, расположенная с западной стороны севернее мыса Манати. Так как южная часть острова на старых картах изображена неточно, сложно определить, какому именно островку или мысу соответствует указанный объект. Перевод также вызывает большие затруднения: самое близкое по звучанию слово «унг'их'» (ung'ix') обозначает пах или подмышку («унг'ийях'» — медн. похожее на пах, подмышку). Значение слова мало подходит под описание скалы. Остаётся теряться в догадках.

Останцы и скалы острова Медного невероятно разнообразны. Некоторые из них поднимаются конусом, другие имеют форму столбов, или же вовсе принимают самые причудливые очертания. Большая часть скал носит названия, связанные с их обитателями: Нерпичьи, Сивучьи, Урильи, Арьи и т. д. Наиболее оригинальные очертания имеют группы скал, называемые Бобровыми Камнями. Топоним известен со времён Гребницкого, но каждый исследователь находил в них свои образы. Так, Дыбовский выделял группу скал под названием «Корабль», аргументируя тем, что в определенном ракурсе камни напоминают мачты парусника. Суворов — точную копию сфинкса с обломленной головой, при этом он отмечал, что эффект усиливается, если смотреть с моря. Алеуты называли камни Кагалу Углуки (кагалум ун'луких) — «два пяточных каменных столба (кекура)».

Суворов описывал и другие скалы и пещеры близ села: «Возле самого села Преображенского, под Кекуром, особняком стоит высокая скала — Тизиков Камень; волны выбили в ней значительное углубление, отчего скала кажется несколько наклонённой к морю. Несколько дальше к юго-востоку находится большая, сажень до десяти в длину, Говорушечья пещера. В тихую погоду во время прилива внутрь пещеры можно войти на шлюпке под оглушительный крик говорушек, избравших пещеру своим местопребыванием. Рядом с названной находится маленькая ще-

левидная Гремящая пещера. Набегающая волна сжимает находящейся в трещинах воздух; расширяясь, последний производит громкий звук».

Далеко не все бытовавшие и бытующие названия зафиксированы на карте. Топонимы рождаются и умирают в зависимости от того, насколько активно и каким именно способом эксплуатируются ресурсы данной местности. Наиболее посещаемые участки имеют более богатую топонимику, запустение приводит к утрате целого ряда терминов. В настоящее время на острове Беринга активно осваивается только северная часть острова, южная и центральная отчуждена заповедником. Это нашло отражение в устном творчестве.

Для обозначения южных районов используют официальные топонимы, нанесённые на карту, новых за последние десятилетия не появилось. Совсем иная ситуация с окрестностями села Никольского (с 1970 г. на Командорских островах остался только один населённый пункт). В одной только долине реки Гаванской выделяют не менее пятнадцати объектов. Томатовские ручьи и Томатовские покосы расположены в долине озера Гаванского близ того участка, где ручей Ивановский Запор выходит в долину. Во второй половине 1950-х гг. покос был закреплён за державшим индивидуальное хозяйство Егором Петровичем Томатовым (1927 г. р., приезжий, рабочий Командорского зверосовхоза). Не доезжая Томатовских, недалеко от места, где река Запорная выходит в долину, расположены Березинские покосы — по фамилии братьев Березиных, старшим из которых является Дорофей Семёнович (1946 г. р.).

Между рекой Запорной и Томатовскими ручьями находится участок «Мутная». Ивановскими ручьями называют место впадения река Ивановский Запор в озеро Гаванское, это наиболее посещаемый участок зимней рыбалки. Другой рыболовный участок, Белокаменка, лежит в той же долине по северному борту западнее Ивановских. Между Ивановскими и Белокаменкой расположены ручьи Самовар и Самолов, эти названия употребляют главным образом старожилы. Чуть дальше находятся Ульченковские покосы — бывшие покосы Николая Андреевича Ульченко (1926 г. р., приехал на остров в 1956 г. вместе с семьёй). Участок Шутхину (Шитхина, Ситхину) находится между Томатовскими и Ивановскими ручьями напротив Малой Наковальни, в этом месте протекает ручей Добавочный. «Ситхис» — значит кал; многие местные

жители старшего поколения помнят значение слова и переводят его как «дерьмо» или нечто «дурно пахнущее». Действительно, раньше уровень воды в долине был значительно выше, и сборщицы ягод страдали от зловонных испарений и выходящих болотных газов, кроме того, разлагалась отнерестившаяся рыба. Поселковую свалку в 1980-х гг. также называли ситхинуу.

Сопка Наковальня отмечена ещё в монографии Суворова, а топоним Малая Наковальня нигде официально не фигурирует. Если смотреть со стороны моря, Малая Наковальня расположена прямо за Наковальней. Также на картах не отмечена известная каждому жителю сопка Утюжок, расположенная по левому борту долины.

Ближе к устью на заболоченной низине находится Тинное озеро — часть старицы реки Гаванской. Основную часть старицы называют Кривун.

В долине, напротив поселкового кладбища и огородов, лежит круглое Тухлое (Гнилое) озеро. Озеро называется так потому, что в нём отмачивали солёное мясо морских котиков на корм собакам. Собачники с ездовыми собаками располагались неподалеку на сопке. Тушки бросали прямо в воду и оставляли на несколько дней. Запах стоял соответствующий.

На надпойменной террасе левого борта реки Гаванской напротив устья реки Запорки расположено Чаячье озеро — место бывшего водозабора, ныне пересыхающее. Небольшое пересыхающее озерцо в центре поселка, ниже освящённого православной церковью родника, раньше было полноводным и носило название Лебединое, сегодня топоним помнят лишь представители самого старшего поколения, остальные называют участок Ключиком или Родником.

Тропы вдоль обоих бортов долины называют «собачками» — раньше здесь ездили собачьи упряжки в зимнее и даже летнее время. Такие же «собачки» есть и в других частях острова, правда, за последние десятилетия они почти полностью заросли.

В районе скалистого Непропуска близ села Никольского выделяют Чертов Палец — узкий проход между скалами, узнаваемый по небольшой пальцеобразной естественной стеле у внутреннего борта прохода. Между речками Гаванской и Каменкой протекает Солдатский ручей: здесь в 1940-х гг. патрулировавшие остров пограничники делали кратковременный привал. Легенда о том, что на этом месте якобы пропал солдат, беспочвенна: подобный инцидент, действительно, имел место, но значительно позже и не был связан с ручьём. Истории с приезжими, даже самые загадочные, редко сохраняются в памяти командорцев.

В устье речки Песчанки (между речками Каменкой и Федоской) на песчаном холме стоит символический крест — в октябре 1997 г. в этом районе при странных обстоятельствах бесследно исчез сотрудник электростанции Сергей Головкин. Однако ни крест, ни участок не получили собственного названия.

В нижнем течении реки Каменки находится участок Григорьевские покосы (покос Аркадия Сергеевича Григорьева, ныне покойного), название бытует последние два десятилетия. Выше по течению расположена «Проволока» — участок старой дороги, действовавшей до того, как была отстроена дорога на Старую Гавань, но это название знакомо немногим.

В долине реки Ладыгинской выделяются несколько участков, связанных со сбором морошки и местами подлёдного лова. «Папироска» расположена вдоль северного борта озера Ладыгинского и подразумевает избу, незамерзающие ручьи и морошечник. Раньше название распространялось на всю долину, и данный конкретный участок с избой был местом «перекура» — кратковременного отдыха на пути от Северного лежбища к посёлку, он расположен как раз в середине пути. Сегодня выделяют также Поперечную — участок с противоположного юго-восточного берега, соединяющегося с Ладыгинским Шангинского озера. Узкий проход между озёрами Шангинским и Воротным называют Воротами.

Интригующе звучит местная поговорка «пойти к цыганам на Манати». О каких «цыганах» в самом труднопроходимом участке южной оконечности острова идёт речь, рассказала местная жительница Вера Терентьевна Тимошенко: «Приехавший на остров в 1955 г. Егор Томатов (1927 г. р.) был человеком добрым, любознательным и энергичным. В скором времени Томатов освоил мастерство каюра и в декабре 1957 г. был направлен в составе выездной бригады на “дальние ухоя” вести зимний промысел песка. В состав бригады входили местные промысловики: Пешков Михаил Иванович (ок. 1924 г. р.) и Степнов Май Михайлович (1929 г. р.). На обратном пути договорились встретиться со “стариками” — Бадаевым Апполинарием Игнатьевичем (1906 г. р.) и Ножиковым Иваном Иосифовичем (1917 г. р.) — на Старой Гавани. Бадаев и Ножиков приехали вовремя, а Томатов задержался на полдня. В те годы с этим было строго — не пришел, значит, что-то случилось. “Старики” давай расспрашивать: “Где был? Что видел?... А цыгане тебе не встретились? — там, на Манати, цыгане толпой, там у них табор”. Весельчак Томатов с удовольствием поддержал розыгрыш: “Когда в другой раз дадут задание,

поеду — обязательно посмотрю». С той поры шутка бытует вот уже более полувека, и если хотят раззадорить или заинтриговать новичка, спрашивают: на Манати ходил? А цыган там видел?»

Процесс формирования топонимов бесконечен. Пока заселены острова, народная фантазия не иссякнет. Однако последнее время прослеживается странная тенденция давать географическим объектам имена, никак не связанные с регионом. Так, 1 декабря 2004 г. было принято постановление о присвоении проливу между Беринга и Медным имени Адмирала Кузнецова. В это время российский флот отмечал столетие со дня рождения Николая Герасимовича, но при всем уважении к заслугам Героя Советского Союза и одного из наиболее выдающихся военачальников Великой Отечественной войны, стоит признать, что ни к Командорам, ни к Камчатке его деятельность не имела прямого отношения. 29 декабря 2004 г. вышло второе постановление — о присвоении двум безымянным вершинам на острове Беринга наименований в память о члене Совета «Интеркосмос» Леониде Андреевиче Кашине и начальнике Главного управления геодезии и картографии СССР Илье Андреевиче Кутузове. Но ни создание сети космической триангуляции, ни использование материалов космических съёмок для создания карт не имеют прямого отношения к тихоокеанским островам. Несмотря на то, что общественность острова единодушно отвергла идею, новые топонимы были официально утверждены. В то же время встречные предложения увековечить имена исторических персонажей, чьи судьбы тесно связаны с Командорами, остались без ответа.

Впрочем, история помнит и более казусные случаи. В двухтомном фолианте «Приключения и путешествия графа Морица Августа Беневского» (1791 г., Лейпциг) знаменитый словацкий путешественник и авантюрист Мауриций (Мориц) Беневский сообщает, что был со своей командой на острове Беринга и залив, в котором стояло его судно, назвал в свою честь бухтой Святого Маврикия (Мауриция). Указанная бухта — ни что иное, как современный Никольский рейд. Название вполне официально запечатлено на карте Морозевича 1903 г.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Library of Congress, Washington (LC). D-59. Ново-Архангельскому Духовному Правлению. Народонаселение на острове Беринг за 1866 г. по 1-е января 1867 г.

2. Алеутский краеведческий музей (АКМ). ГИ 1150/1. Копия с приказа 7 сентября 1897 г. (Запрещение говорить на местных диалектах в лавке и других общественных местах).

3. Архив Русского географического общества (АРГО). Р. 60. Оп. 1. Д. 2. *Полонский А.* Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 г.

4. Архив Музея антропологии и этнографии РАН (МАЭ РАН). ФК. 1. Оп. 2. Д. 1305. Полевые дневники Ляпуновой Р. Г.

5. Государственный архив Камчатского края (ГАКК). Ф. 220. Оп. 1. Метрические ведомости.

6. Там же. Ф. 226. Оп. 1. Д. 2. Местком промышленников о. Беринга, 1923 г.: посемейный список.

7. Российский государственный архив ВМФ (РГАВМФ). Ф. 1331. Оп. 4. Д. 200. Плоская карта части острова Беринга 1827. Сочинение лейтенанта Завалишина.

8. Там же. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 222. Карта северо-западной части острова Беринга. 1896 г.

9. Там же. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 247. План гавани и бухты при о. Медном. Сочинена во время плавания на боте Сивуче мореходом Ингестромом. 1830 г.

10. Там же. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1602. Карта Командорских островов. 1895. С карты 1883 г. по промеру крейсера «Забияка» и транспорта «Якут» в 1893 г.

11. Там же. Ф. 1331. Оп. 7. Д. 1603. Командорские острова. 1914 г.

12. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИАДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 262. Л. 40. Отчёт по командировке в 1893 г. на Командорские острова причисленного к Департаменту торговли и мануфактур Министерства финансов Константина Савича.

13. *Bergsland K.* Aleut Dictionary. — Fairbanks, Alaska: Alaska Native Language Center & University of Alaska Fairbanks, 1994. — 755 p.

14. *Dybowska M.* Zapisane w sniegu, czyli polska wiedza o Kamczatce i sasiednich wyspach. — Wydawnictwo MAAR: Zrealizowano dzieki pomocy finansowej Ministerstwa Kultury I Dziedzictwa Narodowego, 2006.

15. *Dybowski B. J.* Wyspy Komandorskie. Z mapa i 10 fotodrukowanymi tablicami. — Lwow: Z I. Zwiaskowej drukarni we Lwowie, 1885. — 104 s.

16. *Morozewicz J.* Komandory. Studium geograficzno-przyrodnicze. — Warszawa: Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego Instytutu Popierania Nauki, 1925. — IX—XIV. — 230 s.

17. *Stejneger L.* Eine Umsegelung der Berings-Insel // Deutsche Geographische Bltter. Band VIII. Heft 3. — Bremen, Deutschland: Herausgegeben von der Geographischen Gesellschaft in Bremen, 1885. — P. 225—273.

18. *Stejneger L.* The Russian Fur-Seal Islands / Extracted from U. S. Fish Commission Bulletin for 1896. Art. 1. P. 1—148. Pl. 1—66. — Washington: Government Printing Officer, 1896. — 148 p.

19. The Journals of Iakov Netsvetov: the Atkha Years. 1828—1844/ Translated, with Introduction and Supplementary Material by L. Black. — Kingston, Ontario, Canada: The Limestone Press, 1980. — 342 p.
20. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. — Новосибирск: Наука, 2000. — 768 с.
21. Арсеньев В. К. Командорские острова в 1923 году // Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока. — Владивосток, 1923. — С. 420—464.
22. Барабаш-Никифоров И. И. В стране ветров и туманов. — М. : Л., 1934. — 92 с.
23. Барканова Л. А. Достойный сын века Просвещения России — адмирал Алексей Иванович Нагаев // Люди великого долга. Материалы XXVI Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — С. 11—15.
24. Белковский А. Н. Новые сведения о посёлке Полуденного (Южно-го) лежбища острова Беринга // Люди великого долга. Материалы XXVI Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — С. 21—25.
25. Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги Российского купечества. — СПб., 1823. — 170 с.
26. Браславец К. М., Шатунова Л. В. Словарь русского камчатского наречия. — Хабаровск, 1977. — 195 с.
27. Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга / Перепеч. с изд. 1940 г. — Петропавловск-Камчатский, 2011. — С. 407—572.
28. Вакснут Н. С. Заметка о костяке морской коровы (*Manatus Stelleri* — *Stellerus borealis*) / Приамурские ведомости. — 1899, 25 апр. — № 278.
29. Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. — Ч. II. — СПб., 1840. — 409 с.
30. Гаврилов С. В. Вдоль камчатских берегов. (Транспортное и рыбопромышленное освоение охотско-камчатского побережья в конце XIX — первой трети XX вв.). — Петропавловск-Камчатский, 2003. — 567 с.
31. Головкин Е. В. Словарь алеутско-русский и русско-алеутский. — СПб., 1994. — 320 с.
32. Гребницкий Н. А. Записка о Командорских островах // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. — Т. 3, вып. 2. — Иркутск, 1882. — С. 43—125.
33. Гребницкий Н. А. Командорские острова. — СПб., 1902. — 41 с.
34. Гринев А. В. Кто есть кто в истории Русской Америки. — М., 2009. — 672 с.
35. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 1—4. — СПб. : М., 1880—1882.
36. Имена на карте Тихого океана. Режим доступа: http://shturmantof.ru/Bibl/Bibl_4/Bibl_4_4.htm/.
37. Камчатка XVII—XX вв. Историко-географический атлас / Под ред. Н. Д. Жданова и Б. П. Полевого. — М., 1997. — 112 с.
38. Крашенинников С. П. Описание Земли Камчатки. — Т. 1. — СПб. : Петропавловск-Камчатский, 1994. — 438 с.

39. Меновищikov Г. А. Алеутско-русский словарь. — Л., 1967. — 76 с.
40. Пасенюк Л. М. В одиночку на о. Беринга, или Робинзоны и мореходы. — М., 1981. — 144 с.
41. Пасенюк Л. М. Командоры мои и твои. — М., 1989. — 256 с.
42. Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири // Записки ИРГО по отделению статистики. — Т. XI. Вып. I. — СПб., 1911.
43. Пекарский П. П. Архивные разыскания об изображении несуществующего ныне животного *Rhytina borealis* // Записки Императорской Академии наук. — Т. 15, пр. 1. — СПб., 1869. — С. 1—33.
44. Пекарский П. П. Рапорт Петра Яковлева // Записки Императорской Академии наук. Т. 10. Кн. 2. — СПб., 1867. — С.183—186.
45. Редько Б. А. Алеуты Командорских островов // Производительные силы Дальнего Востока. — Вып. 5. — Хабаровск : Владивосток, 1927. — С. 69—112.
46. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова / Под ред. Р. Г. Ляпуновой и С. Г. Федоровой. — Л., 1979. — 280 с.
47. Русско-Японская война 1904—1905 гг. Режим доступа: <http://www.japanrussia.ru/russko-aponskaa-voina-otdelinii-otrad-kreiserov-zakrito-kreiser-i-ranga-34ryrik34-2.html/>.
48. Санько Г. На острове Беринга / Тихоокеанская звезда. — 1935, 2 дек. — № 277.
49. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. — Т. 3, вып. 2. — Иркутск, 1882.
50. Северная энциклопедия. — М., 2004. — 1 200 с.
51. Спасский Г. И. Описание острова Медного / Сибирский вестник. — № 18. — 1822. — С. 281—290.
52. Стеллер Г.-В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741—1742 / Под ред. А. К. Станюковича. — М., 1995. — 224 с.
53. Суворов Е. К. Командорские острова и пушной промысел на них. — СПб., 1912. — 324 с.
54. Татаренкова Н. А. Алеутский район: история административного устройства и геральдической символики// Люди великого долга. Материалы XXVI Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2009. — С. 232—248.
55. Татаренкова Н. А. Командорские острова: местные слова и термины, устаревающие и редко употребляемые понятия // О Камчатке: её пределах и состоянии. Материалы XXIX Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2012. — С. 235—251.
56. Татаренкова Н. А. Ранний этап деятельности миссионера Иакова Нецветова // Материалы V Международных Исторических и Свято-Инокентиевских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2012. — С. 64—71.
57. Татаренкова Н. А. Способы охоты на морскую корову (*Hydrodamalis gigas*) и одна из причин её стремительного вымирания // Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей. Материалы VII

международной научной конференции. — Петропавловск-Камчатский, 2006. — С. 156—159.

58. *Хабаров В. П.* Котиковое хозяйство на Командорских островах. — Л., 1941. — 71 с.

59. *Черский А. И.* Командорский песец // Материалы по изучению рыболовства и пушного промысла на Дальнем Востоке. 1919. — Вып. 1. — Токио, 1920. — С. 60—107.

Автор искренне благодарит местных жителей Геннадия Михайловича Яковлева, Веру Терентьевну Тимошенко, Валентину Михайловну Кияйкину, Кирилла Терентьевича Кадыгина, Ивана Ивановича Вожикова, Юрия Юрьевича Голых; лингвиста Евгения Васильевича Головки, писателя Леонида Михайловича Пасенюка, орнитолога Юрия Борисовича Артюхина, зоолога Евгения Георгиевича Мамаева; за помощь в переводе с польского — Валерию Борисовну Колосову.